

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)
Л92

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Л92 Лэнг Дэвид
Армяне. Народ-созидатель / Пер. с англ.
Е.Ф. Левиной. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. —
350 с. — (Загадки древних цивилизаций).

ISBN 5-9524-0954-7

Дэвид Лэнг, известный английский кавказовед, на основе археологических отчетов и исторических исследований воспроизводит религиозные представления, быт и традиции племен, населявших территорию древней Армении. История армян предстает в этой книге во всем своем величии. Терпение и трудолюбие этого народа, преданность родной земле, сплоченность и жизнелюбие помогли им выживать в невыносимых условиях. Армения дала миру великих подвижников, зодчих, ученых и поэтов.

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2004

ISBN 5-9524-0954-7

АРМЯНЕ

Народ-созидатель

Земля, подобно всякому живому существу, обладает своей особой духовностью, и без родной земли, без тесной связи со своим отечеством невозможно найти себя и свою душу.

Мартiros Сарьян

из гладкости степей, равнин и плоскогорий. К западу Армения постепенно переходит в высокогорья Центральной Анатолии, а ее выход к Черному морю перекрывают на северо-западе Понтийские Альпы и густо поросшие лесами склоны Лазистана. К северу от Армении лежат земли Грузии, избегающие на Большой Кавказский хребет. На востоке путь к берегам Каспийского моря преграждает Азербайджан. Южные оконечности Армении сложным образом переплелись с территориями их извечных противников курдов, чьи исконные земли простираются далеко на юг, в Месопотамию и современный Ирак.

Геологическое строение Армении необычайно интересно и включает в себя элементы большинства фаз истории Земли, от докембрийской и вплоть до четвертичной эпохи. На каком-то этапе вся территория современной Армении находилась под водой, под морем, которое удержалось дольше всего на территории нынешней Аракской долины, в ее средней части. Долгие периоды относительной стабильности прерывались время от времени бурными подвижками земной коры, когда из донных морских отложений, накопленных за миллионы лет, формировались огромные складки и хребты. Эти судороги планеты извлекли из земных глубин огромные количества лавы и горючих продуктов вулканической деятельности.

Согласно теории о дрейфе материков, в четвертичный период шло глобальное перемещение суши с севера к экватору. Это происходило примерно пятьдесят миллионов лет тому назад и привело к образованию громадной опоясывающей складки, протянувшейся от Гималаев на запад к Альпам и горам Атласа в Северной Африке. Небольшой частью этого огромного пояса являются горные системы Тавра и Арарата в Анатолии. Конечные фазы этих великих потрясений привели к отступлению океана, покрывавшего Армению, и череде мощных выбросов скальных пород, экструзии колоссальных горных кражей. Окончательную форму эти кражи приобрели во время неогена, или новочетвертично-

го периода, а именно около 25 миллионов лет тому назад, то есть на относительно современном этапе формирования земной коры, полную эволюцию которой ныне уверенно расписывают на три миллиарда лет. Жестокие землетрясения, которым была подвержена Армения вплоть до сегодняшнего дня, — их кульминацией было опустошительное разрушение Варто, Хыныса и нескольких других городов близ озера Ван в 1966 году — свидетельствуют, что в этом регионе геологические процессы еще не завершились.

Эти процессы привели к тому, что вся Армения и Восточная Анатолия буквально испещрены потухшими вулканами разного возраста. Истекавшие из них в далеком прошлом потоки лавы образовали плоскогорье, лежащее гораздо выше равнин, послуживших им основанием, и создали окаймляющие их гряды меловых холмов. Именно эта лава является источником розового и черного туфа, ставшего характерной чертой армянской архитектуры. Несколько горных хребтов невулканического происхождения, высящихся посреди унылой однотипности вулканических пород, в какой-то мере разнообразят монотонный пейзаж.

Верховья главных рек, берущих начало с Армянского нагорья, иногда петляют среди холмов, иногда протекают по каньонам, прорезающим свой путь сквозь лавовые преграды, иногда обтекают их. В низовьях эти реки текут по глубоким ущельям, особенно там, где им пришлось пробивать себе путь с севера на юг сквозь невулканические горные хребты. Самыми важными из этих рек являются Тигр и Евфрат, с их многочисленными притоками. Все они берут начало в прежней Турецкой Армении и пересекают большие пространства, центром которых является озеро Ван и горы Курдского Тавра.

Самым знаменитым природным символом Армении является гора Арарат, легендарный причал Ноева ковчега. Арарат расположен на полпути между озером Ван, на юго-западе, в Турецкой Армении, и озером Севан, на северо-востоке, в Республике Армения. Северная и во-

сточная стороны горного массива Арарат вздымаются из богатой аллювиальной почвы долины реки Аракс, которая течет там на высоте 3000—2500 футов над уровнем моря. На юго-западе Араратский массив спускается на плато Баязид, находящееся на границе между Ираном и Турцией на высоте 4500 футов над уровнем моря. К северо-западу от Арарата перевал высотой 7000 футов соединяет его с длинной вулканической горной грядой, которая тянется дальше в Малую Азию. Из Араратского горного массива вздымаются два пика, их основания сливаются на высоте 8800 футов, их вершины находятся друг от друга на расстоянии в семь миль. Большой Арарат — это мощная широкоплечая громада, более похожая на купол, чем на конус. Малый Арарат — элегантный пирамидальный конус, ровные крутые, правильные склоны которого сходятся в довольно острый пик. Северный и западный склоны Большого Арарата покрыты сверкающими полями зернистого льда, фирна. На северо-восточной стороне его по дну большого ущелья, устремленного в самое сердце горы, теснится ледник. Линия вечных снегов начинается на необычайно большой высоте примерно 14 000 футов. Это связано с очень скудным количеством выпадающих дождей и восходящими потоками сухого воздуха из долины реки Аракс. И Большой и Малый Арарат сложены из вулканических пород, в основном андезитов и пироксеновых андезитов, с некоторой долей обсидиана. В Средние века склоны у подножия Арарата были покрыты лесами, однако ныне они совершенно наги и суровы.

Сегодня гора Арарат находится в пределах Турецкой Республики. А на территории Республики Армении, к северо-западу от Еревана, горизонт украшает могучий кряж Алагёза (Арагаца). Эта обширная группа потухших вулканов протянулась на сорок миль, к западу от озера Севан до притока Аракса, Арпачая. Над северной оконечностью Аракской долины Алагёз возвышается на 13 410 футов, острые снежные клыки его разрушившегося кратера владеют над этой, русской, стороной Армении. На его нижних склонах находится всемирно

известная Бюраканская астрофизическая обсерватория, которой руководит ученый с мировым именем академик В.А. Амбарцумян.

К другим значительным горам Армении относится и расположенный к югу от Эрзурума могучий Бингёль-Даг, который зовут также «горой тысячи озер». Этот вулканический массив известен еще под названием Бингёль-Кох, или «котел тысячи ключей», так как отсюда берут начало Аракс и главные притоки Евфрата. Его высочайшая вершина поднимается на высоту 10 770 футов. Еще грандиознее вулканический пик Суфан-Даг (14 540 футов), находящийся вблизи северо-западных берегов озера Ван. Огромный потухший кратер его вечно укрыт белым покровом снега и льда, из которых остро торчат громадные скалы давно застывшей лавы. Летом верхние склоны Суфана расцветают лугами трав, незабудок, розовых маргариток, лютиков, колокольчиков и душистого арабиса. Другой древний вулкан, представляющий топографический интерес, — это Нимруд, или Нимруд-Даг (9900 футов), вблизи Татвана на юго-западе от озера Ван. Нимруд-Даг играл важную роль в образовании современной конфигурации этого озера: в далеком прошлом густые потоки лавы, стекавшие из кратера вулкана, перегородили русло Мурат-Су и тем самым позволили ее водам постепенно скопиться за природной вулканической плотной, положив начало прославленному озеру.

Внушительные пики (Боз-Даг, Ала-Даг, Тендюрюк-Даг, Хама-Даг) вкуче с Араратским горным массивом делят Армению на две части: юго-западную Ванскую область (исторический Васпуракан) и северо-восточную, включающую в себя Аракскую равнину, озеро Севан и Карабахский район (историческую Сюнию). Большая часть последней составляет сейчас Республику Армению. Наличие такого природного барьера и, как результат, трудность сообщения сыграли существенную роль в разделении Армении на соперничающие феодальные княжества и осложнили создание независимого Армянского государства. Малый Кавказский хребет, проходя-

ший на северо-западе от озера Севан, стал естественной преградой между культурами гайков (армян) и картвелов (нынешних грузин).

Озеро Ван, игравшее центральную роль в культурной эволюции Урарту во времена Ассирии, лежит на высоте 5640 футов над уровнем моря. Длина его с ост-нордоста до вест-зюйд-веста около 80 миль, а ширина, в самом широком месте между Суфаном и Гевашем, — 35 миль. Оно приблизительно треугольной формы, площадь его — 1460 квадратных миль. Вода его богата карбонатом натрия и неприятна на вкус. С севера и востока озеро окаймлено плодородными пахотными землями, которые теснят по краям вулканические породы. Обработанные земли часто окружают лавовые выбросы. На восточном берегу озера находятся руины древнего города Ван и современного турецкого городка. На востоке озеро Ван питают три реки: Бендимахи, Кара-Су и Хошап. Это сохранившиеся до наших дней верховья рек, которые в древности перегородили каменные глыбы Нимруда. Южный берег озера Ван отличается от остальных берегов тем, что он круто поднимается к водоразделу, который в одном месте отстоит от изрезанной береговой линии всего на три мили. Скалы южного берега состоят из мраморов и аспидных сланцев вместо обычных для этих краев глинистых сланцев, лав и песчаников.

Совсем иной характер имеет озеро Севан, по-турецки называемое Гёкче, то есть «голубое озеро», а в древности известное как Лихнитис. С севера Севан ограничен длинным хребтом, отделяющим Армению от Грузии и Азербайджана. К югу от него простирается вулканическое плато Акманган, которое в некоторых местах поднимается на высоту почти 12 тысяч футов. Само озеро лежит на высоте 6340 футов. Вода в нем сладкая, и в нем водится изумительная на вкус озерная форель, часто называемая «князь-рыбой». Из Севана вытекает только одна река — Занга, или Раздан, в настоящее время перегороженная каскадом гидроэлектростанций, дающих основную часть электроэнергии Республике Армении.

Путешественнику, приближающемуся к Армении с севера, со стороны Тбилиси, с Дилижанского перевала открывается изумительный вид на озеро Севан и окружающие его величественные горы. После пышной зелени деревьев, покрывающих склоны Дилижана, его садов и бурливых ручьев, суровая красота этого пейзажа оставляет неизгладимое впечатление.

Посреди озера Ван и озера Севан на островах находятся монастыри. На юго-восточном краю озера Ван, в двух милях от берега, расположен маленький остров Ахтамар. Там в X веке царь Гагик Аршруни Васпураканский построил свою резиденцию, включавшую в себя дворец, церковь и обширные сады. Великолепная дворцовая церковь воздвигнута и украшена между 915-м и 921 годами. Снаружи ее стены покрыты каменными фризами с изображением разнообразных библейских сцен и светских событий. Эту церковь считают одним из самых ранних и прекраснейших образцов романской церковной архитектуры в византийском мире и вообще в средневековом христианстве. Она предшественница великих соборов романского стиля на Средиземноморье. Вместе с тем в ней явно прослеживаются признаки орнаментов, свойственные Сасанидской Персии и омейядской культуре ислама. На протяжении нескольких столетий Ахтамар был центром независимого армянского католикосата, соперничающего с материнской церковью в Святом Эчмиадзине и Сисе. Однако теперь островные монастыри обезлюдели: монахи давно умерли или разбрелись.

Севанский монастырь располагается на полуострове — до недавнего времени это был остров — в северо-западной оконечности озера. Его основала княгиня Марриам Сюнийская в 874 году. Первоначально монастырь включал в себя три церкви, построенные по традиционному крестово-купольному плану. Два уцелевших храма сложены из черноватого камня. Они посвящены святому Карапету и святым апостолам. Это место является сейчас курортом, и к нему легко добраться из Еревана по современной электрической железной дороге.

Почти две трети территории исторической Армении заняты высокими горами, на вершинах которых лежат вечные снега, двумя большими озерами и множеством ущелий. Так что местности эти практически непригодны для постоянного проживания людей. Армянские равнины обеспечивают жизнь лишь небольшому числу кочевников и их стадам. Хотя суммарная площадь Армении равна Уэльсу и Англии, взятым вместе, население ее никогда не превышало 5—6 миллионов человек. В годы советской власти на территории Республики Армении развились промышленность и современное сельское хозяйство, но Турецкая Армения остается со времен массового уничтожения армян заброшенной и бесплодной.

Для Армении характерны следующие типы почв:

а) светло-коричневая аллювиальная почва Араратской долины и Аракской равнины, расположенных на высоте 2500—4000 футов над уровнем моря. Эта почва богата мергелем, но бедна гумусом. Ее много веков обрабатывали, удобряли и обводняли. Большая часть этих земель занята посевами злаковых и огородных культур, хлопком, садами и виноградниками. Часть этого региона до сих пор представляет собой солончаки и болота;

б) темно-коричневая почва сухих холмистых земель, лежащих на юге на высоте от 1200 до 2500 футов над уровнем моря. Там мы наблюдаем все виды злаков, а также ценные плантации фруктовых деревьев и ореха;

в) черная почва горных районов, занимающих самые высокие уровни Армянского нагорья на высоте от 4500 до 7000 футов и большую часть года покрытых снегом. Земля эта усеяна камнями, но сравнительно легко поддается окультуриванию. За краткий период весны и лета на ней можно выращивать отличные урожаи злаковых культур и овощей;

г) почва высокогорных лугов, покрывающих склоны гор и холмов Армении на высоте от 5000 до 10 000 футов, которые относятся к субальпийской зоне. Почвы

этих крутых изрезанных гористых поверхностей, называемых «яйла», дают разве что сено и кормовые травы, но это очень важно для экономики республики, потому что именно там летом пасутся овцы и прочий скот. То есть эти почвы обеспечивают травами скотоводство, от века бывшее основным занятием кочевавших здесь племен курдов и татар.

Большинство почв Армении сформировалось из обломков лавы, и потому они богаты азотом, калием, фосфатами и другими полезными минералами. Так что самые малообещающие участки, если их удастся оросить, а также очистить от камней, можно превратить в плодородные поля. Однако именно поэтому сельское хозяйство Армении требует больших трудовых усилий. Писатель Гарегин Севунц в беседе с автором этих строк очень верно заметил, что на протяжении многих веков армянам приходилось буквально вырывать свой хлеб у камня.

На большей части территории Армении скудость экономических условий усугубляется суровым горным климатом. На голых равнинах Эрзурума, Карса и Ардагана зимой дуют жестокие леденящие ветры. На севере снегопады каждый год длятся от 50 до 60 дней и в некоторых местах снега не тают в течение семи месяцев. В этих районах, чтобы пережить зиму с ее морозами до 40 градусов ниже нуля, крестьяне с древнейших времен вынуждены зарываться в землю, строя полуподземные дома. Исключением из этого правила является Аракская долина, где зимы мягкие, но зато летом температура поднимается выше 32 градусов Цельсия. Самые благоприятные с климатической точки зрения области Армении — это окрестности озера Ван и лежащие к северу лесистые горы и холмы Зангезура, Лори и Карабаха. Там деревья смягчают своей тенью летнюю жару, а зимой защищают от шквальных ветров.

Растительность Армении так же разнообразна, как ее климат и пейзаж. Леса покрывают лишь одну десятую часть ее территории. Они очень пострадали от беспорядочных вырубок, а пастбища вытоптаны стадами кочев-

ников. В настоящее время в Армении предпринимаются большие усилия по возрождению ее лесов и предотвращению эрозии почвы. Наиболее распространенными породами деревьев являются здесь дуб, бук и граб, которые обычно растут попеременно, часто соседствуя с липой, ясенем и кленом. Также в лесах Армении встречаются платаны и тисы, орех и боярышник, а в северных районах небольшие еловые и сосновые рощицы. Есть там и березовые рощи с зарослями барбариса, дикой смородины, шиповника и рябины. Следует заметить, что в Армении растет множество диких плодов: виноград, груша, яблоня-дичок, вишня, кизил, малина, тернослива, ежевика и мушмула. Ботаники сходятся на том, что, будучи естественным местом обитания винограда, Армения и соседняя с ней Грузия являются, кроме того, родиной многих пород деревьев и кустарников, а также других растений, ныне распространившихся по всей Европе в окультуренном виде.

Даже такая скудная сухая степь, как окрестности разрушенного средневекового города Ани, может доставить богатую добычу натуралисту. Так, например, в 1912 году шведский ботаник д-р Мартин Рикли идентифицировал и описал 37 видов цветов и трав, обнаруженных им вблизи станции Ани Еревано-Тбилисской железной дороги. Его список включал в себя такие растения, как аспарагус, астра, дельфиниум, скабиоза. Дальнейшие поиски на близлежащей равнине Арпачай добавили к нему еще дюжину интересных видов. А в долине Аракса растения по большей части относятся к группе субтропических, как то: табак, хлопок, а также маслина, олеандр и шелковица.

Климатические условия на вулканических пиках, таких, как Арарат, Суфан и Нимруд, позволяют укрепиться там лишь скудной растительности. Рыхлая и пористая вулканическая почва не обеспечивает растения необходимой влагой, отнимает ее. Нижние склоны этих горных вершин покрыты колючим астрагалом и степными травами, привычными к сухой почве. Необработанные земли середины Аракской долины поросли кустар-

ником, а солончаки верблюжьей колючкой и другими подобными ей растениями засушливых зон. На больших высотах располагается зона песчаных степей, где растут полынь, молочай и цветущие бессмертники (гелихризум и ксерантемум). На высоте от 4 до 6 тысяч футов господствуют разные травы и волоснец, а в ущельях, где текут реки, — можжевельник и колючие подушки аканта. Выше 7 тысяч футов почва сплошь каменистая, так что там почти ничего не растет, но встречаются альпийские луга, которые весной необычайно красивы. На этих высотах можно видеть и ряд северных растений из числа устойчивых к жестоким морозам.

Разнообразие пейзажей Армении и ее растительности сопоставимо лишь с разнообразием ее животного мира. Только на территории бывшей Советской Армении отмечено более 454 видов позвоночных животных (зверей, птиц и рыб), 10 тысяч видов насекомых и более тысячи видов беспозвоночных. Позвоночные включают в себя 76 видов млекопитающих, 304 вида птиц, 44 разновидности рептилий, 6 сортов амфибий и 24 вида рыб. В число этих млекопитающих входят насекомоядные, такие, как ежи, кроты, рукокрылые (летучие мыши), хищники (леопарды, пантеры, рыси, дикобразы, гиены, хорьки), несколько видов грызунов, не говоря уже о домашних животных, от лошади до кролика. Часто встречаются там волки и шакалы, а иногда целевшие медведи и барсуки. Когда-то Армения была охотничьим раем, но и теперь, хоть и очень редко, здесь можно повстречать кабанов, косуль, горных козлов, муфлонов и пятнистых оленей. Из пушных зверей здесь водятся белки, куницы, лисы, выдры, а также нутрии. Хорьки сокращают число мышей и других мелких грызунов, но зайцам здесь раздолье. В отдаленных районах к югу от озера Ван, на открытых равнинах, пасутся дикие бараны, на скалах — каменные козлы. В окрестностях Шатака обитают серые медведи и кабаны, в глубоких ущельях — рыси.

Из пресноводных рыб самой замечательной является радужная форель озера Севан. Еще там водятся сиг,

камп и усач. Птицы также весьма многочисленны: ворон и ворона, ястребы и соколы, совы и грифы, куропатки, кавказские тетерева, рябчики, перепела и бекасы и очень редкие улары (горные куропатки, *Tetraogallus caspius*). Водятся там в больших количествах дикие голуби, имеется множество водоплавающих птиц, таких, как лысухи, чирки, красноголовые нырки и утки. В болотистых местах докучают мухи и комары, являющиеся разносчиками болезней. Правда, в Советской Армении была успешно проведена кампания по уничтожению малярийных комаров. Часто встречаются ядовитые змеи и скорпионы. В Турецкой Армении в апреле и мае восточные равнины изредка подвергаются опустошительному нашествию саранчи с холмов Курдистана.

Уникальным геологическим строением Армянского нагорья объясняется необычайное богатство имеющихся там минералов, металлических руд, а также широкий выбор строительного камня, пригодного для промышленной разработки. Сочетание потоков жидкой магмы с базовым подслоем, происходившее в отдаленные эпохи, привело к тому, что Армения богата залежами меди, молибдена, алюминия, свинца, цинка, ртути, золота, серебра, железа, хрома и других металлов, а также кварцитами, асбестом и разнообразными минералами с огнеупорными и другими полезными свойствами. Результатом вулканической деятельности стало образование нескольких типов камня, обладающих высокими строительными качествами, — туфов, базальта, андезита, пемзы, выгарков и гранитов. Они широко используются в Армении при строительстве и реконструкции, а также экспортируются. Тот факт, что на протяжении многих миллионов лет Армения находилась под водами моря, стал причиной образования осадочных пород, известняков, доломитов, гипса, каменной соли, высококачественных глиноземов, фосфоритов, диатомита и многих других природных веществ, нужных для сельского хозяйства и промышленности. Процессы кристаллизации известняков дали мраморы замечательного качества и красоты, прославившиеся своими декоративны-

ми и строительными свойствами. В Армении существует успешное производство цемента.

С древних времен здесь имелись золотые и серебряные рудники, а также шахты, где добывалось железо и медь. Золото и медь подвергались рафинированию с третьего тысячелетия до нашей эры. В Республике Армении металлургическая промышленность постоянно развивается и расширяется. Также постоянно ведется разведка новых месторождений и открываются новые шахты. А в Турецкой Армении даже рудники, широко известные в древности и в Средние века, в частности золотые и медные, находятся сейчас в заброшенном состоянии из-за исчезновения там трудолюбивого армянского населения.

В Армении пока не найдено промышленных количеств нефти и газа. Республика снабжается ими из Баку, столицы Азербайджана. Однако в Армении продолжается интенсивная разведка природного газа и нефти, и наличествуют признаки того, что эти поиски будут успешными. А до тех пор электроэнергию дает каскад гидроэлектростанций, построенных на реке Раздан (Занга), вытекающей из северо-западного края озера Севан. Армения богата горячими источниками и минеральными водами, самыми знаменитыми из которых считаются Джермук, Арзни, Анкаван, Дилижан, Мартуни и Сисян. Близ этих источников построены водные курорты и санатории.

Хотя в Армении берут начало несколько известнейших рек Востока, в том числе Тигр и Евфрат, а также Аракс и Кура, постоянного удобного выхода к морю, к судоходным водным путям, она, по сути, никогда не имела. В верховьях Тигра и Евфрата можно спускаться по реке лишь на особых бревенчатых плотках, скрепленных тамариском или лыком, причем плавучесть их поддерживалась надутыми воздухом овечьими шкурами, которые были перевязаны веревками из конопли или лакричника. Эти «келеки», описанные в древности Геродотом, составлялись из 200—800 шкур. Самый большой плот мог нести до 30 тонн груза. На Тигре ниже

Диярбакыра проплывающих встречали курды и взирали с них дань, а плоты тех, кто пытался уклониться от подобной пошрины, подвергались нападению и разграблению. По ним стреляли, путешественников и матросов убивали или же прокалывали шкуры и заставляли причалить к берегу. С незапамятных времен по озеру Севан плавали рыбацьи лодки, а на озере Ван существовал лодочный перевоз, но он имел сугубо местное значение.

Все водные акватории Ближнего Востока — моря Черное, Каспийское, Средиземное и Персидский залив — были доступны армянам лишь изредка и на слишком краткое время, а именно в правление Тиграна Великого (первый год нашей эры) или в эпоху Рубенидской династии, царствовавшей в Сисе (Киликийская Армения) во времена Крестовых походов. Республика Армения вовсе не имеет выходов к морю. Поэтому армяне, при всей своей коммерческой сметке, для морских перевозок и торговли почти всегда должны были пользоваться кораблями других стран и народов. Не случайно главными центрами армянской эмиграции были крупные порты мира, такие, как Бомбей и Калькутта, Сингапур и Рангун, Бостон и Сан-Франциско, Марсель и Амстердам, Бейрут и Стамбул.

В Армении находится ряд широко известных городов, древних и современных. Самым знаменитым и большим из них является Ереван, столица Республики Армении, основанный в 782 году до нашей эры урартским царем Аргишти I, который дал ему имя Эребуни. Сейчас Ереван — цветущий, разрастающийся город с населением 700 тысяч жителей, современными заводами, железнодорожным вокзалом, сортировочным узлом и аэропортом, университетом, Академией наук и научно-исследовательскими институтами, оперой, концертным залом, а также многочисленными драматическими театрами и кинотеатрами. Другой современный город с древней историей — это Гюмри, бывший до 1917 года военной базой Александрополь (в советское время Леникан), откуда шла железная дорога в соседнюю

Турцию. Сейчас Гюмри важный промышленный центр с населением 150 тысяч человек. Третий большой город Армении — Ванадзор (в советское время Кировакан), расположенный к северу от Еревана. Это центр химической промышленности и прославленная здравница.

Кроме перечисленных, Среднеаракская долина насчитывает изрядное количество мест, где в древности, точнее, в разные периоды бурной истории Армении, последовательно располагались ее столицы. Главными из них считаются Армавир, имевший чрезвычайное значение в урартский и эллинистический периоды, и находящийся в 15 милях от Еревана, когда-то царский город Вагаршапат, ныне Эчмиадзин, резиденция католикаса всех армян. За ними следует назвать Арташат, расположенный в 20 милях к юго-западу от Еревана в заболоченной низине. Он был в свое время резиденцией армянских Артаксидов (Арташесидов). Более здоровое местоположение занимает Двин, находящийся в трех милях от Арташата, куда была перенесена столица в эпоху владычества Сасанидов и арабов. Однако самой знаменитой является разрушенная столица Багратидов Ани, «город тысяча одной церкви», треугольная крепость на скале, нависающей над быстрыми водами Арпачая, близ нынешней армяно-турецкой границы. Ближе к Персии располагаются Нахичевань и Джульфа. Оба эти города были вплоть до эпохи шахской династии Сефевидов значительными торговыми центрами и по сию пору сохранили памятники средневековой персидской архитектуры.

На территории бывшей Турецкой Армении находится прославленный город Ван, подобно Еревану основанный в древнем Урарту, то есть по крайней мере 2800 лет назад. Старый город с узкими извилистыми улочками приник к подножию крепости, на каменных стенах которой вырезаны урартские надписи. Во время резни 1915 года и последующих военных кампаний Первой мировой войны этот старый город был разрушен, а новый, чисто турецкий, построен дальше от берегов озера. На юго-западе и западе от озера Ван

находятся два когда-то процветавших города, Битлис и Муш, со смешанным населением, состоящим из армян, курдов, турок, арабов и сирийцев, проживавших в относительном мире и добром соседстве вплоть до трагедии конца XIX века и Первой мировой войны. Битлис занимает стратегическое положение на караванном пути из Эрзурума в Багдад и когда-то был кипучим торговым городом с населением 50 тысяч человек. Ныне, после зверского уничтожения армян, торговля и ремесла там пришли в упадок, и оба эти города, и Битлис, и Муш, превратились в незначительные городки, предлагающие туристам парочку жалких «отелей», в которых туристы подвергаются нападениям насекомых и враждебной полиции. Почти то же самое можно сказать о городах-крепостях Карс и Ардаган близ границы с бывшей советской Республикой Арменией. Карс в прошлом был какое-то время столицей независимого армянского царства Вананд.

В Турции имеется еще ряд мест, расположенных дальше к западу, где в разные исторические эпохи существовали важные армянские города. Такие, например, как Тигранокерт, нынешний Фаркин (Майафарикин), где возвел свою столицу Тигран Великий. Она простояла лишь несколько лет и была захвачена в 69 году до нашей эры легионами римского военачальника Лукулла. Нельзя забывать также о городах и крепостях Киликийской Армении, где со времен крестоносцев правила Рубенидская династия, павшая в XIV веке под натиском египетских мамелюков. Среди самых значительных армянских городов этого периода следует назвать Сис, столицу Рубенидов, и Громклу, бывшую некоторое время резиденцией католиков всех армян.

Армянское нагорье лежит на перекрестке персидского, греческого и евразийского миров. Даже беглый взгляд на глобус позволяет увидеть центральное место, занимаемое Арменией. Эта страна находится почти на равном расстоянии от мыса Доброй Надежды и Берингова пролива, на полпути между Тихим и Атлантическим океанами. Археологи полагают, что миграция лю-

дей каменного века в Европу начиналась с Армении или соседних с ней районов. Начиная с бронзового века и далее Армения становится точкой, откуда распространяются на юг от мест своего начального пребывания (Польши или Южной Руси) индоевропейцы. Во времена Урарту, то есть раннежелезный век, Армения стала ареной борьбы, не на жизнь, а на смерть, древних цивилизаций Анатолии и Месопотамии с воинственными захватчиками, пришедшими из северных степей. В результате ее старые культуры Ближнего Востока были поглощены и адаптированы в свою культуру носителями новой.

Происхождение и расовые особенности армян остаются загадочными. Одно время считалось, что они пришли всем племенем из Эгейского региона и с Балкан примерно за тысячу лет до нашей эры. Однако последние изыскания указывают на то, что современная армянская нация есть результат процесса этнического смешения, продолжавшегося несколько тысяч лет в Закавказье, а также горах и долинах Араратско-Ванского региона. Сегодняшние армяне обычно имеют крепкое, коренастое телосложение, рост не выше среднего, часто отличаются необычной формой головы с прямым затылком и сужающейся макушкой. Уплощенный затылок часто сочетается с выдающимся носом, иногда крючковатым или горбатым, иногда висячим. Несомненно, армяне физически больше походят на древних обитателей Малой Азии, изображенных на хеттских и урартских скульптурных фризах, чем на скифов или других индоевропейских степных кочевников Южной Руси, обнаруживаемых археологами в курганах. Преобладающий тип армянина — человек с черными или темно-коричневыми волосами, обычно прямыми, и карими глазами. Любопытно отметить, что древние армянские легенды рассказывают о голубоглазых белокурых гигантах, исчезнувшей расе армян-сверхлюдей. Возможно, это воспоминания о северянах (сарматах, киммерийцах и скифах), неоднократно совершавших набеги на Армению с 730 года до нашей эры и далее.

Армянский язык может дать лишь частичный ответ на вопрос о происхождении и родственных особенностях армянского народа. Опыт США и других стран учит нас, что ученый должен остерегаться путать этническое происхождение с языковым родством, если только это не подтверждено тщательным изучением. Армяне — это независимая языковая группа внутри индоевропейской семьи, сравнимая с кельтами, германцами и славянами. Армянский язык более не классифицируется как один из иранских, хотя в нем встречается много персидских заимствований. В индоевропейской группе армянский представляет собой один из так называемых «сатамных» языков; другими подобными являются балтийские, славянские, индоиранские и албанский. Это бинарное деление на языки сатам и кентум связано с эволюцией слова «сто». Возможно, оно представляет собой диалектное расщепление в пору так называемого «периода единства», накануне великих индоевропейских миграций. (Это различие, как любезно разъяснил мне Р.Х. Робинс, относится к разнице гипотекативного задненебного произношения в индоевропейских языках сатам и кентум губно-небных и небных взрывных согласных.)

Путем долгой эволюции бок о бок с грузинским армянский язык приобрел очень сложную систему согласных, имеющую много общего с картвельской группой кавказских языков, которые, разумеется, вовсе не являются индоевропейскими. В настоящее время филологи уделяют все больше внимания вопросу родства армянского с урартским, или ваническим, языком, являющимся одной из форм хурритского.

Не следует забывать, что к тому времени, как первые индоевропейцы появились в Малой Азии, человеческая цивилизация в районах горы Арарат и озера Ван уже имела свои старые традиции. Геродот, знавший Армению и армян как часть Персидской империи в V веке до нашей эры, считал армян выходцами из Фригии. Часто отмечается, что армянский и фригийский языки очень близки, хотя от фригийского до нас дошло

так мало, что сравнение это затруднительно. Греческий писатель Страбон связывает армян с Фессалией, областью на севере Греции. Он также добавляет, что фессалиец Арменус посетил эту страну в обществе аргонавта Язона с товарищами и дал ей свое имя. Что же касается фригийцев, Страбон утверждает, будто они фракийского происхождения и пришли в Малую Азию с территории современной Болгарии после Троянской войны. Эти полуполюгендарные сообщения любопытны, поскольку позволяют связать предков армян с загадочными «людьми моря», которые прошли войной по Малой Азии около 1200 года до нашей эры и положили конец Хеттской империи. Часть этих «морских людей», несомненно, проникла далеко на восток, в Анатолию, и обосновалась между рекой Галис (древнее название реки Кызыл-Ирмак) и верховьями Тигра и Евфрата. С течением времени эти захватчики, будучи сравнительно малочисленными, очевидно, были поглощены исконными обитателями Восточной Малой Азии и позже стали черном, из которого образовался армянский народ. Однако прежде чем эти пришельцы смешались с исконным местным населением, они сумели наделить его своим выразительным и звучным, хорошо выстроенным языком, попутно с другими качествами их индоевропейского культурного наследия.

Стратегическое положение Армении постоянно ставило ее на пути всяческих вторжений. Прилегающее с юга к Кавказскому коридору Армянское нагорье пересекали и обходили по краю северные народы, двигавшиеся на юг из евразийских степей, либо ближневосточные завоеватели, продвигавшиеся на север, чтобы владычествовать на Черном море и Каспийском побережье. Точно так же Армения обязательно фигурировала в соперничестве любых властителей, стремившихся установить контроль над Малой Азией и Босфором, Персией и Центральной Азией. Со времен Дария и Ксеркса это политическое перетягивание каната было постоянно действующим фактором в ближневосточных делах, и появление на этой сцене России, равно царской или

советской, лишь добавило этому противостоянию новое измерение. Во всех этих столкновениях империй армяне оказывались между двух воюющих лагерей, что наносило ущерб их экономике и затрудняло общественное развитие.

Дабы выжить в этом водовороте, требовались редкостные физические и интеллектуальные качества, выносливость и приспособляемость. Великий исследователь Армении Х.Ф. Линч однажды заметил, что замечательными чертами армян является их несгибаемость, то есть упрямое мужество и выдержка, которым они и обязаны своим сохранением как народа. Отличным примером этого свойства является советский государственный деятель А.И. Микоян, с его поразительной способностью выживать.

Многие соседи Армении по древним векам исчезли с карты мира. Одни рассеялись, как, например, кавказские албанцы или хетты и митанни, чье царство когда-то соперничало могуществом с египетскими фараонами. Другие, как курды, потомки гордых мидян, сползли в варварство или, как ассирийцы, впали в забвение. Только армяне, как и их соседи грузины, выковали национальное и культурное единство, выдержавшее проверку столетиями чужеземного владычества. Это единство, основанное на общем языке, культурных традициях и религиозных убеждениях и подкрепленное необычайным личным мужеством и цепкостью, помогло армянам пережить жесточайшее преследование, целью которого было полное истребление нации. Сегодняшние армяне — динамичные люди, с высоким уровнем образования, добившиеся выдающихся успехов в науке, экономике и медицине.

Несмотря на убийство полутора миллионов армян в 1915 году и уничтожение всего населения на огромной территории восточных турецких вилайетов (ранее составлявших Турецкую Армению), по приблизительным подсчетам в 1956 году число армян в Советском Союзе, включая Армению, составляло 3 миллиона 200 тысяч человек, а в Западной Европе, Северной и Южной

Америке, Индии, арабских и прочих странах доходило до 1 миллиона 200 тысяч человек. Полное население республики, вместе с неармянами, было 2 миллиона 200 тысяч человек.

Разумеется, эти подсчеты примерны и к настоящему времени устарели. Значительную часть населения Республики Армении составляют русские, курды, азербайджанские турки. Следует помнить, что много армян проживает в других регионах бывшего Советского Союза. Многие армяне, живущие за пределами Армении, утратили национальные черты, будучи иногда вынужденными принять иную религию, в частности ислам. Так что если мы оценим общее число армян и лиц армянского происхождения в мире как 5—6 миллионов, то, вероятно, не слишком ошибемся.

События прошлого наложили существенный отпечаток на национальный характер армян. Изначально гордые и воинственные, они часто принуждены были склониться под ярмом чужеземцев, развивать в себе дипломатичность и хитрость, чтобы обеспечить себе сохранение жизни. Они прекрасные земледельцы, искусные ремесленники, замечательные мастера во всех областях художественного творчества, в том числе в скульптуре и живописи, отличные ювелиры и ткачи. Трудолюбивые и трезвые, они умеют неустанно и помногу работать. Армяне в высшей степени общительны и гостеприимны, преданы семье и родственным связям. У них поистине шотландское отношение к честности и презрение к расточительности, при этом они умеют добиться своей выгоды.

Армяне не трусы. В своей автобиографии, опубликованной в 1933 году, британский друг армян сэр Ричард Уиндэм Грэйвз, хвалит военные способности армян, добровольно вступивших в армии союзников в годы Первой мировой войны. Он пишет:

«Я упоминаю этот случай [пример армянского мужества], дабы исправить совершенно ошибочное представление, которое все еще бытует в некоторых британских кругах касательно армян. А именно, что армянин — как

«нищий точильщик» Кэннинга — всего лишь «жалкое отребье», «бедняга, коего никакие притеснения не могут побудить к отмщению». Между тем я на протяжении многих лет мог убедиться, что это боец, умелый и стойкий, который, дай ему только честную возможность, не посрамит себя в сравнении с любой из соседних наций. Нелепое и глупое мнение о нем держится, главным образом, в кругах моряков и военных, как следствие Крымской войны, когда «добрый парень» турок был нашим союзником, а восточных христиан, симпатизировавших, не без основания, нашим противникам, именovali сукиными детьми и псами. При этом вовсе не принимались во внимание века угнетения, когда армянам запрещалось поднимать оружие даже для самозащиты, и они принуждены были выживать, по мере сил и возможностей, под игом безжалостным и бесчестным».

В то время, когда писались эти слова, армяне уже доказали, что могут быть умелыми солдатами и администраторами и на службу султана, и у хедива Египта, и в XIX веке при царях. Достаточно вспомнить роль Нубар-паши в Египте, героизм генерала А.А. Тергукасова (1819—1881). В Русско-турецкой войне 1877—1888 годов есть и более известное имя — графа М.Т. Лорис-Меликова (1825—1888), прославленного воина и министра внутренних дел России при царе Александре II. На исходе Первой мировой войны партизанский генерал Андраник совершал чудеса храбрости в борьбе с превосходящими силами турецкой армии. Во время Второй мировой войны не менее 106 армян — солдат, матросов и летчиков — заслужили звание Героя Советского Союза, 60 офицеров армянского происхождения стали адмиралами, генералами и маршалами Советского Союза. Самые известные из них — маршал И.Х. Баграмян, адмирал флота И.С. Исаков и маршал авиации С.А. Худяков (Арменак Ханферян).

В болгарском городе Пазарджик, расположенном на железнодорожном пути из Стамбула в Западную Европу, есть улица, названная в честь некоего Ованеса Севаджяна. Этот Севаджян был местным начальником желез-

подорожной станции и шифровальщиком во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов, освободившей болгарский народ от турецкого ига. Когда русские войска подошли поближе, турецкий главнокомандующий приказал военному коменданту Пазарджика: «Подожгите город, выдворите население». Зашифрованный приказ пришел по телеграфу в тот момент, когда в конторе Севаджяна, рядом с ним, находились турецкие военачальники. Рискуя жизнью, Севаджян расшифровал телеграмму в противоположном смысле. А именно: город и его жителей следует пощадить. Чтобы избежать проверки, он положил первоначальный текст в рот, прожевал и проглотил. Спустя некоторое время русские войска вошли в город, спасенный от разрушения мужеством и находчивостью армянина.

В Западной Европе, в Советском Союзе и в Америке армяне поднялись до самых высот в науке (особенно в медицине и физике) и в гуманитарных профессиях. В школах и университетах, в научных исследованиях, в литературе и кино многие ключевые посты занимают армяне. Мировую известность приобрел писатель Уильям Сароян, имя Арама Хачатуряна прославлено его оперной и оркестровой музыкой, Шарль Азнавур является одним из популярнейших авторов и исполнителей эстрадных песен. На лондонской сцене блистает скрипач Манук Парикян, английскую музыкальную жизнь обогатила талантливая критика Феликса Апрахамяна. Европейская и американская оперные сцены преклоняются перед изумительными голосами примадонн Линн Дуриан и Луизы Анаис Босабальян. Видным и уважаемым историком является Анри Труайя.

Покойный Галуст Гулбекян соперничал с Ротшильдом, если не превосходил его, в сфере международных финансов. Согласно его завещанию, был учрежден фонд в поддержку достойных проектов в области культуры и образования во всем мире.

Примеры армянской предприимчивости и практических успехов слишком многочисленны, чтобы их можно было все перечислить. Читатели газеты «Сан-Францис-

ко экзаминар» от 3 декабря 1967 года могли увидеть на первой странице фотографию мистера Керка Керкоряна — «Крез в пустыне», — сопровождаемую следующей заметкой, присланной специальным корреспондентом Фрэнком Перселлом из Лас-Вегаса:

«Избегающий публичности финансовый гений сан-францисского залива заявил вчера, что ставит 80 миллионов долларов на создание в этой Мекке игроков «второй Стрип» [главная улица в Лас-Вегасе] с роскошными отелями и казино.

Керк Керкорян, пятидесятилетний уроженец Фресно, теперь является главным держателем огромной корпорации «Трансконтинентальные авиалинии», со штабом в Окленде, и тем самым уступает только Говарду Хьюзу, нелюдимому мультимиллионеру-промышленнику, в той игре без ограничений на торговлю и строительство, которая ввела Лас-Вегас в пору беспрецедентного процветания.

Керкорян, владелец отеля «Фламинго» и «Дворца Цезаря», двух многомиллионных развлекательных предприятий на Стрип, не согласен с теми, кто полагает, что этот южный город Невады уже достиг предела насыщения...»

После подробного сравнения планов Говарда Хьюза и Керкоряна по развертыванию строительства в Лас-Вегасе сотрудник «Сан-Франциско экзаминар» заключает:

«Когда Керкорян отслучил со своего банковского счета 12,5 миллиона долларов на покупку «Фламинго» и затем добавил еще 2,5 миллиона долларов на его расширение, ныне идущее полным ходом, он был главным держателем акций корпорации «Трансконтинентальные авиалинии», имея 1 миллион 822 тысячи акций. Цена их равнялась 92 миллионам долларов. Его земельные приобретения здесь и различные иные финансовые дела красиво округляют эту сумму.

В настоящее время авиалинии находятся в процессе преобразования, перевода в гигантскую трансамериканскую корпорацию, базирующуюся в Сан-Франциско, одну из самых крупных в мире холдинговых компаний.

Когда это преобразование будет завершено, Керкорян станет владельцем самого большого пакета ценных бумаг в Трансамерике».

Поистине это одна из эпохальнейших историй успеха нашего времени. Однако было бы неправильно делать из этого вывод, что армяне поклоняются богатству и материальному успеху. Они глубоко преданы своей национальной церкви, которая на протяжении многих лет являлась объединяющим средоточием народа, особенно с той поры, как в XI веке рухнуло царство Багратидов в Ани, а в XIV веке погибло киликийское царство. Армяне, несомненно, очень набожны, их манеры и поведение отличаются сдержанностью и серьезностью. Однако армянский юмор не зря вошел в поговорку. Не случайно в СССР существовала целая серия анекдотов, приписываемых мифическому «армянскому радио». Знаменитые «кинто», шутники предместий старого Тбилиси, также имеют в основном армянское происхождение.

Армяне большие спорщики, задиры и всезнайки. Один армянин офицер старой оттоманской армии как-то заметил, что предпочитает иметь в подчинении батальон турок, а не армян: турки слушаются без разговоров, но у каждого армянина имеется свой хитроумный план кампании. Они с места не стронутся, пока все эти планы не обсудят досконально. В Оттоманской империи посты, требовавшие инициативы и сметки, чаще всего доверялись армянам, особенно в государственной администрации и банковском деле. До 1915 года иностранные представители в Турции обычно нанимали армянских девушек в качестве горничных и инек и армянских мужчин в качестве носильщиков, из-за их добросовестности и надежности. В Стамбуле бытовала поговорка: «Если хочешь что-либо построить, найми армянина, если хочешь что-либо разрушить, позови турка».

Нылкий патриотизм армян отразился в народном эпосе, известном под названием «Давид Сасунский», или «Сасунские дзуры», что переводится как «Смельчак из Сасуна». Переводчик этого эпоса Леон Сурмелян

так объясняет значение слова «дзур»: это буйный, бесшабашный, лихой, то есть сочетающий героическую отвагу с бесшабашностью отчаянных авантюристов.

«Прежде всего, армянин — это дзур. Он безумец, который живет и выживает благодаря тому, что нарушает освященные историей правила и обычаи. Он — одушевленный мечтой буйный мятежник по натуре. Армяне — нация донкихотов. Повсеместно армяне вобрали в свои сердца этих непредсказуемых неустрашимых сорвиголов из Сасуна, которые воплотили в себе великолепное бесстрашное безумие нации. Эти горцы-гиганты суть отклонение от нормы, и привычный прямой путь не для них. Они не станут остерегаться, не будут поступать как положено. И эти их свойства пленяют всех армян, весь народ, которому слишком часто приходилось склоняться перед неизбежностью. Но подобное подчинение грубой силе было лишь временным, и дух нации никогда не был полностью сломлен, не зря история Армении являет собой череду повторяющихся восстаний и мятежей».

Армяне — прирожденные индивидуалисты. Они, как закваска, будоражат склонное к конформизму человечество. Логически рассуждая, они давно должны были бы прекратить борьбу и покориться судьбе. Но армянин вновь и вновь отказывается признавать поражение, и в этом ключ к пониманию характера этого упрямого непобедимого маленького народа, чей вклад в цивилизацию несоизмеримо велик по сравнению с его численностью.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ В АРМЕНИИ

В последние годы стала вырисовываться довольно четкая картина того, какие люди населяли издавна Армянское нагорье. Эта картина, пожалуй, дает научное обоснование древнейшим легендам вроде истории о Поевом ковчеге. Притом это сравнительно новейшие изыскания. Пока западные археологи, используя находки, сделанные во Франции, реконструировали эволюцию человека на протяжении различных фаз и культур палеолита, мезолита и неолита, ряд знатоков ближневосточной археологии выражал сомнения в том, что в древнем каменном веке на территории Армении вообще существовала человеческая жизнь. Еще в 1909 году Жак де Морган утверждал, что Армения, как и соседствующее с ней Иранское плато, была абсолютно пустынной на протяжении большей части плейстоценового периода, который начался около миллиона лет назад и включает в себя великие обледенения, известные как Гюнц, Миндель, Рисс и Вюрм. Не принимая в рассмотрение случавшиеся в Армении промежутки между оледенениями, де Морган считал, что этот высокогорный регион, покрытый толстым слоем льда в течение сотен тысяч лет, абсолютно непригоден для поселения и пребывания там человека. Согласно гипотезе де Моргана, человек впервые появился в Армении в мезолитическую или ранненеолитическую эпоху, когда окончательное таяние великих ледников затопило Месопотамию и вытеснило уцелевших людей из низовьев Тигра и Евфрата в Анатолийские горы.

Однако это хитроумное объяснение прибытия Ноя к горе Арарат не выдерживает проверки данными современной археологии. Мы знаем, что в эпоху плейстоцена длительные просветы между обледенениями случались и на Кавказе, и в Западной Европе, создавая прекрасные условия для человеческой жизни. Открытия, сделанные в последние тридцать лет, доказывают, что Армения и вообще все Закавказье входят в число регионов, где обнаруживаются самые древние следы пребывания и трудовой деятельности наших предков. Здесь следует отметить, что пустынный район Гарежа, расположенный в Грузии восточнее Тбилиси, по соседству с северной границей Армении, является местом находки окаменевших останков ярко выраженной разновидности человекообразных обезьян, так называемого удабно-питека (от грузинского слова «удабно», означающего глушь, дикую природу). Это существо занимает промежуточное положение между шимпанзе и гориллой. Открытие было сделано в 1939 году советскими геологами Н.О. Бурчак-Абрамовичем и Е.Г. Габашвили. Останки эти весьма фрагментарны, всего два зуба, один из них коренной, но они представляют собой единственно найденное свидетельство обитания древнейших человекообразных обезьян на территории бывшего СССР. Некоторые советские ученые полагали, что Закавказье является одним из тех регионов мира, где на ранней стадии плейстоцена происходила эволюция человекообезьяны в *Homo faber* (доисторического человека, существа обезьяноподобного, но уже обладающего способностью к техническим изобретениям).

В отсутствие более существенных находок окаменевших останков обезьяны и человекообезьяны в Кавказском регионе мы вынуждены базировать свои заключения на древних каменных орудиях и артефактах. Кеннет Оукли в своей классической монографии «Человек-рукотворец» замечает, что «человек есть животное социальное, отличающееся наличием «культуры», то есть способностью изготавливать орудия и передавать свои идеи». Действительно, обезьяны могут иногда сделать какое-то приспособ-

облечение для мгновенного решения какой-то обозримой проблемы. Ученые видели, как шимпанзе соединял две бамбуковые трубки, чтобы дотянуться до грозди бананов, болтающейся за пределами клетки, или же вставлял в бамбуковую трубку заостренный заранее зубами кусочек дерева. Однако их ум не способен проникнуться идеей привинтить камню или палке определенной заданной формы, чтобы использовать их в отдаленном неясном будущем. Такие обезьяны нам неизвестны. Систематическое изготовление орудий предполагает заметную способность к концептуальному мышлению, так что только на основании подобных находок в Армении и других местах Кавказа мы могли бы постулировать присутствие там человека с очень древних времен, не менее полумиллиона лет тому назад.

Проблема установления времени создания человеком первых орудий осложнена существованием так называемых эолитов, то есть естественно разломанных камней, напоминающих по виду ранние каменные орудия, обработанные людьми. По правде говоря, естественные обломки камней, возможно, и служили нашим далеким предкам первыми орудиями. Даже сегодня некоторые племена, стоящие на низшей ступени развития, используют в качестве повседневных инструментов острые осколки камней, раковины или зубы акул. Австралийские аборигены умеют даже срубить дерево обломками камня острым краем. Покойный аббат Анри Брейль как-то обнаружил близ Клермона (департамент Уазы) в слоях, датированных 50 миллионами лет тому назад, целую кучу кремней, на первый взгляд напоминавших ранние орудия, изготовленные первобытным человеком. Однако дальнейшие исследования показали, что камни приобрели такую форму, будучи раздавленными валунами катившегося ледника. Кремль часто принимает такой вид под воздействием естественных факторов (давление тяжелых камней, льда, резкие изменения погодной температуры или ветра). Такие причуды природы еще не являются доказательством появления древнего человека в тех или иных регионах земли.

В Армении случайно образованные эолиты встречаются нередко. Однако там, а также в Абхазии и на побережье Черного моря хватает и достоверных свидетельств существования в этом регионе производства орудий каменного века. Но так же достоверно, что мы не обнаруживаем здесь ничего приближающегося по древности к каменным орудиям, находимым в некоторых районах Африки. А именно тем, что обнаруживают в отложениях конца виллафранкского периода. Армения также не может соперничать с потрясающими находками в разломе Олдувай. Вместе с тем в последние 25 лет продемонстрировано присутствие в Армении и Западной Грузии обширных свидетельств аббевильской (шелльской) культуры, датируемой по меньшей мере четырьмя-пятью тысячами лет. Раскопки, проведенные на территории бывшей Турецкой Армении рядом турецких и западных ученых, а также советскими археологами, поистине революционизировали наши представления о времени самых ранних поселений человека в Кавказском регионе.

В пору появления первобытного человека на территории Армении — по-видимому, от 500 тысяч до миллиона лет тому назад — климат был относительно мягким и влажным. Типичными представителями животного мира были гиппопотамы, слоны, носороги, протолошадь, верблюды, быки, саблезубые тигры и олени. Фауна плейстоцена в Армении хорошо изучена благодаря фундаментальным трудам Л.А. Авакяна, который приводит перечень редких животных, найденных в районе Гюмри, в том числе таких, как разновидности носорогов. Особый интерес представляют многочисленные находки костей животных, сделанные А.К. Векуа в озерных отложениях нижнего плейстоцена у подножия дацитовых холмов в Амиранис-мта близ грузинского города Ахалкалаки, к северу от армянской границы. Создается впечатление, что в этом месте большое число животных было застигнуто внезапным извержением вулкана. Потоки раскаленной лавы затопили пастбища и леса, что и привело к гибели всего живого. В Амиранис-мта Векуа идентифицировал несколько

новых видов фауны — гиппопотама и неизвестных видов проголошади. Открытия А.К. Векуа, опубликованные в 1962 году, безусловно, укрепили предположение о том, что Армянское нагорье было одной из прародин лошадей.

В те времена Армению густо покрывали деревья, в том числе дубы, клены, вязы, ивы, барбарис. Многие субтропические вечнозеленые растения, которые теперь произрастают на побережье Черного моря, во влажных районах Лазистана и Мингрелии, тогда царствовали на всем Армянском нагорье.

Самые ранние каменные орудия, найденные на территории Армении, относятся к древним примитивным фазам развития человечества: к аббевильской, или шелльской, культуре. Заслуга их открытия принадлежит двум советским археологам — С.А. Сардаряну и М.З. Паничкиной. Они обнаружили их, проводя раскопки в местности, известной под названием Сатани-Дар, или Сатанский чюм, близ горы Богутлу (Артин), на юго-западных склонах горы Алагёз (Арагац). Этот район богат обсидианом, вулканическим стеклом кислотного состава, представляющим собой комбинацию двуокиси кремния, окислов алюминия, кальция, железа, калия и натрия. Эти породы обладают высокой твердостью и одновременно хорошо поддаются обработке, что идеально подходит для изготовления острых топоров и подобных орудий. В этом отношении предметы аббевильской ремесленной культуры Армении отличаются от найденных на побережье Черного моря в Абхазии экспедицией Грузинской академии наук во главе с Н. Бердзенишвили в 1958 году. Абхазские орудия сделаны из местного кремня, также весьма пригодного для подобной цели, но все же уступающего по качеству вулканическим обсидианам Армении.

Многие из аббевильских ручных топоров, найденных Сардаряном с сотрудниками, можно увидеть в Историческом музее Армении в Ереване. Вес их доходит до 1 кг, а длина обычно составляет примерно 15 см. Их делали, выбирая овальный камень желаемого размера, который затем обкалывали по краям, сначала в одном направлении, затем в другом, чтобы получался двусто-

ронный брусок, грушевидной или округлой формы, с извилистым или зигзагообразным краем, образованным пересечением глубоких насечек при обкалывании. Во Франции типично аббевильские ручные топоры сделаны из кремневых конкреций, которые обнаруживают в гальках 40-метровой террасы реки Соммы, относящихся по времени к теплomu промежутку между двумя фазами второго, так называемого миндельского, оледенения. Шелльские ручные топоры из Армении походят, согласно сравнению Сардаряна, на образцы, найденные Г. и А. де Мортилетт в эстуарии Гаронны близ Тулузы. В настоящее время они выставлены в музее города Сен-Жермен-ан-Лэ.

Эти аббевильские, или шелльские, ручные топоры несут на себе глубокие шрамы сколов, сделанных, очевидно, более твердым камнем, использованным в качестве молотка или на краю тяжелого камня наковальни. Они являются орудиями многоцелевыми и, судя по всему, не были снабжены рукоятками, то есть не были топорами в современном понимании этого слова. Их использовали главным образом для резания и скобления, а также для рытья земли. Параллельно с этими обычными «*cours-de-poing*» (таков термин, применяемый для их обозначения) мы обнаруживаем грубо обработанные орудия разных форм и размеров, явно созданные для конкретных хозяйственных нужд.

Турецкие археологи также исследовали гористую местность к северу от города Карс — крепости, расположенной неподалеку от бывшей советско-турецкой границы. Орудия аббевильского, а позднее ашельского типа были найдены по соседству с Кизир-Дагом. Так как это место расположено всего лишь в 50 милях от раскопок на Алагёзе (Арагаце), то совершенно очевидно, что мы имеем здесь дело с комплексом ранних ремесленных цехов, оседлавших склоны Арпачая. Весьма полезная карта этих раскопок составлена советским археологом В.П. Любиным в 1957 году.

Тот факт, что в Армении была установлена местная аббевильская (шелльская) культура, представляет значи-

тельный интерес. Это связывает Армению с обширным комплексом подобных же первобытных центров деятельности человека, протянувшимся через Южную Англию, Францию и Испанию на другой берег Средиземного моря — в район Сахары и Египта, в Южную и Восточную Африку, Палестину, Сирию и далее, пересекая Южную Индию и дойдя до северо-востока Китая. Уже беглый взгляд на карту мира показывает, что Армения находится в фокусной точке этой системы ранних культур изготовления орудий. В.П. Любин указывал, что в эпоху раннего плейстоцена Мурат-Су, главный исток Евфрата, благодаря своему хорошему климату, наличию естественных скальных убежищ и избытку воды должен был предоставлять необычайно благоприятные условия для обитания первобытного палеолитического человека. Кажется весьма вероятным, что эта река, которая вбирает в себя воды, струящиеся с горных вершин, расположенных к западу от горы Арарат, река, которая протекает севернее озера Ван и стремится на запад в самую глубь Центральной Анатолии, уже со времен палеолита служила важным проводником культурных миграций между Кавказом и областью «Благодатного полумесяца».

Следующая стадия технологий каменного века известна как ашельская культура. Она названа так по Сент-Ашелю близ Амьена, где в 1834 году Риголло в гравийных карьерах на берегах Соммы обнаружил кремневые орудия определенного, четко выраженного типа. Ашельская культура представляет собой эволюцию от абbevильской (шелльской) культуры к более изоощренной и моментной технике изготовления этих каменных инструментов. Эти «*coups-de-poing*» лучше исполнены: помещается новая овальная форма, известная как овоид, иногда дополненная S-образным изгибом по бокам орудия. Некоторые ашельские кремневые орудия получили название «лиманды», или «ершоватки», потому что напоминают контуром очертания плоской рыбины. Другие имеют заостренную или миндалевидную форму.

Ашельская культура отлично представлена в Армении: изыскания Сардаряна на горе Артин дали более

400 артефактов различной формы и размера. В более широком смысле ашельский период простирается с конца аббевильского (примерно 400 тысяч лет до нашей эры) вплоть до среднего палеолита, или мустьерского периода (начинается примерно за 100 000 лет до нашей эры). Развитие культуры шло очень медленно, и техника ремесла оставалась практически единообразной на территории почти одной пятой мира. Многие ашельские ручные топоры из раскопок в таких отдаленных друг от друга местностях, как мыс Доброй Надежды, Кения, Мадрас и Лондон, практически неотличимы от найденных в Армении, за исключением того, что выполнены из разных типов горных пород.

Ашельская культура захватывает период рисского оледенения. Предыдущее оледенение, миндельское, совпадает с концом аббевильской культуры. Оно оказало самое суровое воздействие на жизнь всей Европы. Однако миндельское оледенение не повлияло заметным образом на климат Армении, расположенной южнее основного пояса льда и мороза. Посему в Армении не находят никаких следов арктической флоры и фауны, характерной для миндельского оледенения в Северной Европе.

Это означает, что жизнь человека на территории Армении могла продолжаться в ту пору без существенных осложнений. Если на северо-западе Европы не найдены ручные орудия, изготовленные в период максимума второго (миндельского) оледенения, в Армении их производство почти не прерывается, так что переход от аббевильской к ашельской культуре здесь менее резок.

Сардарян смог классифицировать ашельские орудия из Сатани-Дар последовательно по стадиям развития: раннеашельские, среднеашельские и позднеашельские.

В дополнение к стандартным типам ашельских предметов в Армении мы встречаем рабочие орудия так называемого клактонского типа (по городку Клактон-он-Си, Англия), и левалуазского типа (по предместью Парижа Левалуа). Левалуазские орудия отличаются тем,

что их изготавливают из обломков камня, которым предварительно придают форму черепахи. Идея состоит в том, чтобы обработать кусок кремня или обсидиана таким образом, чтобы при обкалывании отлетали пластины, уже готовые к использованию. Сардарян собрал также прекрасную коллекцию обсидиановых и дацитовых ножей, скребков, колунов и сверл, вполне сравнимых с найденными в раскопах Западной Европы. Некоторые из этих орудий служили также наконечниками копий, стрел или пик. Хотя их часто находят наряду с более крупными ашельскими ручными топорами, предметы клактонского и левалуазского типа представляют собой несомненный шаг вперед в изготовлении и применении более специализированных каменных орудий и оружия, характерных для поздних стадий ашельской культуры.

Кроме Сатани-Дарского раскопа, следы ашельских поселений обнаружены также в других точках Армении, а именно вблизи курорта Арзни, в 18 километрах к северу от Еревана. Здесь река Раздан вытекает из озера Севан в сторону Аракской равнины, образуя удобные террасы и плато с многочисленными источниками пресной и минеральной воды. В районе Арзни ашельские ручные топоры из черного, красного и серого обсидиана находили еще в 1933 году (геолог А.П. Демехин), а дивнейшие раскопки производили археологи С.Н. Замитин и М.З. Паничкина. В совокупности с многочисленными ашельскими находками в раскопах между Гагрими и Сухуми на побережье Черного моря и теми, что обнаружены в Южной Осетии, непосредственно к югу от главного Кавказского хребта, эти следы ашельской культуры в Армении свидетельствуют о существовании значительного, хоть и рассеянного, населения по всему Кавказью в период между 400 тысячами и 100 тысячами лет до нашей эры.

В середине периода ашельской культуры Армения подверглась сильнейшему рисскому оледенению. Теплолюбивые вечнозеленые деревья и субтропическая растительность исчезают, одновременно с саблезубыми тиг-

рами и другими млекопитающими, нуждающимися в жарком климате. Животные приспосабливаются к прохладной обстановке, обретая защитный шерстяной покров, а потому мы видим, как мамонты заменяют слонов, а мохнатый носорог вытесняет своего безволосого родича. Теплолюбивые вечнозеленые растения, которые теперь растут по берегам Каспийского и Черного морей, отступают с Армянского нагорья. Их сменяют буки, дубы и другие лиственные деревья.

Человеческая жизнь в этот период, естественно, крайне примитивна. Внешне человек практически неотличим от своих диких предков. Люди живут группами без какого-либо фиксированного убежища, поддерживают себя охотой и сбором диких плодов, орехов и ягод. Съедобные коренья выкапывают грубыми каменными орудиями, а плоды и орехи сбивают с верхних веток длинными палками. К концу ашельской культуры широко распространилось употребление огня, а люди стали одеваться в шкуры животных.

Кроме Закавказья, следы ашельской культуры были обнаружены на юге Украины, в Крыму (Киик-Коба) и в Туркмении (на восточном побережье Каспия).

Наши знания о главных центрах ашельской культуры в Армении существенно расширяются, когда мы переходим к мустьерской эпохе. (Так называли советские ученые период, включающий культуры, относящиеся к 100 тысячам — 40 тысячам лет до нашей эры. Западные ученые объединяют эту группу культур общим, несколько расплывчатым термином «средний палеолит».) Мустьер — это материальная культура неандертальского человека, которая была обнаружена во многих точках Западной Азии, Европы и Северной Африки. Самые ранние неандертальцы этой эпохи (такие, как в Эрингсдорфе близ Веймара) жили в относительно мягких условиях, преобладавших на территории Европы в последней трети ресс-вюрмского межледниковья. Их кочевая жизнь на открытом воздухе подобна жизни ашельцев. Более поздняя и более типичная мустьерская культура развилась в Европе в условиях холодной тундры, вы-

шанных к жизни четвертым, или вюрмским, оледенением, которое также существенным образом повлияло на климат Армении. Неандертальцы приспособились к суровости этого климата, поселившись в пещерах и закутавшись в шкуры животных. Они жгли костры, чтобы согреться и отогнать хищников, подстерегавших их у входа в пещеры. Они были бесстрашными и умелыми охотниками и пользовались для охоты на мамонтов и шерстистых носорогов деревянными копьями и каменными метательными снарядами.

На закате ашельской эпохи и на протяжении мустьерской происходят значительные изменения в строении человеческого тела. Древний обезьяночеловек, или питекантроп, и его преемники, *Homo habilis*, или *Homo habilis*, постепенно развились в людей с узнаваемыми чертами современного человека. Эти неандертальцы, получившие прозвание по долине Неандерталь близ Дюссельдорфа, где был найден самый знаменитый их экземпляр, обладали низким ростом, всего 5 футов, были коренастыми, неуклюже ходили и бегали враскачку. У них были кривые ноги, низкая посадка плеч и согбенная спина. Их выдающиеся вперед челюсти, убегающий назад лоб и глубоко посаженные глаза с низко нависшим надбровным костным валиком создавали внешность малопривлекательную. Голова сидела на короткой толстой шее, практически составлявшей единое целое с затылком.

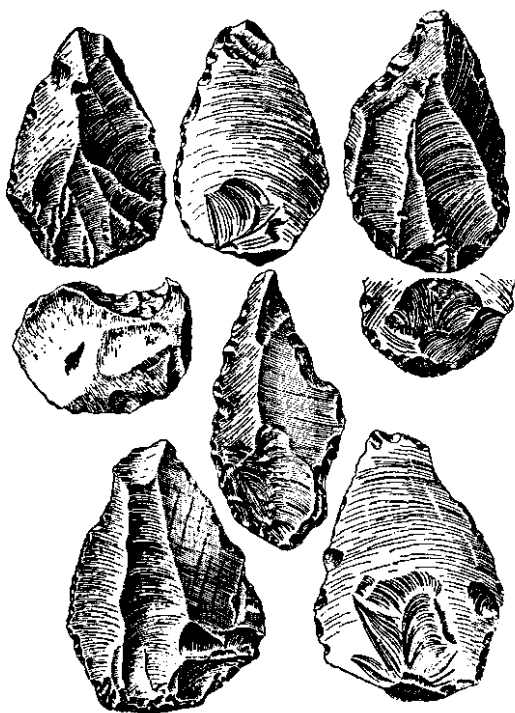
Советский археолог Г.А. Бонч-Осмоловский изучал строение кисти руки неандертальского человека из Киик-Коба (Крым) и обнаружил, что она очень мощная, грубая и неуклюжая, с пальцами широкими и плоскими на обрубке. Сильно развитые мускулы придавали ей мощь необычайную. Однако она лишена гибкости и подвижности, свойственных руке современного человека. Особенно интересной для изучения неандертальского человека из Центральной Азии оказалась находка захоронения 8—9-летнего мальчика, найденного в 1938 году, сделанная А.П. Окладниковым в пещере Тешик-Таш (Южный Узбекистан). По черепу этого ребен-

ка скульптор М.М. Герасимов произвел свою знаменитую реконструкцию. Отец Тейар де Шарден в свое время разделил неандертальских людей на две основные группы: «дикари» и «продвинутые». К «дикарям», проживавшим на Яве, в Родезии и в других местах, он отнес обладателей более плоских черепов, с более убегающими лбами, резче выступающими челюстями и, вообще, более обезьяноподобным обликом. «Продвинутые» неандертальцы, которые жили на территории Палестины, Западной Азии и Германии, были более «цивилизованными». Они обладали выступающими скулами, относительно высоким лбом, хорошо выраженным подбородком и менее выступающими челюстями.

Мустьерский человек в Армении значительно улучшил технику изготовления обсидиановых орудий по сравнению со своими ашельскими предшественниками. Неандертальцы, кроме ручных топоров и других традиционных орудий, делали скребла, диски с отверстиями, пластинчатые орудия, ножи, наконечники для копий и маленькие острия, похожие на наконечники стрел. Они заостряли края оружия и инструментов тонкой «доводкой» и скрупулезным скалыванием. По-видимому, они не работали с костью, хотя использовали большие твердые кости бизонов в качестве наковален и подставок для рубки. Некоторые из этих неандертальцев были каннибалами. Они были организованы в свободные племена, или кланы, часто хоронили мертвых согласно неким ритуалам и раскрашивали себя двуокисью марганца и красной охрой при проведении магических обрядов и церемоний.

Самым важным центром эволюции такого неандертальского человека в мустьерскую эпоху был регион, лежащий к югу от Кавказского хребта, включающий в себя Грузию, Абхазию и Армению. На Черноморском побережье Абхазии и Мингрелии (древней Колхиды), а также поблизости от него известно не менее 25 точек мустьерской культуры. Пять из них расположены в долине Риони и 20 вдоль течения реки Куры (Мхтвари) и ее притоков. Следы мустьерской культуры были найде-

ны в пещере Кударо (Осетия), где найдены также кости носорогов, серн, сурков, кротов, барсуков, выдр, хомяков, зайцев и хорьков.

Примитивные обсидиановые орудия (средний палеолит)

В Республике Армении места мустьерской культуры расположены по соседству с горой Артин, то есть там где обитали первобытные люди в период абbevильской и ашельской культур. Еще такие точки находят около деревни Пемзашен, к северо-западу от горы Артин, и в районе Ноемберяна, на армяно-азербайджанской границе. Особенно важными являются многочисленные находки из Арзни и других точек, расположенных вдоль долины реки Раздан, берущей начало

в озере Севан. Они были опубликованы в 1950 году М.З. Паничкиной. Предметы мустьерской культуры из долины реки Раздан, общим числом примерно 340, отличаются большим разнообразием типов и форм. Некоторые из них напоминают найденные в крымской пещере Киик-Коба, другие похожи на кремневые орудия из узбекской пещеры Тешик-Таш, еще одни сравнимы с мустьерскими изделиями из Умм-Куатафа близ Иерусалима (опубликованы Р. Невиллем в 1931 году).

На территории бывшей Турецкой Армении мустьерские изделия находят в очень отдаленных друг от друга точках, в том числе в долине реки Борлук к югу от Карса и в 120 милях от нее, близ маленького городка Лиз, к западу от озера Ван и северо-востоку от Муша. Лиз расположен в непосредственной близости к Мурат-Су, что служит дополнительным аргументом в пользу утверждения Любина, а именно, что долина этой реки была важнейшей артерией, по которой шел культурный обмен между Арменией и областью «Благодатного полумесяца» на протяжении многих периодов предыстории Анатолии.

Следующей фазой обитания человека в Армении является ранний палеолит, который растянулся на период примерно от 40 тысяч до 12 тысяч лет до нашей эры. Его часто называют «оленьим» веком. Климат основной части Европы и Северной Азии все еще оставался холодным, а в начале этого периода еще и очень влажным. Со времен наивысшего расцвета неандертальцев ледники почти не сдвинулись с места и все еще покрывали большую часть Северной Европы и Сибири. В Армении ледники и снега простирались вниз по склонам Арарата, Алагёза, Бингёля и других горных гигантов. Линия вечных снегов на Главном Кавказском хребте, на расстоянии нескольких сотен миль к северу, пролегла очень низко, на высоте 1200—1300 метров. (Сегодня она находится на высоте 2800—3400 метров.) Мамонты, олени и шерстистые носороги жили там более или менее многочисленными стадами и были типичными представителями животного мира той эпохи. В Армении обна-

ружены останки мамонтов, бизонов, предков современной лошади и оленей.

В пределах великого вюрмского оледенения различают две более мягкие, промежуточные, фазы, во время которых температура была благодатнее. Однако вскоре холода вернулись, причем на этот раз климат был суше и суровей. В ту пору к уже перечисленным животным добавились антилопа-сайга, серны, зубры, сурки и тушканчики. Многие из этих животных известны нам сейчас не только по их окаменевшим останкам, но и по изумительным наскальным рисункам, обнаруживаемым в пещерах начиная от Альтамыры в Северной Испании, и Серигоре, а также других регионах Франции вплоть до Урала в России и дальше на восток. Они свидетельствуют о художественном мастерстве этих далеких предков современного человека.

Культура самого раннего верхнего палеолита, ранее называемая нижнеориньякской, а теперь известная как шательперронская, уже предчувствовалась в недрах ишельской. Шательперронская культура, возможно, зародилась недалеко от Армении. Согласно Оукли, она, по всей вероятности, распространилась из Юго-Западной Азии в Восточную Европу перед концом мустьера, так что во Франции, как и в Палестине, произошло некоторое смешение двух традиций. Шательперронцы пользовались ножами с каменными лезвиями, у которых один край был прямым и острым как бритва, а второй, противоположный, изогнут до самого кончика и затуплен резким обколом. Такого рода приспособления в Армении не редки: Сардаряну удалось собрать по крайней мере 18 экземпляров.

Среди ученых не стихают споры о том, проистекают ли культуры раннего верхнего палеолита, особенно ишельская ныне как ориньякская, непосредственно из культуры неандертальцев, а именно мустьерской. Многие западные археологи полагают, что ориньякская культура была привнесена в Европу некими пришельцами с востока, известными под именем кроманьонцев. Кроманьонцы были выше ростом и сложены изящнее,

чем сутулые неандертальцы. Западные ученые склонны считать, что кроманьонцы развились независимо от неандертальцев, которых затем и вытеснили благодаря большей сообразительности и техническим достижениям. Советские археологи, верные своим эволюционным взглядам и убежденные в определяющем влиянии среды, утверждали, будто кроманьонцы и затем современный гомо сапиенс являются прямыми потомками неандертальцев, которые преобразились в человека более привлекательного эстетически и более ловкого за счет естественного развития и естественного отбора.

Богатая среднекроманьонская культура особенно хорошо представлена в Армении и Грузии. Так, Георгий Ниорадзе (1886—1951) изучал ориньякскую пещерную стоянку в Девис-Хврели, расположенном в Шорапанском районе Грузии. Он обнаружил там человеческую челюсть и множество кремневых орудий, а также костей животных, что позволило ему убедительно воссоздать жизнь первобытного человека в Грузии во времена верхнего палеолита. Что касается Армении, мы можем основываться главным образом на обсидиановых орудиях, сделанных близ горы Артин и в Разданской долине. Разработана система исследований многочисленных пещер и гротов, связанных с разданскими находками. По аналогии с Грузией и с учетом сурового климата ориньякской поры можно не сомневаться, что в Армении найдутся свидетельства пещерных стоянок людей ориньякской культуры.

Орудия и оружие ориньякской культуры отличает замечательная техника создания каннелюров, которую трудно скопировать даже сегодня. Ушли навсегда мустьерские скребла с их «решительными» обколами. Их место заняли тщательно изготовленные концевые скребки, у которых ударные сколы сходятся веером к центральной точке. Часто встречаются резцы, у которых кончик имеет острый рабочий край и затупленную спинку (техника, явно взятая из шательперронской культуры). Иногда мы видим орудия двойного назначения: скребок с одного конца и резец с другого. Имеют-

ся орудия, изготовленные из кости. Их много в армянских пещерных стоянках того периода. На горе Артин и в других местах Армении находят дацитовые и обсидиановые ножи, относящиеся к ориньякской культуре. По правде говоря, находки на горе Артин, где рядом с полуобработанными кусками дацита и обсидиана валяются осколки и обломки камней той же породы, являются свидетельством того, что на протяжении многих тысяч лет там была истинная фабрика первобытных орудий, откуда в соседние области регулярно экспортировались как готовые изделия, так и каменные заготовки для них.

Интересно отметить, что советский археолог Е.И. Крупнов полагает, будто в период существования ориньякской культуры происходила значительная миграция кавказских племен в Европейскую Россию. Было проведено сравнение между некоторыми типами тонко отделанных кремневых стрел и наконечников стрел, связанных с грузинским местечком Гварджилас-кдде, и аналогичными находками из Костенок и Борщева со Среднерусской возвышенности близ Воронежа. Из их сопоставления следует вывод, что в эпоху верхнего палеолита племена из Закавказья, а возможно, и с юга Армении передавали свои методы обработки каменных орудий в регионы, лежащие к северу от Кавказского хребта, а именно в области, лежащие вокруг Азовского моря, а также вдоль Дона и Волги.

На основе рассмотрения другой группы обсидиановых орудий из района Алагёза Сардарян предположил, что здесь имеет место особая верхнепалеолитическая культура — солютрейская. То есть в Армении также представлена культура, названная по месту первобытной стоянки близ местечка Ле-Солютре в департаменте Дордонь, Франция. Ее считали чисто местной разновидностью солютрейской культуры, отличающейся высокоспециализированной техникой обработки кремней. Ее представители изобрели тип тонкого наконечника копья, известный как «лист лавра». Они также усовершенствовали технику обработки кремней сжатием, что по-

звояло им обновлять старые орудия по всей поверхности, а не только по краям.

Как часто утверждают, солютрейцы произошли откуда-то с территории нынешней Венгрии и являются гибридом неандертальского и ориньякского человека. Хотя следы их обитания отмечены в нескольких точках на юге России, присутствие их в районе Средиземноморья и на Ближнем Востоке обычно отрицается. По мнению многих археологов, культура эпохи неолита, которую Сардарян классифицировал как солютрейскую, в действительности является гораздо более поздней. Создается впечатление, что в настоящий момент наличие истинной солютрейской культуры в Армении следует исключить.

Как и во многих других точках обитаемого мира в период между 40 и 30 тысячами лет до нашей эры первобытный человек, поселившийся в Армении, уже относился к виду *homo sapiens*, то есть «человек разумный». Его умственная деятельность и даже моральные и религиозные воззрения почти не отличаются от тех, что имели место на ранних этапах истории человечества и даже более поздних. С тех пор как он утратил обезьяноподобные черты, полностью овладел прямохождением и руки этого человека стали руками, подобными современным, экономическая и социальная жизнь его вошла в более развитую и лучше организованную фазу.

Хотя основными занятиями верхнепалеолитического человека оставались охота, сбор плодов и ягод, он также выучился ловить рыбу, а может быть, даже начал приручать диких животных. Там, где не было естественных укрытий или пещер, он делал навесы из шкур или строил полуподземные убежища, крытые ветками и землей. Такие жилища были обнаружены на юге России. Что касается общественной организации его жизни, многие советские ученые во главе с М.О. Косвенем полагают, что именно в пору верхнего палеолита зародился институт матриархата, то есть матриархатного племенного уклада, который существовал на протяжении мезолитического и неолитического периодов. Не-

сомненно, верхнепалеолитический человек имел явную склонность (особенно в России) вырезать обнаженные женские фигурки, большей частью обладавшие большими животами и тяжелыми висячими грудями, символизовавшими плодovitость. Хотя встречаются также фигурки, изображающие женщин стройных и пропорционально сложенных.

За эрой ориньякской культуры развилась мадленская, последняя фаза верхнего палеолита. Мадленская культура названа так по местечку Ла-Мадлена, где близ Лез-Изис (департамент Дордонь, Франция) было найдено скальное убежище, хотя она простирается на многие районы Европы и Западной Азии. Мадленская культура зарождается на последней стадии вюрмского оледенения и продолжается в более мягкие климатически времена послеледникового периода. Орудия тогда изготавливались из слоновой кости и рога оленя, причем эти многочисленные находки были очень красивы. Мастерство тогдашних резчиков по кости характеризуют тонкие костяные иглы с ушком, которыми они сшивали шкуры и меха, делая одежду. Именно тогда пещерная живопись, впервые проявившаяся в пору Ориньяка, достигла своего высочайшего уровня. Каменные орудия этой эпохи из Европы, Армении и Грузии выполнены очень умело, хотя и редко достигают совершенства изделий ориньякских мастеров. Появляются новые типы каменных орудий — резцы, пилки, двусторонние скребки, кривые струги и другие хитроумные приспособления, сделанные таким образом, чтобы их можно было насадить на деревянную или костяную рукоятку.

Обычно считают, что мадленцы были кочевниками и что в гористых краях, вроде Кавказа или Центральной Франции, они зимой жили в пещерах, близ входа, а летом кочевали вслед за стадами диких животных. В степях Южной России охотники на мамонтов зимой строили землянки, а летом жили в легких хижинах или шалашах. Каменные круги, отмечающие места крытых шкурами шатров мадленцев — охотников на оленей были обнаружены на севере Германии. Охотились мадлен-

цы главным образом с помощью копий, а также, судя по некоторым из пещерных рисунков, заманивали свою добычу в ловушки и силки.

В Армении следы мадленцев найдены в местах древних стоянок людей каменного века около горы Алагёз и горы Артин (Сатани-Дар), а также в Анипемзе в низовьях реки Ахурьян и вдоль течения реки Раздан выше Еревана. Во многих случаях эти находки изделий мадленской культуры ассоциируются с рассеянными обсидиановыми микролитами, то есть миниатюрными каменными орудиями, которые относят к азильскому типу. Это более поздняя стадия развития человеческой культуры, от мезолита до среднекаменного века, видимо, около 10 тысяч лет до нашей эры. Насколько нам известно на сегодня, мадленцы не оставили в Армении каких-то выдающихся памятников искусства эпохи верхнего палеолита. Хотя не исключено, что они будут обнаружены в будущем.

Многое еще предстоит сделать, прежде чем изучение первобытного человека на территории Армении можно будет назвать полным и всеобъемлющим. Однако уже сейчас у нас есть достаточно оснований, чтобы причислить Армению к группе колыбелей человеческой цивилизации. За несколько десятилетий середины XX века советскими учеными было найдено достаточно доказательств того, что на высотах Армянского нагорья в течение долгого времени обитали сначала питекантропы (обезьянолюди), затем гомо абилис (человек умелый, или рукотворец) и неандертальцы и, наконец, современный гомо сапиенс (человек разумный). Вся эта предыстория растянулась более чем на полмиллиона лет. А посему Армения по праву считается одним из древнейших очагов человеческой культуры и является неотъемлемым звеном в длинной цепи палеолитических культур Южной Азии, Средиземноморья, Центральной Европы и Африки.

Глава 3

РАННЕЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И РЕМЕСЛА В АРМЕНИИ

К концу верхнепалеолитического периода климат Европы и Кавказа постепенно, но неуклонно становился мягче. Арктические погоды, преобладавшие на протяжении средней его поры, исчезали, среднегодовая температура повышалась, на месте заснеженных степей и тундры зашумели леса. Большая часть четвертичной или плейстоценовой фауны или вымерла, или мигрировала на север, в более прохладные области. Линия вечных снегов на горе Арарат и по Кавказскому хребту отступила к вершинам, многие ледники растаяли.

Исчез мадленский человек с его чудесными культурой и искусством. На его место пришли другие, более или менее изолированные племена, которые заняли большую часть Европы и частично Азию. Так продолжалось до прихода истинно неолитической цивилизации. В течение этой мезолитической эпохи, или среднекаменного века, искусство и ремесла пребывали в упадке, возможно, потому, что смягчение климата перестало побуждать к прогрессу. Действительно, это ведь суровая необходимость вынуждала палеолитического человека к новым, более высоким достижениям и художественному самовыражению. Теперь каменные орудия представляли собой очень мелкие микролиты (треугольники и полумесяцы с затупленными спинками, а также резцы и сверла). Люди мезолитического периода открыли преимущества составных, композитных инструментов, у которых рукоятка делалась из одного материала, например дерева или кости, а рабочий край из другого,

например кремня или, как в Армении, обсидиана. Так, деревянная или костяная рукоятка, легкая и удобная, могла быть использована для насадки серии маленьких ножевых лезвий или зубьев пилы, сделанных из острого, хорошо подлежащего обработке камня.

Считается, что мезолит в Армении и Грузии растянулся примерно от 12 до 6 тысяч лет до нашей эры, хотя к концу этого периода предгончарный неолит в приграничных с Анатолией и Ираном областях Армении был уже в разгаре. Из-за кочевого образа жизни физические следы обитания мезолитического человека рассеяны и утрачены, хотя имеются весьма любопытные примеры этого в Западной Грузии, в частности в нижних слоях Одишской стоянки близ Зугдиди в Мингрелии (исследованы А.Н. Каландадзе в 1936—1937 гг.). Наряду с многочисленными микролитами, сравнимыми с сегодняшними образцами им подобных из Ирана и Ирака, раскопки в Одиши дали некоторое число более существенных орудий, напоминающих так называемую кампинийскую культуру раннего неолита. Это пестики, терки, а также частично полированные каменные мотыги и головки мотыг. Эти находки свидетельствуют о том, что Закавказье было в Древнем мире, наряду с Центральной Анатолией, одним из первых очагов оседлого земледелия. Следы мезолита были также обнаружены Б.А. Куфтиным на пещерной стоянке в Бармаксизском ущелье в Триалети, к юго-западу от Тбилиси и недалеко от северной границы с Арменией. Здесь преобладают микролиты, обсидиановые ножи, а также встречаются кости различных диких животных, в том числе лошадей.

Очень важный шаг в технике охоты был сделан в эпоху мезолита, когда появились лук и стрелы. Развилось искусство рыбной ловли, приручение собак стало обычным делом. Сбор пищи давал достаточное пропитание племенам, населявшим Крым и Кавказ, так как там смягчившиеся погодные условия обеспечивали людей плодами, ягодами и моллюсками. Животный мир Армении пополнился зайцами, оленями и предком со-

временной лошади, которая сменила более раннюю эпохи палеолита. Наличие этих доисторических лошадей на территории Армении имеет большое значение для разрешения спорного вопроса о прародине современных лошадей. Большое число ученых склонно считать ею Армянское нагорье.

Одной из самых любопытных мезолитических культур на Ближнем Востоке является зарзаянская в горах Загроса. Считается, что она пришла с севера, возможно, из русских степей, лежащих за пределами Кавказа. Однако использование обсидиана, черного вулканического стекла, указывает на связь с областями, расположенными к северу и к западу от озера Ван, откуда брался этот материал. Самые богатые раскопки зарзаянской культуры находятся в Шанидаре (слой Б2) в северном Ираке, к югу от нынешней турецкой границы. Там мезолитический слой датируется 10-м и 9-м тысячелетиями до нашей эры.

Истинные мезолитические поселения в Армении отмечены в Арегуни-Блур на горе Артин. Там на постоянных стоянках первобытного человека обнаружены обсидиановые микролиты, предназначенные для закрепления в головках гарпунов, копий и стрел. Такие же изделия присутствуют в разных местах этого региона, то есть на временных стоянках, характерных для кочевой жизни обитателей армянских гор той эпохи. Другие признаки подобного образа жизни показывают нам весьма любопытные наскальные рисунки, встречающиеся в изолированных нишах, пещерах и на утесах горы Алагёз, а также горной гряды Гегхахмаган и гор Сюнии. Эти схематичные рисунки изображают охотничьи сцены, в которых люди, вооруженные луками, стрелами и копьями, в сопровождении собак гонятся за сернами, дикими баранами, косулями и оленями. В отличие от палеолитических пещерных рисунков Испании и Франции фигуры людей и животных изображены в уменьшенном виде, подобно тому как крупные каменные орудия ориньякской и мадленской культуры уступили место мелким микролитам. Хотя техника исполнения

рисунков очень проста и сами образы стилизованы, в них прекрасно переданы усилие и движение, а изображения животных достаточно точны, чтобы четко идентифицировать представленные виды фауны.

На рубеже неолита, то есть нового каменного века, были сделаны большие шаги по пути прогресса, позволившие человеку перейти барьер между дикарством и цивилизацией. Образ жизни и мысли людей в новом каменном веке резко отличали их от палеолитовых и мезолитовых праотцев. В этой неолитической революции сыграли существенную роль по крайней мере пять открытий:

1. Оседлое земледелие.
2. Одомашнивание животных.
3. Изготовление глиняной посуды.
4. Освоение техники шлифовки и полировки.
5. Шитье, прядение и ткачество.

Первые два уже сами по себе позволили человеку вести жизнь, менее подверженную невзгодам, так как обеспечивали ему запасы пищи вперед. В такой области, как Армения, это давало возможность существовать гораздо большему числу людей, чем при занятиях лишь охотой и сбором плодов. Семья и организованные сообщества стали распространеннее и устойчивей. Жизнь сообщества вела к специализации в работе и занятиях, что позволило совершить прорыв в искусствах и разного рода ремеслах. Это привело также к росту числа религиозных культов и обслуживающих их жрецов.

Гончарное ремесло было развито в Анатолии уже в 6-м тысячелетии до нашей эры и сыграло большую роль в становлении домашнего очага. Армения недолго оставалась в этом позади. Уже на ранней стадии появляются гончарные изделия, украшенные простыми узорами из точек или линий, расположенных в виде «рыбьего скелета», то есть елочки. Поверхность необожженных глиняных горшков, казалось, нуждалась в украшении и давала простор игре воображения, которое создавало новые формы лепки, раскраски и глазировки. Одновременно развитие техники шлифовки и полировки позво-

лило делать кремневые и обсидиановые орудия с твердым режущим краем, который нельзя было получить, пользуясь лишь обколами. Обколотый край хоть и острее, но крайне хрупок. Теперь можно было изготавливать орудия более долговечные, что сразу облегчило труд ремесленников, занятых в столярном деле и других видах работ по дереву.

Понятно, что полностью развитые неолитические культуры Ближнего Востока и Транскавказского региона не возникли из небытия на протяжении нескольких кратких поколений. Они явились результатом долгого процесса эволюции от мезолитической стадии, которая продолжалась в более развитых регионах «Благодатного полумесяца» примерно от 9-и до 7 тысяч лет до нашей эры. Этой последней цифрой датируется уже полностью состоявшееся земледелие в Египте, Иордании, Иране и некоторых частях Анатолии. Даже при отсутствии сохранившихся зерен само наличие ручных мельниц и ступок, пестиков и жерновов, а также зерновых ям для хранения урожая и серпов ясно свидетельствует о существенных переменах в экономике. К тому же времени относятся обнаруженные следы первых постоянных поселений, которые обновлялись последующими обитателями этих мест. Появляются кладбища, а захоронения теперь содержат такие предметы роскоши, как бусы и подвески, являющиеся свидетельством того, что у человека появился досуг для иных занятий, кроме утоления физического голода. На таких стоянках, как Катал-Хюйюк (на юго-востоке Малой Азии), возникает искусство в форме резных изображений животных и фигурок высшего божества или богини-матери. При раскопках мы находим свидетельства регулярной торговли, а к концу этой фазы следы постройки первых городов, окруженных оборонительными стенами, часто весьма массивными. Эта стадия развития цивилизации особенно хорошо изучена в Иерихоне, близ Мертвого моря, а также в местечке Джармо (Курдистан) неподалеку от южной границы древней Армении, и в Тепе-Асиаб на Керманшахской равнине Западного Ирана.

Датировка и точное местоположение каждого из этих ранних земледельческих поселений все еще вызывают бурные споры среди археологов. 14 марта 1967 года «Дейли телеграф» опубликовала доклад Египетского департамента древностей, в котором утверждается, что именно долина Нила есть первое в мире место, где зародилось и развилось земледелие, и что предки нынешних египтян обрабатывали землю уже 14 тысяч лет назад, когда остальной мир еще только вступал в мезолитическую эпоху. Этот вывод основывается на раскопках в Нубии, которые в течение 6 лет проводила группа американских, польских и египетских археологов. До тех пор считалось, что впервые земледелием люди стали заниматься 9800 лет назад, согласно раскопкам в Иерихоне и на холмах Ирака и Южной Турции. Однако изучение стоянок близ нубийских деревень Тошка, Эсна и Эфду, на западном берегу Нила, дало поразительные сведения. Один колодец близ деревни Тошка, согласно датировке по углероду-14, был вырыт около 12 500 лет назад. Тысячи найденных кремневых орудий и оружия, а также жерновов для помола зерна, согласно данным радиоуглеродного анализа и электронномикроскопическим исследованиям, датируются 12-м тысячелетием до нашей эры. Близ названных деревень обнаружено также большое количество человеческих скелетов давностью где-то между 12-м и 14-м тысячелетиями. Из них около 40% мужчин было убито заталкиванием мелких твердых камешков в рот и задний проход, что, несомненно, является результатом жестокой борьбы за владение узкими полосками едва обработанной земли. Земледельцы той далекой эпохи еще продолжали жить в пещерах или под защитой каких-то примитивных непрочных укрытий, потому что там, в Нубии, не было найдено следов более долговечных построек.

Сама Армения занимает важное место в ранней истории земледелия. Едва ли есть в мире другая территория, кроме Закавказья, которая может похвастаться большим разнообразием диких и окультуренных злаков.

В своей книге «Неолитическая революция» миссис Соня Коул показала, что Армения и Грузия входят в число прародин современных злаковых растений. Армения фигурирует в ряду областей, где были первоначально найдены простейшая пшеница, известная как «однозернянка», а также дикий двухрядный ячмень.

При раскопках всех неолитических стоянок в Армении и Грузии находят обугленные остатки множества злаков. Неолитическая керамика из Одиши и Зугдиди в Мингрелии украшена орнаментом из колосьев.

В Армении были в ходу каменные и деревянные лопаты и мотыги, а также тяпки и кирки, сделанные из кости животных и снабженные деревянными рукоятками. Жатва осуществлялась с помощью деревянных и костяных серпов, с острыми мелкими зубчиками из кремня или обсидиана. Найденные пестики, жернова и мельницы демонстрируют нам, каким образом предки армян мололи зерно и подготавливали его для печения хлеба.

Простые горшки из обожженной глины для хранения пищевых продуктов и приготовления пищи, блюда с примитивным узором из линий или точек позволяют нам представить себе, как выглядел домашний обиход Армении 7—8 тысяч лет тому назад.

Изготовление орудий стало занятием специализированным и постоянной основой торговых отношений с посторонними. Много лет назад Жак де Морган обнаружил в окрестностях горы Алагёз целую мастерскую по производству обсидиановых орудий. Другие подобные центры существовали в нескольких местах близ Вагаршапата, современного Эчмиадзина, а также Эйлара, в 15 километрах к северо-востоку от Еревана, или же вокруг Нор-Баязида, непосредственно к югу от озера Севан. Наряду с обычными шлифованными или полированными долотами, топорами, сверлами и скребками советские археологи находили в Армении орудия необычной формы, напоминающие птичий клюв. Весьма примечательная стоянка в Тилки-Тепе, или Шамира-мальти, близ озера Ван, где проводил в 1899 году рас-

копки Белк, была населена с начала неолита и далее. Там были найдены в большом количестве обсидиановые орудия, а также украшения и культовые фигурки, сделанные из зубов диких зверей.

На протяжении всего периода неолита человек экспериментировал с различными методами вспашки и возделывания почвы. Поначалу это была не более как поверхностная «скребушая» обработка, в такую чуть потревоженную землю сеяли семена, а затем, когда поспевали колосья, женщин посылали их собирать. Позднее люди пришли к необходимости применять более интенсивные методы земледелия. Методом проб и ошибок человек узнал, что более глубоко вспаханная почва дает больший урожай, чем если сеять в почву лишь расчищенную и чуть процарапанную. Первым орудием глубокой вспашки, несомненно, был простой деревянный кол. Позже к деревянным стержням были прикреплены каменные головки, затем медные, а еще позже бронзовые. Интересно, что еще долгое время после изобретения плуга на гористых склонах таких краев, как, например, Сасун, в ходу оставались для этой цели примитивные двузубые вилы. До сих пор их можно увидеть в отдаленных горных районах. Это сельскохозяйственное орудие в Армении называют «эркматни пейтат», а в Грузии «ортокни» и продолжают применять для обработки маленьких клочков земли или очень каменистых склонов, где нельзя использовать волов. Это большое массивное орудие, и управляться с ним должны три человека, двое из которых вместе давят на нижнюю подножку, а третий нажимает на ручку сверху. Как указывает С.Т. Еремян, это приспособление является прямым потомком острых деревянных кольев неолитических времен.

Данные последующих археологических открытий, совершенных Кэтлин Кеньон, Р.Дж. и Л.С. Брэйдвуд, Джеймсом Меллартом и другими, очень расширили наши знания о неолитической цивилизации Ближнего Востока, проникнув глубже в прошлое, чем представлялось нам возможным еще недавно. Теперь мы понима-

Факт, что деление на эволюционные технологические стадии — «мезолитическую», «неолитическую», «халколитическую» (медно-каменную) и т. д. — теряет свои строгие очертания. В разных частях этого региона они сливаются и накладываются друг на друга. Тем не менее полезно для ориентировки иметь перед глазами предложенную Дж. Меллартом хронологическую последовательность основных культурных фаз в более развитых районах Ближнего Востока. При этом следует учитывать, что на территории Армянского нагорья эти фазы отставали на несколько столетий: мезолит — около 10—9 тысячи лет до нашей эры (эту фазу часто называют финалом верхнего палеолита); протонеолит, около 9—7 тысяч лет до нашей эры (вместо мезолита); неолит — около 7—5,6 тысячи лет до нашей эры; ранний халколит — около 5,6—5 тысячи лет до нашей эры; средний халколит — около 5—4 тысячи лет до нашей эры; поздний халколит — около 4—3,5 тысячи лет до нашей эры и позже.

Южным областям Армении, расположенным вокруг озера Ван, пошло на пользу общение с более развитой и изощренной халафской культурой, достигшей расцвета между 500 и 400 тысячами лет до нашей эры. Телль-Халаф, давший ей название, находится на севере Сирии, однако наилучшие образцы полихромной керамики происходят из района Арпачая в Северном Ираке. По мнению Мелларта, творцами халафской культуры были пришельцы с севера, и ее истоки следует искать в долинах верховий Тигра и Евфрата, то есть в регионе, впоследствии составлявшем часть Великой Армении. Декор ранней халафской керамики красный или черный на абрикосовом фоне. Он покрыт глазурью. Кроме того, он отличается весьма натуралистическим изображением человеческих существ, птиц и животных. В средней фазе развития этой культуры в узор добавляются штрихи кремового цвета, рисунок делается более изощренным. В финальной фазе изготавливаются большие полихромные блюда со сложным центральным рисунком (розетками или мальтийскими крестами). Они представляют собой

выдающиеся произведения ближневосточной керамики. Люди халафской культуры умели выращивать зерно, строить оригинальные дома, прокладывать мощеные дороги. В каждом доме была круглая внутренняя комната с куполообразным потолком и квадратные сени. Это были глинобитные строения на каменном основании. Подобные дома находят также в ряде районов Армении.

Хотя центром халафской культуры были север Ирака и Сирии, она была тесно и плодотворно связана с районом озера Ван в Армении. Действительно, неотъемлемую часть халафской культуры составляют бусины, пластины и сосуды из армянского обсидиана. Халафские люди использовали также самородную медь, свинец и золото из армянских рудников. Торговля между халафскими людьми и Арменией была регулярной и обширной. Одновременно продолжался постоянный товарообмен между Средиземноморьем и территориями Персидского залива и берегов Индийского океана. Важный центр халафской торговли существовал в Тилки-Тепе (Шамирамальти) близ озера Ван, где были найдены прекрасные образцы халафской керамики. Значение Армении как посредника международной торговли подтверждается находкой раковин Индийского океана в грузинских раскопках (пещера Сагварджиле) и наличием армянского обсидиана не только в городищах Малой Азии, но даже в низовьях Волги и на Украине.

За неолитической стадией культуры человечества последовал халколит (термин происходит от греческих слов «халкос», медь, и «литос», камень). Им обозначают ту стадию цивилизации, когда человек, наряду со старинными орудиями и оружием из камня, начал экспериментировать с изготовлением их из самородной меди.

В Армении и на Ближнем Востоке обнаружено множество поселений, основанных в период неолита и просуществовавших на протяжении медно-каменного века (халколита), бронзового и позже. В Персии и Турции такие поселения оставили большие искусственные холмы, которые называют «тепе», в армянском языке им

соответствует название «блур», означающее «холм». Эти холмы образовались из остатков глиняных стен домов, бытового мусора и даже человеческих захоронений. Все это за многие века приподняло обжитые места над окружающей их равниной. В странах, где вода и тень скудны, природный консерватизм жителей приводит к тому, что поколение за поколением теснятся на тех же благоприятных местах, где имеются родники, плодородная почва, сады, а позднее и оросительные каналы, обеспечивающие постоянное питание посевов водой. Таким образом, эти террасы, поднимающиеся на 50—60 футов над скальным основанием, сохраняют для нас в своих слоях следы многолетнего жалкого существования людей, иногда со времен неолита.

К богатейшим из раскопов такого типа относится небольшой холм Кюль-Тепе, или «холм золы», расположенный в районе Нахичевани, в 8 километрах на северо-северо-восток от древнего армянского города Нахичеван, на левом берегу Нахичеван-чай. (Этот нахичеванский Кюль-Тепе не следует смешивать с более известным Кюль-Тепе, или Канеш, в Каппадокии, находящимся в сотнях миль западнее Армении.) И.А. Лалаян впервые осуществил здесь небольшие раскопки в 1904 году и обнаружил ряд интересных предметов, относящихся к медно-каменному и бронзовому векам. С 1951 года там проводились планомерные раскопки экспедицией Азербайджанской академии наук совместно с Московским институтом археологии АН СССР. Результаты этих работ опубликованы в серии интересных статей и монографии О.А. Абибулаева.

До начала раскопок нахичеванский Кюль-Тепе представлял собой холм площадью 150 метров с севера на юг на 100 метров с запада на восток. Он поднимался на 14-метровую высоту над поверхностью окружающей равнины. Местное население на протяжении веков привычно свозило туда мусор и брало оттуда золу для удобрения полей. Так что в некоторых местах холм почти сровнялся с равниной. Но в других местах Кюль-Тепе позволяет вести раскопки на глубину до 22 метров,

прежде чем будут исчерпаны слои, содержащие остатки человеческой жизнедеятельности и лопата археолога коснется природного основания.

Нахичеванский Кюль-Тепе начиная с железного века на поверхности состоит из четырех основных слоев: позднее- и среднебронзовый (слой III), раннебронзовый (слой II), медно-каменный (слой IV) и, наконец, неолитический (слой IA). Слои II и IV разделены промежуточным слоем чистой земли толщиной 15—40 см, что указывает на то, что в течение многих лет между медно-каменным и раннебронзовым веками это место было людьми покинуто.

Хотя мало что сохранилось от прошлых строений (первоначального неолитического поселения, образующего слой IA, и домов медно-каменного века, слой IV), удастся тем не менее различить 13 глинобитных и каменных, округлых или почти квадратных жилищ того времени. Круглые дома имеют 6—8 метров в диаметре, а одно из квадратных даже имеет размеры 4 × 3,3 метра. Внешние стены обладают толщиной от 35 до 55 см, полы земляные.

Слой II нахичеванского Кюль-Тепе содержит остатки 39 домов, круглых и квадратных в плане. Они сложены из булыжников, а также кирпичей, сделанных из глины-сырца. Каждое строение имеет в середине большой плоский камень или небольшую дырку в полу, где поставлен центральный столб, поддерживающий коническую крышу. Эти дома (слоя II) обогревались либо круглой глиняной жаровней (мангалом), размещенной прямо на полу, либо сделанной из глины печкой, установленной рядом с внешней стеной. Отличительной чертой является их подковообразное устройство. Эти дома раннебронзового века в Кюль-Тепе во многом подобны жилищам, обнаруженным при раскопках, проведенных экспедицией Бертон-Брауна в Геой-Тепе близ Реша в Иранском Азербайджане и экспедицией Чарльза Берни в Яник-Тепе близ Табриза.

Самый нижний обжитой слой в Кюль-Тепе содержит не менее семидесяти трех человеческих захоронений, в

основном неолитического периода. Похоронные ямы вырыты между домами или даже непосредственно под полами домов. Не видно никаких попыток уложить тела каким-то определенным образом. Дно каждой похоронной ямы выровнено и обмазано глиной. Тела покойников лежат на боку или на спине в скорченном или согнутом виде. Руки сложены у лица или на груди либо вытянуты вдоль тела. Часто под головой обнаруживали небольшие камни или небольшие черепки. Некоторые из скелетов посыпаны красной охрой. Остатки тростника или камыша, найденные около скелетов, позволяют предположить, что тела перед погребением были укрыты грубым подобием савана, сплетенного из тростника. Видимо, эти люди были слишком бедны, чтобы хоронить с покойниками какие-либо ценные вещи. Только в 25 из 73 случаев были обнаружены посторонние предметы: бусинки из цветных камней, костяные подвески, обсидиановые ножи или грубые самодельные горшки из смеси глины с соломой или мякиной. В двух могилах были найдены скелеты собак. В большинстве погребений находится по одному телу, но в некоторых было обнаружено по два, три или даже четыре скелета.

Особый интерес представляет собой керамика, найденная в культурных слоях Кюль-Тепе неолитического и медно-каменного периодов. Неолитическая керамика — обычная, слабообожженная, красновато-коричневая или серая, сделана из укрепленной соломой глины и неравномерно обожжена. В слоях, относящихся к медно-каменному веку, наряду с неуклюжими местными изделиями, появляются осколки высококачественной керамики, из смеси глины с песком, тщательно вылепленные, хорошо обожженные и раскрашенные в красные, коричневые, желтые и серые цвета. До блеска выложенные поверхности украшены довольно сложным геометрическим узором, выполненным черной, коричневой или красной краской. Вероятнее всего, эти отличные товары были импортированы из Ирана или Анатолии. Была проведена параллель между этими гончарными изделиями и персидскими расписными времен

Сиялка III, обычно датируемыми четвертым тысячелетием до нашей эры. Местная глиняная посуда из Кюль-Тепе медно-каменного периода была поливной и украшалась простым геометрическим узором (рядами линий или блоками галочек) красного, черного или желтого цвета. Похожая посуда была найдена и в других раскопках на территории Закавказья, а именно в Шушинском районе Карабаха.

Когда мы переходим к раннебронзовому периоду Кюль-Тепе, то видим, что доминантной керамикой становится так называемая «куро-аракская» посуда, черная, коричневая или красная блестящая. Начиная с третьего тысячелетия до нашей эры и далее появляется посуда с ручкой, приделанной к основному тулову сосуда, в виде глиняного выступа, сплошного или с дыркой. Часто такие сосуды имеют еще с боков вмятины от пальцев, «ямочки». Это так называемая «нахичеванская ручка», которая берет свое происхождение где-то неподалеку от Кюль-Тепе и применялась на протяжении многих столетий, что подтверждают находки из многочисленных раскопок в Восточной Анатолии, Грузии, Армении и Азербайджане. Началом бронзового века датируется широкое появление глиняных фигурок животных.

Нахичеванский Кюль-Тепе дал бесценные свидетельства существования на территории Армении медной и бронзовой металлургии. Из верхней части медно-каменного культурного слоя были извлечены четыре небольших медных предмета: бусина, сверло и два неопознанных обломка. Химический анализ показал, что два из них изготовлены из чистой самородной меди, а еще два содержат следы (0,4—0,7%) мышьяка. В слое, относящемся к раннебронзовому веку (после третьего тысячелетия до нашей эры), мы наблюдаем появление разнообразия предметов как из самородной меди, так и из бронзы, наряду с глиняными формами для отливки медных и бронзовых топоров.

В последнее время достигнут значительный прогресс в датировке ранних культур в Кюль-Тепе и других районах Армении. Использование радиоуглеродного анали-

на дало обнадеживающие результаты. Так, образец угля из раннебронзового слоя Кюль-Тепе с глубины 8,5 метра, исследованный в ленинградской лаборатории Института археологии АН СССР, дал результат 2920 ± 90 год до нашей эры. В 1966 году советские ученые Кушнарева и Якобсон сообщили, что образец, взятый с глубины 19 метров, то есть 3 метра от дна самого раннего обжитого слоя, показал дату 3810 ± 90 год до нашей эры. Это указывает на то, что во время медно-каменного периода накопление мусора вызывало повышение уровня холма на метр за столетие или несколько меньший срок. А если это так, то дата первичного неолитического поселения людей в Кюль-Тепе должна быть примерно 4,2 тысячи лет до нашей эры. К тому времени культура неолита уже процветала в Армении на протяжении многих веков.

Дошедшие до нас предметы материальной культуры неолитического и медно-каменного периодов на территории Армении, как, впрочем, и повсюду, свидетельствуют о существенном улучшении уровня жизни людей по сравнению с прошлыми веками. Совершенствование устной речи и языков способствовало лучшему общению, так что изобретение письменности стало лишь вопросом времени. Уютная и относительно спокойная жизнь в сообществе с себе подобными создавала для этого благоприятные условия. А появление института семьи, устойчивых форм брака облегчили домашние заботы отцов и матерей даже в те далекие дни. Армянские праотцы и праматери уже тогда могли утопить свои горести в вине, так как Армения, несомненно, входит в число самых ранних центров виноградарства и виноделия. Один из старейших авторитетов в этой области Виктор Хен в своей книге «Странствия растений и животных» (1888 г.) утверждает, что истинной родиной вина является «благодатный край, расположенный к югу от Каспийского моря... в Колхиде на Фазисе, в местности между Кавказом, Араратом и Тавром... Из этих регионов вино, вскачь за колесницей Сима, распространилось от низовьев Евфрата на юго-востоке до пустынь и райских садов юго-запада».

Дикая виноградная лоза, от которой пошли культурные сорта винограда Старого Света, утвердилась в Армении, на Балканах и в некоторых областях Западной Европы с третичного периода, то есть на протяжении более миллиона лет. Виноградные косточки в обугленном или окаменевшем виде найдены на многих неолитических стоянках Кавказа, особенно по берегам Черного моря. Мистер Эдвард Хайамс полагает, что употребление естественно ферментированного (перебродившего) виноградного сока в Анатолии и на Кавказе может быть даже старше развитых культур неолита. Отложенная про запас гроздь винограда в этом теплом климате уже через несколько дней начинает бродить, так как дрожжевые грибки присутствуют в пыльце всех типов дикого винограда. «Рано или поздно кто-то, страдающий от жажды, должен был вскоре после изобретения глиняной посуды отхлебнуть из кувшина, в который днем или двумя ранее поместили виноград, но в котором *теперь* содержалось... вино».

Относительно армянского происхождения культурного винограда археологи и эксперты по виноделию находят поддержку в Священном Писании. В Книге Бытия (IX, 18—29) сообщается, что одним из первых действий Ноя после причаливания ковчега к горе Арарат была посадка винограда, который показывали пилигримам на склонах этой горы вплоть до 1840 года, когда в результате ужасного землетрясения были разрушены близлежащие деревня и монастырь. Результаты Ноева пристрастия к соку армянского винограда имели далеко идущие последствия для всей человеческой расы. Так, фанатично набожные южноафриканские священники, чтобы оправдать подчинение негров, потомков Хама, до сих пор цитируют рассказ из Книги Бытия о том, как напившийся пьяным Ной лежал обнаженным в своем шатре, и Хам позвал братьев посмеяться над наготой отца своего, за что и был проклят Богом и обречен прислуживать братьям своим во веки веков.

И Вавилон, и Древний Египет уже с третьего тысячелетия до нашей эры имели развитое виноделие. По-

скольку у них не водилось местного дикого винограда, они должны были приобрести где-то это растение и перенять искусство его возделывания. И поскольку у нас есть свидетельства торговли обсидиановой и керамической посудой и другими бытовыми предметами между Арменией и Египтом, Сирией и Месопотамией (по крайней мере, с четвертого тысячелетия до нашей эры), у тогдашних купцов были богатые возможности привозить эти полезные растения из стран Закавказья для собственного потребления и дальнейшего разведения. Как впоследствии делали греки, привозя их из Колхиды. В самой Армении искусство виноградарства и виноделия достигает своего расцвета во времена Урартского царства, то есть около 800 лет до нашей эры. Изучение остатков крепости Кармир-Блур (близ Еревана) и других поселений показывает, что ни один урартский гарнизон не обходился без обширных, хорошо устроенных винных подвалов, где, уютно закопанные по горлышко, размещались длинные ряды больших винных кувшинов. Там хранились в запечатанном виде лучшие вина. Во времена Геродота (История, 1, 194) купцы, владевшие баржами на Тигре, вели крупную торговлю, перевозя в бочках пальмового дерева вина из Армении в Вавилон на продажу виноторговцам и простым потребителям.

Мы уже говорили о неолитической революции, которая способствовала переходу от охоты и сбора плодов к оседлому образу жизни. Другой скачок вперед произошел, когда человек овладел техникой обращения с металлами — сначала холодной ковкой самородной меди, а затем ее сплавлением с оловом и мышьяком или сурьмой для получения бронзы.

Сплав меди с оловом был первым металлическим сплавом, которым пользовалось все человечество и который дал название целой эпохе — бронзовый век. До этого медь применяли саму по себе. Однако из-за ее относительной мягкости в ходу продолжали оставаться каменные орудия для тех случаев, когда требовалась большая твердость. Самородная медь, которую рудоко-

пы еще называют ковкой, встречается в природе в виде минерала, обладающего всеми свойствами плавленного металла. Это блестящее вещество характерного красно-рыжего цвета, приобретающее на свежем изломе розоватый или желтоватый оттенок. Если металл содержит примесь окиси меди, излом приобретает лиловатый отлив. Его удельный вес находится в пределах 8,4—8,9 г/см³. Он легко полируется, обладает высокой пластичностью и вязкостью, то есть ковкостью, и своей прочностью уступает только железу, превосходя золото и серебро. Расплавленный металл имеет зеленовато-голубой цвет и при высокой температуре испаряется и горит зеленым пламенем. В сухом воздухе медь очень устойчива, но во влажной атмосфере, содержащей к тому же углекислый газ, она покрывается зеленой коркой карбоната, известного в быту как «ярь-медянка». При нагреве или трении она испускает характерный неприятный запах. Латинское название меди «куприум» связано с названием острова Кипр (Cyperus): согласно Плинию, римляне получали медь именно оттуда, и она была известна как «aes cuprium». Отсюда произошли английское «соррег», французское «cuivre» и немецкое «kupfer».

Вопрос о том, откуда именно пошло применение меди и бронзы, давно занимает умы археологов. Наиболее развитые мировые цивилизации — шумеры, египтяне и вавилоняне — начиная с пятого тысячелетия до нашей эры использовали медь в чистом виде во все возрастающих количествах. Однако в Южном Ираке, Сирии и Египте не было достаточных природных запасов медной руды. Предполагается, что ее завозили с севера, из Армении. Этой проблемой специально занимались Генри Фрэнкфорт, В. Гордон Чайлд и У.Ф. Олбрайт, а также А.А. Ессен (Россия). Один из ведущих экспертов в области древних технологий, Р.Дж. Форбс, также отводит Армении центральное место в составленной им карте распространения металлургической техники. Другим регионом, являющимся еще более старым источником меди для Древнего мира, была Бактрия в Центральной Азии (область современного Афганистана

и Южной Туркмении). Отсюда происходит знаменитая анаусская культура (от местечка Анаус близ Ашхабада), где медь постоянно была в ходу уже с четвертого тысячелетия до нашей эры.

Изобретение бронзы, видимо, произошло в тех местах, где медная руда соседствует с залежами минералов, содержащих олово, мышьяк и сурьму. Только в таких условиях могли первобытные металлурги наткнуться на тот факт, что металл, выплавленный из смешанной с ними медной руды, приобретает большую твердость и прочность. Армения и Грузия, страны, где богатые месторождения медной руды находятся рядом с рудами, содержащими олово, мышьяк и сурьму, обладали идеальными условиями для подобного открытия.

Из Армении и Малой Азии секреты металлургии и соответствующее рудное сырье распространились на равнины Сирии и Месопотамии. Умелые ремесленники, часть из которых была, несомненно, кавказского и анатолийского происхождения, занимались своим ремеслом в городах юга и почитались как носители колдовской потусторонней силы. В Вавилоне (Финикия) эти умельцы по работе с металлом (некоторые из них, вероятно, были армянами) жертвовали храмам образцы своих новейших изделий из бронзы, в том числе украшений. Профессор Клод Шеффер высказал мнение: «Поскольку для таких ремесел требовались сложные специальные знания, а исполнение было трудоемким, велика вероятность того, что рождение местной бронзовой металлургии было следствием прибытия в Сирию и Палестину старателей, рудокопов и кузнецов из Малой Азии». Тот же специалист утверждает, что эта миграция была, по всей видимости, вызвана серией землетрясений, которые около двух тысяч лет до нашей эры завалили армянские медные рудники, вызвали безработицу рудокопов и последующее их переселение в другие районы. Более позднее археологическое изучение этих краев подсказывает, что причиной миграции жителей могла стать нахлынувшая волна индоевропейских пришельцев, дикарей с Северного Кавказа, которые

положили конец раннему бронзовому веку и ввергли в панику оседлое население Армении.

Недавние раскопки на территории Армении, Азербайджана и Грузии доказывают, что медь была там известна уже с 3,5 тысячи лет до нашей эры, а возможно, и с четвертого тысячелетия. Сначала ее ценили как благородный металл, вроде золота, и применяли лишь для особых целей. Но с третьего тысячелетия до нашей эры интенсивное металлургическое производство развернулось в Месагоре, на Аракском плоскогорье.

Изучение находок в нахичеванском Кюль-Тепе и в других подобных городищах показало, что уже около трех тысяч лет до нашей эры местные ремесленники вполне владели искусством сочетания меди с другими металлами для получения бронзы различных типов. Так, например, слой II Кюль-Тепе дал бронзовые предметы, в которых содержится до 6% примеси мышьяка. Поэтому сейчас принято считать, что ранний бронзовый век в Армении начался где-то около 3,2 или 3 тысячи лет до нашей эры, а не 2,5—2 тысячи лет до нашей эры, как полагало ранее большинство ученых. Термины «энеолит», «халколит» (медно-каменный век), или медный век, если и стоит употреблять, то лишь применительно к третьему тысячелетию до нашей эры.

Понимание этого очень важно, когда мы переходим к рассмотрению большого периода культурной истории Армении — так называемой «куро-аракской» культуре раннего бронзового века, которая охватывает большую часть третьего тысячелетия до нашей эры. Единство этой огромной культурной зоны, с центром в Армении, но простирающейся далеко на север, юг и юго-запад, проявляется в наличии особого типа обожженной керамики ручного изготовления, обычно черной или темно-серой. Эта керамика обратила на себя внимание узором украшения в виде ребер низкого рельефа, нанесенных сверху на поверхность, а также насечек геометрического рисунка. Характерной чертой керамики, найденной в Армении и Грузии, является двойная спираль, напоминающая пару очков. Гончарные изделия раннего

бронзового века из Восточной Анатолии и Закавказья (ее называют «куро-аракской», потому что центры этой культуры расположены в долинах рек Куры и Аракса) различаются своей текстурой в зависимости от типа сосуда. Внутренняя поверхность сосудов обычно черная или серая, и внешняя также может быть того же цвета. Однако обычно внутренность сосудов более светлая и, в больших кувшинах и горшках, необожженная. Выразительный черный цвет получали пропиткой глиняного изделия в растворе сажи перед окончательным обжигом. Лощение чаще всего наносилось непосредственно на поверхность, хотя иногда слой оставляли нетронутым. Лучшие образцы очень блестящие и гладкие. Наиболее распространенными формами посуды являются кувшины и глубокие чаши. Ручки у них встречаются крайне редко, за исключением треугольных ручек-наплывов и «пахичеванской ручки», типичной для керамики из восточной части громадной горной зоны, где процветала куро-аракская культура.

Эти характерные гончарные изделия были обнаружены в Шенгавите на окраине Еревана при раскопках древнего поселения раннего бронзового века, произведенных Я.А. Байбуртяном в 1936—1938 годах. Во время Второй мировой войны, в 1943—1944 годах, турецкие археологи сообщали о находках аналогичной керамики в Каразе близ Эрзурума и даже значительно западнее, в Арциджане. Затем такие изделия встречались в различных частях Грузии, особенно в Триалети и дальше на юго-востоке, в Геой-Тепе близ озера Урмия в Иранском Азербайджане, при раскопках, проведенных британским археологом Т. Бертон-Брауном. Первое подробное изучение куро-аракской культуры и связанной с этим керамики представлено в блестящей монографии покойного Б.А. Куфтина (1892—1953), опубликованной в трудах Грузинского государственного музея в 1944 году. Другие важнейшие армянские раскопы, относящиеся к этому периоду, — это Шреш-Блур около Эчмиадзина, древнего Вагаршапата, где находится престол Верховного Католикоса всех армян; Эйлар на северной окраи-

не Еревана по дороге к озеру Севан; Кози-Котер, близ Ванадзора, обнаруженный Е.В. Ханзадян и раскопанный ею же начиная с 1959 года. (Результаты раскопок впервые опубликованы в журнале «Советская археология» в 1963 году.)

И это еще не все. Поселения с куро-аракской черной обожженной посудой были обнаружены за Кавказским хребтом на северо-востоке в далеком Дагестане и в Чечне (Кьякенте, Великенте и Луговом близ Грозного). Особенно примечателен тот факт, что того же типа гончарные изделия, иногда с красным лощением, встречаются далеко от Армении в Сирии и Палестине, где они проходят под названием «хирбет-керакская керамика», по имени деревни, расположенной около Галилейского моря (Тивериадского озера), где она была впервые обнаружена. Находили ее и в таком знаменитом раскопе, как Рас-Шамра.

В своей «Археологии Палестины» Олбрайт описывает хирбет-керакскую керамику как наиболее красивую из всех, когда-либо сделанных в Палестине. Она действительно весьма необычна по стилю и фактуре, и на ней нет раскраски или насечек, обычных для изделий местных палестинских культур. Не пользуясь гончарным кругом, мастера Хирбет-Керака изготавливали сосуды только вручную, узоры украшения приделывались потом в виде высокого рельефа, сосуды покрывались толстым слоем ангоба, и завершалось их изготовление блестящим красным или черным лощением.

Характерными сосудами Хирбет-Керака являются глубокие чаши с килевидным телом и вывернутыми наружу краями, небольшие глубокие миски с одной ручкой, маленькие кувшинчики с плоским основанием и одной ручкой, крышки с круглой шишкой наверху, подставки в форме раструба и подставки для печных горшков, на которых высоким рельефом изображены человеческие лица. Такие же сосуды находят при раскопках поселений раннего бронзового века в Армении. Как указывает Эммануэль Анати, анатолийское влияние на Палестину в третьем тысячелетии до нашей эры отмечено и в более ранних

эпиграфических находках: золотом диске, обнаруженном Бенджаменом Мазаром в Киннерете, и каменных боевых топорах северного происхождения, найденных Джудит Маркет-Краузе в Ае. Медные топоры в форме полумесяца, найденные в Иерихоне и Телль-аль-Хези, идентичны по форме и рисунку орудиям того же периода из Анатолии и Северной Месопотамии.

Хирбет-керакская культура хорошо известна во Внутренней Сирии — по раскопкам в Хаме на реке Аси-Оронт, в Алеппо (нынешний Халеб), а также поселений на равнинах Антиохии, Угарита (древнего города-государства в Северной Сирии) и вдоль побережья. Раскопки в Табара-аль-Акрад на антиохийской равнине показали наличие четырех основных слоев Хирбет-Керака, которые следуют непосредственно за джемдет-настским периодом (3,1—2,9 тысячи лет до нашей эры). Здесь, по-видимому, фаза хирбет-керакской культуры началась раньше, чем в Палестине, что лишний раз доказывает ее северное, анатолийское происхождение. Между 2,6 и 1,4 тысячелетиями до нашей эры хирбет-керакская посуда временно замещает типичную для этих мест, сделанную на гончарном круге, а потом вновь исчезает, не оставив следа. Все это наводит на мысль, что изготовители хирбет-керакской керамики были пришельцами, чужаками, возможно, хурритами, чье существование в хиттские времена подтверждается табличками на их языке, найденными в долине реки Хабур. Поскольку появление хирбет-керакской посуды в Сирии и Палестине сопровождается свидетельствами бурных потрясений, предполагающих вражеские вторжения, вряд ли она была доставлена сюда путем мирной торговли. Это оставило нескольких видных ученых, включая мисс Берлин Кеньон и Рут Амиран, прийти к выводу, что хирбет-керакская культура была привнесена сюда ордами завоевателей из Восточной Анатолии, а возможно, и из регионов, где господствовала армянская и грузинская куро-аракская культура. Как полагает В. Гордон Чайлд, «хирбет-керакская культура была привнесена сюда ирригационными племенами, вероятно, пришедшими из Грузии». Говоря о находках хирбет-керакской посуды в

Рас-Шамре, профессор Шеффер заявляет: «Ее появление совпадает с прибытием сюда чуждого этнического элемента, утвердившегося в городе, опустошенном пожарами, словно в покоренной стране. Несомненно, мы здесь имеем дело со следами вторжения, пришедшего из горных районов Сирии и севера Анатолии, из местности, вечно готовой выбросить вовне избыток своего населения на заманчивые земли юга».

Все эти свидетельства позволяют нам составить себе обширную картину культуры раннего бронзового века с центром в Армении и Грузии, в долинах Куры и Аракса, распространившейся на многие сотни миль юго-западнее, в Палестину и Сирию, а также на северо-восток, вплоть до севера Кавказского нагорья и побережья Каспия. В истории Армении такое единство культуры повторялось еще не раз, но на очень краткие периоды: в пору расцвета Урартского царства (около 750 г. до нашей эры) и во время царствования Тиграна Великого (95—55 гг. до нашей эры).

Нам также известно, что Армения сыграла важную роль в развитии самосознания и воззрений шумеров и внесла свой вклад в становление космополитической цивилизации, связанной с Уром Халдейским. Необычный интерес поэтому вызывает относящийся к третьему тысячелетию до нашей эры рельеф с закругленным верхом на известняке, обнаруженный сэром Леонардом Вули в древнем святилище Дублалмах в Уре. На этом рельефе изображен бог Эа, покровитель города Эриду, чьи руины виднеются ломаной линией на горизонте в 12 милях к юго-западу от самого Ура. Как пишет Вули в своей книге «Ур Халдейский», «согласно традициям древних шумеров, бог-покровитель изображен держащим кувшин, из которого изливаются на землю два потока воды с плещущимися в них рыбами. Бог Эа, как повелитель вод Бездны, держит в руках источник, из которого рождаются реки-близнецы Тигр и Евфрат, дарители жизни земле Месопотамской».

Этот выразительный отрывок показывает нам, что в период третьего тысячелетия до нашей эры обитатели этих мест сознавали, чем обязаны области вокруг озера Ван и горы Арарат, и понимали, что это из Армении единственная вода течет на равнины Месопотамии.

Таким образом, в третьем тысячелетии до нашей эры Армения не была некими задворками Ближнего Востока. Она вышла из своей изоляции и имела серьезные культурные и торговые отношения с Персией, Месопотамией и Анатолией. Мастерское использование бронзы и развитое земледелие привели к существенному увеличению населения и резкому подъему уровня жизни. Экономика базировалась на обработке земли и животноводстве, с упором на разведение коров, овец, коз, лошадей и собак. Появляются в больших количествах глиняные фигурки быков, волов, лающих псов и коней. Это явно детские игрушки, но также, без сомнения, тотемы, связанные с различными формами поклонения животным.

Земледелие базировалось на выращивании злаков. Мы находим множество орудий для жатвы и приготовления муки. Широко используется колесный транспорт, главным образом запряженные волами телеги с большими массивными колесами, которые до сего дня можно встретить в сельской местности в Турции. Игрушечные тележки имеют впереди небольшие углубления, явно предназначенные для того, чтобы крепить их к игрушечным повозкам, у которых имелись даже колеса с выступающими ступицами. Сохранилось и множество женских фигурок. Некоторые поселения куро-аракской культуры бронзового века дали нам многочисленные предметы из металла: архаичные боевые топоры с дыркой в рукоятки, головки топоров с трубчатыми отверстиями различного рода украшения. Их обычно находят в захоронениях или около наиболее богатых деревень. Поселения более бедные или расположенные в отдаленных районах, отстают в применении металлов и продолжают пользоваться инструментами из дерева, кремня и обсидиана. Среди широко практикуемых ремесел наиболее распространены ткачество, гончарное дело и столярное.

Во времена раннего бронзового века многие обитатели Армении вели оседлую жизнь в умело построенных домах из камня, тростника и высушенного на солнце кирпича. Здания возводились над землей. Землянки и полуземлянки, типичные для Армении более поздних периодов, для этой эпохи совершенно не характерны. Хорошим примером армянского градостроительства куро-аракской культуры является Шенгавит, расположенный на приподнятом выступе левого берега реки Раздан (Занга) близ Еревана. Даже до начала раскопок, проводившихся в 1936 году И.А. Барбуртян, на поверхности почвы, особенно после дождя, были отчетливо заметны широкие круги диаметром 7 метров. Они оказались остатками круглых центральных комнат домов, к которым пристраивались квадратные внешние комнаты, создавая здание типа «толос». Остатки подобных зданий были обнаружены в Арпачае и других местах, относящихся к тель-халафской культуре Северного Ирака. Стены были сложены из больших, высушенных на солнце кирпичей на каменном фундаменте.

Полы центральных комнат выкладывались из камешков concentрическими кругами. В середине помещался большой камень, служивший основанием столба, поддерживающего коническую плетеную крышу, характерную для армянских домов со времен неолита. Рядом с этим камнем находился низкий круглый глиняный очаг, примерно в метр диаметром, украшенный по верху рельефным орнаментом. Впрочем, встречаются также очаги с весьма изощренными украшениями, с фантастическими зооморфными мотивами, явно предназначенные для жертвоприношений. Около очага часто находили ручные мельницы и сосуды, полные ячменя и пшеницы, а также хитроумные подставки для горшков, сделанные в виде стилизованных фигур животных или людей. В Шенгавите были обнаружены круглые кувшины-хранилища из отличной керамики, «карасы». Они представляют собой лощеную куро-аракскую посуду, их верх украшен узором из треугольных насечек, перемежающихся с круглыми шишковатыми выступами. Там же на

дело множество орудий из кости и кремня, украшенных узорами, и архаичные орудия из меди и бронзы.

Почти нет свидетельств социального расслоения в период развития куро-аракской культуры в Армении, нет и признаков существования наследственной царской семьи или класса воинов. Скорее перед нами сельские общины, кланы, во главе которых стоят старейшины, или развернутые семьи, организованные по патриархальному типу.

На протяжении всего третьего тысячелетия до нашей эры происходило бурное взаимодействие между Арменией и медно-каменными и раннебронзовыми культурами Украины и юга России. Особый интерес вызывает возможное влияние Армении на знаменитую культуру Триполья, процветавшую в бассейне Днепра, Южного Буга и Днестра, вплоть до Черного моря. Люди Триполья были отличными земледельцами и ремесленниками и жили в умело построенных жилищах, как и их современники, представители куро-аракской культуры. Они были замечательными мастерами гончарного дела, хотя их изделия сильно отличались от куро-аракской посуды. Лучшая трипольская керамика раскрашена кругами, спиралями и параллельными линиями, иногда в узорах встречаются символические изображения солнца или животных.

Люди Триполья умели искусно работать в бронзе и меди, получая металлическое сырье с Кавказа. На трипольских стоянках встречается множество глиняных фигурок, связанных с культом плодородия, то есть символизирующих образ женщины-матери. Разумеется, это черта всех ранних земледельческих общин во всем мире. То же мы видим и в Армении. Некоторые советские ученые, например Т.С. Пассек, отмечают в лицах трипольских глиняных фигурок специфически армянские признаки, что указывает на древние миграции из Закавказья и других ближневосточных центров оседлого земледелия. Если это так, то не исключено, что племена, пришедшие из Анатолии и Армении, смешавшись на юге России с местными племенами охотников, создали

эту замечательную трипольскую культуру, более изощренную и сложную, чем какая-либо другая, ранее существовавшая на севере Причерноморья. Любопытно проследить возможные следы взаимовлияния между трипольской керамикой и лучшими гончарными изделиями среднего бронзового века в Грузии и Армении (керамика Триалети и Лчашена). На это указывает характерная находка Б.А. Куфтина при раскопках кургана XVII в Триалети: великолепный кувшин со «змеиным» мотивом трипольского типа.

И куро-аракская, и трипольская культура прекратили свое существование к концу третьего тысячелетия до нашей эры, очевидно, под влиянием индоевропейских вторжений с Северного Кавказа и из Южной России соответственно. Эти индоевропейцы принесли в Армению то, что американский антрополог Мариджа Джимбутас называет культурой евразийского кургана, или могильного холма. Примером этого является кладбище Нальчика или великий Майкопский курган в долинах рек Терека и Кубани. Этот майкопский период в индоевропейской курганной культуре, растянувшийся примерно от 2,3 до 2,1 тысячелетия до нашей эры, отмечен царскими захоронениями в Майкопе и Царском, с их мавзолеями из дерева или каменных блоков, с поразительным множеством украшений из бирюзы и иранского сердолика, месопотамских золотых фигурок, бус из финикийского города Библа. В них также присутствуют древние топоры, сделанные из сплава меди и никеля, характерного для анатолийской бронзы, и похожие на современные армянские.

Слои пепла и золы, обнаруженные при раскопках поселений в Армении и Восточной Анатолии, свидетельствуют о том, что какие-то серьезные передвижения людей положили конец раннебронзовому веку в этом регионе. В Армении мы наблюдаем переселение жителей с плодородных низин с устоявшейся жизнью земледельческих общин на высокогорные пастбища, которые предпочитают владельцы больших стад, типичных для сельской жизни степных индоевропейских племен.

Приход на эту сцену индоевропейцев способствовал созданию великолепной цивилизации с центрами в Триалети и в окрестностях озера Севан. Эта культура известна нам по раскопкам Куфтина в Триалети, районе, расположенном к юго-западу от Тбилиси и орошаемом водами реки Храми, и, как результат работы Армянской академии наук в Лчашене, на берегах озера Севан. Обсуждая находки в Триалетском и Лчашенском курганах, Чарльз Берни пишет: «Интерпретация этнических передвижений на основании керамики и других материальных объектов может быть весьма опасна. Тем не менее наличие триалетских гончарных изделий с насечками и повозки в кургане XXIX может свидетельствовать о прибытии пришельцев из северных степей. Подобная повозка, найденная в Шреш-Блуре, доказывает, что пришельцы дошли до середины Аракской долины, так как захоронение повозок типично для жителей степей. Изделия из металла, с их изобилием изображений оленей и других животных, а также спиральный узор на кубке из кургана XVIII в сочетании с разрисованной керамикой из того же захоронения, дают основание предполагать сильное северокавказское влияние. Сам резкий разрыв с восточноанатолийской традицией раннебронзового века указывает на изменение состава населения. Очень вероятно, что первыми индоевропейцами, хлынувшими в Анатолию с северо-востока, были хетты, чей приход в Центральную Анатолию может быть связан с разрушением Кюль-Тепе II [Канеша в Малой Азии, который не следует путать с нахичеванским Кюль-Тепе]. Их появление в Триалети предположительно датируется между 2,1 и 2 тысячелетиями до нашей эры».

Армянский средний бронзовый век охватывает первую половину второго тысячелетия до нашей эры, примерно от 2000 до 1500 лет до нашей эры. Его история — это, по сути дела, те же ранее упомянутые взаимоотношения между древним местным населением (создателями куро-аракской культуры плюс изготовителями хирбет-керакской керамики, а также, по всей вероятности,

хурритской и родственной ей) и индоевропейскими захватчиками, принесшими в Армению элементы евразийской культуры северных степей. А с течением времени на территории Армянского нагорья все больше давало себя знать влияние развитых цивилизаций Ирана и Индии.

Местные хурриты объединили силы с индоиранскими кастами воинов и образовали два мощных царства, достигшие наивысшего расцвета в XV и XIV веках до нашей эры. Эти царства, настоящие хурритские монархии, базировались в районе Диярбакыра в Юго-Восточной Анатолии и расположенном в Северной Месопотамии царстве Митанни с центром в Урфе, классической Эдессе. Индоарийский характер правящего класса хурритской монархии и Митанни наглядно доказывают имена правителей, такие, как Артатама (иранское имя), Маттиваза и Тушратта (имена индийские, соответствующие санскритским Мативаджа и Душрадда). Еще поразительнее имена богов хурритского митаннского пантеона. Мы встречаем здесь божества Митразил, Аруназил, Индар и Насаттиана, что явно соответствуют индоевропейским богам Митре, Варуне, Индре и Нашадье.

В течение этого периода доминирующей политической силой Малой Азии было царство хеттов, со знаменитой столицей Богазкёй (ныне на этом месте расположен турецкий город Хаттусас). Хеттские анналы дают нам некоторые интересные сведения о народе хайаса, обитавшем в районе нынешнего Эрзинджана в верховьях Евфрата. Название «хайаса» не может не привлечь особого нашего внимания, так как оно очень схоже с именем, которым армяне называют свой народ, — хайки, а страну Армения — Хайастан. (Нынешнее название «Армения» — персидского или греческого происхождения и стало употребляться гораздо позже.) Несмотря на некоторые сомнения ряда ученых, есть все основания отождествить Хайастан с древней Хайасой.

Во всяком случае, история доносит до нас рассказ о том, что хеттский царь Тутхалияс III, правивший около 1400 года до нашей эры, вел войну с хайасским царем

Караннисом, а также с соседними племенами аззи, вторгавшимися в Восточную Каппадокию. Следующий хеттский царь, Суппилулиума (1375—1335 гг. до нашей эры), был в самых дружеских отношениях с новым правителем хайасов — Хуккваной. Более того, хеттская царствующая фамилия сочеталась брачными союзами с хайасской аристократией, которая переняла многие черты хеттского образа жизни и культуры, включая сексуальные запреты и правила этикета, принятые у хеттской правящей верхушки.

Таким путем в среднем бронзовом веке и позже многие хеттские верования и обычаи распространились довольно широко по Армянскому и Грузинскому нагорьям. Классическим свидетельством проникновения анатолийских религиозных обрядов в Закавказье является серебряный кубок из Триалетского кургана (раскопки Б.А. Куфтина). Фриз на этом кубке изображает процессию жрецов в масках, поклоняющихся верховному жрецу, сидящему на троне между огромным чашеобразным сосудом и священным деревом, по-видимому кедром. Похоже на то, что здесь представлена сцена из хеттского культа плодородия: верховный жрец и его прислужники готовят волшебный напиток бессмертия. В долине Аракса идолопоклонство царило на протяжении среднего и позднего бронзовых периодов, что подтверждается рядом гротескных каменных изваяний, приведенных в книге А.А. Мартиросяна, посвященной бронзовому и раннему железному векам в Армении.

Материальная культура Армении на протяжении среднего и позднего бронзовых веков отражает это смешение древних местных культур с новыми веяниями, пришедшими извне, из-за границ Кавказа. Продолжают процветать многие маленькие компактные поселения вдоль реки Аракс, основанные в неолитический и ранний бронзовый период. В то же время плодородные равнинные земли занимают богатые земледельческие племена, привнесшие сюда с севера многие обычаи и приемы степняков. Весной и летом они кочевали по холмам, где были лучшие пастбища. Зимой они вновь

спускались в долины и переживали холода в более мягком климате. Их образ жизни очень напоминает обычай бахтиарских и квашгайских племен современного Центрального Ирана. А по богатству и роскоши, окружавшим их правителей, пожалуй, их можно сравнить лишь с нынешними миллионерами-скотоводами Австралии и Техаса.

В эту пору Южная Грузия и Армения образуют практически единую культурную зону. Захоронения триалетских курганов, с их богатой россыпью золотых и серебряных чаш, изумительных расписных ваз и драгоценных украшений, схожи с захоронениями, найденными в армянском кургане близ Ванадзора (раскопки профессора Б.Б. Пиотровского, 1948 г.). Ванадзорское захоронение представляет собой огромную яму площадью 30 кв. ярдов и 10 футов глубиной. На дне были обнаружены прекрасные расписные вазы и другие сосуды, часть украшена изысканным узором из треугольных фигур, расположенных в виде лепестков на горлышке и изгибах тулова. Там же были найдены четыре серебряных сосуда и чудесная золотая чаша с выгравированными изображениями трех пар устремленных навстречу друг другу рычащих львов, представленных весьма реалистически. На деревянном катафалке покоились обугленные, но не до золы останки вождя. Катафалк украшен бронзовыми гвоздями, причем каждый гвоздь окован серебром. На этом стоящем в центре могилы катафалке положено также ожерелье из сердоликовых и золотых бусин. Кроме перечисленного, в ванадзорском захоронении находились бронзовый боевой топор, секира, три кинжала и наконечник копья. Ни в одном из триалетских и ванадзорских курганов — а их было раскопано более сорока — не было обнаружено признаков человеческих жертвоприношений, совершенных во время похорон высокой особы, что было характерным для погребений первых, ранних царств Ближнего Востока. Богатое земледельческое общество, к которому принадлежали вожди, похороненные в курганах Триалети и Ванадзора, по-видимому, не имело личных рабов или четко разграниченных

классов. Однако там уже наблюдается заметное различие в размере собственности, о чем свидетельствует наличие в тот период многих бедных захоронений.

В средний и поздний бронзовый период в Армении резко улучшилось качество работы по металлу. Хорошо были известны свойства различных сплавов, и они использовались с осознанным умением для изготовления бронзовых предметов различной прочности, разных оттенков цвета и блеска. К концу раннего бронзового века армянские ремесленники отлично знали свойства сурьмы в ее взаимодействиях с медью, и умело эти знания применяли. Мышьяковистая медь с примесью сурьмы имеет красивый серебристый цвет и особый сияющий блеск. Блестящие украшения из сурьмянистой бронзы являются типичными для армянских захоронений периода около двух тысяч лет до нашей эры. Несколько позже входит в широкое употребление оловянистая бронза (латунь). К 1500 году до нашей эры в Армении успешно применялись многие виды хитроумных процессов обработки металлов, в том числековка, гравировка, резка, чеканка, точка, полировка и вправление драгоценных камней.

Разнообразие рисунков и форм бронзового оружия и бронзовых орудий труда поистине изумляет. Мы видим простые и узорчатые топоры и секиры, а также прототипы алебард, иногда вычурных, несколько асимметричных очертаний. Кинжалы, дротики и мечи с острыми лезвиями и врезанным геометрическим узором встречаются в большом количестве. Даже скромные мотыги, кирки, ведра и черпаки теперь доступны в бронзе и являют собой образцы поточного изготовления. Тот факт, что земледельцы могли широко пользоваться металлическими инструментами вместо деревянных и каменных орудий и кожаных ведер, доказывает высокий уровень жизни во многих регионах.

Начиная со среднего бронзового века и далее гончарное дело в Армении неуклонно развивается. Игнорируемый терпеливыми гончарами куро-аракской культуры гончарный круг теперь используется повсеместно, что

приводит к массовому производству керамических изделий. Появляются разнообразнейшие типы посуды — от прекрасных урн и ваз, которые найдены в богатых захоронениях вождей, до простых печных горшков, незамысловатых по фактуре и узору. Однако даже эти последние отличаются великолепным мастерством изготовления и приятным глазу простым геометрическим орнаментом, расписным или насеченным на поверхности. В некоторых случаях, как, например, в раскопках Эйлара, мы можем полюбоваться изящным хороводом диковинных фигур людей или животных, опоясывающих горлышко и верх вазы. Горшок, найденный в 1953 году в Дилижане (Северная Армения), демонстрирует нам не то обрядовую, не то охотничью сцену — процессию козлов или похожих на них рогатых животных и двухколесную колесницу, на которой стоит человек с распростертыми руками, в то время как другой человек рядом держит руки поднятыми таким образом, словно поддерживает края сосуда.

Узор на этом замечательном дилижанском горшке обращает нас к другой важной особенности армянского бронзового века. Речь идет о необычайно развитом колесном транспорте, в том числе военных колесницах. Самые ранние из них, со сплошными колесами, были в ходу еще у шумеров около 2500 лет до нашей эры. Также у них имелись четырехколесные повозки, в которые запрягались волы. Именно у шумеров родилась хитрая идея использовать металлический обод или шину на распорках. Уже ко второму тысячелетию они применяли и металлические оси. Примерно к 1700 году относятся телеги со сплошными колесами, которые были найдены в Венгрии. Они во всем подобны тем, что и сейчас в ходу в турецких деревнях.

Предки армян пользовались телегами со сплошными колесами ранее второго тысячелетия до нашей эры, точнее, с раннего бронзового века. Куро-аракская культура дала нам большое количество игрушечных глиняных повозок такого типа. Самые ранние колесные повозки в Анатолии тянули быки или волы, однако

примерно со второго тысячелетия до нашей эры там ездят на лошадях и запрягают их в колесницы. Езда на конях упоминается в шумерских пословицах с 2100 года до нашей эры, причем любопытно, что шумеры называют коня «горным ослом», как бы связывая это животное с горами Ирана, Курдистана и Малой Азии. Народы Митанни умело занимались коневодством, а хетты создали серьезное руководство по разведению и обучению лошадей. Позднее ассирийский царь Ашшурбанипал (668—626 гг. до нашей эры) имел в своем распоряжении множество колесниц и повозок, запряженных лошадьми.

На этом фоне важное значение имеют деревянные колесницы и фургоны (арбы), найденные начиная с 1956 года, при раскопках в Лчашене на берегу озера Севан. Эти замечательные повозки вышли на белый свет, когда после пуска Разданской гидроэлектростанции понизился уровень воды в озере. Здесь было обнаружено множество могильных ям, стенки и крыша которых были выложены камнями. Эти захоронения веками скрывались водами озера. Если бы не ил и вода, покрывавшие их, деревянные остовы телег и колеса давно бы рассыпались в прах. А теперь 25 повозок были искусно реставрированы ереванским архитектором Г.К. Кочояном. Четыре из них выставлены в переднем зале Исторического музея Армении в Ереване. Одна из них представляет собой образец прекрасной работы по дереву, причем особенно обращает на себя внимание резная задняя панель. Несмотря на то что они датируются примерно 2150 годом до нашей эры, четырехколесные фургоны смотрятся очень современно. У них арчатые крыши из гнутых деревянных полос, на которые натягивались навесы из шкур животных, в точности как в американских фургонах времен завоевания Дикого Запада. Среди лчашенских находок следует отметить четырехугольные телеги и двухколесные боевые колесницы. Если у фурунгов и телег колеса сплошные, то у колесниц отлично сделанные сквозные колеса с удивительно большим числом спиц.

Профессор Стюарт Пиггот из Эдинбургского университета и доктор Ричард Барнетт из Британского музея принадлежат к числу западных археологов, которые осматривали эти повозки армянского бронзового века сразу на месте. В своей лекции, прочитанной в Лондоне в феврале 1967 года, профессор Пиггот отметил, что подобные открытия заставляют пересмотреть привычную оценку бронзового века на Кавказе как технологически отсталого. Так, например, повозки из Триалети в Грузии снабжены трехчастными дисковыми колесами, сделанными из деревянных планок, соединенных шпонками. Отверстия под шпонки нельзя проделать иначе, как пользуясь узким зубилом или полукруглым долотом. Действительно, самые ранние известные образцы таких инструментов находили только в области, протянувшейся от Словакии на западе до Гиссара в Северном Иране. Практически больше нигде в Древнем мире того периода их не обнаружено. Армянская колесница из Лчашена не только имеет на редкость большое число спиц, но также ободья в виде единого обруча, всего с одним местом соединения. В других регионах подобная техника появилась только в раннем железном веке. Эти армянские боевые колесницы можно считать прообразом тех, что были изображены на резных каменных барельефах персидского царского дворца в Персеполе спустя 750 лет.

Так мы подошли к началу железного века в Армении, который знаменует новую эру — эру современной технологии. Плавка железа берет свое начало в Малой Азии около 1400 года до нашей эры. Оттуда готовые изделия экспортировались в Вавилонию. Хорошо известно письмо, написанное около 1275 года до нашей эры хеттским царем Хаттусили III своему царственному современнику, по всей вероятности, царю Ассирии, в котором он сообщает о посылке железного кинжала в качестве особого дара. Центром хеттского железоделания был район, называемый Кицуватна, в Киликии, территории, впоследствии вошедшей в средневековое царство Малая Армения. Позднее техника производства железа

и стали была усовершенствована халибами, обитавшими в Лазистане на южном побережье Черного моря. К первому тысячелетию до нашей эры в Армении железо вошло во всеобщее употребление наряду с бронзой, хотя последняя была дешевле и потому доступнее. К 750 году до нашей эры железо стало широко использоваться для изготовления оружия и земледельческих орудий, а также всяких инструментов. У.Ф. Олбрайт как-то сделал интересное предположение, что имя вавилонского бога Пинурта может быть интерпретировано как «повелитель Армении» (то есть Арарата, Урарту), или «властелин железа».

В клинописных записях Ванского царства Урарту имеется ряд особых упоминаний о железе. Это может указывать на то, что оно стало дешевым и обыденным материалом, ведь ссылки на золото, серебро и бронзу были весьма частыми.

Однако, когда урартский царь Сардури II покорил Колх в походах 744—741 годов до нашей эры, он в память об этой победе повелел сделать плиты из специального железа и воздвигнуть в колхианских (колхидских) городах на видных местах эти памятные надписи.

Глава 4

УРАРТУ — ПЕРВОЕ АРМЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В армянской хронике, приписываемой авторству Мовсеса Хоренского (Хоренаци), рассказывается история ассирийской царицы Семирамиды (Шаммурамат) и ее безответной любви к армянскому принцу Аре Прекрасному. Из-за этой любви она вторглась в Армению с огромной армией [книга I, глава 16]. В последовавшей битве Ара предпочел погибнуть, но не подчинился страстным желаниям царицы. После смерти Ары безутешная Семирамида покинула благодатную долину Аракса и отступила на юг. Она прибыла на восточный берег большого соленого озера (озера Ван), где увидела высокий холм, тянувшийся с востока на запад. Его северный склон постепенно спускался на равнину, а южный, скалистый и обрывистый, поднимался к небесам. У подножия этого холма протекал полноводный поток сладкой чистой воды. Вдоль него по долине были разбросаны богатые деревни.

Далее хронист рассказывает о том, как Семирамида влюбилась в этот край и построила там великолепный город с широкими улицами, каменными домами и публичными банями. На окраинах его зеленели фруктовые сады и виноградники. Целая сеть оросительных каналов вволю обеспечивала его жителей водой. Внутренний город был огражден высокой и прочной стеной с бронзовыми воротами.

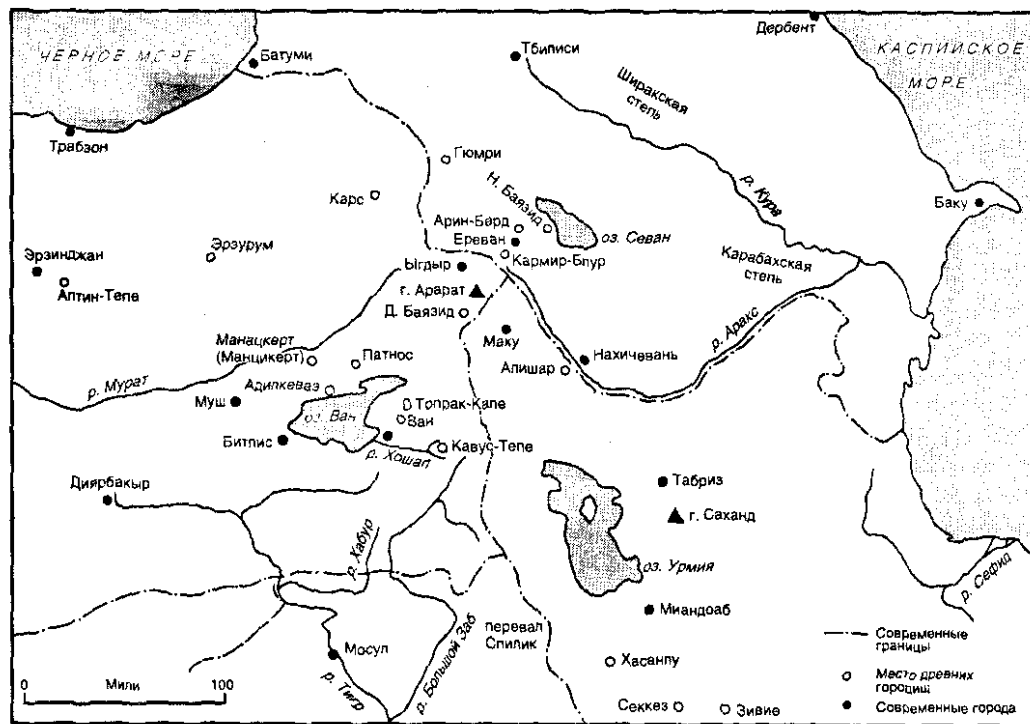
Семирамида лично выбрала место на вершине величественного утеса — до наших дней дошли остатки крепостных стен — и возвела там царский дворец, «уеди

ненный и ужасающий», который был роскошнее всех других зданий ее великолепной столицы. Никому не была дарована честь увидеть, какие сокровища таились внутри дворца, сообщает Мовсес Хоренаци. Однако гость мог разглядеть на крутом обрыве утеса врезанные в камень входы в храмы и жилище царицы. На скалах было выбито множество надписей, в которых говорилось о подвигах и походах царицы Семирамиды, но написаны они были на языке, который никто из живущих на земле людей не мог ни прочесть, ни разгадать.

Такова полуполюгендарная средневековая история основания Вана. Принц Ара Прекрасный может быть отождествлен с исторически существовавшим урартским царем Арамом, или Араму (около 880—844 гг. до нашей эры), который действительно был современником Семирамиды, жены ассирийского правителя Шамши-адада. Хотя исторические источники не подтверждают тот факт, что Семирамида когда-либо вторгалась в Армению или пыталась завоевать любовь Ары Прекрасного, хроника Мовсеса Хоренаци дает нам точную дату основания Вана и царства Урарту. Действительно, с учетом того, что Мовсесу Хоренаци никак не могли быть известны ассирийские и урартские источники, своим повествованием он дает нам для понимания той эпохи больше, чем принято было считать.

Мовсес Хоренаци стал одним из первых армянских писателей, известных западным ученым. В самом начале XIX века отрывок из его «Истории Армении», содержание которого пересказано выше, разжег воображение французского востоковеда Жана Антуана Сен-Мартена, и тот убедил Азиатское общество и французское правительство поддержать проект исследования «города царицы Семирамиды». Молодой немецкий профессор из Гессена Фридрих Эдуард Шульц добровольно вызвался осуществить эту миссию и в 1827 году отправился в Турцию, как раз в разгар войны России с Персией, а затем и с Турцией.

Неустрасимый Шульц благополучно добрался до Вана и даже получил разрешение на посещение крепо-

Урартские городища вокруг озера Ван

сти, которая была официально закрыта для подобных визитов. Он обнаружил, что в крепости обитает один старый янычар с ручным медведем и бронзовой пушкой, более пригодной для музея, чем для военной службы. На обрыве утеса, под крепостью, Шульц заметил бесценные урартские клинописные надписи, которые он и явился запечатлеть. Шульц собственноручно спустился в люльке по крутому обрыву и, не понимая ни слова из языка, на котором они были написаны, сделал скрупулезнейшие копии всех врезанных в камень клинописных текстов. Эти копии, общим числом 42, были отосланы Парижскому азиатскому обществу, где и были факсимильно опубликованы в 1840 году. А сам Шульц был в 1829 году предательски убит курдами в дикой местности к востоку от озера Ван. Трагедия оборвала одну из самых героических глав в истории изучения Ближнего Востока.

Следующим именитым исследователем Урарту был сэр Генри Лэйард (Лэйард Ниневийский, 1817—1894 гг.), посетивший Ван в 1850 году и опубликовавший планы и зарисовки царского жилища в скалах. Вход в него виден рядом с клинописной надписью, содержащей хронику царя Аргишти I. Лэйард также расшифровал на утесе над озером Ван староперсидскую надпись царя Ксеркса, сына Дария. Он также нашел другой текст, на ассирийском, выбитый на угловом камне колоссальной циклопической стены у подножия утеса. Однако язык надписей урартских царей оставался загадкой.

С 1877-го по 1880 год по поручению Британского музея в Топрак-Кале проводились любительские раскопки бывшим помощником Лэйарда, Ормуздом Рассамом. Топрак-Кале — это еще одна крепость урартских царей, расположенная совсем недалеко от старого города Вана. Эти раскопки, которые продолжали вести местные консулы и миссионеры, больше походили на кладискательство, чем планомерные научные изыскания. Местные крестьяне воровали предметы из бронзы и драгоценных металлов — едва успевали откапывать, как

сразу продавали перекупщикам в Ване. Через этих посредников часть находок попала в музеи и частные коллекции России и Западной Европы. Лишь небольшая доля раскопанного достигла Британского музея, где эти материалы лежали позабытыми, пока их не рассортировал и не описал доктор Ричард Барнетт. Письмо армянского антиквара из Вана, посланное в 1884 году московскому профессору К. Паханову, дает представление о запущенности и беспорядке, царивших в урартских крепости и дворце в Топрак-Кале:

«В прошлом году англичане хорошенько покопались в этих обширных руинах за счет Британского музея. Было обнаружено красивое здание, напоминающее дворец. Однако, несмотря на все расходы, они выкопали лишь единственный щит и маленькую статуэтку, подобную найденным мною. Этим открытиям британская пресса приписала важнейшее значение. Они собираются тщательно исследовать это место во всех деталях.

Когда-то там было обнаружено несколько великолепных предметов, таких, как невероятно большой трон сплошь покрытый клинописью и позолотой. Однако должен с прискорбием упомянуть о том, что, вернувшись из Европы, я узнал, что он был разбит и уничтожен. Вспоминая юность, замечу, что тогда в этих руинах находили множество разнообразных фигурок, но местные жители, считая их проклятой работой дьяволов или джиннов, разбивали их вдребезги молотками или ломали, чтобы затем изготовить из них бронзовые сосуды, лопаты или лемехи плугов...»

Первые систематические попытки расшифровать язык ванских надписей были сделаны оксфордским профессором А.Г. Сэйсом, чьи труды на протяжении полувека публиковались в «Журнале Королевского азиатского общества» (с 1882-го до 1932 г.). Так как урартские цари разделяли любовь своих ассирийских соседей к пышным декларациям и нудному хвастовству по поводу своих завоеваний и военных трофеев попеременно с устрашающими угрозами врагам, представлялось возможным сопоставить стереотипную формулу, встречаю

щуюся в урартских надписях, с параллельными фразами в ассирийских. Это привело к составлению значительного по объему словаря урартских слов и открытию, что урартский язык весьма схож с хурритским.

Особый интерес вызывает работа профессора С.Ф. Леман-Хаупта, который начал раскопки в Топрак-Кале еще в 1898 году вместе с доктором Белком. Эти раскопки велись более научным образом, чем раскопки Ормузда Рассама. Трехтомный труд Леман-Хаупта «*Armenian einst und jetzt*» («Армения в прошлом и настоящем») (1910—1931 гг.) является непревзойденным по богатству оригинальных сведений обо всех периодах армянской истории, включая ванское царство Урарту, даже несмотря на настойчивое утверждение Леман-Хаупта, что урарты были иммигрантами из Малой Азии, что сегодня представляется весьма сомнительным. Перед Первой мировой войной (в 1911—1912 гг.) Иосиф Орбели, позднее директор ленинградского Эрмитажа, также проводил раскопки в Топрак-Кале, которые были продолжены в 1916 году, после оккупации Вана русской армией.

После Первой мировой войны ценная работа по расшифровке урартских надписей была проделана в Германии покойным профессором Микаэлом Церетели и профессором Альбрехтом Гетцке, позже работавшим в Йельском университете. Оба они прояснили многие темные слова ванских текстов. Результаты их кропотливой пионерской работы представлены в своде урартских надписей, составленном Георгием Меликишвили, членом Грузинской академии наук. Первое издание этого свода вышло в Москве в 1953—1954 годах, а вскоре после этого, в 1955 году, профессором Ф.В. Кенигом из Венского университета был выпущен в Граце «Справочник халдейских текстов». К сожалению, следуя за Леман-Хауптом, Кениг неверно называет урартов «халдеями» по имени их главного бога Халдиса, или Халди. Это приводит к бесконечным недоразумениям, смешению двух совершенно разных народов: урартов и халдеев вавилонских, знакомых большинству читателей по

Ветхому Завету. Кроме того, остается риск и дальше спутать их с Халдией византийских времен, то есть названием провинции с центром в Трапезунде.

До тех пор основное внимание археологов сосредоточивалось на столице урартского царства Ване, или, как она называлась ранее, Тушпе, а также на близлежащей царской резиденции Топрак-Кале. Новая глава в изучении урартов была начата во время и после Второй мировой войны систематическими раскопками Б.Б. Пиотровского и К.Л. Оганесяна в двух местах на окраине Еревана — Кармир-Блур и Арин-Берд (Эребуни). Последнее место оказалось первоначальным расположением города Еревана, основанного в 782 году до нашей эры урартским царем Аргишти (сыном Менуа), основавшим также город Аргиштихинили там, где стоит современный Армавир. Все эти факты были установлены с помощью урартских клинописных текстов, найденных там. Кармир-Блур, или, как называли его урарты, Тейшебаини, был основан столетием позже царем Русой II, сыном Аргишти II. Его значение постепенно возрастало и вытеснило роль соседнего Эребуни, который пришел в упадок.

Кармир-Блур означает по-армянски «красный холм». Первоначальное урартское название, Тейшебаини, означает «город бога Тейшебы». Этот город стал важным административным и военным центром на северо-восточных землях Урарту. Там были расположены военные казармы, склады, храмы и царские жилища. По сочетанию объектов военного, гражданского и религиозного характера Кармир-Блур можно сравнить с каким-нибудь британским районным центром на северо-западной границе Индии во времена правления вице-королей. А для археологов это место представляет особый интерес, потому что однажды ночью в начале VI века до нашей эры подверглось внезапному нападению скифов. Весь город выгорел дотла, так что толстый слой золы, пепла и рухнувших обломков покрыл склады, казармы и сокровищницу. Ни нападавшие, ни средневековые кладоискатели не утруждали себя тяжелыми раскопками в поисках

добычи. Многие склады и кладовые, частично обугленные, сохранились тем не менее достаточно нетронутыми. Так были обнаружены целые ряды винных кувшинов, с высохшими винными пятнами и виноградными шкурками на дне, а также сосуды, полные обугленного и закаменевшего зерна, и множество разнообразных бронзовых блюд, щитов и шлемов с клеймами урартских царей.

Результаты этих раскопок опубликованы Пиотровским и Оганесяном в серии монографий, выпущенных Армянской академией наук в Ереване. Профессор Пиотровский опубликовал также два замечательных очерка общей истории и культуры Урарту: «Ванское царство» (1959 г.) и «Искусство Урарту» (1952 г.).

В течение ряда последних лет в Восточной Турции было исследовано еще несколько урартских городищ. С 1959 года Тахсин Оцгюк и его коллеги вели грандиозные раскопки в Алтин-Тепе («золотом холме») близ Эрзинджана. Описание первых находок было опубликовано в турецком историческом журнале (*Belleten*) в 1961 году. С.А. Берни и Дж.Р.Дж. Лаусон опубликовали в 10-м выпуске журнала «Анатолийские исследования» за 1960 г. («*Anatolian Studies*») серию промеренных планов не менее одиннадцати урартских крепостей Ванского региона. Летом 1965 года британская экспедиция, возглавляемая профессором Ситоном Ллойдом, впервые тщательно изучила значительный военно-административный центр Кьялидере около Мурат-Су, рядом с городом Варто. Между 1961-м и 1964 годами турецкой экспедицией от Университета Ататюрка в Эрзуруме проводились также раскопки урартских городищ близ Патноса, к северо-западу от озера Ван. Они дали отличные результаты, которые были обнародованы профессором Анкарского университета Кемалем Балканом в лекции, прочитанной им в Лондонском институте археологии (13 октября 1966 г.). В том же институте 21 февраля 1967 года был сделан доктором Баки Огюном доклад о новейших турецких раскопках урартского городища в Эдильсезазе близ озера Ван у подножия Суфан-Дага.

Неослабевающий интерес к изучению Урарту подтверждает работа шведского археолога Карла Нилендера по исследованию урартского акрополя в Зернак-Тепе.

Раннюю политическую историю Урарту лучше всего изучать по ассирийским анналам, которые дают нам хронологию и имена всех царских династий Ванского царства. Так как Ван (Тушпа) находился менее чем в 200 милях от Ниневии, следует отметить как необычный тот факт, что две большие империи могли долго сосуществовать бок о бок, часто воюя, но никогда не уничтожая друг друга полностью. С самого возникновения Ассирии ее летописцы предоставляют сведения о династиях и датах жизни правителей своего северного соседа, без которых цари Ниневии были бы безраздельными владыками всего Ближнего Востока.

В надписях ассирийского царя Саламансара I (Шульмануашареда; 1280—1261 гг. до нашей эры) уже упоминается о походах против племен, населяющих область «Уруатри» к югу от озера Ван. «В начале моего божественного правления земли Уруатри взбунтовались против меня, — жалуется Саламансар. — Я воздел руки к Ашуру и другим великим богам, владыкам моим, я собрал войска, я взшел на вершины их могучих гор... и поверг в прах восемь провинций с их войсками. Я уничтожил и сжег пятьдесят одно селение и взял в полон их жителей, забрав все их имущество. Все земли Уруатри я заставил склониться к ногам Ашура, господя моего. Я отобрал лучших отпрысков их себе в услужение и наложил на них тяжкую дань на веки веков». До сих пор это считается самым ранним упоминанием о народе Уруатри. Оно показывает, что в XIII веке до нашей эры он еще не сформировал централизованное государство. Скорее всего, они жили отдельными общинами, со своими племенными вождями и местным самоуправлением.

Сын Саламансара, Тукульти-Нинурта I (1261—1218 гг. до нашей эры) также воевал с племенами Ванского региона, которые в его время назывались «народ Наири». Сорок три «царя», точнее, царька народа Наири

сговорились восстать против ассирийского царя, покрившего их, заковавшего в бронзовые цепи многих местных вождей и уведшего их в царский город Ашшур. Среди царских титулов ассирийского монарха мы находим «царь всех земель Наири».

В списке князей, побежденных Тукульти-Нинуртой I, фигурирует некий правитель Алзи, возможно, как-то связанный с районом Аззи, занимающим видное место в анналах хеттов. Этот Аззи всегда ассоциировался с областью Хайаса, расположенной на восточной границе Хеттского государства. В свою очередь, название «Хайаса» вполне допустимо связать с терминами «Хайк» и «Хайастан», которые армяне используют для определения своего народа и своего края.

Походы ассирийцев против племен Ванского региона бурно возобновились в царствование Тиглатпаласара I (Тукультиапал-Эшшар, 1115—1077 гг. до нашей эры).

Этот царь начал свое долгое правление с ежегодных походов на север своих владений, в различные области Великой Армении. Сначала он атаковал народ мушкену, предков юго-западного грузинского племени месхов. Эти мушкену воспользовались крушением мощи хеттов в Анатолии и хлынули в область верховьев Евфрата, двигаясь вдоль реки Мурат-Су в районы Алзи (Аззи) и Пурулумзи. Там Тиглатпаласар и разгромил их в 1113 году до нашей эры, покорив пять мушкенских царей и 20 тысяч человек их войска.

В следующие несколько лет Тиглатпаласар сосредоточил свои атаки на районе озера Ван, или, как называли его ассирийцы, Наирийского моря. «Двадцать три царя земли Наири повелели собраться своим воинам и колесницам и направили их на меня войной. Я выступил против них со всей яростью моего ужасающего оружия, и, как потоп, ниспосланный Ададом, я сокрушил их бесчисленное воинство... Шестьдесят князей земли Наири, со всеми их союзниками, я прогнал копьем моим до Верхнего моря [видимо, имеется в виду Черное море]. Я полонил их великие города и взял все их

добро, богатство и имущество, а затем выжег огнем их селения». Царские анналы добавляют, что цари Наири были им прощены при условии, что отдадут сыновей своих в заложники, вместе с данью в 1200 лошадей и 2000 голов скота.

Анализ этих ассирийских источников дает нам много полезных сведений о военной организации и экономической жизни Армении около тысячи лет до нашей эры и ранее. Они показывают, например, что местные жители были хорошо обеспечены боевыми колесницами и даже после ряда тяжелых поражений могли собрать более тысячи отличных коней в качестве дани победителям-ассирийцам. Любящий комфорт Тиглатпаласар горько сетует на каменистую и ухабистую почву, которую ему пришлось преодолевать, пересекая Армению, и яростное сопротивление местных жителей, «заманивавших его в жуткие земли, острые, как кончик кинжала», туда, где ему самому, царю, приходилось ковылять пешком, вступать с противником в ближний бой и «колоть врага в сердце», пока весь горный склон не покрылся пеленой крови, «словно одетый в алую шерсть».

Непосредственные преемники Тиглатпаласара были постоянно заняты отражением набегов арамейских племен, вторгавшихся в Сирию, хотя в летописях все еще отмечаются и редкие вылазки ассирийцев в район Вана. Начиная с 1000 года до нашей эры и далее в мелких княжествах и кланах, составляющих Наири-Урартское содружество, пробуждаются и вступают в действие новые политические и общественные силы. Нужда в организации сплоченного сопротивления ассирийской агрессии, вкупе с распространением идеологии абсолютизма из великих государств Месопотамии, постепенно привели к появлению в Ванском регионе единой доминантной линии правителей. Эти династии со временем выковали из разрозненных племенных общин, окружавших озеро Ван, великое царство — страну, называемую урартами Бианини, со столицей в Тушпе, неподалеку от современного города Вана. Вскоре мы начинаем встре-

чить названия мест, которые и сейчас в ходу, — такие, как сам Ван (Биаини), а после 782 года до нашей эры Эрбуни (Ереван).

То, что до наших дней сохранилось значительное число урартских названий местности, является убедительным доказательством длительности существования Урарту, а также армянских царских династий и цивилизации вообще. Сами урарты были преимущественно туземными жителями, хурритских и анатолийских корней. Большое сходство некоторых бронзовых изделий урартской и этрусской работы привело прежних урартологов к мысли о возможной иммиграции урартов и их культуры из Фракии, или Фригии, через Западную Малую Азию. Существуют и другие любопытные параллели, например при сопоставлении одновременных работ по металлу из Кипра и Финикии. Особенно обширна литература, посвященная изумительным урартским бронзовым треножникам и котлам, которые находили в очень удаленных друг от друга краях. Однако следует помнить, что Урарту поддерживало постоянные отношения с такими средиземноморскими центрами торговли, как Тир и Сидон, бывшими посредниками при продаже урартских металлических изделий и других предметов искусства, которые расходились оттуда по всему Средиземноморью.

Создание в диких краях Армении и Восточной Анатолии сильного единого государства требовало необычайной целеустремленности и терпения. Не все и не всегда понимают, что климат на большей части территории Урарту больше похож на климатические условия Сибири или Южной Канады, чем на близлежащую Месопотамию. Зимы там долгие и суровые, причем глубокий снег, толщиной в несколько футов, лежит не меньше четырех месяцев в году. А это ведет к малой подвижности населения и относительной изоляции каждой общины от соседей. Зимой были невозможны нападения извне, например из Ассирии, но также и крайне затруднено действенное управление из собственной столицы Тушпы (Вана). И в настоящее время в этих краях

зимних путешествий стараются избегать, за исключением самых необходимых. В современной деревне Кьялидере, где в 1965 году вела знаменитые раскопки на западном берегу озера Ван британская экспедиция, даже летом вместо колесных повозок в ходу деревянные сани. На Мушской равнине зимой особенно холодно, хотя некоторые районы, непосредственно прилегающие к озеру Ван, довольно хорошо защищены от ветров даже на высоте 1750 метров выше уровня моря. Относительно умеренный климат в долине Аракса, которая была присоединена к Урарту лишь на поздней стадии его истории.

Эта земля совсем не похожа на солнечную обетованную, где текут молочные и медовые реки в тени финиковых пальм и фиговых деревьев. Суровые климатические условия приучали урартов к выносливости и мужеству, что и позволило им соперничать с более благополучными южными соседями, обитателями плодородных равнин и речных долин Месопотамии и Вавилона. Недавние археологические находки изделий из резного камня и металлической чеканки знакомят нас с изображениями коренастых крепких мужчин с большой головой и цепким пронзительным взглядом. Они часто показаны в движении на лошадях или в колесницах, занятые охотой или боями, хотя нередко статические изображения поклоняющихся богам. Благообразные хозяева, разумно осторожные дельцы, они, наверное, были праотцами современных армян, коммерсантов и фермеров.

Эти великие строители и инженеры усеяли пейзаж широкой дуги, протянувшейся на 200 миль к западу, северу и северо-востоку от озера Ван, крепостями, городами и акведуками. Выбирая место по стратегической необходимости, они почти всегда возводили свои строения на холмах и возвышенностях, а там, где таковых не было, создавали их искусственно. На подобных вершинах они располагали свои поселения, сочетая здания военные и торговые с храмовыми постройками, а вверх по склонам они прокладывали широкие изгибы дорог

для колесниц, повозок и тяглового скота. Задолго до финиан урартские цари разработали классический архитектурный комплекс акрополя как единство, сочетающее нервные центры официального религиозного культа, военного командования и гражданского управления, а также обеспечивавшего убежище множеству людей в час войны или бедствия.

Основателем объединенного Урартского царства был, по всей видимости, царь Арам, или Араму, упоминаемый в ассирийских надписях царя Саламансара III, касающихся 860, 858 и 846 годов до нашей эры. Его, несомненно, можно отождествить с полубогатырем армянским царем Арой Прекрасным, в которого влюбилась царица Семирамида. Согласно хронологии покойного Николаса Адонца, царствование Араму датируется 880—844 годами до нашей эры. Араму был первым правителем, которого титуловали «Эрили Эрилае», то есть «царь царей, шахиншах». Армянский летописец, Мовсес Хоренаци, считает урартского царя Араму эпонимным предком армянской нации. Не исключено, что это его имя живет в названии древней провинции Арамили (или Амарили, Армарили), соответствующей средневековой армянской провинции Апахуник.

Столица царя Араму — первый царский город Урарту — называлась Арзашкун и была захвачена царем Салманасаром III во время одного из его походов. (Именно в этом походе ассирийский царь «омыл свое оружие в Наирийском море» [озере Ван].) Адонц вполне разумно отождествляет местоположение Арзашкуна с хорошо известным средневековым городом Манацкерт, или Манцикерт, стоявшим на реке Арзанилс к северу от озера Ван, на важнейшем перекрестке дорог, ведущих к Вану, Мушу, Эрзуруму и Еревану. В 1071 году Манцикерт стал ареной жестокого разгрома и пленения византийского императора Романа IV тюрками-сельджуками.

Ниже представлены в хронологической последовательности известные истории цари Урарту (согласно расчетам Николаса Адонца и Б.Б. Пиотровского):

1. Арам, или Араму (880—844 гг. до нашей эры). По-видимому, был низложен во время похода против диких северных племен.

2. Сардури I, сын Лутипри (844—828 гг. до нашей эры). Он перенес столицу из Арзашкуна в Ван, где на камне крепости вырезана его надпись. О нем упоминается в отчете о походе ассирийского царя Саламансара II в 834 г. до нашей эры.

3. Ишпуини, сын Сардури (828—810 гг. до нашей эры). Какое-то время правил вместе со своим сыном и наследником.

4. Менуа I, сын Ишпуини (810—785 гг. до нашей эры). Великий строитель, при котором Урарту стало самым большим государством в Западной Азии; прославился своими оросительными каналами и ирригационными работами.

5. Аргишти I, сын Менуа I (785—760 гг. до нашей эры). Аннексировал большие куски территории Северной Армении и основал города Эребуни (нынешний Ереван) в 782 году до нашей эры и Аргиштихинили (средневековый Армавир) в 775 году до нашей эры.

6. Сардури II, сын Аргишти I (760—730 гг. до нашей эры). Упоминается в анналах ассирийского царя Тиглатпаласара III в 743-м и 735 годах до нашей эры. При нем Урарту разорили ассирийцы и начался упадок государства.

7. Руса I, сын Сардури II (730—714 гг. до нашей эры). Совершил самоубийство после победы Ассирии над Урарту в 714 году до нашей эры. Кульминацией поражения Урарту стало разграбление храма богов Халди и Ардини в Мусасире (современный Сидикан), расположенном между Ровандузом и Ушну в Курдистане.

8. Аргишти II, сын Русы I (714—685 гг. до нашей эры).

9. Руса II, сын Аргишти II (685—645 гг. до нашей эры). Завершил строительство великой крепости Тейшебаини в Кармир-Блур близ Еревана.

10. Сардури III, сын Русы II (645—625 гг. до нашей эры). В его царствование Урарту стало сателлитом Ассирии.

11. Эримена (625—605 гг. до нашей эры). Этот царь известен лишь по нескольким надписям его сына.

12. Руса III, сын Эримены (605—590 гг. до нашей эры). Современник пророка Иеремии, который упоминает Урарту как врага Вавилона. Последний урартский царь, оставивший клинописные надписи с рассказом о событиях своего правления. После смерти Русы III Урарту распалось, было завоевано и растащено по кускам персами и мидянами.

Любопытной чертой приведенной смены урартских царей является строгий династический принцип наследования — переход трона от отца к сыну. Подобный же принцип наследования прослеживается и в армянских династиях, начиная с Оронтидов и далее, а также у грузин, где династия Багратидов правила более тысячи лет (с 780-го до 1810 г. нашей эры). Урартские правители пользовались титулом «царь царей» и, по сути, были ими — как бы председателями группы племенных вождей, старшими среди равных. Здесь нет речи о божественном автократическом правлении, подавлении и унижении сборища покорных рабов. Более того, цари Урарту не только не требовали себе божественных почестей, но даже свои победы приписывали милости их верховного божества, бога Халди.

В период наивысшего расцвета Ванского царства правитель Урарту был сюзереном всех мелких владетелей Восточной Анатолии, а также некоторых частей нынешних Ирана и Азербайджана. Вожди кланов платили ему дань золотом и серебром, продуктами земледелия, скотом и овцами. Параллельно с вождями племен существовали губернаторы провинций, напрямую назначаемые царем. Они отвечали за военное состояние каждой провинции и сбор налогов. Многие из этих губернаторов стали постоянными правителями тех краев, которые были поручены им урартскими царями. По мере того как разрасталось государство Урарту от своего центрального ядра, района вокруг озера Ван, по мере того как оно охватывало земли от залива Александретта (нынешнего залива Искендерун) до восточного берега озера

Урмия и равнин, окружавших Эрзинджан и Эрзурум, роль таких прямых правительственных агентов соответственно возрастала. В городах-крепостях, таких, как Кармир-Блур на окраине Еревана и Алтин-Тепе близ Эрзинджана, размещался гарнизон из отборных урартских воинов и жили поселенцы под присмотром царского представителя, которым предписывалось надзирать за местным населением и контролировать его.

Кроме военных и политических целей экспансия Урарту решала и вполне определенные экономические задачи, главной из которых было овладение золотыми, серебряными и железными рудниками Таврского региона, контроль за товарообменом между Финикией, Сирией и Малой Азией, а также над основными торговыми путями между востоком и западом. Чтобы добраться до стран Средиземноморья, товары из Индии, Центральной Азии и даже Китая должны были пересечь или Месопотамию на юге, или Анатолию и Ванский регион на севере. К тому же торговый путь «север—юг» между Черноморским регионом, особенно богатыми Колхидой, Месопотамией и Эламом, проходил прямо по Урарту. При умелом управлении могущество страны, через которую шла такая торговля, было гарантировано.

Само Урарту было поставщиком кошенилевой краски в страны «Благодатного полумесяца», а также снабжало их металлическими рудами и изделиями из металлов. Оно было посредником в продаже индийских пряностей и китайского шелка. Фрагменты шелковых тканей, найденные близ Вана, датируются 750 годом до нашей эры и входят в число древнейших свидетельств восточной шелковой торговли. В том же регионе обнаружены великолепные египетские скарабеи и амулеты с иероглифами, ассирийские цилиндрические печати и бусы, финикийские серебряный кувшин и золотые с жемчугом серьги. Все это найдено в Кармир-Блуре под Ереваном и в совокупности доказывает, что торговые связи Урарту простирались до берегов Нила и далее.

Период наибольшей территориальной экспансии Урарту совпадает с правлением Аргишти I и его сына

Сардури II (с 785-го по 730 г. до нашей эры). Границы царства продлились тогда на север за Аракс и Утунурши, правитель Диауехи (средневековый Тао, или Таик) был низложен. На юге урартское войско под руководством Аргишти I в 766 году до нашей эры проникло в Ассирию до окраины ассирийской столицы Ниневии. Во время своего царствования Сардури II прошел по землям нынешнего Курдистана и захватил южное побережье озера Урмия. Правители Мелитены (Малатья) и Куммуха (Коммагены) в Южной Анатолии были низведены до статуса вассалов. Так урарты обеспечили себе свободный проход к побережью Средиземного моря.

Реакция последовала после восшествия на трон энергичного ассирийского завоевателя Тиглатпаласара III (745—727 гг. до нашей эры). Этот царь начал свое правление с ряда походов против Ванского государства. Вскоре урарты потерпели поражение при Арпаде на Евфрате, в Северной Сирии, и тем самым утратили контроль над Коммагеной, Софеной (район Харпута) и прилегающими регионами. В 736 году до нашей эры Тиглатпаласар появился перед воротами Тушпы (Вана), столицы Сардури II, и подверг город долгой, но безуспешной осаде. В конце концов ассирийцы ушли из-под стен Тушпы, воздвигнув там сначала, как символ высокомерного презрения к урартам, статую своего царя Тиглатпаласара III.

Отныне урарты были вынуждены сосредоточиться на обработке и окультуривании оставшихся у них земель вокруг озера Ван и севернее, за Араратом. Урарты были превосходными инженерами и строителями оросительных сооружений. Самым замечательным представителем такого типа людей был царь Менуа (810— 785 гг. до нашей эры), о котором в 14 надписях говорится, что он соорудил великий оросительный канал длиной в 40 миль, чтобы привести в Ван воду с горной гряды Артос, расположенной неподалеку от реки Хошап. Хотя заслуга этого строительства несомненно принадлежит Менуа, в устной истории армян принято называть его

Шамирам-Су, то есть «ручей царицы Семирамиды». Он берет свое начало в миле от селения Мценкерт, или Мечинкерт, по акведуку пересекает реку Хошап и далее направляется на запад, к озеру Ван, орошая по пути земли не менее 25 деревень, разбросанных на сухой пустоши, известной как Хайотц-дзор, то есть «армянская долина».

Берега этой мощной водной артерии отделаны громадными блоками тесаного камня и когда-то охранялись цепочкой маленьких крепостей. Канал этот используется до сих пор, так как пролегает вплотную к Кармир-Блуру, окраине Еревана. Другие каналы снабжали водой земли к югу от озера Ван (в урартских источниках этот край известен как Айду-ни, в ассирийских — как Айаду-ни), а также регионы Беркри и Мелуаскерт (современный Манцикерт, первоначальный Арзашкун). Ванский регион особенно зависит от орошения, потому что воды самого озера горько-соленые и непригодны для питья и полива посевов. Руса I (730—714 гг. до нашей эры), строитель Топрак-Кале, создал искусственное озеро, то есть водоем, в 15 милях к востоку от Вана. Оно известно под именем Русай-суге, то есть «озеро Русы». Сейчас его называют Кешиш-гёль.

Появление урартских сторожевых застав-крепостей, охранявших каналы и другие сооружения от нападений и диверсий, известно нам по бронзовой модели, найденной в Топрак-Кале (сейчас она находится в Британском музее), а также другой, ей подобной, недавно обнаруженной в Алтин-Тепе (Восточная Турция). Крепости эти до удивления схожи с замками О'Брайен и О'Флаэрти в Западной Ирландии: трехэтажные, обнесенные толстыми стенами с бойницами и башенками.

Слава об урартских правителях и сооружениях, созданных ими на благо своего народа, разнеслась по всему Ближнему Востоку. Повесть о походе ассирийского царя Саргона в 714 году до нашей эры рассказывает нам о богатых полях и виноградниках Айаду, края, расположенного к югу от озера Ван. Они пробудили зависть в самом Саргоне. Многие оросительные каналы были

посвящены Куере, урартскому богу плодородия. В его честь назван урартский город Куерахинили. Можно еще добавить, что урарты строили еще подземные каналы (ганаты), которые обычно обнаруживают в Иране. Они обладают тем преимуществом, что, пока вода пребывает под поверхностью земли, испарение ее ничтожно, и так продолжается до выхода ее наверх, рядом с местом использования.

Урарты проявляли недюжинную смекалку в изготовлении разного рода земледельческих орудий. Более полувека тому назад Леман-Хаупт обнаружил в Топрак-Кале целый ассортимент сделанных из железа сельскохозяйственных инструментов. Среди них были трезубые вилы, железные лемехи для плугов, мотыги и кирки. Тяжелый урартский плуг с железными лемехами тянула упряжка из двух или четырех быков, которой управляли трое мужчин. Найденные на месте урартских городов и селений каменные ступки и пестики, зернотерки и жернова самых разных размеров свидетельствуют о том, что население было хорошо обеспечено хлебом.

Решив многие из сельскохозяйственных проблем, урарты обратили внимание на планирование городов и развитие их структуры. Их знания и умения в этих вопросах стали особенно очевидны после раскопок Рассама, а затем Белка и Леман-Хаупта в Топрак-Кале, хотя это место вскоре очень пострадало от действий кладоискателей и археологов-любителей. Поэтому представляют такой интерес точные замеренные планы урартских крепостей в Турецкой Армении, выполненные и опубликованные Берни и Лаусоном. Еще более полную информацию дали раскопки двух практически сохранившихся нетронутыми урартских укрепленных городов Арин-Берда и Кармир-Блура под Ереваном.

Первые свидетельства об урартском зодчестве и строительстве общественных зданий в Ереванском регионе были получены еще в 1901 году, когда была обнаружена базальтовая стела с урартской надписью, в которой упоминалось о размахе усовершенствований, проведенных царем Русой II в Кутурлинской долине на бере-

гах реки Раздан напротив Кармир-Блура. Руса писал: «Я насадил этот виноградник, засеял поля злаками и окружил города садами. Я построил канал от реки Илдаруни [Раздан]». Канал, о котором идет речь, сохранился до наших дней, он протекает по туннелю, пробитому в андезит-базальтовой скале. Туннель этот, обновленный в Средние века, теперь служит ложем эчмиадзинского канала. О нем есть упоминания в архивах Католикоса всех армян в Эчмиадзинском монастыре. Так, созданный царем Русой водовод более 2600 лет несет обитателям этого края животворную влагу. Редкостный рекорд общественной пользы.

Следующим этапом в исследовании этого края стало случайное открытие. Геолог А.П. Демехин нашел обломок древней каменной стены с клинописной надписью, в которой упоминалось имя Русы, сына Аргишти, то есть урартского царя Русы II, правившего с 685-го по 645 год до нашей эры. Эта надпись вывела советских археологов прямо к главному аванпосту государства Урарту в Ереванском регионе — к Кармир-Блуру. В 1939 году там под руководством Б.Б. Пиотровского начались плановые раскопки. Вскоре экспедиция наткнулась на кольцо от бронзового дверного засова, по-прежнему лежавшего при входе на склад. На нем была урартская надпись: «Арсенал города Тейшебаини, владения Русы, сына Аргишти». Это доказывает, что город был назван в честь урартского бога войны, бури и грома Тейшебы (соответствует хурритскому богу Тешубу). Позднее в Кармир-Блуре действительно была найдена бронзовая статуя Тейшебы, украшавшая боевой штандарт.

Полностью открытый урартский город Тейшебаини в Кармир-Блуре занимал значительную территорию — около 40 гектаров. Его обороняли мощные укрепления, с фундаментами из грубо отесанных массивных камней. Верх стен, как и в других урартских крепостях, был сложен из необожженных глиняных кирпичей. Он давно раскрошился и рассыпался. Город был построен по заранее продуманному плану и являл собой пример разумно организованного городского ансамбля, далеко пре-

восходящего разбросанную застройку многих нынешних провинциальных городов Ближнего Востока. Улицы в Тейшебаини были длинными, довольно широкими, обрамленными с обеих сторон жилыми помещениями. Помещения эти не были отдельными домами, но представляли собой единое длинное строение, с длинной крышей, перекрывавшей целый ряд почти одинаковых жилищ, построенных по единому плану: открытый или полуоткрытый двор и две спальные или жилые комнаты. Тот факт, что рядом с ними не было сараев для содержания скота или других животных и что все кладовые были общими, свидетельствует, что рацион свой обитатели их получали от государства. Отдельным семьям не приходилось обеспечивать себя разведением собственного скота или земледелием.

Население Тейшебаини состояло из урартских воинов, их семей, многочисленных ремесленников, занятых в мастерских крепости, и сельскохозяйственных работников, возделывавших государственные поля и сады. Так говорится в надписях царя Русы. Несомненно, многие из жителей города были рабами, принадлежавшими государству, и личными вассалами царского семейства. Официальные записи урартских царей показывают, что в соседнем городе Арин-Берд (Эребуни) после его основания в 782 году до нашей эры жило 6600 пленников, перегнанных сюда из Хата и Супани в Северной Сирии, а также с верховьев Евфрата. Архивы глиняных табличек с клинописными текстами, а также остатки папирусных свитков с арамейскими письменами дают нам дату возникновения налоговой и административной систем в этих урартских городах-крепостях. Некоторые из этих документов представляют собой счета за припасы, другие — приказы о направлении населения на конкретные работы.

В этих сторожевых крепостях, расположенных по соседству с Ереваном, бережливые и рачительные урарты скопили большие запасы зерна, винограда и фруктов. Раскопки советских археологов обнаружили остатки муки грубого помола, яблок, слив, гранатов и арбуз-

ных семечек. Остатки резаных яблок и сушеного винограда свидетельствуют о том, что уже тогда фрукты умели сохранять. (Это делается в Армении и теперь.) В трех огромных винных подвалах Тейшебаини обнаружены параллельные ряды закопанных по горло в земляной пол громадных кувшинов-«карасов» емкостью примерно по тысяче литров каждый. В первой кладовой находилось 82 таких сосуда, во второй — 70, а в третьей — 20. Все сосуды были помечены иероглифами и клинописными надписями, указывающими емкость каждого. Иногда приводились сведения о качестве и возрасте содержавшегося в них вина. Только в трех главных подвалах Тейшебаини хранилось более 170 тысяч литров вина, количество, достаточное для снабжения тысячи человек по полулитру в день в течение почти года. В соседней кладовой находились винные кувшины из красной лощеной керамики. Их было больше тысячи, причем многие были абсолютно нетронутыми. На других складах урартские квартирмейстеры хранили железные и бронзовые инструменты, а также разнообразные ткани и пряжу, в том числе остатки рулонов ткани в 20 ярдов первоначальной длины.

Хотя Тейшебаини был расположен в 150 милях от Вана, урартские цари явно любили часто наезжать туда и вообще относились к этому городу как к одной из царских резиденций. В царском арсенале было сложено множество личных вещей урартских правителей. На многих искусно сделанных бронзовых предметах имеются надписи большинства урартских царей VIII века до нашей эры. Они наверняка были перенесены сюда из бывшей столицы царства, Эрбуни (Арин-Берда), находившейся всего в нескольких милях от Тейшебаини. Найденные в самом начале советских раскопок 11 больших бронзовых щитов несут на себе надписи о принадлежности их Аргишти I. Эти щиты имеют три фута в диаметре. В центре у них выпуклость и вывернутые наверх края. Два щита богато украшены изображениями львов и быков, расположенных на трех концентрических поясах узорного орнамента. Бронзовые колчаны с

именами Аргишти I и Сардури II украшены чеканкой с изображением урартских колесниц и всадников. При этом подробно видны все детали одежды, упряжи, даже узоры на колесницах. Фигуры людей и животных исполнены энергии и порыва.

В большом количестве были найдены урартские наконечники стрел, бронзовые и железные. Нам известно, что урарты были замечательными лучниками. В одной из ванских надписей утверждается, что царь Аргишти II лично установил рекорд стрельбы из лука, послав стрелу на расстояние 950 кубитов, то есть 494 метра.

А в Кармир-Блуре было обнаружено несколько бронзовых шлемов характерной формы, принадлежавших урартским царям Менуа и Аргишти I. Полусферические у основания, они сужаются к макушке в острый пик, служащий отличной защитой в битвах. Поскольку шлемы могли соскочить при скачке по неровной и ухабистой почве, а то и зацепиться за нависающие ветки деревьев или низкую каменную арку, практичные урарты снабжали их подбородочным ремешком. Эти урартские шлемы покрыты артистически узорами, выполненными в металлопластике, с изображением колесниц, зверей, священных деревьев и стел, по краям которых располагались служители и божества-помощники. На Ближнем Востоке эти шлемы высоко ценились. Один такой поступил в Британский музей в 1964 году из Луристана в Центральном Иране. Этот особый тип шлема, по всей видимости, берет свое происхождение в Ассирии. Существует и более ранний тип, с нашлемником на макушке, как на бронзовых фигурках из Топрак-Кале. Этот нашлемник представлял собой щетку из волос, навитых на изогнутый гребень, который затем закреплялся на верхушке шлема. Этот более ранний и более оригинальный вид урартских шлемов нашел подражателей в Греции, где в VI веке до нашей эры он стал общепринятым.

Необычайно интересны царские доспехи, найденные в Тейшебаини в 1952 году. Они выполнены из бронзовых пластин, украшенных выпуклыми розетками. На

застежках написано посвящение царю Аргишти I. Отец этого правителя, Менуа, поместил сюда свою богато украшенную упряжь (поводья, налобный щиток, круги защитных пластин и бубенцы). Как большинство анатолийских народов, урарты были прекрасными наездниками. Очень давно около Тушпы был найден камень с клинописной надписью о том, что им отмечено место, от которого жеребец царя Менуа прыгнул на 22 кубита (11,5 м) с хозяином на спине. Любопытно, что имя этого коня было Артсиби, и оно сейчас (в форме Артсиви) означает «орел» и на армянском, и на грузинском языках.

В Кармир-Блуре было сделано множество ценных находок: красивые украшения, золотые безделушки, бронзовые чаши, сосуды и кубки, а также другие высококачественные металлические изделия. Они дополняют находки, сделанные в Топрак-Кале. Например, в Кармир-Блуре было найдено больше сотни бронзовых чаш, аккуратно сложенных в кучи. На большинстве из них схематическое изображение башни с деревом, растущим на ее вершине, и головой льва у подножия. Сопровождает рисунок краткий клинописный текст с именем царствующего правителя, тем самым превращая его в некое подобие клейма.

Эти находки вкупе с находками в Топрак-Кале и на местах урартских крепостей в Восточной Турции подтверждают предположения профессора А.Г. Сэйса, который более сорока лет назад, когда особые черты урартской цивилизации еще не были оценены по достоинству, писал в 14-м издании Британской энциклопедии: «Лучшие из дошедших до нас металлических изделий позднеассирийского периода были найдены в Ване, древней столице государства Урарту, расположенной на берегу озера Ван. Реалистично исполненные бронзовые головы быков, статуя бога в ассирийском стиле, лежащие сфинксы с мозаичными человеческими головами (ныне утраченными), змееподобное чудовище с инкрустированными черными и белыми медальонами, модель стены с воротами, бойницами, башенками и зубчатым

навершием могут считаться типичными. Прекраснейшим из найденных предметов является круглый щит, разделенный на четверти, в которых фигуры зверей выполнены в технике барельефа на металлопластике. Некоторые авторитетные ученые могут поэтому видеть в Армении центр, из которого подобные работы разошлись повсюду, увидеть здесь зарождение стиля, продолженного в ахеменидской Персии...»

Хотя большая доля урартского искусства носит характер официальный или военный, не менее важную роль оно играет в изучении религии урартов. Подобно почти всем древним народам Ближнего Востока, урарты разработали сложную систему религии и религиозных обрядов. Одно время официальный пантеон Урарту включал в себя примерно 79 богов, богинь и низших божеств. Список их всех запечатлен клинописью на так называемых Мгер-Капуси («Вратах Мгера») в Цимцим-Даге неподалеку от Вана. В этой надписи, вырезанной на камне около 800 года до нашей эры, перечисляются размеры жертвоприношений, которые следует приносить каждому богу при обращении за милостью. Тут мы наблюдаем выраженную в количестве быков и овец, а также прочих пожертвований религиозную иерархию, то есть место каждого из богов по старшинству. Так, самый старший бог, Халди, получает 17 быков и 34 овцы, в то время как Тейшебе, богу войны, грома и бурь, преподносят 6 быков и 12 овец. Третьим в этой иерархии является Шивини, бог Солнца, которому полагается 4 быка и 6 овец. Шивини соразмерен богам Ададу и Шамашу ассирийского пантеона.

Урартским богам приносили в жертву не только животных, но иногда и людей. Леман-Хаупт обнаружил в Топрак-Кале большое число человеческих и животных скелетов, сваленных вместе в кучу в кладовой, видимо части святилища. Человеческие скелеты все были без черепов, из чего можно заключить, что во время ритуального жертвоприношения людей обезглавливали. К тому же в личном собрании профессора К.В. Тревера (Ленинград) имеется урартская печать с изображением

жертвенника, рядом с которым лежит обезглавленное человеческое тело.

У Халди, высшего бога, была жена, богиня Арубани (Арубаини, или Уарубани). Супругой Тейшебы, хурритского Тешуба, была богиня Хуба (хурритская Хебат, или Хепа). Луне поклонялись в образе бога Шеларди, ему соответствовало ассирийское божество Син.

Подобно древним шумерам и хеттам, а также средневековым грузинам, урарты имели особый культ — поклонение священным деревьям и растениям, особенно Древу Жизни и Древу Бессмертия. Бесчисленное количество печатей и металлических изделий показывают нам людей, поклоняющихся священному дереву, иногда в сочетании со стелами или высокими стоячими камнями, числом до трех. На одной из печатей, найденных в Топрак-Кале, рядом со священным деревом стоит храмовая лейка.

Стоячие камни имеют закругленные верхушки. Некоторые из этих культовых стел урартской поры до сих пор встречаются в Ванском регионе. В других местах раскопок в Армении обнаружены вертикально поставленные камни, высеченные в форме гигантского фаллоса, с похожей на луковицу верхушкой. Их связывают с древними обрядами поощрения плодovitости и изобилия. Пограничная область между Арменией и Грузией богата редко разбросанными мегалитами (менгирами), часто высеченными в форме тотемов с изображениями животных или птиц. Многие из них относятся к началу первого тысячелетия до нашей эры. Особенно бросаются в глаза мегалиты с высеченными эмблемами рыб или морских драконов, так называемых вишапов. Их часто находят на холмистых склонах, разделяющих грузинские и армянские территории. Эти вишапы были связаны с древними урартскими оросительными системами — они были их покровителями и хранителями. Часто они стоят на высоких холмах, откуда каналы стекают в долины, причем особенно это касается Триалетского и Араратского регионов. В некоторых случаях первоначальные вишапы явно доурартского типа, например ви-

ленный автором в Гарни, около дворца армянских царей. На каменной голове древнего вишапа-дракона была высечена более поздняя урартская надпись.

Свидетельством урартского культа рыб и морских чудовищ являются найденные в Кармир-Блуре глиняные фигурки бородатых мужчин с рыбьей головой. Они раскрашены голубой краской. У одной из фигурок из Кармир-Блур хвост скорпиона; на ней следы четырех разных красок. У этих маленьких переносных идолов имеются ассирийские и шумерские параллели.

Никакое изучение религии урартов не может считаться полным без учета их погребальных обрядов. Их лучше всего рассматривать на примере трех гробниц, обнаруженных в урартском укрепленном городе Алтин-Тепе («Золотой холм»), расположенном на крутой горе (60 метров высотой и 500 метров длиной) в 20 километрах к востоку от Эрзинджана на дороге, ведущей в Эрзурум. С 1959 года турецкая экспедиция ведет раскопки этих захоронений. Все они явно принадлежат одному княжескому роду или клану времен царя Аргишти II (714—685 гг. до нашей эры).

Один из этих склепов оказался практически нетронутым. При его постройке в глубь горы была пробита штольня, или туннель 7 метров шириной и 8 метров длиной. Затем под землей была возведена монументальная каменная гробница. Для защиты от грабителей и обвалов сами погребальные комнаты были окружены стеной из больших камней и закрыты сверху толстым слоем земли. После этого туннель был заполнен землей.

В каждой гробнице Алтин-Тепе по три комнаты. В данном случае за большой каменной плитой и грудой тяжелых каменных блоков в северо-восточной оконечности склепа оказалась дверь (3 фута шириной), за ней преддверие 4 фута длиной. В передней комнате, размером 12 × 4 фута, находился большой бронзовый котел, в который были втиснуты сложенный бронзовый пояс, два бронзовых диска, бронзовые части боевой колесницы, части конской упряжи, фигурки коней для вставления в концы колесничных столбиков, а также распав-

шиеся остатки железного оружия. Между входной дверью и котлом на полу находились два стула с окованными серебром деревянными ножками. На столе громоздились керамические сосуды, конские удила, другие части упряжи, три бубенца, несколько костяных вещей и другие предметы. Из этой передней комнаты дверь вела во вторую, размер которой составлял 13 на 8 футов. В ней находились два каменных корытообразных гроба с изогнутыми крышками, которые можно было легко открывать и закрывать. На гробах нет никаких украшений или надписей. В одном находились останки мужчины, в другом — женщины. Близ мужского гроба лежали золотые, серебряные и бронзовые пуговицы, которые когда-то были пришиты к какой-то одежде. Там же рядом лежало несколько железных наконечников стрел. Женщина была похоронена полностью одетой; золотые пуговицы и блески ее одеяния великолепно сохранились, так же как ожерелье из золота и драгоценных камней. Фаянсовая ваза ассирийской работы, керамические сосуды, безделушки, костяные инструменты, а также табурет и несколько сгнивших деревянных предметов были тщательно разложены и расставлены по полу склепа. Из этой главной погребальной комнаты узкая дверь вела в третью, самую маленькую комнатку, размером всего 8 на 6 футов. В каждой стене ее была высечена ниша. На полу стояли деревянное ложе, укрепленное восьмью парами бронзовых колец, устойчивый стол о четырех ногах, четыре керамических сосуда и прут литого серебра, длиной 17 сантиметров, украшенный с обоих концов львиной головой. Это алтин-тепейское захоронение было построено в самой глубине горы из тщательно отесанного и отделанного камня. Последующие землетрясения привели к тому, что плоская крыша его обвалилась. Очевидно, общий план этих гробниц взят с погребальными камерами, вырубленными в камне крепостных стен царского города Тушпа на озере Ван.

Гробницы Алтин-Тепе позволили также заглянуть в домашнюю и официальную жизнь урартов. Мебель была

крепкой и изысканной, но приземистой: обнаруженные табуреты и столы не превышают высотой 50 сантиметров. Стулья не имели спинок и, по сути, представляли собой более вычурные табуреты. Их деревянные ножки были защищены бронзовыми накладками, отлитыми в форме бычьих копыт или львиных лап. Опоры столов и ножки стульев часто конической формы и сделаны из серебра. Ножки мебели укреплены и соединены деревянными перекладинами, украшенными двойными бронзовыми спиралями. Точно подогнанные металлические уголки позволяют достоверно восстановить многие предметы мебелировки, хотя их деревянные части давным-давно рассыпались в прах. Многие из этих вещей могли бы украсить французский салон времен империи или английскую гостиную эпохи регентства.

Золотые и серебряные сокровища, вынесенные на свет божий из погребальных камер Алтин-Тепе, гораздо многочисленнее, чем все найденные до сих пор на территории Урату. Техническое мастерство, решительная и энергичная манера трактовки фигур людей и животных, свойственные искусным ремесленникам, работавшим на этой дальней окраине Урату, просто изумительны. Крылатые боги седлают крылатых быков или крылатых коней. Они типичны для этих изделий и поразительным образом предвосхищают греческий культ Пегаса. Любимыми мотивами являются также кентавры, бегущие львы с разинутой пастью, прыгающие козлы, фигуры, представляющие помесь льва с быком. С большой скрупулезностью воспроизводятся всадники в закрывающих шею и уши, сужающихся кверху остроконечных шлемах, похожих на шлемы урартских царей. На всадниках длинные одеяния с короткими рукавами. Крылатые кентавры изображены в момент, когда они стреляют из луков, а быки и львы — в яростном порыве, со всей мощью рвущимися в атаку.

В одной уже упоминавшейся гробнице Алтин-Тепе почти у самой двери находится бронзовый котел, туго набитый всякими вещами. Многие из них скомканы, сломаны и согнуты намеренно, чтобы их нельзя было

использовать в дальнейшем. Хотя это можно истолковать как желание отпугнуть грабителей могил, такие действия вместе с тем являются неким ритуалом, имеющим особое религиозное значение. Оно проистекает из погребальных верований и обрядов раннебронзового века анатолийских цивилизаций. Доктор Джеймс Мелларт в своей книге о медно-каменном и раннебронзовом веках на Ближнем Востоке и в Анатолии описывает гробницу в Хороз-Тепе (Малая Азия), датируемую раннебронзовым веком. Там раскопки принесли два медных стола, поддерживаемые ножками в форме человеческих ног в коротких сапожках. Они были согнуты вдвое. Там же было обнаружено множество медных сосудов, причем все они были погнуты или смяты по религиозным соображениям. «Считалось, что согнуть или сломать предмет — это сделать его «безвредным» для мертвого. Мебель часто разбивали на куски, мечи гнули или ломали, сосуды разбивали... дабы обеспечить мертвым полный покой».

Алтин-Тепе дает нам представление о погребальных обычаях высших классов Урарту. Чтобы узнать о том, как хоронили простых людей, нам следует посетить другие раскопки, например в Малаклии около Игдира, расположенного на северных склонах горы Арарат. Там в 1913 году проводил изыскания П.Ф. Петров. Результаты его исследований опубликованы Б.А. Куфтиным в 1944 году в бюллетене Грузинского государственного музея (Тбилиси). Позднее они были переведены на английский язык доктором Ричардом Барнеттом. Петров обнаружил то, что Куфтин несколько неточно и обманчиво назвал «колумбарием» (по-латыни — голубятня). На деле это было хранилище урн или кладбище, с телами, предварительно кремированными и помещенными для погребения в глиняные урны. Эти урны затем ставили в скальные расщелины и заваливали большими камнями. Самыми многочисленными погребальными предметами были бусы: каменные, стеклянные, нефритовые, мастиковые или бронзовые и, очень редко, из раковин. Встречаются также бусы из сердолика и агата.

Вообще-то захоронение кремированных останков в урнах считается нетипичным для Южного Закавказья того периода, о чем свидетельствуют раскопки в Малаклии. Отсутствие в пепле древесной золы указывает на то, что в качестве топлива при погребальном ритуале использовались кирпичи из навоза, ведь деревья в этих краях редки. Тела покойников сжигали одетыми и наряженными в украшения вроде бус, потому что их находили в урнах вместе с пеплом. Все погребальные урны стандартного типа: округлые узкогорлые сосуды без ручек, с красной лощеной поверхностью, накрытые неким подобием блюда из той же керамики, причем блюда помещали на урну вверх дном. С одного бока в урнах была предусмотрена дырочка, видимо для беспрепятственного исхода души. Характер этого кладбища, столь необычного для Закавказья той эпохи, доказывает, что оно было оставлено чужаками, пришельцами со стороны, а не местными жителями. Возможно, это были воины урартского военного гарнизона и члены их семей. Такой взгляд поддерживается найденными на урнах в Малаклии печатями, подобных которым в бедных захоронениях армянского раннежелезного века практически не было.

Мы до сих пор не касались одного из главных достижений урартской цивилизации — строительного искусства. Речь об архитектуре замечательных храмов. Многие из них посвящены высшему богу урартов, Халди, другие относятся к так называемому типу «Суси», характерному для всех раскопанных главных урартских городов. Некоторые особенности были давно известны по барельефам, первоначально украшавшим дворец ассирийского царя Саргона II в Хорсабаде. На нем изображено разграбление ассирийцами великого храма Халди и Ардини в Курдистане (714 г. до нашей эры). Любопытной особенностью этих зданий является острокопечная крыша. Показанные на рельефе приземистые пропорции фасада могут быть объяснены скудостью места, отведенного скульптору. (Принятые правила требовали размещения подобных сцен между верхней и

нижней границей одного-единственного регистра.) На деле, как показывает реконструкция этих храмов, выполненная на основе археологических свидетельств, эти здания первоначально были увенчаны похожими на башни надстройками значительной высоты. Материалом для их возведения служил сырцовый кирпич. Так было в Топрак-Кале (оригинальные зарисовки Рассама были в 1951 году найдены в архивах Британского музея), в строениях близ Еревана и в Алтин-Тепе под Эрзурумом, а также в святилище при урартском акрополе в Кьялидере в Вартском регионе, впервые раскопанном британской экспедицией в 1965 году.

Общий план урартского храма представляет собой квадрат с широкими, но не толстыми контрфорсами по всем четырем углам. Внутри собственно святилище — это единственное квадратное помещение, без окон, чуть шире толщины неимоверно мощных стен, его окружающих. Это стены до высоты человеческого роста, сложенные из тщательно обработанных тесаных камней. Иногда на них имеется посвящение, вырубленное клинописью на каком-то видном месте. Надо всем этим стены, вздымающиеся на значительную высоту, сложены из глиняных кирпичей, высушенных на солнце. Вход обычно один, часто обращенный на юг. Косяки заглублены. Алтарь находится внутри святилища у дальней стены и обычно обращен к двери. Снаружи помещается стол для приношений. Здание окружено мощным двором, частично затененным плоской крышей, опирающейся на столбы. Тесное внутреннее святилище (размером 40 на 50 футов) могло вмещать в себя лишь избранную горстку жрецов и служек: учитывая толщину стен, оно не могло принять большее число верующих.

Внутренние стены храма были расписаны великолепными впечатляющими фресками, сверкавшими разнообразием красок, среди которых преобладали синий, красный и черный цвета. В храме Халди в Арин-Берде под Ереваном имеются чудесные стенные росписи, в том числе изображение божества, стоящего на спине льва. Другая секция этой стены разрисована розетками,

расположенными в шахматном порядке. Подобная техника применялась для оформления дворцов и общественных зданий, и с ее помощью создавались весьма изощренные узоры. Из почтения к воинственному богу Халди в храмовых фресках и барельефах, посвященных ему, часто присутствуют узоры из наконечников копий. Верующие часто приносили копья в дар этому богу.

На рельефе царя Саргона в Хорсабаде изображены котлы на треножниках, стоящие перед урартским храмом в Муцацире, а также декоративные копья и щиты, использованные в качестве настенных украшений. Все эти предметы были найдены на указанном месте в ходе археологических раскопок, и тем была подтверждена точность и достоверность работы ассирийского скульптора.

Значение этих урартских храмов для истории мировой архитектуры, как и архитектуры средневековой Армении, очень велико. Леман-Хаупт провел параллель между урартскими храмами и теми, что воздвигались несколько позднее в Пафлагонии, то есть дальше на западе Малой Азии. Эрнст Херцфельд как-то указывал, что фасад муцацирского храма, с его геометрическими узорами, предвосхищает широко известные фригийские постройки.

Однако самым важным оказалось проникновение урартского влияния в архитектуру Персии. Характерные для урартских храмов во славу Халди монументальные башнеобразные надстройки в сочетании с низким центральным зданием под остроконечной крышей позднее нашли подражателей среди мидян и персов. Относящаяся к VI веку до нашей эры усыпальница Кира в Пасаргаде — явное тому свидетельство. Одно из общественных зданий в Алтин-Тепе со всей очевидностью предвосхищает некоторые черты архитектурного стиля Ахеменидов. Это простой прямоугольный зал собраний, примерно 45 метров в длину, крышу которого поддерживают 18 деревянных колонн, поставленных в три ряда. Это прототип ахеменидского царского зала приемов (ападаны), знакомого всем по раскопкам в Па-

саргаде, Сусе, Персеполе и Экбатане. В Арин-Берде под Ереваном мидяне и персы после захвата урартских земель приспособили внешнюю колоннаду старого урартского храма для создания такой апсаданы. Согласно К.Л. Оганесяну, первоначально там было 12 колонн, подпирающих внешний портик и прилежащую навесную крышу арин-бердского храма. Мидяне добавили еще 18 колонн и перекрыли крышей все здание, создав таким образом внушающий восхищение тридцатиколонный зал собраний.

Постройки, подобные храму Халди в Арин-Берде, весьма поучительны для понимания более поздней христианской архитектуры Армении. В реконструированном Оганесяном здании, с его квадратным центральным залом и угловыми контрфорсами, мы видим далекого предшественника построенных крестообразно церквей с центральным куполом, которые вошли в обычай в Армении и Грузии начиная с VI века нашей эры и далее. Потребовалось только изобретение тромпа («восьмерик на четверике») и парусного перекрытия, чтобы стало возможным возведение великолепного барабана, опирающегося на контрфорсы и колонны, над четырехлистником нефа и трансептов. В этом христиане Кавказа опередили многих других.

Урартское царство пережило крушение своего извечного политического соперника, Ассирии. В 612 году до нашей эры ее столица, Ниневия, была разгромлена объединенными силами Вавилона вкуче с ордами мидян и скифов, нагрянувших с севера. О том, что Урарту все еще как-то существовало в тот период, свидетельствует упоминание о нем в вавилонских хрониках, относящихся к годам между 609-м и 605-м до нашей эры. В одном из разделов Книги Иеремии, датированной 594 годом до нашей эры, урарты все еще фигурируют как враг вавилонян. Но это были закатные годы Ванского царства. Около 590 года до нашей эры оно было окончательно завоевано мидянами. Пограничные крепости оказались отрезанными от управления и поддержки Вана. Вскоре, одну за другой, их захватили и разграбили ранее подне-

вольные местные племена или же разбойничьи шайки скифов и киммерийцев, давно поджидавших удобного случая.

В наши дни роль Урарту в истории армянской цивилизации и всего Древнего мира стала гораздо яснее, чем раньше. Тем не менее высокое военное мастерство урартов, их искусство управления, развитые ремесла и культура до сих пор недооцениваются. Как пишет профессор Ситон Ллойд, «теперь Урарту предстает перед нами как нация — и нация великая для своего времени, — чья история и даже само существование были полностью изъяты из памяти человечества на протяжении двух с половиной тысяч лет. Однако сегодня все, что касается Урарту — расовые черты, политическая и экономическая история, искусство, — составляет одну из самых интригующих проблем ближневосточной археологии».

Глава 5

ОБРАЗОВАНИЕ АРМЯНСКОЙ НАЦИИ

Многие из старых историков дают нам чересчур упрощенное представление о происхождении современной армянской нации. Согласно Геродоту, армяне пришли в Малую Азию с запада в компании с фригийцами, с которыми, по его мнению, их связывало близкое этническое родство. Тот факт, что армянский язык относится к индоевропейским, казалось бы, подтверждает миграционную гипотезу. Несомненно также, что в разные моменты второго и первого тысячелетия до нашей эры в районах Ванна и Аракса происходили значительные этнические подвижки.

Однако современные археологические и лингвистические открытия показали, что простая миграционная теория не объясняет всех фактов. Многие черты урартской цивилизации проявились в древнеармянской культуре. Само название «Урарту» в различных вариантах долго жило и после гибели Ванского царства. По сути, «Урарту» является всего лишь вариацией названия горы Арарат, фокусной точки армянского самосознания с незапамятных времен и до наших дней. Название «Урарту» сохранилось в наименовании этнического термина «аларод[иане]», народа, о котором часто упоминают классические географы начиная с Геродота. Эти алародиане составляли особый контингент в армии великого персидского царя Ксеркса. У них был собственный язык (несомненно, основанный на урартском). Они продолжительное время (много лет после исчезновения Урартского царства) занимали большую территорию в центре Армянского нагорья.

Название «Урарту» в форме «Урашту» встречается в вавилонских надписях царя Дария в 520 году до нашей эры, причем в параллельном персидском тексте из Бехистуна уже используется термин «Армина». Этническое определение «Урашту» встречается в надписях царя Ксеркса в начале V века до нашей эры, и вновь в отношении территорий, известных нам как Армения. Однако Гекатей Милетский, первый греческий историк и географ, писавший около 500 года до нашей эры, уже привычно пользуется термином «Армений». Один из первых царей Урарту звался Арама, или Араму. Мовсес Хоренский (Хоренаци) включает его в свой список древних правителей Армении как шестого потомка эпонимного праотца армян — Хайоса. Некоторые ученые видят связь между урартским именем Арама и этническими терминами «Армения», «армянин».

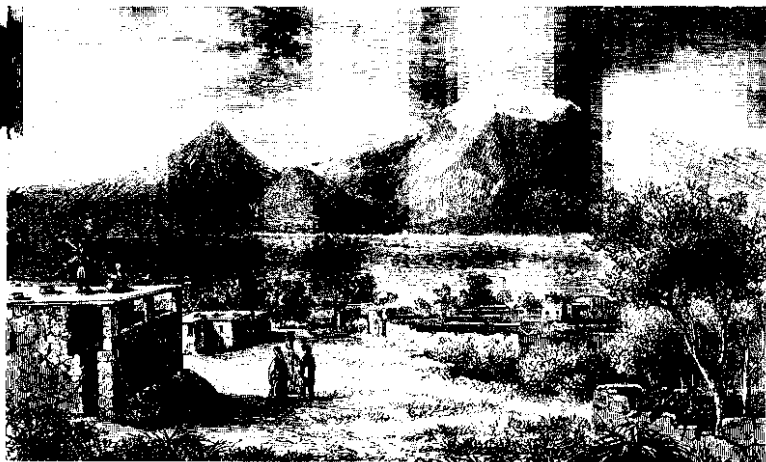
Стоит привести здесь мнение доктора Ричарда Барнетта, который считает, что последний царь Урарту, Руса III (605—590 гг. до нашей эры), «сын Эримены», был на самом деле армянским узурпатором, и вместо «Руса, сын Эримены» его следует титуловать «Руса Армянин».

Как мы видели, правящий класс Урарту в качестве официального языка использовал хурритский, на котором они, кстати, и писали клинописью, подобно ассирийцам и вавилонянам. С исчезновением Ванского царства народы Армении утратили привычку писать на родном местном языке. Это не означает, что они стали неграмотными. На протяжении почти тысячи лет — до изобретения в V веке нашей эры армянского алфавита св. Месропом Маштоцем — армяне вели свои государственные летописи на ведущих международных языках — иранском, арамейском и греческом. Однако отсутствие письменных летописей на местном наречии, конечно, лишь добавляет трудностей в прослеживании происхождения армянской нации. Такой, какой мы знаем ее сегодня.

Мы можем не сомневаться, что коренное население Урарту и Армении не исчезло в 590 году до нашей эры с лица земли под натиском мидян и других варварских

племен. В своей полуполюгендарной биографии персидского царя Кира Ксенофонт приводит любопытный рассказ о том, как Кир умиротворил Армению, действуя как посредник между собственно армянами и последователями бога Халди, то есть потомками урартов. Армянский царь Тигран становится персидским вассалом. Царь Кир отыскивает армян, заселяющих плодородные долины и пахотные земли, и последователей бога Халди, скрывающихся в горах. Кир убеждает армянского царя позвать народ Халди в долины и за соответствующую плату и дань заняться обработкой пустующих земель. Взамен последователи Халди (урарты) обещают разрешить армянам беспрепятственно пасти стада на горных склонах. Затем Кир принимает меры для поддержания мира между этими двумя сообществами: он строит крепости в стратегических точках Армении и ставит там свои гарнизоны, со своими командирами.

В своем исследовании искусства Урарту Б.Б. Пиотровский сравнивает внешность и манеру одеваться урартских послов при дворе ассирийского царя Ашшурбанипала и армянских, изображенных двумя веками позже на рельефах Ксеркса в Персеполе. В 654 году до нашей эры, после победы Ашшурбанипала над эламитами, урартский царь Руса II направил послов в Арбелу, чтобы поздравить ассирийского владыку. Прием урартских послов и представлен на рельефе царского дворца в Ниневии. Урарты изображены там низенькими, одетыми в плащи поверх длинных одеяний с бахромой. На ногах у них высоко зашнурованные сапоги. (Детали подобных сапог видны на глиняных кубках в форме сапожка, найденных в 1959 году в Кармир-Блуре.) На голове у послов Урарту шляпы из мягкого войлока с кисточками, напоминающими шляпы армян на рельефах Ксеркса в Персеполе. Интересно отметить, что урарты показаны коренастыми и приземистыми по сравнению с другими изображенными там народами. Многие сегодняшние армяне обладают теми же физическими характеристиками, что особенно заметно при сопоставлении их с соседями (курдами, иранцами или татарами).

Вид на гору Арарат (по рис. лорда Брайса)

Местность близ Гарни

Упавшая капитель колоны в храме Гарни

Как упоминалось выше, армяне называют сами себя «хайа», а свою страну — «Хайастан». Представляется вполне разумным связать эти этнические термины с названием древней восточной провинции хеттского царства Хайаса, которая располагалась в гористой Западной Армении близ верховьев рек Евфрата или Карасу. Язык народа, населявшего Хайасу, был, очевидно, сродни древним индоевропейским языкам Малой Азии, а именно хеттскому, лувийскому, лидийскому, ликийскому и фригийскому. Это важно учитывать ввиду заметного родства армянского с другими индоевропейскими языками. Включение племен Хайасы в Хеттскую империю, несомненно, внесло свой вклад в дальнейшую эволюцию языка, культуры и обычаев армян.

После крушения Хеттской империи название «Хайа-ста» исчезает из летописей. Мы не находим его ни в ассирийских, ни в урартских официальных текстах и надписях. Оно заменяется ссылками на край «Сукхми», или «Сокхми», расположенный между верховьями рек Евфрата и Аратсани, или Мурат-Су.

В юго-западной части Армянского нагорья, к западу от озера Ван, была земля хурритов — Шуприя. В урартской надписи Сардури II (середина VIII века до нашей эры) этот край носит имя Арме, или Армини. В течение последующих ста лет из-за ослабления мощи центральной урартской власти народы этого Арме явно стали господствовать над множеством мелких племен гористой юго-западной области Армении.

На севере от них, в древней Хайасе, остатки хайасского народа создали некую федерацию племен, которая и дала имя Хайастану. Название «Сокхми», применявшееся также к племенам, населявшим районы в верховьях Евфрата, перешло в средневековые и современные грузинские тексты в качестве собирательного наименования армян («сомекхи» означает «армянин», а «Сомкхети» — «Армения»). Крушение Урарту и последующее вторжение мидян привело к слиянию и смешению всех этих племен, так что термины «Хай», «Арме» и «Сокхми» стали практически синонимами. Сами ар-

мяне приняли имя «хай», грузины — «сомекхи», а иранцы — «армина», которое в греческом и латинском языках преобразовалось в привычное «Армения».

Древние армянские легенды рассказывают о живших в далекие годы расе белокурых голубоглазых великанов, совершавших чудесные подвиги силы и мужества. Возможно, это отголоски миграций индоевропейских народов, преобразивших в бронзовый век культурную обстановку Армении и Ирана. В некоторых районах Малой Азии, включавшей в себя царство хеттов, верхушка индоевропейских пришельцев навязала местному населению, большей частью анатолийскому по этническим чертам, свой язык и государственную организацию. Так произошло на южных пустошах исторической Армении в царстве Митанни, которое одно время соперничало в мощи с хеттами и фараонами Древнего Египта. Как показал Манфред Мэйрхофер, все митаннийские царя носили индоевропейские имена, их боги являлись богами индоевропейского пантеона, а кроме того, они пользовались индоевропейскими терминами для обозначения дел, связанных с выведением и выучкой лошадей. Однако основную массу их населения составляли хурриты, о чем свидетельствуют имена цариц и тот факт, что официальная переписка митанни с египетскими фараонами велась на хурритском языке.

Много лет спустя после падения Митанни в эти края не раз вторгались скифы и киммерийцы из русских степей и с евразийской равнины. Киммерийские захватчики явились в Колхиду около 730 года до нашей эры со стороны Азовского моря и шли далее по Черноморскому побережью. За ними вскоре последовало несколько волн скифов, прорвавшихся на Кавказ через Дарьяльский перевал и прошедших берегом Каспийского моря мимо Дербента и нынешнего Баку. Кроме свидетельства Геродота о приходе в Армению и Грузию больших орд кочевников, об этом говорят скифские погребения и находки скифских стрел в Саматавро, древнем кладбище близ Мцхеты, в Триалети к югу от Тбилиси, а также в Кармир-Блуре (Армения) и других местах.

Со своих баз в Армении скифы и киммерийцы распространились на запад, юг и юго-восток. Они вторглись в Мидию, в 696—695 годах разгромили Фриго-мушкенское царство царя Мидаса, а затем разграбили греческую колонию Синоп на Черном море. Они бурей прошли по Сирии и Палестине, дойдя даже до границ Египта. Они нагнали ужас на народы Израиля — об этом говорится у Гомера (о киммерийцах) и в книге пророка Иезекииля о Гоге и Магоге (под которыми подразумеваются скифы). Все это подготовило крушение Ассирии и Урарту.

Считается, что владычество скифов в большей части Малой Азии, Армении и Северной Персии продолжалось примерно 28 лет, с 652-го по 624 год до нашей эры. В конце концов скифы были разгромлены объединенными силами мидян, персов и армян, которые также нанесли сокрушительный удар слабейшему могуществу Урарту и Ассирии. Армянское содружество племен, Армини-Шуприя, находившееся на западе от озера Ван, временно приняло сторону мидян. Согласно полуполюгендарному повествованию Мовсеса Хоренаци, некий армянский царь, Паруйр, принял участие во взятии Ниневии в 612 году до нашей эры, сражаясь плечом к плечу с вавилонянами и мидянами во главе с царем Киаксаром. В награду царский титул Паруйра был подтвержден мидянами, и он был признан первым правителем независимого Армянского государства.

Покорители Ниневии поделили между собой провинции бывшей ассирийской империи. Сирия с Палестиной и юг Месопотамии отошли к Халдейской империи вавилонян. Мидийский царь Киаксар получил власть над большей частью Ирана, Ассирией и Северной Месопотамией, а также Арменией и Каппадокией. Мидяне включили в свои владения большую часть прежних урартских земель. Буйных и сильных мидян боялись все соседи, а изгнанные евреи ежечасно ожидали, что мидяне разгромят Вавилон. В книге пророка Иеремии (гл. 51, стихи 24—29) предсказано, что падению Вавилона поспособствуют армяне и урарты.

«И воздам Вавилону и всем жителям Халдеи за все то зло, какое они делали на Сионе в глазах ваших, говорит Господь.

Вот, Я — на тебя, гора губительная, говорит Господь, разоряющая всю землю, и простру на тебя руку Мою, и низрину тебя со скал, и сделаю тебя горою обгорелую.

И не возьмут из тебя камня для углов, и камня для основания, но вечно будешь запустением, говорит Господь.

Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него народы, созовите на него царства Араратские, Минийские и Аскеназские, поставьте вождя против него, наведите коней, как страшную саранчу.

Вооружите против него народы, царей Мидии, всех начальников ее и всех градоправителей ее, и всю землю, подвластную ей.

Трясется земля и трепещет; ибо исполняются над Вавилоном намерения Господа сделать землю Вавилонскую пустынею, без жителей».

Однако правители Вавилона на какое-то время оттянули роковой день. Царь Навуходоносор пытался обезопасить свои владения от угрозы с севера строительством мощных укреплений, стен и каналов. Ему удалось добиться на полвека определенного равновесия и усилить его в дальнейшем династическими браками. Когда царь мидийский Киаксар напал на Лидию, правители Киликии и Вавилона вступились за нее и выторговали в 585 году до нашей эры мирный договор, согласно которому река Галис (древнее название реки Кызыл-Ирмак в Турции), протекающая близ западных границ Армении, была определена как граница между Лидией и Мидией.

Этот неустойчивый баланс сил был нарушен около 550 года до нашей эры появлением Кира и его персов, горского народа, обитавшего к юго-востоку от мидян и говорившего, подобно им, на индоевропейском языке. Персы были воодушевлены новым религиозным учением Зороастра (Заратуштры, или Заратустры) и новым пониманием своей имперской ответственности, которая отличала их правление от прежних восточных деспотий.

Они быстро положили конец ослабевшей мощи Вавилона, последний царь которого, Набунаид, погиб в 539 году до нашей эры.

Персидское владычество в Малой Азии и на большей части Армении длилось с 546-го по 334 год до нашей эры. Как и другие области огромной империи, Малая Азия была поделена на провинции (сатрапии). Согласно Геродоту, Армения и соседствующие с ней регионы составили следующие сатрапии:

1. Иония и другие греческие прибрежные города от Мраморного моря до Анатолийского залива, с Карией, Ликией и прилежащими островами, находившимися под персидским контролем.

2. Лидия, с прилежащей территорией Анатолии от Адрамитийского залива до границы с Киликией.

3. Фригия, включавшая прибрежные территории Мраморного моря и Понта и плато в глубь материка до соляной пустыни, а также Каппадокию к северу от реки Галис.

4. Киликия, включая горы Тавра вплоть до верховьев реки Галис.

5. Сирия, непосредственно к юго-востоку от Киликии, от Амана до Арабской пустыни и Египта.

10. Мидия с Экбатаной и большим куском Западного Ирана.

11. Каспийские провинции, включая часть Азербайджана.

13. Армянские территории, с пактианами и «народами, обитающими за ними, вплоть до Понта Эвксинского» (Черного моря); столицей этой сатрапии был город Ван.

18. Территории, занимаемые матиени и саспеири (предки грузин), а также алародианами (остатки урартов).

19. Территории, которые занимают мосхи, тибарены, макроны, моссиноечи и мары, племена кавказских и каргивельских корней, обитавшие в горных районах к югу от Черного моря.

Эта классификация была в основном чисто географической, но при этом принималось во внимание наличие народонаселения и прежних династий. Каждой провинцией управлял сатрап, за делами которого бдительно

надзирал соответствующий царский писарь. При сатрапах имелись вооруженные воинские части, набранные из местных жителей, однако западное пограничье охраняли особые отдельные отряды. Некоторые местные воинские подразделения предоставлялись наследственными ленами, причем иногда несколько подобных отрядов были подчинены какому-то одному высокому представителю царского двора. Так, во время кампаний Ксеркса армянами и фригийцами командовал некий Артохмес, зять царя Дария Гистаспа. В тех же кампаниях алародианами (урартами) вкуче с кавказским племенем саспеири командовал некий Масист, сын Сиромитра. Их оружие и доспехи были весьма сходны с вооружением и экипировкой колхов, которые носили деревянные шлемы, небольшие щиты из сырых бычьих шкур, короткие копья и кинжалы.

Персидская империя была величайшей из всех известных миру. Армения лежала на северных границах центральной ее части и потому скоро оказалась втянутой в огромную сеть международных путей сообщения и торговых дорог. С севера на юг шел наезженный путь по долине реки Аракс, связывающий Колхиду на Черном море с Мидией. Благодаря этому прежний урартский город Аргиштихинили до сих пор и в нынешней Армении имеет важное значение. В Средние века, в правление династии Оронтидов, этот город, называемый тогда Армавиром, стал столицей Армении. Армянские провинции, лежавшие к югу от озера Ван, также играли важную стратегическую и торговую роль, так как располагались на Царской дороге, связывавшей Сузу с Ансирой (ныне Анкара) и Сардисом, а также с Западной Малой Азией. Геродот писал: «Правда об этой дороге такова. Вдоль нее стоят царские посты и очень хорошие постоянные дворы, и так по всему краю, густонаселенному и безопасному. Большая часть ее проходит по Лидии и Фригии, двадцать постов-переходов, а расстояние это составляет девяносто четыре с половиной парсанга [примерно 300 миль]. Там, где река Галис вытекает из Фригии, имеются ворота, в которые должно

пройти, чтобы добраться до переправы через реку, а около них высится большая крепость. Отсюда дорога идет на Каппадокию, а оттуда к границе Киликии, это двадцать восемь постов-переходов и расстояние в сто четыре парсанга. А на границе этой вы проходите через дное ворот и минуете две крепости. Отсюда начинается путь через Киликию, три поста-перехода, пятнадцать с половиной парсангов. Границей между Киликией и Арменией служит судоходная река, называемая Евфрат. В Армении пятнадцать постов с постоянными дворами, расстояние в пятьдесят шесть парсангов [более 180 миль], там стоит одна крепость. Из Армении дорога ведет в землю матиенов, где тридцать четыре поста, на расстоянии ста тридцати семи парсангов. Землю эту пересекают четыре судоходных реки, через которые нужно переправляться на паромах...»

Это описание Геродота подтверждает, что профессия содержателя гостиниц является в Армении весьма древней, и армяне в ней весьма преуспевают. В тот же самый период времени предприимчивые армяне и ассирийцы занимались торговлей с Месопотамией, плавая по Тигру на надувных плотках из шкур. Улучшение дорог и безопасности, которые принесла Персидская империя, несомненно, повысило благосостояние Армении и ее торговые возможности. Однако взамен армяне, алародиане и другие соседние племена, составлявшие вместе 13-ю и 18-ю сатрапии, обязаны были предоставлять великому персидскому царю дань в размере шестисот талантов серебра, а также коней, рабов и разнообразное военное снаряжение и припасы. Это, разумеется, тяжким грузом ложилось на экономику Армении.

Земледелие, животноводство и виноделие требовали постоянной занятости большого числа людей. Геродот описывает Армению как землю «богатую стадами», а Ксенофонт называет ее «большой и процветающей провинцией». Хотя при персах новых инженерных сооружений не строилось, области Вана и Аракса продолжали благополучно пользоваться обширной системой оросительных каналов древних урартских царей.

Классическое описание Армении под властью персов Ахеменидов дает Ксенофонт, который пересек ее в 401—400 годах до нашей эры, со своими «десятью тысячами». К несчастью, Ксенофонт появился на Армянском нагорье в ноябре, а потому его люди жестоко страдали от снега и ледяного северного ветра. Многие из воинов погибли, другие ослепли от снежного блеска и отморозили пальцы ног. Наследственным сатрапом Армении в ту пору был Оронт, а его помощника по Западной Армении звали Тирибаз. Этот последний был личным другом великого персидского царя. (Его особым правом была привилегия подсаживать великого правителя на коня. Разумеется, если он при этом присутствовал.)

Сатрап Оронт жил в великолепном дворце. На окружавших его городских домах высились башенки. В других местах, более гористых и открытых, дома строились в основном под землей, «с входным отверстием вроде колодца, но просторные внизу; для входа тягловых животных строились туннели, но люди спускались туда по лестницам. В домах держали коз, овец, скот, птицу и их потомство. Всех этих животных растили и откармливали в этих же домах». Такие дома до сих пор существуют в некоторых районах Грузии и Армении, хотя теперь их замещают на более современные постройки. Метод их возведения описан Витрувием: он основан на принципе создания поддерживаемого кронштейнами, сужающегося кверху купола. Грузинский вариант таких жилищ известен под названием дом «дарбази», и его подземное основание часто подпирают резные балки и столбы.

Греки Ксенофонта захватили шатер и домашнюю утварь властителя Тирибаза Армянского, со всеми его диванами на серебряных ножках, кубками и прочим, а также пленников, «которые говорили, что они его пекари и виночерпии». Простой люд, естественно, не претендовал на подобную роскошь, но жил неплохо. Люди были организованы в сельские общины, управлявшиеся собственными старостами, которые в свою очередь отвечали перед сатрапом через посредство местных его

помощников. Эти селяне радостно снабдили людей Ксенофонта многими «животными для жертвоприношений, зерном, старыми винами с тонким букетом, сушеным виноградом и разнообразными бобами». Иногда местные жители утоляли жажду неким подобием ячменного вина. «На поверхности этого напитка плавали зерна ячменя, а в нем самом соломинки, большие и маленькие, без узлов, и, когда кто-либо хотел пить, он брал в рот эту соломинку и сосал. Это в высшей степени крепкий напиток, если его не разбавить водой, но, когда к нему привыкнешь, он очень хорош».

Инспектируя свои отряды на бивуаке, Ксенофонт «нашел их в бодром состоянии духа и в отличной физической форме. Не было мест, где бы их отпустили без угощения, где на стол не подавали бы одновременно баранину, козлятину, свинину, телятину и птицу, вкупе с большими караваями хлеба, пшеничного и ячменного. А когда кто-то дружелюбно хочет выпить за здоровье другого, он пригибает его к чаше, и тот должен нагнуться и пить из нее, втягивая в себя напиток, как бык».

В другом случае Ксенофонт рисует приятную картину того, как его войска пируют в своих казармах, «увенчанные гирляндами из сухих трав, принимая угощение из рук армянских мальчиков в их странных чужеземных нарядах, знаками указывая мальчикам, что делать, словно они глухи и немые».

Из этого мы можем заключить, что с самых давних времен армянский народ был гостеприимен к чужеземцам, которые далеко не всегда платили им в ответ так, как они того заслуживали.

Далее Ксенофонт высказывает особую похвалу статям и резвости армянских коней, которых местные жители выращивали специально для великого персидского царя. «Кони этого края меньше по размерам, чем персидские, но гораздо резвее. Именно там сельский старейшина научил воинов обертывать ноги коней и тягловых животных небольшими мешками при переходе через снег, потому что без таких мешков животные будут проваливаться в снег по брюхо».

В дни борьбы за персидский трон между Артаксерксом II и его братом, Киrom Младшим, в которой Ксенофонт и 10 тысяч его греческих воинов сыграли важную роль, армяне воспользовались представившейся возможностью утвердить автономию своей страны. Сатрап Оронт, упоминаемый в «Анабасисе» Ксенофонта, около 401 года до нашей эры женился на Родогуне, дочери великого персидского царя Артаксеркса II. Оронт принял в войне братьев сторону своего тестя, Артаксеркса. Его противник Кир потерпел поражение и был убит.

Артаксеркс II оказался правителем слабым, и при нем некогда могучая Персидская империя пришла в упадок. Воспользовавшись этим, Оронт обосновался в Армении как практически независимый властитель и очень богател, собрав огромное личное состояние в три тысячи талантов серебра. В последующие годы Оронт даже выступил против своего тестя и господина, великого царя Артаксеркса, и возглавил мятеж сатрапов, разразившийся в 366 году до нашей эры. Впрочем, затем он покорился, был прощен, и ему была дарована сатрапия в Мизии, где Оронт и скончался в 344 году до нашей эры.

Имя Оронт — иранского происхождения, проистекает от авестанского «arvand» (могучий герой) и тесно связано со словом из Пахлеви «arvand», означающим то же самое. Армянские формы этого имени — Ерванд, Араван и даже Грант. Династия Оронтидов (Ервантидов) имеет важное историческое значение, поскольку перекрывает разрыв между прежними царями Урарту (первыми царями Армении) и третьей армянской династией Арташесидов, правившей в классические времена. Оронтиды (Ервантиды) обеспечивали социальную и историческую преемственность в Армении в период, когда она выкристаллизовывалась из фазы пред-Армении и переходила в эллинскую эпоху.

До недавнего времени было мало что известно относительно потомков и наследников самого Оронта (Ерванда). Памятником, позволившим установить существование Ервантидов как действительной династии, явился погребальный монумент Нимруд-Дага в Центральной Турции.

Его воздвиг царь Антиох I Коммагенский (69—34 гг. до нашей эры), сам являвшийся членом дома Оронтидов. В ряде греческих надписей на этом мощном кургане перечисляются предки Антиоха I, многие из которых были правителями Армении. На основании этого источника и других данных профессор Кирилл Туманов из Джорджтаунского университета составил следующую хронологическую таблицу Ервантидской династии в Армении. (Некоторые даты царствований даны условно):

А. САТРАПЫ АРМЕНИИ

Оронт (Ерванд) I, 401—344 гг. до нашей эры
Оронт (Ерванд) II, 344—331 гг. до нашей эры

Б. ЦАРИ АРМЕНИИ

Оронт (Ерванд) II (*продолжение*), 331 г. до нашей эры
Михран, 331—317 гг. до нашей эры
(сатрап Неоптолемуса, 323—321 гг. до нашей эры)
Оронт (Ерванд) III, 317—260 гг. до нашей эры
Самус (Хрант), 260 г. до нашей эры
Аршам, 260—228 гг. до нашей эры
Ксеркс, 228—212 гг. до нашей эры
Артавазд, около 212 г. до нашей эры
Оронт (Ерванд) IV, 212—200 гг. до нашей эры

В. ЦАРИ СОФЕНЫ

Зариадрис (Зарех), стратег 200 г. до нашей эры, царь со 190 г. до нашей эры и далее

Митробузан I, современник Арташеса I, царя Великой Армении, около 170 г. до нашей эры

Оронт (Ерванд) V, около 95 г. до нашей эры, аннексия Софены Тиграном II, царем Великой Армении

При последних персидских царях династии Ахеменидов Армения наслаждалась миром и благоденствием. Правители Ирана мало интересовались армянскими внутренними делами, ее торговля и сельское хозяйство про-

цветали. Такое состояние вещей было грубо нарушено вторжением в эти земли Александра Македонского. Битва при Арбелах (Гавгамелах) 1 октября 331 года до нашей эры ознаменовалась полной победой македонцев и греков над последним из Ахеменидов, Дарием (Дараваушем) III Кодоманом. Армяне, верные до конца, предоставили персидскому царю 40 тысяч пехоты и 7 тысяч всадников, под личным командованием своего суверена, царя Оронта (Ерванда) II. В битве при Арбелах армянская кавалерия дралась на правом фланге персидского войска.

Видимо, именно тогда, во время этого сокрушительного поражения, Ерванд II и погиб. Во всяком случае, Александр Македонский, отпраздновав свою победу, направил сына Ерванда II, Михрана, сатрапом в Армению, на место его отца. Любопытно отметить, что этот Михран был ранее иранским властителем в Сардах, древней столице Лидии (запад Малой Азии). Он перешел на сторону македонцев и в битве при Арбелах воевал против своего отца. Это пример повторяющихся армянских трагедий, когда на протяжении веков отцы противостоят детям, брат брату, а иногда даже своей родине.

Александр Македонский умер на вершине своей славы и могущества в возрасте тридцати трех лет. Однако его культурное и историческое наследие продолжало жить. Далеко на востоке, в Бактрии, Парфии, на территориях современного Афганистана, Индии и Пакистана выросли очень быстро греческие, точнее, эллинские города. Сонные стоячие болота взбурлили, ожили заброшенные торговые пути. Из края в край, по всей Анатолии и Центральной Азии распространились греческие вкусы в зодчестве, скульптуре, художественных ремеслах, а также знание греческой литературы и философии. Греческая наука и технология способствовали быстрому повышению жизненного уровня населения, просвещению и оздоровлению людей, а также увеличению домашних удобств, по крайней мере для немногих избранных. Греческая изобретательность в инженерном деле и строительстве оставила значительный след во многих регионах бывшей Персидской империи.

Армения, лежавшая на пути движения Александра в Индию, не могла избежать мощного напора той новой греко-восточной цивилизации, которую он помогал создавать. В то же время в этом нарождающемся мире эллинизма не слабели признаки прежнего мира «иризма», как, впрочем, и следы местной, унаследованной от Урарту достаточно развитой культуры. Армения оказалась в тесном соприкосновении с большим числом эллинистических стран и потому открытой новым экономическим и социальным влияниям. Исключительно сельскохозяйственная экономика и сельский образ жизни, свойственные ахеменидской Армении, где едва знали, как пользоваться звонкой монетой, внезапно переменились. Через Армению прошел важнейший сухопутный торговый путь, связывающий Китай, Индию и Центральную Азию со Средиземноморьем, параллельный северному пути, через Кавказскую Албанию (Азербайджан), Иберию и Колхиду с выходом на Черное море.

Вдоль этих дорог возникли большие города, ставшие пристанищем иноземных купцов и центрами распространения греческой культуры. Развитие монетарной экономики и городской жизни компенсировало упадок привычного для Армении патриархально-племенного уклада, способствовало появлению нового типа городских слоев, включая рост городской буржуазии и класс ремесленников, а также коммерческой эксплуатации рабов (хотя рабство никогда не достигало здесь таких масштабов, как в Греции и Риме). Начиная с III века до нашей эры власть царей в Армении становилась все более абсолютной, а аппарат управления все более сложным. Особенно это касается царского двора, а также налоговой и фискальной систем. Племенные вожди и сельские старейшины стали преобразоваться в класс придворных и помещиков. Они наслаждались большей роскошью и бездельем и жаждали более высокого уровня жизни.

Как урарты до них, армяне называли свои города по имени царей, их основавших. Это помогает нам уточ-

нить даты основания многих ключевых армянских городов. Современник Ксенофонта Ерванд I объявил своей столицей древний город Армавир, расположенный к северо-западу от горы Арарат, на плодородных просторах долины Аракса. Царь Ерванд IV (212—200 гг. до нашей эры) перенес свою резиденцию отсюда на несколько миль западнее, в новый город Ервандашат (Оронтасату), который назвал в свою честь. Армавир остался религиозным центром Армянского царства. Спустя несколько десятилетий Арташес I (190—159 гг. до нашей эры) выбрал место своей резиденции еще дальше по Аракской долине, в болотистой местности Арташат (Артаксате), то есть также названной в честь царствующего монарха. Считается, что Арташес возвел и украсил свою столицу с помощью и при поддержке прославленного Ганнибала Карфагенского, удалившегося в Армению после поражения от рук римлян.

Далеко на западе, почти у границ Каппадокии, царь Аршам (260—228 гг. до нашей эры) построил на берегу Аратсани, главного притока Евфрата, знаменитый город Аршамашат (Арсамосату). Этот город стал столицей независимого армянского царства Софены (по-армянски — Тсофка) и центром международной торговли. Аршам начал регулярно чеканить монеты с греческой надписью «Басилевс Арзамес» («царь Аршам»).

В позднейший период времени Тигран Великий (95—55 гг. до нашей эры) возвел на берегу нынешнего Фаркина (Майяфарикина) город Тигранакерту, вновь названный царем в свою честь. Завершая этот краткий список городов, основанных царями, следует вспомнить еще, что самый святой город Армении, Эчмиадзин, резиденция Верховного Католикоса всех армян, назывался первоначально Вагаршапатом, по имени Вагарша I (117—140 гг. нашей эры). Вагарш I был видным членом династии Аршакидов, наследовавшей дому Арташесидов.

Чтобы по достоинству оценить международное положение Армении, ее место в эллинском мире, следует кратко рассмотреть общую тогдашнюю ситуацию на

Ближнем Востоке и в Малой Азии. После внезапной смерти Александра Македонского в 323 году до нашей эры его генералы перессорились из-за дележа подвластных ему территорий. Птолемей создал в Египте греческое царство; Селевк сделал то же самое в Сирии и Месопотамии (со столицей сначала в Селевкии, сменившей древний Вавилон, а затем в Антиохии на реке Оронт (ныне Асу-Оронт)). Антипатр сохранил старое Македонское царство, с его подчиненными территориями, доходящими до Черного моря и Адриатики, и власть над городами-государствами Греции. Попытки Лизимаха создать царство на Боспоре, со столицей на Галлиполийском полуострове, сплотив против него всех его соперников, поэтому эти попытки так и не осуществились, к тому же в 281 году до нашей эры он умер.

Едва преемники Александра установили шаткое равновесие сил на Ближнем Востоке и в Эгейском регионе, как цивилизованный мир потрясли новые неурядицы, связанные с нашествиями извне. Кельтские племена, обитавшие близ среднего течения Днепра, разгромили Македонию, опустошили Фракию и Фригию и под именем галатов утвердились на равнинах Малой Азии к западу от Армении. Здесь они оставались вплоть до римских и христианских времен и были даже адресатами одного из посланий св. Павла. Вскоре после того, как ираноязычные парфяне захватили персидское плато и отняли у Селевкидов владения к востоку от Евфрата, парфяне эффективно отделили Сирию Селевкидов, а также армян от восточных провинций созданного Александром Македонским государства, к тому времени превратившегося в греческое Бактрийское царство, и части обширных областей долины Инда. Эти потери на Востоке заставили греко-сирийских царей династии Селевкидов искать компенсации за счет Египта на юге и за счет Армении, а также других государств Малой Азии на севере.

Во времена Селевкидов Армения разделилась на несколько практически независимых царств и княжеств.

Сложившееся в ту эпоху разделение сохранилось с небольшими изменениями и в византийскую эру. Самым важным регионом, разумеется, была Великая Армения, расположенная к востоку от верховьев Евфрата и включавшая в себя обширные земли вокруг озера Ван, долину Аракса и далее к северу окрестности озера Севан, Карабах и даже южные болотистые пустоши Грузии. Малая Армения была соответственно царством меньшего размера и с менее плодородными землями. Она лежала к западу от верховьев Евфрата, включала в себя районы нынешних Сиваса и Эрзинджана и граничила с древней Каппадокией. На юго-западе находились два маленьких царства, Софена и Коммагена, разграниченные средним течением Евфрата и плодородной заманчивой для всех равниной Мелитена (Малатья). Софена и Коммагена часто выступают в роли буферных государств между Парфией и Арменией с одной стороны и Сирией и Римом с другой. Царские роды, правившие ими, имели крепкие династические связи с армянским царским домом Ервантидов. Благодаря их близости к таким великим городам, как Антиохия и Пальмира, царства Софена и Коммагена рано стали центрами эллинистического и римского искусства и цивилизации и помогали их продвижению на восток в Закавказье и Великую Армению.

Царям Селевкидам так и не удалось утвердить свою прямую власть над Арменией. Они собирали дань с местных армянских князей, которых они «утверждали в должности», даруя им титул стратега, соответствующий древнеперсидскому титулу сатрапа. Ситуация несколько переменилась в правление селевкидского царя Антиоха III, прозванного Великим (223—187 гг. до нашей эры). Это был честолюбивый монарх, мечтавший возродить империю Александра Македонского. Армянский царь Ксеркс (Софена) сгоряча отказался платить Антиоху дань. Тогда тот осадил столицу Софены Аршамашат, вынудил Ксеркса покориться и женил его на своей сестре, Антиохис. Эта женщина вскоре умертвила своего злосчастного мужа и присоединила царство.

Софена к владениям своего брата Антиоха III. Бедный Ксеркс оставил после себя несколько мелких монет со своим портретом. На них мы видим бородатого, полного достоинства мужчину ученого вида в остроконечной шапке или диадеме необычной формы с мысом впереди и лентами или бахромой, развевающимися за спиной. У него задумчивый вид, словно он размышляет о том, как справиться с политическими и семейными проблемами, доставлявшими ему столько неприятностей.

В 200 году до нашей эры Антиох II назначил потомка армянского дома Ервантидов Зариадриса (Зареха) стратегом Софены. В это время в Великой Армении правление основной династии Ервантидов подходило к концу. Последним правителем этой линии был Ерванд IV (212—200 гг. до нашей эры). И он, и его брат Митра, верховный жрец храма Солнца и Луны в городе Армавир, упоминаются в греческих надписях, найденных там в 1927 году. Одна из этих надписей содержит обращение верховного жреца Митры к брату его, царю Ерванду. Вторая — касается трагической смерти царя. Это событие стало результатом восстания, поднятого местным князем по имени Арташес, сыном Зариадриса, и явно инспирированного из Сирии самим царем Антиохом III. По следам этого переворота Антиох назначил Арташеса стратегом Великой Армении вместо мертвого Ерванда. Тот факт, что отцом Арташеса назван Зариадрис, как тогдашний правитель Софены, позволяет предположить, что два армянских правителя были отцом и сыном, хотя доказательств этому нет.

Арташес был основателем третьей и самой великой армянской монархии (если первой считать Урартское царство, основанное Арамой, как полагает Мовсес Хоренский, а царство Ервантидов — второй). Имя Арташес соответствует персидскому Артаксеркс и греческому Артаксиас. Приводимая ниже таблица показывает основную последовательность линии Арташесов на основании исследований французского нумизмата Анри Сейрига:

ДИНАСТИЯ АРТАШЕСИДОВ

В течение десяти лет после своего назначения Антиохом III, с 200-го по 190 год до нашей эры, Арташес и его партнер Зариадрис Софенский ждали своего часа. В конце концов Антиох перехитрил самого себя, бросив вызов могущественной Римской империи, чтобы помериться с ней силой. И едва Антиох потерпел от римлян сокрушительное поражение при Магнезии (190 г. до нашей эры), как Арташес и Зариадрис отделились от селевкидского государства. В Апомейском мирном договоре (188 г. до нашей эры), закреплявшем победу римлян, сенат Рима даровал им статус независимых правителей. Это был первый юридический контакт Армении с римским сенатом, который был рад приобрести двух благодарных союзников в стратегически важной точке мира для того, чтобы впоследствии поглотить их и присоединить к Римской империи.

Под новообретенным римским покровительством два армянских царства, Великая Армения и Софена, продолжили свою политику бурной экспансии. Арташес отобрал у мидян и персов Мидийскую Атропатену (современный Азербайджан), расширившись до берегов Каспийского моря. У грузин он отхватил большой кусок территории к северо-западу от озера Севан. У халибов, моссиноечи и таокхоев армяне забрали большую часть нагорья в окрестностях Эрзурума и некоторую часть дикого гористого края — Понтийские Альпы. Провинция Тарон (вокруг города Муш) была полностью очищена от остатка селевкидских гарнизонов.

Одним из важных результатов такого территориального роста была культурная и лингвистическая консолидация армянского народа. За исключением грузинских болотистых пустошей и нескольких отдаленных районов, вроде Сасуна, армянский язык стал господствующим у крестьян, охотников и воинов, а также горожан, кроме греков и евреев. Греческий географ Страбон (63 г. до н. э. — 24 г. н. э.) особо подчеркивает именно этот результат завоеваний Арташеса и Зариадриса. Благодаря их трудам по унификации, пишет он, «сегодня все обитатели этих различных районов говорят на одном языке». Однако не следует забывать, что до изобретения национального армянского алфавита (после 400 года нашей эры) все литературные работы, религиозные тексты и государственные указы писались и переводились на иранский, записываемый арамейскими или греческими буквами. Царская семья Армении и аристократия были двуязычными: они говорили на греческом или иранском так же хорошо, как на армянском.

Весьма любопытный отрывок из «Истории» Мовсеса Хоренаци рассказывает нам о том, как «Арташес [Артаксиас] приказал очертить границы деревень и сельских угодий, потому что он увеличил население Армении, приведя на холмы, равнины и долины своего края множество пришлых племен. Границы он устанавливал так: он приказал вытесать прямоугольные камни со сквозными чашеобразными углублениями в центре. Затем их вкопали в землю, а на чуть выступающих над нею верхушках

установили четырехугольные башенки» (История Армении: 11, 56). Три таких камня были обнаружены в разное время недалеко от озера Севан. У всех наверху были углубления, превращавшие верхушку в подобие башенки, а также были выбиты надписи, сделанные необычными арамейскими буквами. Профессор А. Дюпон-Соммер предположил, что камни поставлены в память о рыбной ловле царя Арташеса на озере Севан, но это мнение не выдерживает критики. Разумнее полагать, что это и есть три официальных пограничных знака, из числа так подробно и скрупулезно описанных знаменитым историком, и что на них арамейскими буквами написаны имена местных землевладельцев, а также имя царя Арташеса.

В пору правления династий Ервантидов и ранних Арташесидов стала формироваться сложная система армянского язычества. Кроме прославленных храмов Солнца и Луны в Армавире, армяне возвели и содержали целый ряд святилищ и алтарей в священном лесу под Артишатом (Асесиленой), в провинции Тарон неподалеку от Муша. Там было расположено несколько великолепных храмов, самый известный из которых посвящался богине Анахит (Анаит). Большая золотая статуя этой богини — покровительницы Армении возвышалась в огромном зале. Когда римские армии Марка Антония огнем и мечом прошли по Армении, первый солдат, коснувшийся святотатственной рукой статуи богини, ослеп на месте.

Анахит была дочерью Арамазда, могущественного Ахурамазды (Ормазда), бога персов, соответствующего в умах древних армян греческому Зевсу-Олимпийцу. Из Армении культ Ахурамазды проник на север в Грузию, где дал имя царскому городу и акрополю Армази, неподалеку от Тбилиси.

Пантеон древней Армении был международным, синкретическим. Местных богов почитали наряду с привнесенными из греческой мифологии и персидских верований вкуче с древними культурами, пережившими падение Урарту. Часто одновременно существовало две или три ипостаси одного и того же божества: ярким примером этого служит Арамазд — Ахурамазда — Зевс.

Древние армяне придавали большое значение всяческим оракулам, предзнаменованиям и божественным откровениям. Мовсес Хоренаци (История Армении, I, 12) сообщает, что Ара, правнук Арамы, «был усыновленный мальчик из рода Анушавана, посвященный культу дерева платана, одаренный и умный, благородный в речах и поступках. Этот ребенок был предназначен служить культу деревьев-платанов Араманеака, сосредоточенному в Армавире. По шелесту листьев или колыханию их под ветром, слабым или буйным, по направлению их наклона и движения в краю потомков Хайка долгие годы узнавали божественные прорицания».

Это явление имеет очевидное сходство с почитаемым оракулом Додоны в Эпире, одном из самых древних из эллинских святилищ. Храм Додоны был посвящен Зевсу. Там гадание заключалось в прислушивании к шелесту старого дуба. (Возможно, это осталось от самого примитивного культа почитания деревьев.) Иногда предсказания делались по воркованию голубей в ветвях, журчанию воды в фонтане или позвякиванию висевших на этом дубе или на здании храма медных и бронзовых котлов. (Так было и в храмах Урарту.) Именно у оракула Додоны испрашивал Лисандр благословения своим амбициям. Афиняне часто прибегали к его авторитету. Весьма любопытна поэтому обнаруженная в Армавире греческая надпись с упоминанием «пинакиона», «черепка», глиняной или керамической таблички, на которой заранее пишутся вопросы оракулу. Это слово существует и в армянском языке в форме «пнак», что означает «блюдо», или «блюдец».

Среди наиболее употребительных культов древних армян следует отметить поклонение Митре, которого отождествляли и с Солнцем (Гелиосом), и с Аполлоном, и с Гермесом. Митру первоначально представляли как некоего ангела, олицетворяющего силу Света, сражающегося на стороне Ахурамазды. Эту воинственность он сохранил навсегда. Имена, производные от его имени, например Митридат, или Буз-мир (Великий Митра), были очень распространены в обеих Армениях и Грузии. Праздник

Митры — Митракана — праздновался в иранских землях на 16-й день седьмого месяца и в несколько измененной форме дожил до мусульманских времен. Культ Митры через Киликию дошел до Рима и распространился во все концы Римской империи, даже такие отдаленные, как Лондон. В музеях Европы имеется множество типичных барельефов с изображением Митры в виде юноши в конической шалочке и развевающимся одеянии. Обычно он убивает священного быка, причем в гениталии животного вцепился скорпион, змея пьет его кровь, а пес пытается допрыгнуть до раны в боку. Вдобавок там часто представлены бог-солнце, его посланец ворон, фиговое дерево, лев, кувшин и факелonosцы. Возглавляет божественную иерархию Митры Время Бесконечное; Небеса и Земля были его отпрысками, которые породили Океан. От Неба и Земли произошли и остальные члены божественного круга, аналогичного олимпийским богам. Ариман, воплощение зла и мрака, также был сыном Времени. Митра был самым важным звеном этого круга, посредником между верховным богом и человеком.

О древности культа Митры в Армении можно судить по тому, что в 200 году до нашей эры в армавирском храме известен был высший жрец, его служитель, член царского рода Ервантидов. Кроме того, на похоронном монументе царя Антиоха I Коммагенского в Нимруд-Даге много места отведено изображениям Аполлона—Митры—Гелиоса—Гермеса. Имя Мгер, производное от Митры, мы встречаем позднее в национальном армянском эпосе «Давид Сасунский». Великий Мгер, Лев Сасуна, насадил роскошный сад в Дзовасаре и заселил его всеми зверями и птицами, которых только создал Господь. И сделал его Мгер своей летней усадьбой и основал там убежище для сирых, увечных и слепых, дабы нашли они там покой и исцеление.

Царь Арташес I и его соратник Зариадрис Софенский заложили структуры политические и управленческие, институты религиозные и культурные, став поистине зодчими величия Армении, достигшей своего апофеоза в царствование внука Арташеса, Тиграна Великого.

Глава 6

ТРИУМФ И УПАДОК — ТИГРАН ВЕЛИКИЙ И ПОСЛЕ НЕГО

На краткое время Армения достигла имперской мощи и пика достижений во всех областях. Это произошло в царствование Тиграна Великого (95—55 гг. до нашей эры). Этот честолюбивый, предприимчивый и до странности сумасбродный правитель известен нам главным образом по анналам его врагов римлян, по его великолепным монетам и мертвым пустынным руинам его городов и дворцов.

Тигран Великий был младшим братом, а согласно некоторым источникам, сыном царя Артавазда I, внука основателя династии Арташесидов. Родившийся около 140 года до нашей эры, Тигран провел несколько лет в качестве заложника при дворе царя Митридата II Парфянского, нанесшего армянам в 105 году до нашей эры тяжелейшее поражение. Получив в 95 году до нашей эры известие о смерти царя Артавазда I, Тигран выкупил свою свободу у парфян, отдав им 70 плодородных долин в районе Курдистана.

Он взошел на армянский трон в на редкость благоприятный момент. Римское могущество в Малой Азии было сильно подорвано военными подвигами Митридата Евпатора, царя Понтийского, который укрепил свою власть над всем Черноморьем и грозился вообще изгнать римлян из Азии.

Сам Рим был на пороге гражданской войны между фракциями Мария и Суллы. В Сирии династия Селевкидов находилась на грани анархии и краха.

С момента своего восхождения на трон Тигран занялся расширением своего царства. Он сместил и казнил

царя Ерванда V Софенского и вступил в союз с Митридатом Евпатором Понтийским, женившись на дочери его Клеопатре. В 93 году до нашей эры в интересах Митридата Тигран вторгся в Каппадокию, но в 92 году до нашей эры был выброшен оттуда Суллой. В течение первой полномасштабной войны между Митридатом и римлянами Тигран поддерживал понтийского царя, хотя, будучи хитроумным политиком, воздерживался делать это открыто. Какое-то время Тигран был больше заинтересован в атаках на парфян, чья империя в тот момент была ослаблена смертью в 88 году до нашей эры Митридата II (не путать с Митридатом Понтийским). Ослабленная набегами скифов и разного рода международными неурядицами, Парфия не могла всерьез противостоять Тиграну, что позволило ему вернуть отданные ранее 70 долин и захватить большие куски Мидии. Цари Атропатены, Гордиены (ныне Ботан), Адиабены (Ассирия) и Осроены (Эдесса) стали его вассалами и, как рабы, сопровождали его, куда бы он ни поехал. Еще Тигран присоединил Северную Месопотамию.

Сирия упала в руки Тиграна как перезревший плод. Последние из Селевкидов были увлечены гражданской смутой, что позволило набатеям и другим кочевникам поднять против них мятеж. Анархия грозила самому существованию эллинизированных городов, которые на протяжении нескольких последних столетий представляли наиболее развитую цивилизацию. Влиятельная группа сирийской знати и торговцев решила обратиться к Тиграну с просьбой навести порядок и возложить на себя корону селевкидских правителей.

Тиграна долго уговаривать не пришлось. В 83 году до нашей эры армяне вторглись в Сирию, захватили Киликию и Финикию и продвинулись в Северную Палестину. Поделив свои владения на бесчисленные домены и 120 сатрапий и провинций, Тигран перенял у парфян гордый титул «царь царей», а у Селевкидов — «бог», точнее, «божественный» (theos). То и другое прозвания появляются на его серебряных монетах. Эти серебряные

монеты, лучшие из всех когда-либо отчеканенных армянскими царями, включают в себя и тетрадрахму с изображением обращенного вправо профиля Тиграна в пятиконечной тиаре, украшенной звездой и двумя орлами. На реверсе изображена Тихе, богиня-покровительница города Антиохии на реке Оронт. (Река течет у ее ног.) Эти великолепные монеты чеканились в Антиохии и Дамаске. Позднее Тигран завел собственный монетный двор, по всей видимости, в Тигранакерте, где римлянин-завоеватель Лукулл в свое время захватил 8 тысяч талантов в серебряных монетах (равняется современному 10 миллионам долларов). Эти выпущенные в Армении монеты существенно уступают сирийским по качеству чеканки.

Несмотря на обвинения своих римских врагов, Тигран на краткое время принес в Сирию политическое успокоение и экономическое возрождение. Согласно римскому историку Юнианусу Юстинусу и более современным суждениям Теодора Рейнаха, «Сирия вновь вздохнула полной грудью; в течение 14 лет, наряду с унижением от чужеземного владычества, она знала мир, безмятежность и процветание». Разумеется, армянское владычество было во многих смыслах предпочтительнее римского, которое, кроме отличных дорог и эффективного управления, несло покоренным народам экономическую эксплуатацию, рабство и политическое угнетение.

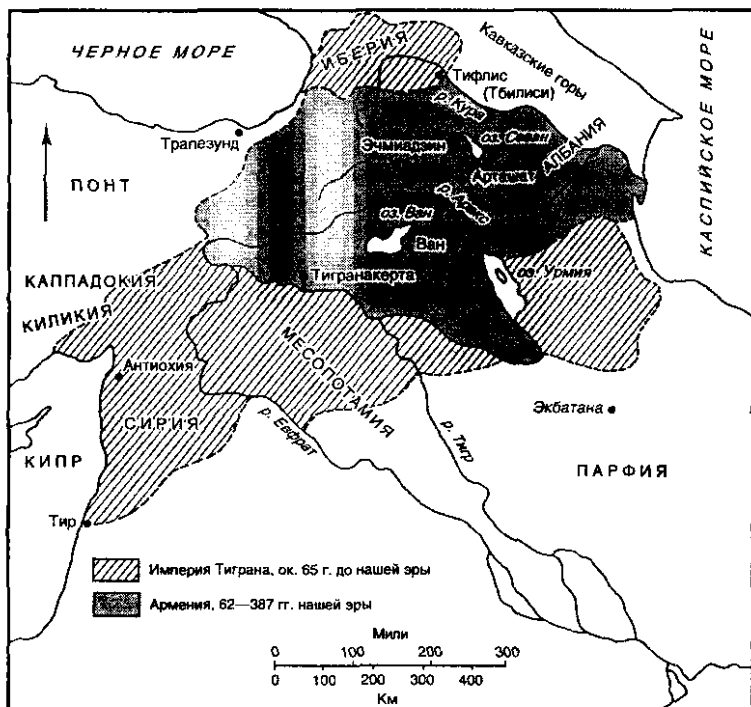
Владения Тиграна Великого протянулись от берегов Каспия до Средиземного моря, от Месопотамии до Понтийских Альп. Огромная империя, составленная из разноликкой смеси множества племен, со своими культурами и языковыми диалектами, не могла за одну ночь стать сплоченной и долговечной политической структурой. Под водительством Тиграна были объединены районы с племенным патриархальным укладом и полуфеодалные страны персидской и парфянской традиции, эллинистические царства и города-государства с типичными для себя учреждениями. Соседи, признавшие Тиграна в качестве «царя царей», обязаны были платить ему

строго определенную дань, а в случае войны посылать вспомогательные войска. В то же время каждое из этих царств и каждое автономное армянское княжество сохраняли свои собственные законы и особый статус внутри единой целостной империи.

Ведущую роль в системе управления Тиграна играла армянская земельная знать, которая и являлась главной его поддержкой как в победоносных военных кампаниях, так и в делах общественных. Брат царя Гурас занимал ответственный пост губернатора Нисибии, а губернатором Сирии был назначен армянский князь Баграт. Несомненно, к тому времени уже состоялась и утвердилась та феодальная армянская аристократия (накхары), которая позднее взяла на себя инициативу в делах национальных и способствовала свержению армянской монархии.

Одновременно с развитием феодальной системы у себя дома, на ранних этапах царствования Тиграна его победоносные походы приводили к захвату большого числа пленников, способствуя тем самым повсеместному использованию рабского труда. Стал ли труд рабов частью или базой экономики в эпоху правления Арташесидов, а затем Аршакидов, вопрос спорный. Разумнее предположить, что класс местных свободных земледельцев и скотоводов существовал бок о бок с рабами и крепостными, бывшими большей частью иностранного происхождения. Этих последних использовали и в домашнем хозяйстве, и на строительстве фортификаций, и на прочих общественных работах. Их заставляли трудиться на рудниках и других трудоемких, никому не желанных занятиях, хотя эксплуатация их никогда не достигала выжимающей все силы безжалостности Греции и Рима. Возможно, вследствие природных условий данного региона. Пожалуй, можно сделать вывод, что Армения в эпоху Тиграна Великого уже представляла собою некую гибридную социальную структуру переходного типа, в которой пережитки клановой организации сочетались с использованием рабского труда в частных хозяйствах и на общественных работах. В ней при-

ТИГРАН ВЕЛИКИЙ И ПОСЛЕ НЕГО

Армения во времена Римской империи

существовали элементы нарождающегося феодализма, системы, сходной с персидской и особенно парфянской моделью, но уже выказывающей специфические черты системы наххаров аршакидского периода.

Позабывшись об организационной структуре своего царства, Тигран начал строить свою столицу Тигранакерту (близ нынешнего Фаркина в Южной Турции), которая должна была стать политическим, культурным и экономическим центром нового государства. (Это Мартирополис раннего Средневековья.) Прежняя столица Артаксата (Арташат) на реке Аракс и столица Селевкидов Антиохия не удовлетворяли его целям, поскольку находились, соответственно, на северо-восточ-

ных и западных границах его новообретенной империи. Антиохия и другие крупные города Сирии имели еще тот недостаток, что могли стать причиной отрыва армянского «царя царей» от его родных корней, его базы в Великой Армении, которая продолжала быть основой его власти и военных успехов.

Греческие и римские историки, описывающие кампании Лукулла в Армении и захват им Тигранакерты, дали нам подробные сведения об этой новой столице. Согласно Аппиану, Тигранакерта была окружена стеной в 50 кубитов высотой, которая была столь широкой и толстой, что внутрь ее были встроены конюшни для лошадей. Неподалеку от городских стен, снаружи, располагался царский дворец, вокруг которого были созданы охотничьи парки и пруды для рыбной ловли. Еще поблизости был выстроен сильно укрепленный замок. Однако сам город, в отличие от древних Ниневии или Вавилона, был довольно компактным. По всей видимости, и по плану, и по своему торговому и ремесленному характеру он был не похож на обычные эллинские города Малой Азии, Сирии и Бактрии.

Чтобы заселить новый город, Тигран поощрил большое число евреев мигрировать сюда, а также насильно переселил в Тигранакерту обитателей разоренных городов Каппадокии и Коммагены, которые были им покорены около 77 года до нашей эры. Страбон пишет: «Тигран, армянин, навлек большие бедствия на жителей, когда захватил Каппадокию, потому что принудил их (население Мазакис), всех до единого, перебраться в Месопотамию. Большинство из них он поселил в Тигранакерте, но позже, после падения Тигранакерты, те, кто смог, вернулись домой».

В другом месте своей «Географии» Страбон утверждает, что Тигран переселил в свою столицу жителей 12 греческих городов, в то время как Аппиан оценивает число насильственно переселенных из Каппадокии и Киликии в 300 тысяч. Плутарх упоминает, что в дополнение к этому Тигран перевел в Тигранакерту население разоренных районов Адиабены, Ассирии и

Кордуены. «Он перевез также арабов, живших в шатрах, от домов и земель их, и поселил их близ себя, чтобы через них вести торговлю». Плутарх добавляет, что «это был богатый и красивый город, каждый житель которого, будь он простолюдин или человек с титулом, в подражание царю стремился всячески его расширить и украсить».

Тигран намеревался превратить свою столицу в один из центров эллинской науки, искусства и литературы. Когда был изгнан из Афин Амфикратес, писатель и оратор, он был тут же приглашен в Армению. Однако дни свои тот окончил в позоре и уморил себя голодом. Впрочем, царица Клеопатра, жена Тиграна, похоронила его с почетом в достойном месте, называемом Сафа. Метродор из Сцепсиса, понтийский философ и государственный деятель, которого Плиний называл «мизоромеус» («ненавистник римлян»), был также ближайшим советником Тиграна и написал его историю, которая не сохранилась. Его Тигран также предал и отдал на казнь Митридату Понтийскому якобы из-за какого-то политического проступка. Когда Лукулл взял Тигранакерту, он нашел там труппу актеров, собранных со всего света для инаугурации театра, построенного Тиграном, но который римский завоеватель использовал для празднования своего триумфа играми и театральным представлением. Тиграна по справедливости можно назвать одним из основателей армянского национального театра. Эту его склонность унаследовал сын и наследник Артавазд, чьи написанные на греческом трагедии упомянуты Плутархом в его «Жизни Красса».

Пока не было внешней военной угрозы, огромная, не слишком складная империя Тиграна оставалась достаточно устойчивой. Но в ней уже зрели семена саморазрушения, не последними из которых были недовольство и раздражение греков и ассирийцев, которых Тигран принудил перебраться в его новую столицу. Многие из них втайне мечтали сбросить ярмо своего армянского хозяина. Кроме того, Тигран связал свою судьбу слишком крепко с судьбой своего тестя, царя Митридата

Понтийского. Едва этот воин-ветеран перешел зенит своего успеха, звезда Тиграна также должна была склониться к закату. Да к тому же с возрастом Тигран стал чрезвычайно сварливым и капризным. Он казнил двоих своих сыновей, заподозрив их в заговоре с целью его свержения. В 70 году до нашей эры, как раз перед нашествием Лукулла, он напал на Птолемея Финикийского, захватил в плен местную царицу Селену, известную также под именем Клеопатра, и вскоре ее обезглавил. Раздражительный старец — ему было 70 лет — даже казнил вестника, доставившего ему известие о начале римского нашествия, и после этого никто не решался давать ему точную информацию.

Предлогом для массированного нападения римлян на Армению были действия Тиграна по защите тестя, Митридата Евпатора Понтийского, последовавшие за поражением последнего от Лукулла в 72 году до нашей эры. Лукулл направил Тиграну посла, Аппиуса Клавдия, с требованием выдачи Митридата. Хотя главной цели своей миссии Аппиус Клавдий не достиг, но, будучи тонким и опытным дипломатом, он тайно привлек на сторону Рима ряд подвластных Тиграну городов и вассальных царей. Хитрый римлянин верно оценил личные слабости Тиграна и неустойчивость его политического положения, о чем и донес Лукуллу: «Армянское правление тяжко давит и невыносимо грекам, особенно нынешний царь, который становится все более наглым и деспотичным по мере роста своих военных успехов и воображает, что все ценное и чтимое другими не только принадлежит теперь ему, но и ради него одного создавалось».

Хоть и окрашенные антиармянскими предрассудками, римские военные донесения, приводимые Плутархом и Аппианом, содержат много ценных сведений, которые проливают свет на повседневную жизнь царского двора Тиграна Великого. «Ему прислуживают многие цари, — пишет Плутарх, — но двух из них он всегда возит с собой в качестве слуг и телохранителей, которые, когда он едет верхом, бегут сбоку, у стремени, в

простых одеждах. Они прислуживают ему, сложив перед собой ладони, когда он сидит на троне и провозглашает народу свои указы. Что же касается других, то они пребывают в самом настоящем рабстве, то есть состоянии людей, навсегда простившихся со свободой и приготовивших тела свои не столько к службе хозяевам, сколько к наказанию от их рук». Подобно многим современным колониальным администраторам, Лукулл и его посол презирали это восточное государство, которое считали дикарским и неупорядоченным. Они беспричинно оскорбили Тиграна, отказавшись называть его общепринятым титулом «царь царей». Тигран отплатил им тем, что отказался титуловать Лукулла в официальных ответах, как полагалось, императором.

Классические источники содержат весьма приукрашенные версии поражений, нанесенных Тиграну Лукуллом под Тигранакертой в октябре 69 года до нашей эры и затем, в следующем году, при Артаксате. По свидетельству Плутарха, в одной из битв армяне потеряли «свыше сотни тысяч пехоты» и почти всю кавалерию, в то время как римляне «сотню ранеными и пятерых убитыми». Конечно, эти цифры следует принимать с осторожностью: они явно имеют налет римской пропаганды, которая так же ловко умела извращать факты и сочинять статистику, как и современные тоталитарные информационные агентства. Одно неоспоримо: могучий город Тигранакерта быстро сдался римлянам, прежде всего потому, что насильно переселенные в него греки и им подобные жители поспешили откликнуться на обещания Лукулла помочь им репатрироваться в родные края. Так эта столица, насчитывавшая более четверти миллиона душ, быстро скатилась до состояния второстепенного провинциального городка.

От полного разгрома Тиграна спас мятеж в римской армии и отозвание Лукулла в Рим. Там Лукулл прославился как гурман и гостеприимный хозяин, устраивавший лукулловы пиры за счет сказочной добычи из храмов и сокровищниц Армении. Закат военной карьеры Лукулла принес некоторое утешение старому Митри-

дату Евпатору и его зятю Тиграну, который даже сходил еще раз походом в Малую Азию. Тем временем сын Тиграна Великого и Клеопатры, также прозываемый Тиграном, поднял против него мятеж. Тигран уже казнил двоих своих сыновей, и молодой Тигран имел все основания опасаться за свою жизнь. Он укрылся у парфянского царя Фраата II, давшего ему войско, с которым тот и вторгся в Армению. Престарелый армянский царь уже не мог сопротивляться. Он даже решил предать своего тестя, Митридата, и назначил цену за его голову. В 66 году до нашей эры, когда наступавший на Армению Помпей объединил силы с молодым Тиграном, старый монарх сдался.

Полагая, что семидесятипятилетний Тигран Великий не сможет оказывать дальнейшее сопротивление Риму, Помпей хитро изменил политику. Он милостиво принял старого царя и вернул ему остатки его царства в обмен на дань в 6 тысяч талантов серебром. А что касается мятежного сына и наследника Тиграна, Помпей хладнокровно отвез его в качестве пленника в Рим, где тот был казнен в 58 году до нашей эры. Тигран II продолжал править в Артаксате (Арташате) в качестве безвредного вассала римлян, до своей смерти в 55 году до нашей эры. Он кончил дни свои выжившим из ума, всеми презираемым вассальным царьком, полностью покорившись римлянам, которым он так долго бросал вызов.

Не менее колоритной в своем роде была карьера и личность сына и наследника Тиграна, Артавазда II (55—34 гг. до нашей эры), пожалуй, самого образованного и самого невезучего из всех Арташесидов. Ученый, ценитель прекрасного, человек космополитических вкусов, Артавазд чувствовал себя как дома и при парфянском дворе, и в греко-римском мире. Согласно Плутарху, Артавазд великолепно владел греческим языком, был знатоком греческой литературы, «он сочинял трагедии и торжественные речи, а также исторические труды, часть которых еще сохранилась». Вслед за отцом он продолжал чеканку красивых серебряных монет с греческими надписями. Главный монетный двор Артаваз-

да находился в его столице, Артаксате, к которой после падения Тигранакерты вернулся ее древний статус. На многих его монетах, в числе которых попадаются изредка тетрадрахмы, Артавазд называет себя «царем царей», «великим царем» и даже иногда «божественным».

Артавазд сыграл ключевую роль в злосчастной кампании Красса против парфян, завершившейся битвой при Каррах 28 мая 53 года до нашей эры. Предсказатели много раз предостерегали Красса, советуя не нападать на парфян в песчаных пустынях Сирии и Месопотамии. «Но он пренебрег их словами, как и советами всех других, кто не поощрял его к наступлению». Верный союзу с Римом, Артавазд пообещал Крассу прислать 50 тысяч всадников, латников и пехотинцев. Как писал Плутарх, «он уговаривал Красса уклониться от встречи с парфянами, избрав путь через Армению, потому что не только смог бы там поддержать его армию изобильной провизией, но и потому, что путь этот был безопаснее, ибо шел по горам и холмам, которыми усеяна земля армянская, а значит, почти непроходим для лошадей, составлявших главную силу парфянского войска. Красс холодно поблагодарил его за готовность ему служить и за предложение помощи, но сказал ему, что твердо решил идти через Месопотамию, где оставил затем многих отважных римских солдат. После этого армянину осталось лишь удалиться».

Видя, что советов его не слушают и доброй волей пренебрегают, Артавазд вступил в союз с парфянами, который укрепил, выдав свою сестру замуж за Пакора, сына парфянского царя Орода II. После разгрома римлян парфянским войском под Каррами и гибели самого Красса голову и руку римского полководца отрубили и отослали парфянскому царю, как раз к свадьбе его сына с сестрой армянского царя. Далее последовала жуткая пантомима, достойный эпилог римского поражения и яркий пример дикарской роскоши той эпохи. Согласно Плутарху, свадебная церемония в Артаксате была весьма помпезной. Перед двумя царями, которые оба прекрасно знали греческую литературу, были

зачитаны разные подходящие к случаю греческие сочинения.

«Когда к дверям доставили голову Красса, столы уже успели убрать, и некий Язон, трагический актер из города Траллы, спел сцену Агавы из «Вакханок» Еврипида. Его награждали аплодисментами, когда в зал вошел Силласес и, низко поклонившись царю, бросил на середину голову Красса. Парфяне встретили этот дар радостными криками, и Силласес по велению царя сел рядом с гостями, в то время как Язон передал костюм Пентея одному из танцоров хора, а сам, подняв голову Красса, страстно и упоенно пропел в образе безумной вакханки, к великому удовольствию всего общества, лирические строки:

Мы славно поохотились сегодня
И с гор великую добычу принесли.

Царь был очень доволен и раздал дары, согласно обычаю парфян, всем гостям, а актера Язона наградил целым талантом. Вот такое, по слухам, было разыграно фарсовое представление в качестве эпилога к трагедии похода Красса».

Хотя Артавазду было суждено двадцать лет править Арменией в мире и благополучии, в конечном итоге жребий ему выпал не многим лучше, чем Крассу. Падение Артавазда стало прямым следствием неукротимого честолюбия, жестокости и алчности Антония и Клеопатры. В 36 году до нашей эры Марк Антоний загорелся фантастическим планом покорить Парфию. С огромным войском в 100 тысяч солдат он вторгся в Мидию и осадил столицу провинции Прааспа (современная Мараха). Парфянский царь Фраат на каждом шагу тревожил неповоротливые колонны Антония. Осада тянулась без какого-либо успеха, и в начале зимы ее пришлось прекратить. Тем временем Артавазд, утратив всякую надежду на победу римлян, оттянул свои войска в Армению. Для Марка Антония это отступление из

Нарфии было катастрофой, как отступление Наполеона от Москвы. Он потерял 24 тысячи человек, многие из которых погибли не в битвах с врагом, но от голода и болезней.

Весьма любопытен рассказ Плутарха о радости, которую испытали римские солдаты, переправившись через реку Аракс, отделяющую Мидию от Армении. По глубине и ярости течения она виделась им очень опасной.

«Но когда они перебрались на другую сторону и оказались в Армении, они радовались ей, как моряк суше после плавания по бурному морю, со слезами целовали землю и обнимались в восторге. Однако, идучи походом по этому краю, изобильному всеми плодами земными, они много ели после долгого голода, наедаясь без меры всем, что видели на пути, и страдали от поноса и отеков».

Потерпев поражение, Марк Антоний и Клеопатра придумали мерзкий план: вознаградить себя за счет своих армянских союзников, притворившись, что винят их в разгроме римлян. Заманив царя Артавазда и его семью в свой лагерь под каким-то дружелюбным предлогом, Марк Антоний увез их в Александрию, где заставил Артавазда пройти в цепях за своей колесницей, чтобы ознаменовать «римский триумф». Затем Артавазд, его царица и двое сыновей были переданы в нежные руки Клеопатры, которая подвергла их безжалостным пыткам, дабы узнать местонахождение сокровищницы армянских царей. Дин Кассий сообщает, что их стойкость и достоинство вызвали сочувствие и уважение у большинства римлян двора Клеопатры. Тем временем Марк Антоний обогащался, грабя армянские города, не пощадив даже храма богини Анахит. Потеряв надежду сломить дух Артавазда, Клеопатра подло велела его убить.

Те, кто воспринимает Антония и Клеопатру в образах романтического шекспировского шедевра, должны не забывать и о таких подвигах этой бесчестной пары, послуженный конец которым положил в 30 году до нашей эры триумф Октавиана Августа.

История Армении двух последующих столетий связана с непрекращающимися усилиями Рима и Парфии посадить на ее трон и удержать там своих ставленников, всячески стараясь не допустить попадания ее в сферу влияния соперника. Династия Аршакидов прекратила свое существование за год до рождения Христа, когда в I году до нашей эры император Август направил своего внука Гая Цезаря свергнуть с трона Тиграна IV и его сестру Эрато, правивших под опекой Парфии. Любопытно отметить это краткое появление в Армении института кровосмесительных династических браков, в чем ощущается явное влияние египетских правителей Птолемеев.

В ходе I века нашей эры римляне укрепили свое господство на севере Армении, в Иверии. Раскопки в Мцхете-Армази (Иверия) неподалеку от Тбилиси принесли любопытные надписи и монеты. Анналы римских историков дают многочисленные свидетельства римского господства в этом регионе. Там римляне нашли рьяного союзника в лице царя Восточной Грузии Фарсмана I, чей брат Митридат вскоре с помощью императора Тиберия (в 35 г. нашей эры) был посажен на армянский трон. Для поддержки нежеланного грузина против местной армянской знати, настроенной пропарфянски, в Гарни был поставлен римский гарнизон. Шестнадцать лет спустя, в 51 году нашей эры, Митридата предательски убил его племянник Радамист, сын честолюбивого Фарсмана Иверийского, мечтавшего объединить Армению с его грузинским царством и основать панкавказскую империю. Эта кровавая династическая борьба, описанная в «Анналах» Тацита, стала основой знаменитой трагедии французского драматурга Проспера Жюлио де Кребильона (1674—1762 гг.). Впервые поставленная в 1711 году, эта пьеса, названная «Радамист и Зенобия», долго держалась на сцене, хотя сюжет ее был запутанным до непонятности. Она, в свою очередь, послужила сюжетом для либретто к опере Генделя «Радамист». Грузинская интервенция и вызванные ею всеобщее недовольство и беспорядки привели к установлению в Армении новой династии, Аршакидов, пра-

вившей с 53 года нашей эры до своего угасания в 428 году нашей эры Первым аршакидским царем был Тиридат I, брат парфянского царя Вологеза I. Двое братьев-парфян вторглись в Армению, заняли Артаксату и Тигранакерту и почти без труда избавились от ненавистного народу грузина Радамиста.

Этот парфянский набег стал сигналом для римлян, поспешивших вновь напасть на эту истерзанную войной землю. Советники юного императора Нерона назначили командовать походом в Армению опытного генерала Корбулона. Корбулон нашел восточные римские легионы в плачевном состоянии, вызванном годами безделья и небрежения. Он поставил себе задачей превратить их в боеспособную армию, и солдаты пострадали от его муштры едва ли не больше, чем от последующей кампании. Два лета жестоких тренировок завершились зимой в палатках на окраине Армении. Зверский пронизывающий холод приводил к обморожениям. У солдат отмерзали пальцы ног, часовые умирали на посту от тяжелых погодных условий. Дезертиров казнили.

Во время кампании Корбулона в 58 году нашей эры была захвачена Артаксата. В следующем году римляне двинулись на Тигранакерту, жители которой закрыли перед ними ворота. Чтобы отбить у них охоту к долгому сопротивлению, Корбулон велел отрубить голову пленному знатному армянину и выстрелить этой головой из пушки по городу. Она упала на землю прямо посреди военного совета, и горожане поторопились слиться. На армянский трон был посажен римский наместник, но Тиридат контратаковал и нанес римской армии поражение при Рандее (62 г. нашей эры).

Нерон благоразумно пошел на компромисс. Тиридат должен был получить корону Армении, но в Риме, из рук Нерона. Хотя таким образом Тиридат становился «клиентом» римлян, Нерон правильно рассудил, что этим не будет нанесено урона и парфянской чести. Тремя годами позже Тиридат совершил путешествие в Рим. Будучи магом, то есть жрецом зороастризма, он не мог путешествовать по воде (это запрещалось его религией).

Так что он проделал весь путь по суше. В Риме с огромной pompой и пышными церемониями Нерон среди всеобщего ликования возложил на голову Тиридата армянскую корону. Специально ради этого торжества был вызолочен храм Помпея. Сенат выделил деньги на праздничные игры и пиры, в которых принял участие и отличился сам Тиридат. Нерон пожаловал Тиридату субсидию в 50 миллионов сестерциев (примерно 2 миллиона долларов в пересчете на нынешние деньги) и направил группу римских каменщиков и архитекторов для восстановления Артаксаты после опустошения и разрушений, причиненных Корбулоном. Того вскоре предали позору и в 67 году нашей эры вынудили совершить самоубийство.

Долгое и благополучное царствование Тиридата I знаменует возвращение армянской культуры и религии к парфянской ориентации. Правление его брата Вологеза I, царствовавшего в Парфии до 80 года нашей эры, ознаменовалось подъемом влияния восточных традиций на общественную жизнь этой страны. Впервые на царских монетах появились надписи на арамейском, а не на греческом языке. Среди рисунков на официальных монетах, имевших хождение в Армении, теперь есть жертвенник с горящим огнем. Религиозная традиция зороастризма приписывает собрание сохранившихся манускриптов и текстов священной книги «Авеста» парфянскому царю Валаршу (Вологезу), возможно Вологезу I, брату основателя армянской династии Аршакидов.

Возрождение иранских обычаев и верований при Тиридате I помогло подорвать тенденцию «романизации», столь явно заметную в Армении и Парфии предыдущего столетия. После эллинистической и романистической фаз армянской истории, растянувшихся от правления династии Ервантидов до начала правления Аршакидов, то есть до I века нашей эры, армянское общество вошло в фазу «иранизма». Армянская знать стала подражать иранским образцам поведения, точно так же, как армянские цари династии Аршакидов брали пример государственной организации с Парфянской

империи. Вместо автократического централизма, характерного для Римской империи, армяне приняли более гибкую систему феодальной зависимости, характерную для структуры иранского государства времен Ахеменидов. Вместо того чтобы, подобно римским императорам, опираться на огромную армию бюрократов, сборщиков налогов и губернаторов провинций, армянские цари стремились полагаться на преданность крупных знатных родов, над которыми они время от времени ставили своих наместников. Наместники должны были присматривать за этими благородными вассалами и укреплять их нестойкую верность. Важнейшие государственные должности стали для некоторых знатных семейств наследственными. Так, Багратиды, заявлявшие, что ведут происхождение от израильских царей Давида и Соломона, получили от царя Армении Валарша I (117—140 гг.) пост начальника царской кавалерии, вкуче с постом «тагадира», наследственного коронанта армянских царей. Другие знатные фамилии поделили остальные главные государственные должности, а именно сенешаля, великого коннетабля и высшего камергера двора. Согласно Мовсесу Хоренаци, царь Валарш назначил себе двух секретарей, один из которых должен был напоминать ему об исполнении дел благотворительных и опекунских, другой — о наказании провинившихся и мести. Натронажному секретарю также вменялось в обязанность удерживать царя от излишней суровости и напоминать, когда возможно, о милосердии и великодушии.

При Тиридате I, скончавшемся около 100 года, Армения оставалась более или менее покорным буферным государством. Нерон и его непосредственные преемники выказывали здравый смысл и умеренность, стремясь поддерживать ее, в качестве нейтрального бастиона против набегов кочевников из северокавказских степей и против парфян. Резкая смена политики произошла при Траяне. Обуреваемый, по мнению Дион Кассия, «жаждой славы», Траян в 113 году пошел походом на Парфию, а по пути сверг и убил армянского царя Партамасира. Эта сцена представлена на римских бронзовых

монетах, а также на рельефе триумфальной арки Константина в Риме. Траян вторгся в Парфию и взял Ктесифон. Армения три года стонала под игом римского легата. После смерти Траяна в 117 году более благоразумный Адриан вернул восточные римские территории их старым правителям и вассальным царям. На троне Армении оказался другой монарх династии Аршакидов (Аршакуни), Валарш I, строитель Вагаршапата (нынешнего Эчмиадзина).

Нет смысла подробно перечислять тщетные войны с Арменией и Парфией, которые предпринимали такие императоры, как Марк Аврелий, Септимий Север и Каракалла. Они привели к двум последующим захватам и разграблениям Ктесифона (в 165-м и 198 гг.), а также неисчислимому ущербу, нанесенному экономике Армении и других восточных римских провинций.

Римские императоры никак не могли взять в толк, что создание некоего железного занавеса против Парфии и неугасающее стремление установить прямое римское правление в Армении ослабляет сам Рим.

Ассирийская, Неоавилонская, Персидская и Селевкидская империи последовательно, каждая в свой черед, поддерживали политическую целостность «Благодатного полумесяца» с VIII по II век до нашей эры. Так что финикийские купцы могли свободно торговать и со странами бассейна Инда, и с Атлантическим побережьем Европы и Северной Африки. Решение римлян раздробить империю Селевкидов и поддерживать ее в разобщенном виде стало неблагоприятным не только для Рима и стран «Благодатного полумесяца», но в первую очередь для буферных государств, вроде Армении. Это решение продержало «Благодатный полумесяц» политически и экономически разъединенным на протяжении семи веков, пока арабы наконец-то не сплотили его вновь. Такая политика, по сути дела, приговорила Рим, а потом и Византию удерживать на востоке очень непростую границу, пролежавшую слишком близко к побережью Средиземного моря. Да и нижняя Месопотамия при этом оказалась с римской точки зрения «не на

той стороне». Большой экономический ущерб римлянам нанесло то, что Персидский залив и морскую торговлю с Индией контролировали иранцы.

Разумеется, бывали долгие периоды относительно мирного сосуществования, когда такие города, как Хатра и Дура Еуропос, становились центрами международной торговли и расцветали греко-восточные искусства и культура. Но в конце концов непримиримая враждебность Рима к парфянам и нежелание оставить Армению в покое способствовали возникновению в этом регионе гораздо более опасной военной силы — Сасанидского царства. Кульминацией этой столетней борьбы стало в 260 году поражение императора Валериана от рук великого царя Шапура I и его пленение. В результате мощь и престиж Римской империи на Востоке потерпели урон, от которого так никогда и не оправались.

В начале III века в провинции Персис (Фарсе), в царстве, формально зависимом от Парфии, началось восстание с целью свержения династии парфянских Аршакидов. По одним легендам, Сасан, родоначальник династии Сасанидов, был верховным жрецом Анахит (Анаит) в Истахре близ Персеполя. По другим сведениям, Сасан был мелким князьком в Парсисе, чье княжество потом унаследовал его сын Папак, а затем оно перешло к сыну Папика Ардаширу Папакану (имя Ардашир — это поздняя форма имени Артаксеркс). Около 220 года Ардашир открыто взбунтовался против своего властелина, парфянского царя Артабана V. Союзниками Ардашира были мидиец, правитель Адиабены (Ассирии) и царь Домициан из Киркука. Артабан в 226 году был убит. Тогда Ардашир сам короновал себя царем в Ктесифоне, запечатлев поражение Артабана на огромном каменном рельефе, выбитом на утесе близ Фирузабада. При новой Сасанидской династии, ведущей, по их словам, свое происхождение от Ахеменидов, в Иран на столетия (вплоть до арабского завоевания) возвратилось твердое управление, процветание и высокие культурные стандарты.

Воцарение в Иране Сасанидов имело далеко идущие последствия для Армении. Армянские Аршакиды были

младшей ветвью древнего царского дома Парфии. После долгого пребывания в роли ближайших союзников правящей династии Ирана, как было в эпоху последних парфянских царей, армянские Аршакиды превратились в заклятых врагов новой правящей в Персии династии Сасанидов. С точки зрения Сасанидов армянские Аршакиды были последышами смещенной ими ненавистной династии, которую надлежало искоренить. Отсюда произошла жгучая ненависть между правящими домами Армении и Ирана начиная с 226 года и далее. Отсюда же проистекает римская ориентация армянских царей, которую им пришлось принять несколько позднее в целях самозащиты. Непримируемая вражда между правящей Сасанидской династией и царским домом Армении позволяет понять любопытный феномен: армянский царь парфянского происхождения Тиридат III был первым монархом в мире, принявшим христианство в качестве государственной религии большого и прочного царства.

В ходе постоянных войн армянская столица Арташата (Арташат) несколько раз оказывалась стертой с лица земли. На этом месте ведет раскопки Армянская академия наук в ожидании богатого исторического материала. Другая столица Аршакидов, Вагаршпат, теперь практически полностью скрыта под современным городом Эчмиадзином. Так что придется долго ждать, пока возможные в будущем раскопки позволят нам увидеть этот город, построенный во II веке царем Валаршем I.

Существует, однако, один замечательный след аршакидского периода, который раскопала экспедиция, возглавляемая профессором Бабкеном Аракелянном. Это включаемый ныне во все туристические маршруты по Армении изумительный летний дворец армянских царей в Гарни, в 18 милях восточнее Еревана. Гарни высятся в горах над рекой Азат, стекающей с заснеженных вершин близ озера Севан. Селение Гарни знаменито своими садами и виноградниками. Туда едут за яблоками и грушами, абрикосами и орехами, а из винограда тех

Мест делают замечательное розовое вино, прославленное по всей Армении.

Люди издревле селились на высоком треугольном мысу над рекой Азат, неприступном для врагов из-за того, что он почти целиком (на четыре пятых) окружен скалами, и проход к нему идет по узкой тропе, которую легко оборонять. Суровый зимой, климат этих мест летом просто идеален. Гарни расположен на высоте 5 тысяч футов над уровнем моря, и жара там умеренная даже в июле, когда на Ереванском и Аракском плоскогорьях до 40 градусов по Цельсию.

Раскопки профессора Аракеяна в Гарни обнажили остатки круглых построек раннебронзового века, около 2500 лет до нашей эры. Урартские надписи свидетельствуют, что ванские цари использовали Гарни как сторожевую крепость и, возможно, как летнюю резиденцию. Огромные блоки чистотесаного голубовато-серого базальта поставлены по периметру древнего Гарни в одной его части, что ведет в глубь нагорья. Самые нижние уровни этого укрепления возведены в урартские времена. Древние строители не пользовались цементом или глиняным связующим раствором, но искусно подгоняли блоки таким образом, чтобы они плотно прилегали друг к другу. Позднее, в эпоху Ервантидов и Арташесидов, крепостные стены подняли на большую высоту, каменные блоки скрепили между собой железными скобами и каменную кладку залили свинцом. Добавили массивных башен и бастионов.

Гарни стал любимой летней резиденцией царей Арташесидов и Аршакидов. Когда в Арташате, расположенном в низовьях Аракса, жизнь становилась невыносимой из-за угнетающей малярийной жары, армянские цари могли отдохнуть и спокойно заняться государственными делами в Гарни. Такие образованные цари, например Артавазд II, находили здесь время для сочинения исторических и других литературных занятий. Тацит упоминает Гарни в связи с гражданскими войнами в Армении в 53 годах, когда там шла борьба с грузинским претендентом на трон Радамистом. В очень важной надпи-

си на греческом языке, найденной в Гарни, начинающейся с восхваления Гелиоса, затем сообщается, что царь Тиридат I (Трдат), основатель династии Аршакидов (Аршакуни), на одиннадцатом году своего правления (в 77 г.) восстановил здесь крепость и построил дворец для своей царицы.

Самой знаменитой достопримечательностью Гарни является классический храм из серого базальта, возведенный во второй половине I века и основательно разрушенный землетрясением 1679 года. Многие европейские путешественники посетили в XIX веке место раскопок, а в 1834 году Дюбуа де Монпере нарисовал план-реконструкцию храма, который соответствует в общих чертах позднейшей, более систематической реконструкции профессора Н. Бунятына (1933 г.). Храм стоял на приподнятой платформе, на самой высокой точке Гарнийского мыса. Марш из девяти ступеней ведет к фронтальному портику храма, возвышающегося на изящном подиуме. Прямоугольный внутренний зал (наос) был окружен перистилем из 24 ионических колонн. Размеры этого наоса, в котором, по-видимому, помещалось изображение Митры, были скромными: 5,14 × 7,92 метра. С каждой стороны передней лестницы были расположены массивные пилоны, украшенные барельефами в виде атлантов, поддерживающих на поднятых руках некую тяжесть мироздания. Очевидно, когда-то на них находились жертвенники. По всему контуру крыши шел резной каменный фриз, в котором эллинистические узоры сочетались с армянскими: тонко вырезанные листья аканта сплетаются с виноградными лозами и плодами граната.

Начиная с 1966 года и далее в Республике Армении обсуждался проект восстановления храма Гарни. Предполагалось, что примерно 80 % оригинального камня и обломки фризов все еще находятся здесь, под землей, в достаточно хорошем состоянии, чтобы их можно было использовать в предполагаемой реконструкции. Поэтому каждый найденный камень нумеровался. Финансировать этот проект обязалось прави-

тельство Армении и армянские благотворительные фонды за рубежом.

В 50 метрах к северо-западу от эллинистического храма находятся остатки римской бани, датируемой III веком. Баня эта построена по типичному римскому плану, с холодной, теплой и жаркой комнатами (фригидарий, тепидарий и кальдарий соответственно). Система отопления и нагрева воды до пара весьма хитроумна. По плану баня точно повторяет баню в царском городе Армаз-Хеви (исподалеку от современной Мцхеты в Грузии).

Особенно примечательной деталью бани в Гарни является частично разрушенный мозаичный пол, украшающий ее преддверие (предбанник). Розовое обрамление замыкает в себя аллегорическую картину из греческой морской мифологии. Плавные переходы голубого, синего и зеленого создают иллюзию движения волн. В центре мы видим мужскую фигуру, символизирующую Океан, и женскую, символизирующую Море, по-гречески «Галасса». По четырем сторонам от центра размещены фантастические существа — с торсом рыбы, конским передом и некоторыми человеческими чертами. Эти иктиокентавры несут на себе nereид, в том числе главную из них, Фетиду, мать Ахиллеса. Есть там также изображения дельфинов, рыб и рыбаков. По верху мозаики идет греческая надпись: «Работали, ничего не получая». Значение этой надписи трудно истолковать иначе, как жалобу на плохие условия работы и невыплату денег за труд. Возможно также, это означает, что работа в бане дает лишь нечто неосязаемое (жар и пар), которые исчезают бесследно и быстро.

Одной из самых увлекательных проблем армянской цивилизации дохристианского периода является природа армянского язычества. В предыдущей главе мы уже кратко обрисовали истоки древнеармянской мифологии, с ее греческими, фригийскими и митраическими корнями, сформировавшейся при Ервантидах и Арташесидах. Несомненно, эллинистические верования и греческий пантеон богов были популярны среди высшей знати и богатых людей и в более поздние периоды, при Ар-

ташесидах, в конце их правления, и при Аршакидах начале. Мы знаем еще, что Тигран Великий в своих надписях также иногда претендовал на божественность, хотя неизвестно, как серьезно воспринимали эти утверждения его наиболее образованные подданные.

Время шло, и эллинские боги и богини безнадежно перемешались с персидскими и даже вавилонскими богами. Согласно Страбону, в святилищах Анахит матери Армении, практиковалась храмовая проституция, явно в подражание вавилонскому и сирийскому обычаю. Богиня Астгик, сестра Анахит, с одной стороны, соответствовала ассирийской богине Иштар, с другой — богине Венере.

Возлюбленным Астгик был Веретрагна, иранский бог войны и победы, известный в Армении под именем Ваган. Почитаемый в образе Геркулеса, победителя драконов, Ваган отождествляется с греческим богом войны Аресом, сыном Зевса и Геры. По мнению профессора С.К. Чаттерджи, Ваган был солнечным божеством. В поддержку такого взгляда свидетельствует дохристианская армянская песня, текст которой звучит так:

В схватках родовых трудились земля и небо,
 В схватках родовых трудилось багряное море!
 Схватки родовые удерживали в море
 Маленькую красную тростинку.
 Из полый ее сердцевины вышел на волю дымок,
 Из полый ее сердцевины вышло на волю пламя,
 А из пламени этого выбежал маленький мальчик!
 У него были огненные волосы,
 Да! И пылающая борода,
 А глаза его были как солнца!

Другим важным богом армян был Тир, от имени которого ведут происхождение все варианты имени Тиридат, данного нескольким армянским царям. Тир, первоначально Тиштрия, — еще одно иранское божество, предводитель Звезд Ахурамазды в битве против Плана Анхра-Майнью (Аримана), духа зла. Тиштрия отождествляется со звездой Сириус. Он регулярно, после победы над демоном засухи, приносит на землю дождь. Как установил профессор Чаттерджи, у армян Тир пр

вратился в бога оракулов, или снов, и стал покровителем искусств и письма. Позднее его отождествили с Аполлоном и Гермесом греческого пантеона. Он был писцом у Ахурамазды. До сих пор в армянском фольклоре Тиру приписывается забота о регистрации человеческих смертей.

Для совершения жертвоприношений богам и богиням армянского пантеона содержались особые стада и стаи птиц. Иллюстрацией к этому служит то место у Плутарха в «Жизнеописании Лукулла», где мы читаем о переправе римского генерала и его армии через Евфрат. Лукуллу тогда на армянской стороне реки встретилось счастливое предзнаменование: «Паслись там священные телки, предназначенные Диане персидской (Анахите), которую больше всех других богов почитают дикари, живущие за Евфратом. Они используют этих телок лишь для жертвоприношений ей. В другое время те бродят где хотят, нетревожимые, с выжженным на них клеймом богини, отпечатком факела. Но непросто поймать их, если возникает необходимость. Однако когда армия римлян переправилась через Евфрат и наткнулась на камень, на котором приносились жертвы богине, одна из телок, стоявшая на этом камне, легла на него и подставила шею под нож, предлагая себя Лукуллу для жертвоприношения, в то время как других насильно привели сюда на веревке».

Несколько дошедших до нас идиолов свидетельствуют, что язычество в Армении было близко к эллинскому типу. Первые армянские христиане воспринимали библейский запрет на изображения бога очень серьезно и расплавили или иным образом уничтожили большинство прекрасных статуй, оставшихся от классической античной армянской культуры. Тем больший интерес вызывает единственная бронзовая голова Афродиты-Анахиты, которая более ста лет хранится в греко-римской галерее Британского музея.

Эта голова, размером примерно в полтора раза больше обычного размера женской головы, принадлежит колоссальной статуе этой богини, по легенде, из города

Сатала (нынешний Садах в Восточной Анатолии неподалеку от Эрзинджана). Это место знаменито тем, что здесь была лагерная стоянка императора Траяна во время его похода на Армению в 113 году. Именно тут Траян низложил армянского царя Партамасиса, вскоре предательски убитого римлянами.

Можно было бы предположить, что восхождение на престол парфянского царя Тиридата I приведет к отказу от почитания греко-римского пантеона в пользу чисто иранских богов. Несомненно, сам Тиридат был магом (жрецом зороастризма) и, чтобы попасть в Рим ко двору Нерона, полгода ехал вокруг Средиземного моря, лишь бы избежать запретного загрязнения морскими водами, неизбежного при путешествии на корабле. Однако никогда Аршакиды не внедряли зороастризм насильственно, поэтому Сасаниды не считали парфян и армянских Аршакидов истинно верующими. Действительно, лишь преследования в Ездегерде в V веке нашей эры свидетельствовали о попытках сделать зороастризм государственной религией Армении.

Парфяне вообще были нацией терпимой. У них самих был широко распространен культ обожествленных царей. Монарха называли иногда «Брат Солнца и Луны». В то же время правители почитали магов, и для каждого из Аршакидов постоянно горел огонь на царском жертвеннике. На парфянских монетах мы встречаем изображения многих греческих божеств: Победы, Удачи (Тихе), Зевса, Артемиды и т. д. И в Армении, и в Парфии проживало множество евреев, которые беспрепятственно исповедовали свою религию. В Бактрии и восточных провинциях сильно укрепился буддизм.

По-видимому, в Армении и Парфии греческие верования и культура были достоянием высших слоев общества, то есть знати, богатых торговцев и ремесленников. Однако поклонение греческим богам и богиням было распространено повсеместно и достаточно широко. Высеченные на камне гимны Аполлону найдены в Сусе. В местах расположения многих парфянских городов обнаружены статуи и статуэтки Зевса, Геракла, Афины, Аф-

родиты и других божеств. Но всякий раз, когда мы встречаем их, так сказать, в армянском и парфянском контексте, нам следует вслед за доктором Малкольмом Колледжем задать вопрос: не являются ли они замаскированными восточными божествами?

Появление на Востоке эллинизма сопровождалось прибытием туда Александра Македонского и его наследников, которое породило истинный симбиоз, полное слияние греческих и восточных богов, что, в свою очередь, повлияло на религию Армении и Парфии. В результате семитские, включая вавилонских, а также иранские и греческие боги стали рассматриваться как тождественные и даже взаимозаменяемые. Ахурамазда стал иранским эквивалентом Бела, Митры Шамашского, а Анахит соответствовала Иштар, или Нанай. В самой Армении Иштар почитали в облике Астгик, сестры Анахит. Это была пышногрудая и широкобедрая богиня материнства и чувственных утех. Нанай появляется в Армении в образе Нанех, святой покровительницы воинов и девственниц.

Такая изощренная сложная мифология была не слишком понятна простому армянскому люду, особенно крестьянам. Многие армянские праздники берут свое начало в эту дохристианскую эпоху. В такие празднества, как Навасарт, поклоняются Анахит, приветствуя ее пением, танцами, цветами и красивыми листьями. В августе шествиями и танцами в честь Астгик и Анахит отмечают Вардавар, «цветение роз». Яркое описание этого праздника имеется в романе «Самвел» армянского писателя Раффи (Акопа Мелик-Акопяна, 1835—1888).

Языческих капищ в Армении было великое множество как в городах, так и в сельской местности. Были даже города-храмы, такие, как Артишат и Багаван, в которых находилось по нескольку важных святилищ. Позднее христианские церкви и монастыри унаследовали богатство и почитателей этих древних священных алтарей. Такие места поклонения (например, нынешний Святой Эчмиадзин) часто становились сценами религиозных празднеств и собраний верующих. При каждом

храме была сокровищница, часто весьма богатая божественными изображениями, золотом и драгоценностями. Странникам оказывалось гостеприимство: им предлагали мясо, фрукты, цветы и даже деньги. Древний историк Агафангел перечисляет подношения, принесенные в жертву одним царем после победоносного военного похода: «Он повелел избрать семь великих храмов Армении и почтил эти святилища своих праотцев Аршакидов белыми быками, белыми баранами, белыми конями и мулами, золотыми и серебряными украшениями и шелковыми, вышитыми золотом пеленами, золотыми венками, серебряными тазами для жертвоприношений, вазами с вставками из драгоценных камней, роскошными одеяниями и прекрасными украшениями. Он также отдал жрецам пятую часть своей военной добычи и великие дары».

Жрецы были наследственной и хорошо организованной кастой. Верховный жрец часто принадлежал к царскому роду и осуществлял политическую власть, как знаток и хранитель древней мудрости, пророчеств и предсказаний. До нас дошли упоминания о двух семействах, Вахуни и Спандуни, поставлявших кадры для большинства языческих святилищ дохристианской Армении. Жрецы эти были очень богаты, так как мы знаем, что при обращении Армении в христианство Григорий Просветитель конфисковал у них великие сокровища. В капищах, посвященных популярным богиням, Анахит и Астгик, служили не только жрецы, но и жрицы.

Найденные археологами древние бронзовые статуэтки в фантастических головных уборах и костюмах скорморохов дают основание полагать, что ранние языческие празднества сопровождались представлениями мимов и актеров. Это объясняет непримиримую вражду, которую проявляла ранняя армянская церковь к любым театральным выступлениям.

В языческом прошлом Армении лежат корни распространенных в этой стране суеверий и типичной для нее демонологии, а также культов, связанных с ведовством.

Дэвы, или демонические духи из Авесты вызывали страх и в Армении, и в Грузии. Дэвы — армянская форма, дэви — грузинская. Эти дэвы обитают в руинах и скалах. Они появляются в облике змей и других чудовищ, некоторые в телесной форме, другие — бестелесны. Еще существуют «дружи». Подобно своим двойникам из Авесты, они духи лживые, предательские и вредные; считается, что они принадлежат к женскому полу. У «ятов», или чародеев, из Авесты также имеются армянские двойники, которые способны даже убить человека. Имеются также демоницы-губительницы, известные как «парик», чьих мужей называют «каджами». Эти каджи фигурируют в средневековой грузинской литературе, в том числе в знаменитом романтическом эпосе Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Среди древних языческих суеверий стоит упомянуть боязнь дурного глаза. Так, например, Мовсес Хоренаци отмечает, что царь Ерванд обладал могущественным дурным глазом и мог дробить камни, всего лишь устремив на них свой пронзительный взор. По общему убеждению, люди, на которых упал дурной глаз, заболели и умирали без видимой причины, и уберечься от этого невозможно. Это суеверие дожило до наших дней. Говорят, что в древней Армении люди испытывали такое же отвращение к стрижке ногтей и волос, как иранцы, взявшие эту нелюбовь из поучений Авесты. Разумеется, почитание огня как священной субстанции берет свое начало в иранских религиозных верованиях, так же как и запрет на загрязнение воды, особенно бегущей, что для Востока было весьма важной санитарной мерой.

Древняя армянская литература и мифология содержат неоднократные упоминания о «вишапах». Эти телесные существа — прислужники громадных каменных драконов и рыбopodobных чудищ, которых воздвигали в урартские и более ранние времена поблизости от древних оросительных систем. Эти вишапы могут появляться в образе людей или змей, а с помощью быков могут даже взмывать в небеса. Они любят воровать зерно с токов, принимая облик мулов или верблюдов, или же

увозить зерно на собственных настоящих мулах и верблюдах. В таких случаях, как пишет армянский автор V века Езник, армяне кричат: «Кал, кал!» (То есть «Стой, стой!») Эти вишапы могут сосать молоко прямо из вымени коров. Некоторые вишапы любят охотиться верхом и живут в роскошных поместьях. Они держат в плену князей, царевичей и героев. (В числе таких пленников бывали Александр Великий и царь Армении Артавазд.) Иногда вишапы являются в виде великанов и принуждают людей покоряться им. Они могут проникать в человеческие существа, и дыхание их ядовито. У подножия Масиса, то есть горы Арарат, было целое их поселение, и Ваган с ними боролся... Позже вишапы похитили у Артавазда дитя, оставив взамен детеныша-дэва.

Сродни вишапам были «нханги» (термин, заимствованный из персидского, где «ниханг» означает «аллигатор», или «крокодил»). Они жили преимущественно в реках, вроде Аратсани, или Мурат-Су, и, принимая образ русалок, соблазняли свои жертвы, а затем, удовлетворив похоть, высасывали у тех всю кровь и бросали замертво. Еще они могли воплощаться в тюленей и тогда хватали за ноги пловцов и утаскивали на дно. На суше нужно было бояться оборотней.

Более добродушным характером отличались «шахапеты», защитники дома и хранители очага. О них упоминает Агафангел как о «гениях — хранителях могил». Они являлись в образе людей или змеев и, кроме прочего, охраняли виноградные лозы и оливковые деревья.

Погребальные обычаи армян-язычников были похожи на древнеавилонские. Друзья и родственники усопшего проводили обряд оплакивания. На похороны людей богатых нанимали профессиональных плакальщиц, возглавляемых «матерью плачей». Под погребальные песнопения, в которых излагалась история жизни и смерти покойника, ближайшие родственники рвали на себе одежды, вырывали у себя волосы и громко вопили. Они наносили себе резаные раны на руках и лице. Во время похорон играла музыка, для чего использова-

лись рога, скрипки и арфы. Мужчины и женщины исполняли танец, становясь лицом друг к другу и хлопая в ладоши. Один древнеармянский христианский писатель, которого цитирует историк Леонсий Алишан, из всех сил пытался воспрепятствовать «плачу над мертвыми, обрезанию волос и прочим мерзким вещам». Если усопшим был царь или иное значительное лицо, на его могиле слуги и рабы совершали самоубийство.

Обнаружены древние надгробия в виде коней или ягнят, возможно, это означает символическое жертвоприношение мертвым. Современный обычай раздачи после похорон хлеба, изюма и крепких напитков, вероятно, представляет собой пережиток древней жертвенной трапезы. И в сегодняшней Армении существует обычай приносить в жертву животных по праздникам, даже во дворе Эчмиадзинского собора. Армянская и грузинская традиция проводить пасхальный понедельник за едой и питьем на кладбищах у надгробий предков явно ведет происхождение от древних языческих обрядов.

Некоторые армянские легенды о конце света тесно сплетаются с древними мифами о драконах. Такова армянская версия иранской легенды о Тразтаоне, который боролся с демоном-драконом Ажи-Дахакой. После того как Тразтаона победил, он приковал Ажи-Дахаку цепями в пещере в горах Эльбруса. Оттуда он восстанет в День Последний, чтобы его сразил Сама Кересаспа.

В армянском варианте, как пишет Мовсес Хоренаци (История Армении, 1, 24—30), Ажи-Дахака преобразился в царя Аждахака Мидийского, который воюет с армянским царем Тиграном I. В одной из последующих глав Мовсес Хоренаци сообщает, что Аждахак был закован и заключен Хруденом в горе Демаванд, бежал оттуда, был пойман и вновь помещен под стражу в той же горе. Еще Мовсес Хоренаци утверждает, что Аждахака когда-то поцеловал в плечо злой дух, и от этого поцелуя родились змеи, пожиравшие человеческое мясо. Павстос Бузанд, другой древнеармянский хронист, рассказывает подобную историю о злосчастном армянском царе Папе.

Эта любопытная легенда, по всей видимости, послужила источником другого популярного армянского обычая, связанного с легендарным царем Артаваздом, сыном Артаксиса, то есть Арташеса. Народ очень любил этого царя Арташеса, и, когда он умер, многие подданные предпочли тоже умереть, но не жить без него.

Артавазд, сын Арташеса, видя, сколь много людей кончает с собой на могиле отца, воскликнул:

Ты покинул нас и забрал с собой всю страну.
Неужели я должен править руинами?

В ответ тень отца проклинает его со словами:

Когда отправишься ты на охоту на славную гору
Масис, пусть каджи схватят тебя и закинут на славный Масис!
Там ты и оставайся в кромешном мраке!

По легенде, Артавазд погиб во время охоты близ Масиса (Арарата), упав с коня в глубокую пропасть. В одной из армянских легенд говорится, что он до сих пор прикован в какой-то из пещер Масиса и два пса грызут его цепи, пытаясь освободить, дабы он положил свету конец. Ко времени Навасарта (древнего Нового года армян, который наступал в августе), эти цепи совсем истончаются. Потому в эти дни все кузнецы бьют молотами по пустым наковальням, чтобы укрепить цепи Артавазда и не дать ему погубить мир. Этот обычай не прекратился и в христианские времена.

Названная легенда очень напоминает миф о Прометее Закованном, а также грузинский цикл народных сказаний об Амиране, титане, бросившем вызов Иисусу Христу. Амиран призвал его помериться в бросании камней и также был прикован в пещере за свою дерзость. В грузинской легенде пес так же грызет эти цепи, и точно так же в Грузии бьют кузнецы по наковальням, спасая мир.

Глава 7

АРМЕНИЯ НА ЗАРЕ ХРИСТИАНСТВА

В Армении бытует множество легенд, как, впрочем, и других сведений, о приходе в эту страну христианства. Часто утверждают, что его принесли сюда святые апостолы или их первые ученики, а именно святой Варфоломеем и святой Фаддеем. Однако эти рассказы принадлежат к довольно позднему времени, и далеко не все считают их исторически достоверными.

Во II и III веках нашей эры христианская религия широко распространилась в соседствующих с Арменией регионах. Это было задолго до официального обращения Армении в христианство, которое осуществил Григорий Просветитель в 301 году. В частности, Армении связывали обширные и крепкие торговые и культурные отношения с великим городом Антиохией. Апостольская церковь Антиохии сыграла важную роль в распространении христианства на раннем этапе. Там была родина гностиков Менандера и Сатурнина (Саторнила), и на всем Западе известны были писания антиохийского епископа Теофилия, а в более поздние времена и Марка Аврелия. Существование в Антиохии организованной школы христианского вероучения засвидетельствовано в отчетах совета епископов, собравшегося там в 269 году для оглашения ереси Павла Самосатского. Все эти тенденции отражались и на религиозной жизни Армении.

Еще ближе к Армении находились древний центр христианства, Эдесса, резиденция христианского царя Абгара VIII (176—213 гг.), и город Нисибий, а также

весь район Адиабены, лежащий в Северной Месопотамии, где христианство прочно утвердилось в III столетии. Все это помогает объяснить, почему армянская традиция сохранила имена святых и мучеников еще до официального обращения Армении в христианство святым Григорием.

История этого обращения — одна из самых дорогих сердцу армянского народа. Ее почти сказочные подробности не оспариваются даже скептически настроенными историками. Знание этих освященных временем и почитаемых священными событиями необходимо для понимания иконографии армянских фресок и миниатюр, потому что они являются излюбленными их темами.

О святом Григории Просветителе много написано армянскими историками, такими, как Фауст из Бузанды и Агафангел. Он был членом парфянского знатного рода Сурен-Пахлавов, являвшегося, в свою очередь, ветвью царского дома Аршакидов и, следовательно, был родственником армянских монархов. Согласно легенде, отец Григория убил армянского царя Хосрова I (около 238 г.).

Много лет спустя сын убитого царя Хосрова вернул себе армянский трон. Его в 286 году восстановил на престоле непримиримый враг христиан римский император Диоклетиан. Он принял имя Тиридат (Трдат) III. В 298 году после жестокого поражения, нанесенного римлянами, великий сасанидский царь в Нисибском договоре официально признал независимость Великой Армении под опекой Рима.

Григорий вернулся в страну предков и стал проповедовать христианскую веру. Трдат обнаружил, что тот является сыном убийцы его отца, и схватил его. После жестоких пыток Григорий был брошен в темницу царского замка в Арташире, где и пробыл более 15 лет. Милосердная вдова спасла его жизнь, доставляя ему еду.

Тем временем Трдат III правил в Вагаршапате, где зверски убил группу из тридцати семи христианских девственниц, в числе которых была красивая девушка по имени Рипсиме. Трдат тщетно пытался сделать ее одной

из своих многочисленных жен и наложниц. Возглавляла этих святых дев некая Гаяне, которую армянская церковь почитает наравне с Рипсимае как одну из первых своих мучениц. День их отмечается 5 октября.

После этого преступления Трдат божественным провидением был лишен разума и стал передвигаться не по-человечески, на четвереньках, как дикий зверь. Им завладела болезнь ликантропия (психическое расстройство, когда больной воображает себя волком-оборотнем) в самой тяжелой форме. Несомненно, здесь мы имеем дело с отзвуком одного из преданий Ветхого Завета, а именно с легендой о царе Навуходоносоре. История излечения и обращения Трдата также имеет сходство с рассказом о пророке Данииле. Сестра царя, Хосровидукт, сказала Трдату, что ей было видение: человек с сияющим лицом объявил ей, что преследование христиан должно быть прекращено отныне и навеки. Царевна была убеждена, что, если вытащить Григория из ямы, он сумеет вылечить царя от его злосчастного недуга.

Трдат послушался совета сестры и освободил святого из темницы. Григорий вернул царю здоровье и разум, и также окрестил его и весь его двор. Несомненно, в этом обращении к христианству играли существенную роль и политические мотивы, так как извечной целью политики Аршакидов было всячески препятствовать идеологическому и культурному влиянию зороастрийского Ирана.

Как-то ночью Григорию было видение. Он увидел, как небеса разверзлись и в окружении крылатых фигур с вышины спустился Иисус Христос, причем все вокруг просияло чудесным светом. Назвав Григория по имени, чтобы он стал свидетелем чуда, долженствующего произойти, Господь ударил землю золотым молотом, и посреди города Вагаршапата поднялся огромный пьедестал из золота. С него взметнулся к небу огненный столп, увенчанный сверкающим крестом. Вокруг этого столпа, на месте, где были погребены девы-мученицы, поднялось еще три колонны, красные как кровь и также увенчанные сияющими крестами. Эти четыре креста обра-

зовали свод, на котором возник в воздухе храм великий с куполом. На вершине его высился золотой трон с огненным крестом.

Из этого чудесного здания изливались потоки воды, затопляя городские окрестности. А на фоне ночного небосвода зажглись бесчисленные огненные алтари, увенчанные крестами, как звезды в небесах. Внезапно огромные стада черных коз стали переходить эти воды вброд, преобразаясь в белых овечек, число которых непрестанно множилось. Затем половина овец вновь перешла через воды и превратилась в волков, которые напали на оставшихся овец и рвали их на части, упиваясь кровью. Убитые овечки обрели крылья и присоединились к когортам Господа. А потом небесный огонь сошел на землю и сжег всех волков. Стало всходить солнце, земля задрожала, и видение закончилось. Перед нами явная аллегория, рисующая картину обращения языческих «козлищ» в христианских «овечек», причем некоторые возвращались к прежним верованиям, и эти «волки» объединялись с языческими гонителями верных христиан.

Следуя своему видению, святой Григорий построил привидевшийся ему мистический храм в том месте, где огненный столп вознесся из земли. Он переименовал царский город Вагаршапат в Эчмиадзин, что означает «место сошествия едиnorodного». В крипте (подземной часовне) нынешнего кафедрального собора в Эчмиадзине археологи открыли остатки маленькой каменной церкви, вполне возможно, относящейся к эпохе обращения Армении в христианство, которое обычно датируют 301 годом. Неподалеку от крипты находятся остатки языческого храма огнепоклонников, видимо оставшегося со времен персидских преследований армянской церкви в V веке, при сасанидском царе Ездегерде.

В признание выдающихся заслуг Григория и его подвигов благочестия святой был единодушно избран при масом новой государственной армянской церкви. Он получил в 302 году посвящение в епископы из рук Леонтия, архиепископа Цезареи в Каппадокии. Вследствие

что византийская церковь, ревниво относившаяся к независимости армянской национальной церкви, объявила, что епархия Армении подчинена Цезарейской, а потому разногласия между греческой и армянской церквями, делящиеся с V столетия, следует признать схизмой (расколом) со стороны армян. С этим утверждением можно поспорить: армянская церковь имеет апостольское происхождение, и посвящение Григория в епископы архиепископом Цезареи было следствием случайных обстоятельств (Григорий получил первоначальное образование в Цезарее). Так что этот факт не может быть использован как довод для установления иерархической зависимости церквей. Вот как рассуждает об этом почтенный религиозный авторитет (*Азиз Антийя. История восточного христианства*): «Великая Армения находилась за пределами Римской империи, и ее религиозное развитие не может быть приписано Риму. Армянская епархия, подобно Персидской и Эфиопской, выросла независимо, вне римской юрисдикции. Более того, если мы исследуем вопрос экклезиастических взаимоотношений между епархиями, существовавшими до собора в Никее, станет ясно, что ни одна из них не вмешивалась в дела другой. Поборники византийской или римской точки зрения строят свои аргументы умозрительно, без должных исторических обоснований».

Горечь противоречий, разделявших греческую и армянскую церкви, во многом определялась причинами, связанными с политикой, а не с вероучением. Она проистекала из упорного и упрямого нежелания армян подчиниться мировым имперским амбициям византийских монархов и их церковных приспешников. Под властью византийской цезаристско-папистской системы константинопольский патриархат слишком часто использовался как орудие военных и политических властителей, целью которых было присоединение мелких христианских народов под видом создания некоего религиозно-политического единства. В пользу армянской позиции говорит и то, что Армения объявила христианство государственной религией за несколько лет до того, как Константин Ве-

ликий заявил об официальном обращении в христианство Восточной Римской империи.

Вполне естественно, что старые языческие культы Армении не уступили свое место без отчаянного сопротивления своих почитателей и последователей. Древние летописцы подробно перечисляют святилища и храмы, порушенные христианами, и богатую добычу, приобретенную на этом и новой церковью, и царской казной. Даже спустя несколько десятилетий в отдаленных районах на епископов и миссионеров нападали, а иногда их убивали. Так, нам известно, что святой Аристак был убит по приказу сатрапа Софка (Софены); святой Вртан вынужден был бежать, спасаясь от преследований горцев Сасуна; святой Хоосик умер от бичевания, которому подверг его царь Тигран V, и святой Даниил из Аштишата, предложенный в патриархи, погиб от такой же казни.

Весьма любопытной и необычной чертой ранней армянской церкви было то, что высшие епископы часто были женаты, и руководство церковью переходило от отца к сыну по наследству, как в царских династиях. Возможно, это была попытка как-то уподобиться древним патриархам Израиля. Когда пришло время протиться с жизнью Григорию Просветителю, он избрал в преемники своего второго, неженатого, сына Аристака, и даже заранее рукоположил его. Григорий скончался в 325 году. В том же году Аристак принял участие в Никейском соборе как главный представитель армянской церкви. По смерти Аристака в 333 году патриарший престол Армении занял его старший брат, святой Вртан (333—341 гг.). Он был женат, и ему наследовал в должности католикоса его сын Хоосик, который был предан смерти царем Тиграном V. Внук Хоосика, святой Нерсес, правил с 353-го по 373 год и почитается до сих пор как один из величайших отцов армянской церкви. Позднее сын Нерсеса, святой Сахак (Исаак) пребывал на патриаршем престоле в течение почти полувека (с 387-го по 439 г.), с небольшими перерывами из-за политических неурядиц. Со смертью святого Са-

хака наследственный принцип передачи церковной власти был отменен и католикоса стали избирать на совете с участием царя, священников и народа. Правилom стало полное безбрачие епископов и монахов.

Святому Нерсесу, известному в истории как Нерсес Великий, приписывают проведение широких церковных реформ и упорядочение организации Армянской церкви. В 365 году он созвал в Арташате синод и пригласил туда, кроме епископов, армянскую знать, чтобы устранить неясности и недоразумения в законах о землевладении, а также утвердить основные догматы христианской веры. Этот собор запретил браки между двоюродными родственниками, которые поддерживали знатные роды, чтобы не дробить поместья. Собор также попытался искоренить остатки языческих суеверий, таких, как плачи по покойникам и уродование себя в знак скорби по усопшим, а также всякое призывание духов и амулеты. Был учрежден ряд благотворительных заведений, таких, как больницы, убежища для прокаженных, дома призрения для слепых, сирот и вдов, а также приюты для ночлега путников. Для отшельников и подвижников были устроены монастыри по кеновитному, то есть общежительному, типу наподобие египетских, византийских и западноазиатских монастырей.

Все эти религиозные реформы происходили на фоне нарастающего экономического кризиса внутри страны, а также военной и политической угрозы извне. Не оправдались ожидания Трдата III, что утверждение в Армении христианства приведет к созданию сильной единой монархии. Действительность была разочаровывающей, особенно при его менее энергичных преемниках.

Причины упадка и окончательного падения армянской династии Аршакидов достаточно сложны. Монархия эта зародилась в дохристианскую эпоху Греции, Рима и Парфии. Это был национальный институт, который опирался на поддержку приверженцев армянского язычества с их богатейшими святилищами, процветающими влиятельными городами и многочисленным

отрядов рабов, целиком зависящих от царской милости. Поощряя принятие христианства, армянские цари вскоре обнаружили, что способствовали учреждению государства в государстве. Военственные епископы, не колеблясь, критиковали политику и частную жизнь царей, из-за чего возникали многие острые конфликты. Знатнейшие семейства, умело пользуясь этим, замыкались в своих уделах. Интриги священнослужителей поощряли и помогали этим нахарарам, то есть феодальным князьям, ни во что не ставить царских представителей. Более того, сами эти назначенные царем полномочные правители стремились проявлять независимость, стать наследными сатрапами. Они отражали в попытке царей убрать их или воспрепятствовать передаче их должности по наследству сыновьям. Территориальные захваты, которые продолжали осуществлять греки и сасанидский Иран, сокращали свободные земли, так что армянским царям больше нечего было делить между главными аристократами и генералами, нечем было крепить их верность и награждать усердие. Христианство проповедовало отмену рабства. Во многих случаях рабы и бывшие пленники становились крепостными и вилланами в царских поместьях, но чаще на землях знатных сановников и князей. Хотя домашнее рабство сохранялось на протяжении еще нескольких поколений, для набора в армию и на принудительные работы для осуществления какого-либо военного и гражданского строительства царям приходилось зависеть от своих вассалов. Иногда знать отказывалась платить налоги короне, что существенно ограничивало власть монарха.

Сокрушительный удар царской власти в Армении был нанесен в 363 году, когда император Юлиан Отступник был побежден и убит великим сасанидским царем Шапуром II. Преемник Юлиана Иовиан подписал с персами мирный договор, по которому союзник Рима Армения была предоставлена своей судьбе. Возглавляемые изменником, знатным армянином Меружаном Арцруни, персы вторглись в Армению и стали по

следовательно осаждают и грабят ее главные города и торговые поселения. Царя Аршака II и его верного полководца Васака Мамиконяна под предлогом мирных переговоров заманили к персидскому двору и убили. Друга Аршака царица Парандзем мужественно удерживала главную крепость Артагерс в течение года, но в конце концов также попала в плен, подверглась поруганию и насилию, от которых погибла.

Наиболее серьезным и непоправимым стал ущерб, нанесенный армянской городской жизни. Города, расположенные в армянских горах, могли успешно существовать и процветать лишь в безопасных условиях непрерывной торговли с другими странами под защитой центральной монархии. Городское население Армении создавалось столетиями путем намеренных действий парской власти, поощрявшей переселенцев из Сирии, Малой Азии и Месопотамии, особенно евреев, нашедших в Армении убежище после разрушения Иерусалима императором Титом.

Великий царь (шахиншах) Шапур прекрасно понимал, какую роль играло городское самоуправление в структуре аршакидской монархии. Он поставил себе целью стереть с лица земли возможно большее число городов и вывезти в Персию всех горожан, особенно искусных и трудолюбивых евреев-ремесленников. Часть добычи царь персидский раздал главенствующим армянским феодалам, чем успешно привлек их на свою сторону.

Плоды этой политики скоро стали очевидны. Знатные армяне, оставаясь формально христианами, не могли устоять перед привилегиями и другими приманками, которые предлагало им государство Сасанидов. В 177 году другой честолюбивый армянский князь из рода Мамиконянов, Манвел, сверг с престола и отправил в изгнание армянского царя, ставленника римлян, Вараздата. Любопытно отметить, что затем император Феодосий сослал Вараздата на «остров Туле», то есть на Британские острова. Манвел Мамиконян заключил сделку с персами и был признан ими регентом Армении в об-

мен за обещание вассальной зависимости от персидского шахиншаха. Персидский двор гарантировал терпимость к христианской вере в Армении.

Прошло немного времени, и слабость наследником Шапура II способствовала тому, что князь Манвел Мимиконян вновь перенес свою вассальную зависимость от Персии к Восточной Римской империи. Восстановив на престоле двух братьев Аршакидов, соправителей Аршака III и Валаршака, Манвел продолжал править Арменией вплоть до своей смерти в 385 году. После несогласия и сотрудничества между царской властью и крупными феодалами пришел конец. Некоторые из нахараров подняли мятеж против соправителя Аршака и обратились к персидскому двору в Ктесифоне с просьбой назначить армянским царем другого принца из рода Аршакидов (Аршакуни). Шахиншах Шапур II направил в Армению персидское войско во главе с сыном царя Вараздата, Хосровом. Этот принц вскоре захватил большую часть земель своих предков, а родич его Аршак III вынужден был искать убежища в Верхней Армении на границе с Римской империей.

И шахиншах Персии Шапур III, и император Феодосий I воспользовались этими событиями, чтобы мирно утрясти свои давние разногласия по поводу Армении. Согласно Асилисенскому мирному договору (387 г.) она была разделена на два армянских царства: одно под эгидой римлян, другое — подвластное Ирану. Иран получил львиную долю: восточный регион, так называемую Персармению. Персидская сфера влияния была раз в пять больше, чем территория западного региона вкупе с провинцией Софена, зависимой от Римской империи еще со времен Нисибийского мира (298 г.). Граница была обозначена линией, протянувшейся от Эрзурума на севере до Муша на юге. Когда царь Римской Армении Аршак III умер в 389 году, римляне не допустили назначения преемника ему. Западная Армения с тех пор управлялась крупными армянскими феодалами под присмотром «главнокомандующего всеми войсками, расквартированными в Армении». Разумеет-

ся, это официальное лицо назначалось византийскими императорами.

А в восточной провинции Персармении сохраняли номинальную власть армянские Аршакиды, и продолжалось это до 428 года, когда был низложен царь Арташес IV. Событие это было вызвано восстанием самых сильных и знатных феодалов. Несмотря на увещевания католикоса святого Сахака, мятежники обратились с петицией к шахиншаху Баграму V, требуя вообще упразднить армянскую монархию, что он охотно и сделал. С тех пор страной правили местные князья под надзором персидского наместника (марзпана), резиденцией которого стал город Двин.

Стремясь оправдать свои честолюбивые усилия, завершившиеся уничтожением последнего средоточия армянского национального единства, феодалы и монахи-летописцы сплели целую сеть нелепых обвинений против последних царей династии Аршакидов. Этим занимались даже такие почтенные летописцы, как Лазарь из Фарпи и Павстос из Бузанды. Именно на них часто ссылаются серьезные современные историки. Так, Павстос утверждает, что злосчастный царь Пап, правивший с 369-го по 374 год, был одержим злыми духами в образе белых змей, обвивавших его тело. Папа также обвиняют в убийстве святого Нерсеса Великого. Эти фальшивки явно инспирированы тем, что Пап повелел закрыть несколько женских монастырей, заявив, что девы приносят больше пользы стране, если будут освобождены от своих обетов и выйдут замуж. Кроме того, он подавил несколько феодальных мятежей.

Подобным же образом царя Арташеса IV (423—428 гг.), последнего из династии Аршакидов, обвиняют в пристрастии к распутным женщинам. Эти поклепы явно выдуманы Лазарем из Фарпи и его покровителями, как светскими, так и церковными, стремившимися оправдать феодальную измену сюзерену, свои интриги и происки у персидских правителей с целью свергнуть царя чужими руками. Великий святой Нерсес ясно видел, куда толкают феодалы несчастную Армению. В бе-

седе с кучкой нахараров, записанной Павстосом из Бузанды, святой тщетно напоминает о милостях, полученных ими от царя Аршака II, и умоляет их не играть на руку персам, интригуя против своего повелителя.

Другой очевидный наговор на последних Аршакидов, который упорно распространяли стоявшие на стороне знати летописцы, касается основания города Аршакавана царем Аршаком II (351—367 гг.). Согласно Павстосу из Бузанды и другим источникам, Аршак основал этот город как прибежище для «несостоятельных должников, прелюбодеев, беглецов от закона и осужденных преступников», обещая им прощение и неприкосновенность, если они поселятся в новом городе. Сообщают, что святой Нерсес проклял этот новый город и провозгласил ему анафему, в результате чего все население его было стерто с лица земли эпидемией, а по другим сведениям — нападением феодалов, которые уничтожили всех жителей.

Легко обнаружить истину, скрываемую таким нагромождением лжи. Аршак, на которого давили с двух сторон — собственная знать и персы, сознавал, что в такой ситуации сможет победить только при поддержке либо регулярной армии, либо преданного ему городского бюргерского класса, способного одолжить ему деньги и помочь в случае мятежа феодалов. (Позднее с аналогичной ситуацией пришлось столкнуться и Людовику XI во Франции, и Генриху VII в Англии.) Поскольку его регулярное войско подтачивало предательство знати, царь Аршак чувствовал необходимость восстановить побольше армянских городских центров, разрушенных персами, и собрать вокруг себя всех, кто страдал от феодального угнетения знати и алчности епископов и аббатов. Отсюда проистекают яростные нападки прелатов и князей, расцвеченные апологетами феодальной оппозиции, вроде Павстоса из Бузанды, по-рабски преданного Мамиконянам, или Мовсеса Хоренаци, историка армянских Багратидов.

Ниже приводится список основных правителей династии Аршакидов (Аршакуни), которым Армения во многом обязана своей древней славой.

АРМЯНСКИЕ АРШАКИДЫ

Тиридат I (Трдат) (53—100 гг.). Официально коронован Нероном в 66 г.

Ашхадар (100—113 гг.)

Партамасир (113—114 гг.). Низложен и убит по приказу императора Траяна

Партамаспат (116—117 гг.)

Валарш I (117—140 гг.). Основатель города Вагаршата

Сохэм (140—178 гг.). Был римским сенатором и консулом

Сантрук (178—216 гг.)

Валарш II (216—217 гг.)

Тиридат II (Трдат), известный также как Хосров I (217—238 гг.)

Артавазд V (252—272 гг.)

Тиридат III (Трдат) (286—330 гг.). Первый христианский царь Армении

Хосров II, прозванный Котак (330—338 гг.). Основатель города Двина

Тигран V (Тиран) (338—351 гг.)

Аршак II (Арсачес) (351—367 гг.)

Пап (369—374 гг.)

Вараздат (374—380 гг.)

Аршак III (380—389 гг.). Умер, будучи последним царем Римской Армении. Первоначально его соправителем был Валаршак (380—386 гг.). Царь Персармении

Хосров III (386—392 гг.)

Врамшапук (392—414 гг.). Покровительствовал созданию армянского алфавита

Арташес IV (423—428 гг.)

На протяжении пяти столетий после упразднения монархии Аршакидов политическая борьба в Армении становится неумемным соперничеством богатейших княжеских родов (нахараров и ишханов). Самыми влиятельными армянскими князьями той поры являлись те, что наследственно правили четырьмя краями прежнего цар-

гва. Это были правители Гогарены на севере, на границе с Грузией, и Арзанены на юге, а также Мамиконяны, правившие Таиком, Тароном, Баграванденой и Силизеной (этот род наследственно исполнял обязанности верховных коннетаблей); Багратиды (Багратуни), правившие Испиром, Коговитом и Тамаритисом (они были наследственными коронантами армянских царей); князя Сюнии на северо-востоке Армении, вокруг озера Севан; Камсараканы, правившие Шираком и Аршауником; Рштуни, правившие южным побережьем озера Ван, и Арцруни, владевшие Адиабеной. На сирийском направлении лежало древнее царство Софена, где властвовали князья Ингилены, а также Великой и Малой Софены. По прикидкам К.Л. Туманова, около 600 года на территории Армении находилось 34 государства, которыми правили 20 династий.

Политическую и военную мощь этих великих родов можно оценить по размеру их кавалерийских войск, предоставляемых сюзерену, ранее царю Армении, а позднее иранскому шахиншаху. Согласно расчетам Туманова, правители Гогарены и Арзанены поставляли 4500 и 4000 всадников соответственно; князья Ингилены — 400; Арцруни, Багратиды, Мамиконяны и князья Софены — по 1000; правители Камсараканы — 6000; князья Сюнии, правда, несколько позже — до 9400. Некоторые из этих местных династий заявляли о своем экзотическом происхождении. Так, Багратиды говорили, что ведут свой род от Давида и Соломона, царей израильских, Мамиконяны претендовали на родство с императорами Китая, а Арцруни утверждали, что связаны кровным родством с древними царями Ассирии.

Недостаток сплоченности эти раннесредневековые армянские династии возмещали напором, хитростью, кизнелюбием, а также набожностью и любовью к искусствам. Отважные и дерзкие воины, хитроумные дипломаты, страстные любовники, выпивохи и обжоры, пьяно грешившие и усердно каявшиеся, — такими они предстают перед нами, являя собой красочное полотно, сотканное из разноцветных нитей, так сочно описанное

и знаменитом эпосе «Давид Сасунский». Одни, расчетливые и хладнокровные, другие, буйные и лихие, равно склонные к крайностям порока и аскетизма, они покровительствовали искусствам, были патронами писателей, музыкантов и живописцев, переписчиков, создававших манускрипты несравненной красоты, вдохновителями и заказчиками строительства великолепных церквей и соборов, до сих пор украшающих армянский пейзаж. Прирожденные интриганы, они могли пренебречь интересами родины ради какой-либо изощренной многоходовой комбинации при византийском или сасанидском дворе, а чуть позднее в Константинополе и Багдаде, близ императора или калифа. А в другое время они же отдавали жизнь на поле боя за веру христианскую и свое кровное армянское наследие.

При таких центробежных процессах, буквально раздиравших феодальное общество Армении, можно было бы предположить, что все это закончится ассимиляцией или полным уничтожением армян их могущественными соседями, издревле желавшими их покорить. Однако этому воспрепятствовала объединяющая сила христианской веры. Именно христианская церковь в лице святого Месропа Маштоца в начале V века дала Армении алфавит и тем открыла двери образованию и евангелическому обучению на языке местного населения. Этот первопроходческий труд святого Месропа повлиял на соседей Армении — Грузию и Кавказскую Албанию. Обе эти страны приняли алфавит, весьма похожий на придуманный святым Месропом для армян.

Религиозное и культурное превосходство Армении и Закавказье наложило сильный отпечаток на жителей Кавказской Албании, ныне являющейся частью Азербайджана. Когда-то кавказские албанцы поклонялись Луне, что хорошо известно по рассказам классических авторов, в частности Страбона. Наилучшее описание раннесредневековой Албании мы встречаем в армянской хронике Мовсеса Дашкуранци (или Каганкатуаци), относящейся, по всей видимости, к XI веку. В главе пятой своего труда Мовсес так описывает эту возлюблен-

страну: «Расположенная среди высоких Кавказских земель Албания прекрасна и маняща, поскольку обладает многими природными благами. Великая река плавно струится по ней, полная рыб больших и малых, с тем чтобы сбросить в конце свои воды в море персидское. На ее равнинах есть хлеб и вино, соль и шерсть, шелк и хлопок, а также бесчисленные оливы. Золото, серебро, медь и охра в достатке имеются в горах. А что касается диких зверей, то есть там и львы, и пантеры, и парды, и пантеры, и дикие ослы, а из птиц — орлы, совы и многие прочие. Столицей ее является славный город Партау».

Кавказские албанцы разговаривали на языке ныне непонятном, потому что практически все их литературные писания сгинули во тьме веков, и мы можем читать лишь на тексты надписей на камне или глиняных черепках. По описаниям армянских миссионеров, язык их был «хриплый, грубый и нестройный», произносимый гортанными звуками. Однако албанские христиане, с их епископами, поселившимися в Партау близ Тифлиса, выказали себя при всех невзгодах стойкими и преданными приверженцами армяно-григорианской церкви. Они принимали участие в битвах армян против сасанидских царей, поддерживали армянских священнослужителей в религиозных полемиках с византийской и грузинской ортодоксальной церковью, последовавших за Халкедонским собором (451 г.) и расколом Грузии (607 г.). Кавказские албанцы в большинстве своем были уничтожены или ассимилированы тюркскими сельджуками, хотя, по слухам, остатки их выжили и еще обитают в двух селениях Шаккийского района под именем «народ уди».

Ранее уважавшие обычаи и учреждения Армении сасанидские шахиншахи воспользовались упразднением шакидской династии и в 428 году стали энергично расширять иранское культурное и религиозное влияние. Однако в этом им стали активно мешать и местные языки, и церковные иерархи. Большую роль сыграли в этом такие талантливые писатели-полемисты, как, на-

пример, Езник из Кольба, чей трактат «Против сект» представляет собой умное обличение вредоносности язычества и еретических учений. Открытое преследование армянских христиан началось при персидском шахиншахе Ездегерде II (439—457 гг.). Столкновение достигло своего апогея в 449 году, когда Ездегерд обнаружил в Армении и Кавказской Албании указ с требованием немедленного принятия всем населением официального маздакизма. Персы направили во все города и селения опытных проповедников-зороастрийцев в сопровождении войск. В указе говорилось: «Если вы добровольно примете наш закон, вы получите от нашего царя дары и почести. Но если вы не примете его добровольно, у нас есть приказ построить во всех селениях и во всех уголках храмы поклонения огню, возжечь там огонь Ваграма и назначить по всей стране законоучителей — магов и мобадов. А если кто возмутится против этого, то подлежит смерти, а жена и дети его изгнанию».

Видимо, к этому периоду религиозных преследований следует отнести руины храма огнепоклонников, обнаруженные в крипте патриаршего собора в Эчмиадзине рядом с остатками древней христианской церкви. Среди христиан, претерпевших в это время мученическую смерть, были святой Атом Гнуни и святой Манатджир Рштуни.

Армяне воззвали о помощи к Византии. Однако император Феодосий II умер в 450 году, а сменивший его Марциан был слишком поглощен внутренними неурядицами и религиозными раздорами, чтобы откликнуться на просьбы армян. Армянские епископы собрались в Аргашате и единогласно решили защищать до последнего христианскую веру. Ряд влиятельных представителей армянской знати были приглашены в персидскую столицу Ктесифон, где им было предложено на выбор: или отвергнуть христианство, или навсегда отправиться в изгнание. Чтобы вернуться домой и организовать там сопротивление, они притворились, что отказываются от своей веры. Жрецы зороастризма, вздымая символичес-

кие знаки своей религии, с триумфом проводили этих лжеренегатов домой, но на равнинах Багреванда их встретили и разогнали вооруженные жители во главе с архиепископом святым Гевондом.

Разразилось народное восстание под предводительством князя Вардана Мамиконяна. К несчастью, группа князей, которую возглавлял Васак Сюнийский, вышла из борьбы и заключила мир с персами. Когда 2 июня 451 года произошла битва под Аварайром, 66 тысяч армян под командой Вардана Мамиконяна столкнулись с 220-тысячным персидским войском, усиленным отрядом боевых слонов, причем в рядах врага сражались и армянские предатели. Вардан и восемь других генералов пали на поле боя, и персы одержали победу. Но битва была столь жестока и кровопролитна, что победителям пришлось забыть о своей мечте покорить Армению. В конце концов было достигнуто соглашение, но лишь после того, как большое число епископов и священников, включая патриарха святого Ховсепа, были взяты в плен, доставлены к персидскому двору, где претерпели мученическую смерть за веру. Вардан Мамиконян причислен армянской церковью к лику ее святых, а годовщина битвы при Аварайре отмечается как один из главных памятных дней.

Любопытно заметить, что дочь Вардана Мамиконяна, княжна Шушаник (Сусанна), также числится среди святых, на этот раз грузинской церкви. Она была замужем за наместником Варскеном, правившим от имени персидского шахиншаха краем пустошей между Арменией и Грузией. Его резиденцией был Цуртав. Чтобы добиться благосклонности персов, Варскен отказался от христианской веры своих предков, но Шушаник прокляла его за отступничество и после нескольких лет пыток и издевательств была предана смерти.

Житие святой Шушаник содержит ценные подробности относительно семейной и общественной жизни, а также и быта раннехристианской Армении и Грузии. Так, оказывается, что армяне-христиане полагали непристойным, чтобы женщины и мужчины обедали за

одним столом, хотя это было вполне обычным у персов-пороастрийцев. В житии святой содержатся также красочные описания поведения вероотступника Варскена, который раскроил жене голову топором, таскал ее за волосы по комнате, «воя, как зверь дикий, и рыча, как безумец». А позже он выволок ее из церкви по грязи и терниям, «как тащат мертвые трупы», прежде чем ударить ее триста раз палкой. Эти детали рассказывают нам о том, что значило в те дни стоять за христианскую веру. Не менее подробно и выразительно описание последних ее дней в жуткой тюрьме, «зараженной вшами и блохами»: «Летом солнечный жар иссушал дотла, и истры были жгучими, и вода заразной. Жители этого края, пораженные всякими болезнями, были опухшими от водянки, желтыми от желтухи, рябыми от оспы, сморщенными, чесоточными, с лицами отечными и прыщавыми. Жизнь их была скоротечной, и никто в том краю не заботился о стариках».

Выдержав преследования персов-маздакитов, армянской церкви нужно было еще отстоять свой автономный статус и чистоту доктрины от поползновений несторианской церкви Месопотамии и Персии, а также от влияния Константинополя. Особенно чувствительны были армяне к угрозе ассимиляции с несторианами, которые организовали в Нисии влиятельную школу под покровительством персидских царей. Они резко усилили свою активность после Халкидонского собора, состоявшегося в 451 году, решения которого они приветствовали как победу своей доктрины.

Сегодня необычайно трудно представить себе ярость и злобу теологических споров, раздиравших восточное христианство в V веке. По большей части за религиозными диспутами скрывалась политическая борьба за власть, так же как в наши дни многие споры между коммунистическими силами ведутся в марксистских терминологических и философских терминах метафизического характера. Кроме того, образованные люди того вре-

мени получали большое удовольствие от религиозной полемики, особенно из-за того, что церковь запретила бои гладиаторов, театры и другие развлекательные зрелища, а газеты, радио и футбольные матчи еще не были изобретены. Святой Григорий Нисский даже жаловался: «Всюду, на рынках и в переулках, на площадях и улицах, у торговцев платьем, зеленщиков и менял полно людей, обсуждающих вопросы не по их разумению. Если вы спросите кого-то, сколько оболов вам следует заплатить, он начнет философствовать о единородности и неединородности, если я пожелаю узнать цену хлеба, продавец ответит, что Отец более велик, чем Сын, а если осведомлюсь, готова ли баня, мне ответят, что Сын был создан из ничего».

Когда в 451 году собрался Халкидонский собор, армяне сошлись в смертельной схватке с персидскими захватчиками, закончившейся кровавой битвой при Аварайре. Так что Армения не была представлена в Халкидоне, и решения этого синода в то время не могли вызвать у армянской церкви серьезного интереса, потому что именно в ту пору верховный патриарх всех армян, святой Ховсен, стоял на пороге мученической смерти от рук персов (454 г.), а всю страну опустошала междоусобная война. Важнейшим решением Халкидонского собора стало определение природы Иисуса Христа, с тех пор принятое самыми крупными церквями как ортодоксальное. Халкидонское кредо признавало «одного и Того же Христа, Сына, Господа Единородного, познаваемым в двух природах не слитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо.

[При этом] разница природ не исчезает через соединение, а еще более сохраняется особенность каждой природы, сходящейся в одно Лицо и одну Ипостась.

[Учим исповедовать] не рассекаемым или различаемым на два лица, но Одним и Тем же Сыном и Единородным, Богом-Словом, Господом Иисусом Христом» (цит. по книге: *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. С. 273).

Эта тонкая формулировка была призвана примирить соперничающие определения естества Христова, противопоставляемые всеми протагонистами на предыдущих соборах и советах, многие из которых велись с желчностью великой и даже рукоприкладством. Двумя крайними точками зрения были: определение Нестория и мнение монофизитов, верующих в единое естество Христа, согласно определению Евтихия. Несторий придерживался взгляда, что божественное и человеческое естество Христа остаются не слитыми и отдельными при соединении, причем каждое сохраняет свои особые свойства и ипостаси и проявляет себя соответственно им. Эта концепция приводила к признанию двух природ (естеств) в Иисусе Христе, поскольку личность Иисуса Христа получилась в результате воплощения и была не абсолютно тождественна Слову до воплощения.

Александрийская школа представляла не согласную с ним точку зрения и настаивала более на божественности Слова воплощенного и глубоком слиянии двух его ипостасей. На соборе в Эфесе в 431 году святой Кирилл Александрийский провозгласил, что «в единой сути сливается два естества — в едином воплощенном естестве соединился Бог — Слово с плотью в самой утробе родилось от плоти, усвоив себе плоть, с которой родилось... Таким образом мы исповедуем Христа единым и Господом не так, как бы мы поклонялись Слову и вместе с тем поклонялись еще какому-то человеку, но поклоняемся единому и тому же...»

Последователь Кирилла Евтихий представлял себе это единение таким образом, что две ипостаси Христа как бы смешались в Христе и человеческое поглотилось божественным. Евтихий отрицал, что тело Спасителя нашего состояло из той же плоти, что и наше, а это, в свою очередь, поднимало вопрос, было ли человеческое в Христе истинно человеческим. То есть он утверждал, что под влиянием божественной природы общечеловеческая плоть Христа изменилась и стала не единосущна с человеческой.

На беглый взгляд получалось, что халкидонская формулировка становилась на сторону Нестория, а не александрийской школы. Так полагали сами несториане и ликовали. Вместо того чтобы принести мир, Халкидонский собор усугубил антагонизм между разномыслящими теологическими фракциями и привел к расколу восточной церкви, в том числе отложению сирийской якобитской церкви от ортодоксальной. Тщетно пытались императоры умиротворить халкидонских оппонентов. В 482 году был сформулирован поддержанный императором Зеноном примирительный хенотикон («связующее звено»), который объявлял истинным и человеческое, и божественное естество Христа и предавал анафеме и несториан и евтихиан, а также осуждал тех, кто в Халкидоне или на ином соборе мыслил отлично от никейского кредо в формулировке, принятой в окончательном константинопольском выражении. Император Анастасий (491—518 гг.) даже принял открыто промонофизитскую религиозную политику, которая, впрочем, была отвергнута впоследствии при императорах Юстине и Юстиниане.

Таковы в кратком изложении основные проблемы, будоражившие восточное христианство в 490 году, когда патриархом Армении стал Бабкен из Отмауса. Сирийские монофизиты, оставшиеся верными доктринам, провозглашенным в Эфесе, жестоко страдали от притеснений несториан и обратились за поддержкой к армянам. Как было всем известно, армяне оставались скрупулезно преданными антинесторианским принципам святого Сахака и резко противились любому компромиссу в вопросах религиозной доктрины. Несториане опирались на авторитет Халкидонского собора, бывшего делом рук императора Маркиана, который буквально не допустил к себе депутацию армян, явившихся к нему накануне битвы при Аварайре за помощью против персидских гонений. Кроме того, преемниками Маркиана Халкидонский собор был дезавуирован, а указами Василия, Зенона и Анастасия халкидонское определение догматов веры было официально отвергнуто.

В таких обстоятельствах можно было легко себе представить, каким будет отношение ко всему этому армянских прелатов. Синод епископов армянских, грузинских и кавказоалбанских собрался в Двине в 506 году под председательством патриарха Бабкена и официально провозгласил принятие символа веры Эфесского собора (431 г.), принял определения хенотикона Зенона и отверг все, что отдавало несторианством, в том числе решения Халкидонского собора. Для армянской литургии была принята следующая формула трисагиона (трехсвятия): «Святой Боже, святой и могущий, святой и бессмертный, за нас распятой».

Все это не означало, что армянская церковь подписалась под крайними монофизитскими взглядами, выраженными Евтихием. Более того, имя Евтихия официально предавалось анафеме наряду с именами Ария, Македона и самого Нестория. Это решение было принято на втором соборе в Двине в 554 году, где председательствовал патриарх Нерсес из Багреванда, вновь напавший на решения Халкидонского собора и провозгласивший разрыв связей между армянской церковью и Константинопольским патриархатом. Армянская церковь не видела причин для того, чтобы «подчиниться прихотям константинопольского патриархата, который постарался в Халкидоне узурпировать превосходство и власть над прочими епархиями и укрепить основания планов своих посредством церковной власти».

Армяне закрепили свой разрыв с греческой ортодоксальной церковью введением национальной системы исчисления, действующей с 552 года и до наших дней. Грузины, последовавшие за армянами в антихалкидонский лагерь, позднее отошли от союза с ними. В 607 году грузинский католикос Кирион жестоко поспорил с армянским патриархом Абрахамом и вновь вернулся в Греческое ортодоксальное сообщество церквей, в результате чего был отлучен армянами на третьем Двинском соборе, проходившем в 608—609 годах. Причины этого отложения Грузии частично носили политический характер и привели к значительным трениям

между Грузией и Арменией, полностью не изжитым до сегодняшнего дня.

V и VI века в Армении могут похвалиться богатой религиозной и литературной активностью и продолжающимися политическими волнениями. Византийская империя при Юстиниане (527—565 гг.) и Мауриции (582—602 гг.) вступила в период новой экспансии. Эти императоры вели целый ряд войн с Персией ради расширения своего влияния в Армении. Одним из ведущих военачальников Юстиниана был армянин, евнух Нарсес (478—573 гг.), который, будучи привезен ребенком в Константинополь, дошел сначала до должности чиновника, верховного камергера, а затем стал одним из трех хартулариев, хранителей архивов императорского двора. В 532 году в Константинополе разразилось восстание, известное под названием «Ника» (по кличу восставших «Ника!», означавшему «Побеждай!»). В течение нескольких часов трон Юстиниана, казалось, был обречен. Однако затем император спасся, частично благодаря мужеству супруги, Феодоры, а частично благодаря своей временной щедрости Нарсеса, который выбрался из столицы и путем огромных денежных выплат заручился верностью партии «синих». Позднее, в 552 году, Нарсес победил вождя остготов Тотилу (Бадуилу), с поражением которого угасли последние надежды готского королевства в Италии.

Император Мауриций был, по общему мнению, простым армянским крестьянином, который пришел в Константинополь пешком и трудом своим дошел до высот власти. В селении Ошакан, неподалеку от усыпальницы святого Месропа Маштоца, стоит каменный обелиск Мауриция, по преданию, отмечающий его усыпальницу.

Однако отношение и Юстиниана и Мауриция к армянским христианам было не многим лучше персидского. В 528 году Юстиниан покорил оставшиеся армянские княжества, находившиеся в сфере влияния Византии, и в 536 году преобразовал их в провинции: Первую Армению (бывшее царство Армянское) и Четвертую

Армению (бывшие княжества, или «генты»). Мирный договор 591 года между Византией и Ираном отодвигает границу Византии на линию, проходившую примерно между озерами Ван и Севан, причем город Двин остается на уменьшившейся иранской части.

В этот период многие армяне начинают перебираться в Византийскую империю, и как беженцы, и как искатели приключений. В 571 году, после неудачного восстания против персов, множество представителей армянской знати во главе с князем Варданом Мамиконяном и вкуче с Католикосом всех армян, а также некоторыми епископами бегут в Константинополь. Вардан и его дружина вступили в византийское войско; остальные осели в Пергаме, где с VII века существовала армянская колония. Из той же колонии, к которой присоединился Вардан, вышел впоследствии Филиппик, занимавший византийский трон с 711-го по 713 год.

Впрочем, далеко не всегда армяне прибывали в Византию по своей воле. Бывало, что их насильно выгоняли из их домов и переселяли в другие регионы Византийской империи. Это практиковал Юстиниан, хоть и с небольшими группами людей. Более масштабные депортации имели место при Тиберии II и Мауриции. В 578 году так было выселено 10 тысяч армян и перевезено на Кипр, где до сих пор находится крупная и влиятельная армянская община. Армян очень высоко ценили за трудолюбие. Летописец Евагрий Схоласт отмечает: «...пока эта, ранее не паханная, повсюду подверглась обработке. Из жителей вышли бесчисленные воины, которые отважно и решительно сражались против других народов. В то же время каждый дом, каждое хозяйство было полностью обеспечено работниками, благодаря тому что рабов добыть было очень легко».

Еще более крупную депортацию намеревался произвести Мауриций, который, несмотря на свое, по слухам, армянское происхождение, считал, что армяне, находясь на родине, крайне беспокойны. Он даже составил план сотрудничества с шахиншахом Ирана в перемещении из родных мест всех знатных армян с их приближенными.

Согласно историку Себесу, Мауриций написал персидскому шахиншаху, что «армяне — народ непослушный и мошеннический. Они обитают между нами и являются неумемным источником беспорядков. Я собираюсь собрать всех моих и отправить их во Фракию, а вы отошлите своих на восток. Если же они там умрут, это будут умирать враги; если же, напротив, они убьют кого-то, то, значит, они убьют врагов. А мы будем жить в мире. Но если они останутся в своей стране, не будет нам никакого покоя». Правители вроде бы договорились осуществить этот план, но персы не стали сотрудничать полностью. Византийцы провели депортацию, при этом многие армяне бежали в Персию, которая показалась им гораздо менее тиранической, чем христианская Византия. Это насильственное переселение армян во Фракию заложило основу для их влиятельных общин, которые и по сию пору процветают в современной Болгарии, особенно в Софии и в Пловдиве.

Царствование Хосрова II Парвеза в Персии (590—628 гг.) было отмечено резкими колебаниями баланса сил на Ближнем Востоке. Убийство императора Мауриция в 602 году позволило персам разграбить Сирию, захватить Антиохию и Дамаск, а в 614 году произвести набег на Иерусалим и забрать драгоценную реликвию — частицу Святого Креста. Изредка персы становились лагерем в Халкидоне, возле самого Константинополя. Императору Ираклию (610—641 гг.) потребовалось несколько лет, чтобы заложить основы новой военной мощи. В 623 году он отправился в поход и в ряде кампаний с лихвой отплатил персам за все — захватил Тбилиси, большую часть Армении и Азербайджана — и принудил побежденных персов вернуть Святой Крест в Святой город. Успеху этой кампании немало способствовал отряд армянских воинов, возглавляемый Мджеджем Гнуни. В результате в 628 году это привело к свержению и убийству самого шахиншаха Хосрова.

Любопытно отметить, что именно после этих побед Ираклию пришла мысль воссоединить армянскую и греческую церкви. Ираклий был одним из пропагандис-

гов доктрины теологической школы, известной под названием «монофелиты», последователи которой, во всем остальном соглашаясь с ортодоксами, полагали, что Христос обладает двойной природой, но единой волей. Их теория была попыткой найти какое-то разрешение вопроса о жизненном единстве личности Христа на основе утверждения о двух естествах его. Ираклий поддерживал монофелитов в надежде вернуть церкви и империи отлученных и гонимых монофизитов (евтихиан) Египта и Сирии. В Египте движение монофизитов приняло националистический патриотический характер, грозивший полным отпадением этого края от Византийской империи.

В Армении, во время своего военного похода в Персию, Ираклий, беседуя с Павлом, главой североармянских монофизитов, впервые заговорил о доктрине, утверждающей, что человеческое и божественное естество Христа, будучи ясно различимы в его единой персоне, ведут себя едино в поступках и всякой деятельности. Сергей, патриарх Константинопольский, ярый приверженец этой доктрины о божественно-человеческой энергии Христа, был советником императора по всем христологическим вопросам. Ираклию казалось, что эта формулировка дает возможность вновь привлечь раскольников-монофизитов в лоно единой церкви, не предавая диофизитной (двуетественной) доктрины, принятой Халкидонским собором. Однако в данном случае недовольными остались и ортодоксы и монофизиты. Монофелитная догма привела к такому всеохватному разногласию, что преемник Ираклия, Констанций II, должен был выпустить указ, запрещающий все дискуссии по вопросу о двойственности или единстве обеих природ (естеств) и воли Христа.

Первоначально Ираклий, теперь еще и властитель Армении, вызвал к себе католикоса Эзру (Ездру) из Параджнакерта (630—641 гг.) и приказал ему подчиниться теологическому диктату греческой церкви. А когда это не удалось, Ираклий пригрозил назначить в Армению соперничающего патриарха, подчиненного Константинополю.

В конце концов Ираклий и Эзра нашли формулировку, основывающуюся на монофелитной доктрине, которая вроде бы сочеталась с армянским символом веры, за исключением того, что вообще умалчивала о решениях Халкидонского собора. Этот конкордат был одобрен на специальном синоде, собравшемся в Карине (Эрзуруме), и подтвержден в 633 году службой, проведенной вместе греками и армянами. Такое подчинение патриарха Эзры воле императора вызвало бурю негодования у армянских епископов и народа. На Эзру посыпались оскорбления, хотя защита императора спасла его от низложения. Однако возмущение его поведением пережило века, и ныне если его имя пишут в списке патриархов, то начинают его с перевернутой первой буквы.

В ту пору эти сложные теологические вопросы казались Армении и ее соседям необычайно важными, колеблущими основы мира. А спустя несколько лет они уже представляли лишь исторический интерес. Ослабленные религиозным расколом и междоусобицами, ни Византия, ни сасанидский Иран, ни Армения не могли противостоять наступлению новой мировой силы — исламу, который несли завоеватели-арабы.

Глава 8

АРМЕНИЯ, ВИЗАНТИЯ И АРАБЫ

Беспощадные войны и ожесточенные религиозные распри, раздиравшие Византию, Армению и сасанидскую Персию, по сути дела, оказали мало влияния на эволюцию ближневосточного мира, если рассматривать его историю за длительный период времени. Слабость этих государств, вызванная и военным истощением, и идейным расколом, дала возможность арабам подчинить себе империю Сасанидов и добрую половину Византии. (Почти половину ее территории периода расцвета.) Уставшие от бесконечных усилий противостоять домогательствам константинопольских патриархов и императоров, с их цезаристско-папистскими претензиями, монофизиты Сирии, Палестины и Египта не имели ни сил, ни настроения сопротивляться продвижению бедуинов с Аравийского полуострова. Более того, воинствующее вероучение ислам, в котором основным догматом провозглашалось, что Бог един, в какой-то мере соответствовало вере монофизитов в Единосущее Христа, которую они упрямо противопоставляли диофизитному кредо ортодоксальной церкви (вере в «двойную природу» Христа). Да и персы, подавленные императором Ираклием, не могли оказать сколько-нибудь действенное сопротивление наследникам пророка Магомета.

Решительная битва между войском арабского халифа Омара и Византийской империей произошла на речке Ярмук, притоке Иордана, в августе 636 года. Арабами командовал Халид ибн аль-Валид, а византийской армией военачальник-армянин по имени Ваган (Баанес).

Непосредственно перед боем воины провозгласили Вагана императором. Однако сокрушительное поражение навсегда положило конец его мечтам о власти: позднее он удалился в Синай и стал монахом.

Последняя организованная попытка византийцев защитить наследие Рима и сохранить за собой почитаемые святыни Иерусалима закончилась полным провалом. Согласно легендам, Ираклий, отважный император, отобравший у персов Истинный Крест, воскликнул, навсегда покидая Сирию: «Прощай, Сирия! Какая прекрасная земля достается врагу!» Пять лет спустя Ираклий умер. Несколько ранее пребывавшие в Константинополе армянские князья плели заговоры, чтобы его свергнуть и посадить на трон его незаконного сына Аталарика. Но в 641 году именно армянин, Валентин Аршакуни, помог сесть на трон после смерти отца сыну Ираклия, Констанцию II. Потом Валентин был поставлен командовать войсками на востоке, но вскоре после этого принял участие в заговоре с целью захвата трона для себя лично, схвачен и казнен. В 668 году, после насильственной смерти Констанция II, другой армянин-военачальник, Мджедж Гнуни, был провозглашен императором войсками, размещенными на Сицилии. Хотя в следующем году он был свергнут и убит, Мджедж Гнуни может быть по праву включен в список византийских императоров армянского происхождения.

Тем временем сила арабских завоевателей продолжала крепнуть. Между 639-м и 641 годами они заняли города Эдессу и Харран на землях, ранее принадлежавших Византии, а также Нисибий и Синдjar в персидской зоне верхней Месопотамии. Другой их контингент занял Мосул и, таким образом, установил линию военных действий вдоль южной границы Армении. Одновременно войска халифа Омара продвигались в Центральный Иран со стороны Басры и Ахваза, то есть со стороны Персидского залива. Последняя сокрушительная битва между арабами и Сасанидами произошла в 642 году в Нихаванде, неподалеку от Хамадана. Разгром армии персидского шахиншаха открыл путь арабскому продви-

жению в Центральную Азию, а также в Азербайджан и на Кавказ.

С 640 года и далее сарацины совершали набеги на Армению. Интересно, однако, что эти годы были периодом блистательного взлета армянской культуры, особенно это относится к зодчеству. Вслед за таким шедевром, как церковь Рипсима в Эчмиадзине, последовал великолепный круглый трехэтажный собор Звартноц, построенный католикосом Нерсесом III (Строителем) из Исфагани (Исфахана). Нерсес Строитель занимал патриарший престол на протяжении двадцати бурных лет, с 641-го по 661 год, с перерывами из-за беспокойной обстановки в стране. В грандиозных руинах Звартноца и сейчас можно увидеть его монограмму, высеченную на камне колонн греческими буквами. VII век Армении стал свидетелем энергичной научной деятельности Анания Ширакаци, знаменитого математика, астронома и географа, которого поистине можно назвать Ньютоном раннесредневековой Армении.

В 647 году император Констанций предпринял решительную попытку вернуть Армению Византии. Однако армянские князья прекрасно сознавали всю шаткость Византии, ее бюрократическое высокомерие и свои религиозные разногласия с нею. Поэтому они, предводительствуемые верховным коннетаблем, князем Феодором Рштуни, обратились к захватчикам в надежде договориться на выгодных условиях об арабском протекторате. Мир, заключенный Феодором Рштуни и будущим халифом Муавией в 653 году, признавал Армению автономным государством-данником. В то же самое время иверский аристократ Стефан II принял арабский сюзеренитет над Восточной Грузией. То же сделал и правитель Кавказской Албании — Юаншер. Отныне три кавказских государства образовали единое наместничество арабского халифата, названное «Арминия». Двин стал резиденцией арабских наместников.

Последующие два столетия были отмечены постоянными военными препирательствами между Византией и сарацинами. Византийское вмешательство вызывало не-

медленный отпор сарацин, а влиятельные армянские князья колебались между ними, перебегая от одной стороны к другой. Национальной сплоченности препятствовали бесконечные раздоры. Князь Феодор Рштуни, бывший наместником в Армении как представитель арабов, так и византийцев, был в 655 году смещен. Это знаменовало конец власти выдающегося княжеского рода Рштуни. Теперь главными князьями Армении были Мамиконяны, звезда которых, впрочем, также клонилась к закату, Арцруни, позднее ставшие царями Васпуракана, земель вокруг озера Ван; и выше всех обретались Багратиды, которые позже стали царствовать сразу и в Ани, и в Тбилиси, и на протяжении почти тысячи лет являлись движущей силой кавказской политики.

Независимый дух армянской знати несколько раз приводил к тому, что арабские наместники вынуждены были подавлять их и даже уничтожать. Так, например, в 705 году арабский наместник Мухамед ибн-Марван решил истребить армянскую знать. Он заманил несколько сот армянских владетелей с их семьями и свитой в Нахичевань, запер в церквах и там сжег или подверг пыткам, а затем распял на крестах. Это чудовищное зверство принудило многих князей бежать в Грузию и в Византию, где их часто ожидало широкое поле деятельности. Нахичеванская резня была одним из первых шагов армянского народа на Голгофу, к страданиям от рук мусульманских правителей, пиком которых стал оттоманский холокост 1895-го и 1915 годов. Восстания против арабского господства и жестокости халифских сборщиков налогов продолжались все VIII столетие и привели к большим разрушениям и гибели людей. Большая часть земель Армении обезлюдела. Многие армянские христиане, в том числе монахи и монахини, подверглись жестоким пыткам и приняли мученическую смерть, но отвергли пощаду и безопасность ислама.

Еще одной угрозой, с которой приходилось сталкиваться армянам, были набеги хазар и гуннов из Центральной Азии, часто поощряемые византийскими императорами. Именно хазары стали орудием византийцев

в захвате Тбилиси императором Ираклием в 627 году. Тогда же они разграбили Кавказскую Албанию. Мовсес Дашкуранци рисует яркую картину ужаса, который наводили хазары на все народы Кавказа: «Их ужас усиливался при виде толпы безобразных наглых широколицых существ, с веками без ресниц, своими развевающимися волосами походивших на женщин. Эта толпа набегала, и они трепетали перед ней, особенно когда видели натянутые, нацеленные на них луки, стрелы из которых сыпались градом, достигая их во всех переулках и закоулках, на всех городских улицах. Глаза этих пришельцев не различали ни красивых, ни милых, ни юношей, ни женщин, ни слабых, ни немощных. Они не щадили ни хромых, ни старых и не испытывали ни жалости, ни милосердия, ни сострадания к детям, цеплявшимся за мертвых матерей и сосавшим из родной груди кровь вместо молока. Как огонь, пробегающий по соломе, они врывались в город с одного конца и уходили с другого, оставляя по пути добычу стервятникам и питающимся падалью диким зверям».

Эти нашествия «из земли Гога и Магога» являли серьезную угрозу арабскому владычеству на Кавказе, а оно простиралось до Дербента и гор Дагестана. Халифы часто находили удобным отправлять армянских князей на защиту Каспийских ворот от хазар. Поэтому начиная с 914 года варяги (викинги, объединившиеся с русскими искателями приключений), по Волге и Каспийскому морю проникали до северных границ Армении. Все тот же Мовсес Дашкуранци пишет, что «нападали на северные земли некие люди, вида странного, иноземного, называемые рузиками, или русичами. Они бурей проносились над внутренним морем восточным, Каспием называемым. За три дня они доходили до Партау, столицы Албании». Никто не мог устоять перед этими варягами, и они грабили все, что хотели, и возвращались к себе домой с грузом богатой добычи.

В период арабского владычества в Армении главный город наместничества, Двин, стал одним из великих городов Ближнего Востока. Основанный армянским ца-

рем Хосровом Котакком около 330 года, Двин в течение нескольких веков был религиозной столицей и стал свидетелем окончательного отделения армянской церкви от греческой и грузинской. Армянскому патриарху в Двине принадлежало несколько великолепных церквей — к сожалению, ни одна из них не дошла до наших дней. Однако Двинской археологической экспедиции Армянской академии наук во главе с профессором Каро Кафадаряном удалось обнаружить и раскрыть пол древнего патриаршего собора, представлявшего собой трехнефную базилику, построенную, видимо, по сирийскому образцу. Собор был создан в едином ансамбле с роскошным дворцом и обширными строениями для монахов. Автор настоящей книги посетил Двин в 1966 году и осмотрел местный музей, в котором содержится много примечательных находок.

Постройка Звартноца, осуществленная католикосом Нерсесом примерно в 30 милях к северо-западу, несколько подорвала значение Двина как церковной столицы, хотя в период сарацинского владычества синоды и соборы продолжали там собираться. А вот что действительно подняло мировую славу Двина, так это сосредоточение там военной мощи, торговых и административных ресурсов арабского владычества на Кавказе. Это обеспечивало постоянную связь Двина с главными центрами ислама: Дамаском, Самаррой и Багдадом. Из этих городов в Двин регулярно поставлялись гончарные изделия, работы по металлу и ткани для обмена на местные продукты. Вдобавок во времена халифатов Омейядов и Аббасидов Двин был крайне важным центром чеканки монет. Здесь в большом количестве чеканили серебряные драхмы с именами правящих халифов и пророка Магомета.

Согласно записям армянского историка Гевонда, разрушенный во времена войн и мятежей конца VII столетия Двин был восстановлен «Абд аль-Азизом, наместником Армении при халифе аль-Валиде» (705—715 гг.).

«[Но] Абд аль-Азиз, став наместником в нашей земле Армении, умиротворял ее, защищая от всех несправедливых нападений и усмиряя суровыми увещеваниями

надменную дерзость сынов Измаила [т. е. сарацин]. Он вновь построил город Двин, сделав его мощнее и величественнее, больше по размерам, чем был раньше. Он укрепил его воротами и засовами, окружил стенами и вырыл перед ними ров, наполнив его водой для вящей защиты крепости».

Раскопки профессора Кафадаряна показали, что Двин был центром широко развитых местных ремесел, особенно стеклодувного и гончарного, включая фаянсовое. Великолепный цветной фарфор из Двина можно видеть в Армянском историческом музее Еревана. Автор любовался им в 1966-м и 1968 годах и должен заметить, что он не посрамил бы стола какого-нибудь современного короля или миллионера — так необычайно хороши его выразительный дизайн, чудесные расцветки (часто зелено-голубой гаммы) и сияющая глазурь поверхности.

Двин был разрушен землетрясением, случившимся во второй половине IX века. Правда, потом его восстановили, и он продолжал быть ключевым пунктом международной транзитной торговли. Профессор Х.А. Манандян собрал воедино отрывки из трудов ранних арабских географов, где все они восхваляли богатство и важное значение Двина, известного им под названием Дабил. Так, в «Книге дорог и стран» аль-Истакри пишет: «Дабил более велик, чем Ардабил [знаменитый город на северо-западе Ирана]. Город этот служит столицей Армении, и в нем размещается дворец наместника, точно так же, как дворец наместника Аррана [Кавказская Албания] находится в Бердаа [Партау], а дворец наместника Азербайджана — в Ардабиле. Вокруг Дабилы имеется стена. В нем живет много христиан, и главная мечеть стоит рядом с их церковью. В городе этом делают шерстяную одежду и ковры, подушки, сиденья, кружева и другие изделия армянских ремесел. Отсюда также берут краску, называемую «кирмиз» [разновидность кошенили], и окрашивают ею ткани. Я узнал, что есть червяк, который ткёт вокруг себя кокон, подобный кокону шелковичного червя. В добавление скажу: я обнаружил, что многие шелковые ткани производятся именно здесь...

Город этот всегда находился в руках христианской знати, и христиане составляют большинство населения Армении, известной как Царство Армянское».

Арабский географ Ибн-Хаукал, живший несколько позднее, чем аль-Истакри, подтверждает сведения об Армении, сообщенные в «Книге дорог и стран», и добавляет, что в Двине производилось большое количество шелковых одежд гораздо более высокого качества, чем анатолийские. Тканые товары включали в себя «концы» (широкие куски шелка, которые носили на голове так, чтобы они спадали сзади ниже плеч), а также сиденья, ковры, покрывала и подушки. «И нет равных им среди вещей этого света, из конца в конец его во всех направлениях».

Другой ведущий арабский ученый, аль-Мукаддаси, также посвящает много внимания описанию города Двина, то есть Дабил: «Дабил — город, имеющий большое значение, в нем есть крепость неприступная и великие богатства. Название его древнее, ткани его прославлены на весь мир, река его полноводна. Он окружен садами [это верно и сегодня]; город имеет пригороды, его крепость надежна, площади его имеют форму креста; поля его изумительны. Главная мечеть стоит на холме, рядом с мечетью — христианская церковь. Охраняют город курды. При городе есть цитадель. Жилища его обитателей построены из глины или камня. У города много ворот: Баб-Кейдар, Баб-Тифлис, Баб-Ани [по названиям городов, лежащих в конце дорог, ведущих от этих ворот]. Несмотря на все его преимущества, большинство населения составляют там христиане».

Арабские вторжения в Армению и Анатолию истощали общественные и духовные силы как ортодоксальной, так и армянской церковью, что способствовало росту ересей и раскольнических сект. Некоторые из них были, по сути, возрождением древних языческих верований или философских систем, которые, будучи подавлены христианской церковью, как говорится, «ушли в подполье».

Самой значительной армянской «оппозиционной» сектой того периода были павликиане и их ответвление тондракиты, чья деятельность распространилась по всей Византийской империи и стала истинной угрозой центральному правительству в Константинополе. Павликиане были отдаленными последователями раннехристианских нонконформистов, таких, как гностики, чьи дуалистические верования обильно процветали в Малой Азии. Гностики подготовили благодатную почву для распространения зародившегося в Персии манихейства. В III веке персидский пророк Мани учил, что существуют два противоборствующих принципа — Добро и Зло, Бог или Дух, который есть Свет, и Материальное, Материя, которая есть Тьма. Мир наш есть, по представлению манихеев, смесь этих противоположных принципов, или элементов, в которой частицы Света, души людские, замкнуты злыми силами в плоть, в тело, которое есть Тьма вещественная. Согласно Мани, Божественная Воля намерена отделить свет от тьмы, а человек должен помогать ей, отказываясь продолжать свой род и предаваясь крайнему аскетизму, который, в отличие от христианского аскетизма, направлен не на контроль за собственным телом, но на его уничтожение.

Естественно, эти доктрины вели к антиобщественным действиям. Манихеи проповедовали отказ от деторождения, что грозило опустошением городов и селений. Это вызывало тревогу и раздражение правительства. В силу этих требований сексуальная активность стала выражаться в формах, препятствующих созданию и расширению семьи. Позднее манихейские движения, такие, как секта богомилов, не без основания обвинялись в поощрении сексуальной распущенности и гомосексуализма. У манихеев существовала внутренняя элита, известная под названием «электы», то есть «избранные», а также более многочисленные простые приверженцы или последователи, «слушатели». Все манихеи были вегетарианцами, но «избранные» еще воздерживались от вина, брака и обладания собственностью. Их обязательство не производить новую жизнь и не заби-

рать уже существующую было настолько абсолютным, что распространялось и на растительное царство. Они не могли ни сеять, ни жать, ни даже самостоятельно преломлять хлеб, «чтобы не причинить боли Свету, с которым он смешан».

Павликиане, формально предавая Мани анафеме, во многих отношениях были его духовными последователями. Основателем этого направления был некий Константин из Мананали, живший в VI веке. Он принял имя Сильван, по имени ученика апостола Павла, и создал множество церквей. Они были особенно опасны и для армянской, и для византийской ортодоксии, потому что разрешали внешнее соглашение с господствующей церковью, уверяя, что Христос это простит. Таким путем павликиане создали тайную сеть подпольных молелен, готовых в любой момент выступить против общепризнанной установленной церкви. В более поздний период крестоносцы обнаруживали их повсюду в Сирии и Палестине и даже исказили их имя в «павликане», под которым мы обнаруживаем их по всей Европе в столетия после Крестовых походов. Эдвард Гиббон очень обстоятельно и интересно рассказывает о них в своем труде «Упадок и разрушение Римской империи».

Наиболее исчерпывающий труд по павликианской доктрине — это относительно современный документ, называемый «Ключ истины», который, по легенде, был привезен в Русскую Армению из Турции группой беженцев в 1828 году. Однако известно достаточное число более ранних ссылок на эти взгляды в византийских и армянских источниках, хотя все они им враждебны и всячески стремятся осудить и даже исказить принципы вероучения павликианской секты. Армянский католикос-патриарх и святой Иоанн III из Отсуна, прозванный Философом (717—728 гг.), потратил много сил на искоренение этой ереси. Он утверждает, что уже в VI веке католикос Нерсес II (548—557 гг.) увещевал эту секту, но тщетно, и после его смерти они все равно продолжали бродить по Армении.

В IX веке павликиане вырвались из Армении на просторы Западной Анатолии и стали реальной угрозой византийскому владычеству. Они захватили Эфес в 867 году, после чего к ним был направлен имперский посол, Петр Сицилийский, дабы договориться с ними об освобождении пленных византийцев. Петр Сицилийский использовал свое посольство для составления истории манихеев, то есть павликиан, которую он посвятил архиепископу Болгарии, где павликиане составляли внушительную долю верующих. Он писал, что их вера в исконное зло *материального* ведет их к отрицанию реальности воскрешения Христа. Так, они утверждали, что тело Христово являлось лишь подобием реального тела. Они отвергали многие из письменных и устных традиций христианской церкви, в том числе весь Ветхий Завет. Особенно почитали они Послания апостола Павла, возможно, из-за его аскетического учения. Павликиане отвергали евхаристию (таинство причащения), полагая, что слова Евангелия об этом следует понимать в переносном смысле. Они проявляли сильные иконоборческие наклонности: ломали и разбивали, где могли, образы и даже кресты.

В 872 году военное сопротивление павликиан было окончательно сломлено: разрушен был их оплот — крепость в Тефрике (Западная Армения) и полностью разгромлены силы вождя павликиан Хризохейра (Карбеаса). Во вросших теперь в империю центрах павликиан преобладали армянские поселенцы с далекого востока вкупе с греками и другими местными элементами. Многие тысячи павликиан были насильственно рассеяны или депортированы, часто в Италию или Болгарию, где они утвердились, особенно в Филиппополисе (нынешний Пловдив), и позднее помогли рождению там столь же опасной ереси — богомилов.

Ликвидация армянских павликианских твердынь на территории Византии привела к усилению их стремления заново возродить это движение на родине, внутри Армении. Между 830-м и 840 годами некий Сумбат Зарехаванци начал миссионерскую работу в далеком рай-

оне Апахунике, близ города Манацкерт, к северу от озера Ван. Его штаб размещался в селении Тондрак, откуда прозвище тондракиты, данное позднее армянской ветви павликианского движения. Сумбат Зарехаванци был человеком, много поездившим на своем веку и много повидавшим, хорошо знакомым с учением Мани и староперсидского религиозного и политического вождя Маздака, а также с древнегреческой философией и учением ранних павликиан в Малой Азии.

Тондракиты были не только хорошо организованной религиозной сектой, но и внушительной группой социальных реформаторов и мятежников. Их манихейские корни привели к проповеди аскетизма и отказу от богатств мирских. Они были враждебны феодальным князьям и властям, а также устоявшейся армяно-григорианской церковной иерархии, с ее непомерными богатствами и полным контролем над идеологией, общественной жизнью и культурой населения в целом. Историк Иоанн Католикос (898—929 гг.) жалуется, что «низшие сословия стремятся стать умнее высших классов, а слуги, подобно Соломону, рассуждают о том, что хозяевам их следует носить сандалии и ходить пешком, а им самим ездить на великолепных гарцующих конях. Они стали дерзкими, исполненными гордыни и подняли великий мятеж».

Тондракиты нападали на феодальные привилегии армянских нахараров, которые, объединившись со священниками, задались целью преследовать и подавлять их. Современные армянские историки видят в тондракитах духовных отцов коммунизма наших дней. Несомненно, те дали точку приложения недовольства беднейшему крестьянству и городским низам, которым действующая социальная система практически отказывала в перспективах какого-либо улучшения жизни, а иногда и в средствах мало-мальски терпимого существования их и их семей.

Столкнувшись с хорошо организованным и глубоко укоренившимся движением социального протеста, армянские князья объединились в едином стремлении с

арабскими эмирами-наместниками, сидящими в Двине. Арабский эмир Абу'л-Вард пошел в решительный поход против тондракитов. Ему помогала в этом армянская знать Манацкертского региона. Сумбат Зарехаванци был взят в плен и казнен. Однако тондракитское движение не рассеялось с гибелью своего основателя, оно продолжало существовать на протяжении всего X столетия, заставляя большие территории Армении и Кавказской Албании дергаться в судорогах гражданских битв и социального протеста.

Период арабского владычества в Армении отмечен продолжающейся эмиграцией больших групп населения на земли халифата и Византийской империи. Иногда это было результатом гонений, но во многих случаях следствием желания улучшить свое экономическое положение и социальный статус. Пока Армения оставалась разделенной на соперничающие феодальные владения, возможностей умелому солдату подняться вверх из низших рядов здесь было гораздо меньше, чем в Константинополе, Дамаске или Багдаде. Рост торговли и мануфактур внутри Армении шел гораздо медленнее, чем в крупных центрах Византии и халифата, так что купцы также стремились переехать поближе к большим рынкам Ближнего Востока. Эти подвижки населения можно сравнить с миграцией шотландцев после подавления их независимости в 1715-м и 1745 годах. Утратив свободу родины, шотландцы отомстили завоевателям-англичанам, добившись превосходства в профессиональной и коммерческой деятельности, которое сохраняют по сей день.

Перечислять подробно все достижения видных армян в военной жизни Византии и арабского халифата было бы столь же утомительно, как составлять список всех Макдональдов, Макферсонов, Макмилланов и им подобных, фигурирующих в политической, военной или коммерческой жизни Великобритании, Канады, Австралии и Соединенных Штатов Америки. Роль армян в византийской истории описана Сирарпией Дер Нерсесян в первой главе ее книги «Армения и Византийская

империя», а также Петром Чаранисом в его монографии «Армяне в Византийской империи». Особую цену представляет собрание эссе покойного Николаса Адонца, изданное в Лиссабоне в 1956 году под заголовком «Армяно-византийские этюды». На страницах этих работ мы встречаем яркий букет армянских полководцев и патрициев, интриганов и придворных, философов и ораторов, которым удалось подняться на вершины греческого ортодоксального мира Византии, не теряя своей армянской индивидуальности и не отрекаясь полностью от верности своей армянской родине.

С VIII по X век армяне никогда не удалялись далеко от императорского трона Константинополя. С 711-го по 713 год армянин Вардан Филиппик действительно царствовал в Византии. Филиппик был успешным военачальником, который плел заговоры против императора Юстиниана II. Когда последний в 711 году был злодейски убит, Филиппик надел пурпур и созвал конклав восточных епископов, который временно восстановил верховенство учения монофелитов. Его поощрял и приветствовал император Ираклий. Предполагалось, что их вероучение имеет некоторое сродство с доктриной армянской национальной церкви, хотя последняя отказалась его принять. В течение двух лет Филиппику приходилось отражать вторжения болгар и сарацин, а затем он был свергнут с престола путем военного переворота.

Во время решающего царствования Льва III (717—741 гг.) Византией, по сути, управляла кучка честолюбивых армян. Лев III породил иконоборчество, призванное упразднить всеохватывающий культ религиозных изображений, которые, несомненно, затмевали и оскорбляли примитивные поучения первых отцов веры. Предполагается, что именно стоявшие за троном Льва III армяне играли главную роль в выработке доктрины и стратегии иконоборчества, особенно в свете того, что культ изображений армянская церковь хоть и запрещает, но он не занимает в Армении такого центрального места, как в Греции и России. Имеются так-

же свидетельства того, что Лев входил в контакт с павликианами, которые резко возражали против поклонения иконам. Как бы то ни было, Лев III сел на трон с деятельной поддержкой военачальника-армянина Артавазда, командовавшего Армениакским фемом, военной провинцией в Малой Азии, который являлся носителем знаменитого имени, напоминающего о славе Тиграна Великого. Лев выдал за Артавазда свою дочь Анну, и на протяжении всего его царствования армяне играли видную роль в общественных делах Византии.

После смерти Льва III политику иконоборчества продолжил его сын, Константин V Копроним, который приходился Артавазду шурином. Константин вскоре вынужден был покинуть столицу, чтобы отразить нашествие арабов, которые вторглись во Фригию. Артавазд тем временем считал своим долгом стать защитником икон и традиционных обычаев ортодоксальной церкви, которые Лев и его сын втоптывали в землю. С помощью своего двоюродного брата Тиридата (еще одно прославленное царское имя), сановника Вахтана и других армян Артавазд в 742 году захватил власть и короновал своего сына Никифора императором вместе с собой. Второй его сын, Никита, был назначен военачальником Армениакского фема. Однако в следующем году Константин V триумфально вернулся в Константинополь. Артавазд и два его сына были ослеплены, а патриарх Анастасий, принимавший деятельное участие в мятеже, был наказан плетью и опозорен публично: его заставили проехать через весь город, сидя задом наперед на осле.

Были и другие армяне — претенденты на трон, которые захватывали власть Византии на краткие периоды: Алексей Музелес в 790 году, Вардан в 803-м, Арсабер в 808-м. Однако Лев V (813—820 гг.) был единственным императором, официально признанным византийскими и армянскими историками. «Что касается его непосредственного происхождения, — пишет Григорий Монах (Гамартол), — оно хорошо известно. Он явился из земли Армянской, где, по словам некоторых, помнили его упрямство и скверный характер». Николас Адонц

доказал, что Лев V был отпрыском армянского княжеского рода Арцруни. Его старший сын носил армянское имя Сумбат (Смбат), которое впоследствии император поменял на Константина. Царствование Льва V было в основном занято теологическими диспутами по поводу почитания икон, чему он противился, а также войнами с болгарами, которые захватили Адрианополь и дошли до стен Константинополя. В древнем славянском манускрипте, привезенном в XIX веке в Британский музей из Болгарии, есть ряд живых миниатюр, изображающих Льва Армянина сгорбившимся в страхе перед победоносной армией болгар, осыпающих его стрелами и дротиками.

В 820 году Лев Армянин пал жертвой заговора, во главе которого стоял Михаил Пселл, то есть «заика» или «косноязычный», взошедший потом на трон под именем Михаил II (820—829 гг.). Михаил был Льву V старым товарищем по оружию, но был обвинен в измене. В качестве некоего проявления армянского юмора, Лев повелел Пселла привязать к обезьяне и в таком виде сжечь в печи, нагревавшей воду для дворцовых бань. Этот вердикт настолько возмутил друзей и сторонников Михаила, что они переоделись монахами и, войдя в таком виде во дворец праздничным утром 820 года, убили Льва V во время рождественской службы.

В царствование Михаила III (842—867 гг.) армяне занимали самые важные посты. Сам Михаил III был сыном императрицы-армянки Феодоры. В течение целого десятилетия, с 856-го по 866 год, настоящим правителем империи был один из дядьев императора, Цезарь Варда, а другой его дядя-армянин, Петрон, успешно командовал всеми имперскими войсками.

Исторической иронией можно назвать тот факт, что два кровавых переворота, в результате которых в 856 году на императорский трон поднялся Василий I, произвела также армянская группировка, соперничающая с правящей. Хотя его прозвали Македонянином, или Македонцем, Василий I на самом деле был армянином

самого скромного происхождения из района Адрианополя. Его семья была взята в плен болгарским ханом Крумом и депортирована в придунайские земли. Позднее Василий перебрался в Константинополь и там поднялся с должности императорского денщика до царского трона. Он стал «басилевсом», то есть царем. Поначалу он был просто любимцем и доверенным лицом Михаила III, а затем предал его и злодейски убил. Несмотря на свое низкое происхождение и беспринципный характер, Василий I оказался самым способным и умелым из византийских императоров и даже отличился в качестве законодателя. Профессор Дж.Б. Бери заметил, что «он являет собой замечательнейший пример человека, который, не имея образования, подвергаясь самым деморализующим влияниям, взойдя на трон в результате действий бессовестных и кровавых, проявил поразительный талант в управлении великим государством».

Македонская, а точнее, Армянская династия, основанная Василием I, процарствовала почти двести лет и считается одной из самых славных и успешных в византийской истории. Любопытно отметить, что и некоторые другие «захватчики» имперской власти в ту эпоху также были армянами, например Роман Лекапин (919—944 гг.), соправитель Константина VII Порфирородного (Багрянородного), или воинственный Иоанн Цимисхий (Цимисхин) (969—976 гг.), прославившийся победами над русичами, болгарами и сарацинами.

Армянский элемент играл значительную роль и в интеллектуальной жизни Византии, которая в IX веке бурно возродилась. Значительными фигурами в этом процессе были люди частично армянской крови: Иоанн Грамматик, Цезарь Варда и Лев Философ, который помог возобновить деятельность Константинопольского университета, расположенного в Магнаврийском дворце и потому известного как Магнаврийская школа. Частично армянского происхождения был и патриарх Фотий (820—893 гг.), чье бурное патриаршество ознаменовано началом раскола (схизмы) между восточной и

западной церквами. Фотий способствовал крещению Болгарии и принятию византийского христианства Русью. Он написал на удивление большое количество значительных трудов по вопросам образования и теологических обсуждений, в том числе словарь редких греческих слов, поучения, комментарии к Библии, полемические трактаты и юридические разборы. Профессор Роберт Браунинг пришел к выводу, что «Фотий является одним из великих интеллектуалов Средневековья, одной из центральных фигур византийского ренессанса наук, влияние которого чувствовалось во всей Европе».

Армяне играли также существенную роль в общественной жизни соперников Византии, а именно у Омейядов и позднее в Аббасидском халифате. Некоторые из них перешли, по крайней мере внешне, в ислам, хотя другим удалось сохранить христианскую веру. Одним из влиятельных деятелей в кавказских делах был эмир Али аль-Армани, то есть Али Армянин, скончавшийся в 863 году вскоре после назначения наместником халифа в Армении и Азербайджане. Армяне весьма успешно служили султанам Египта, Тулунидам и Фатимидам. Раб-армянин по имени Бадр аль-Джамали поднялся в Каире до должности визиря, то есть главного министра, которую занимал с 1073-го по 1094 год. Другой визирь Египта, армянин по имени Бахрам, или Ваграм, открыто оставался христианином, исполняя обязанности высшего государственного сановника. Он был награжден несколькими титулами, обычно присваиваемыми защитникам исламской веры. Его похороны в Каире почтил своим присутствием сам султан. Биография Бахрама включена в «Энциклопедию ислама».

Не все достойные армяне бежали за границу. Две княжеские фамилии играли особенно значительную роль в Армении IX века и благоденствовали за счет слабеющей власти халифов. Это были Арцруни и Багратуни. Арцруни обладали огромными владениями на юге и юго-востоке Армении. Они правили целой провинцией Васпуракан, и господство их простиралось от провин-

ции Айрарат на севере до озера Урмия в Азербайджане на востоке. Багратуни, или Багратиды, бывшие влиятельной силой также и в Грузии, из Васпуракана были вытеснены и затем утвердились в районе горы Арарат и в долине Аракса.

Расчетливые и умные Багратиды умело играли на страхах, которые пробуждал в умах арабов рост влияния Арцруни. Багратидский князь Ашот IV получил от халифа титул верховного князя Армении и правил с 806-го по 826 год. За это время он расширил и укрепил свои владения, воюя с мятежными арабскими эмирами. Он одержал ряд побед в Северо-Западной Армении, а также в провинции Тарон. После смерти Ашота IV его владения были поделены между его детьми, и мощь династии Багратидов временно ослабла. Между 852-м и 855 годами Армения была разорена и опустошена промчавшейся по ней из конца в конец арабской двухсоттысячной армией под командованием Боги Гюрка.

Возрождение настало при Ашоте V, прозванном Великим, внуке Ашота IV. Этот прославленный вождь армянского народа был великим коннетаблем (главнокомандующим армией) с 856 года. Шестью годами позже, в 862 году, халиф даровал ему титул «князь князей Армении, Грузии и всех Кавказских земель». Ашоту Великому удалось завоевать доверие и арабов, и своих соотечественников. Побуждаемая католикосом всех армян, армянская знать наконец отринула свои разногласия и договорилась провозгласить Ашота царем. Халиф Багдадский в 885 году их выбор утвердил и послал Ашоту царский венец, называя его «царем царей». Византийский император вскоре последовал его примеру и также послал Ашоту корону и царские дары.

Халифат мог выказывать доброжелательность новой армянской монархии, но местные мусульманские правители были далеко не в восторге от ее существования и не хотели с этим мириться. Мусульманская династия Сиджидов, будучи номинально вассалом халифа, построила себе мощное государство в Азербайджане, став-

шее непримиримым врагом Армении. Царствование сына Ашота, Смбата I Мученика (890—914 гг.), было заполнено схватками с эмирами Двина и Манацкерта, а также династическими ссорами с дядей, верховным коннетаблем Сюнийским и Васпураканским Аббасом. Смбата непрестанно тревожили нападения саджидских эмиров Афшина и Юсуфа, которых предательски подстрекали князья Арцруни из Васпуракана. В 908 году эмир Юсуф объявил арцрунийского князя Хачик-Гагика Васпураканского царем Армении, так что страна оказалась расколотой на две соперничающие монархии. В конце концов эмир Юсуф с войском вторгся в Армению и осадил царя Смбата в его крепости. В 913 году царь Смбат сдался Юсуфу, который пообещал ему пощаду и хорошее обращение, но затем предательски бросил царя в темницу, а в следующем году после нечеловеческих пыток распял на кресте.

Однако даже эти трагические события не помешали экономическому и социальному возрождению Армении, особенно набравшему силу при Ашоте Великом. Летописец Асогик писал: «В дни Смбата I и правления отца его повсюду на нашей земле царил мир, и каждый, по словам пророка, безмятежно жил под своими лозами и фигами. Поля становились селениями, селения городами, многолюдными и богатыми, и даже пастухи шеголяли в шелковых одеждах».

Разумеется, упоминание летописцем пастухов в шелках является чистой гиперболой, но общий оптимизм рассказа разделяет другой историк, Иоанн Католикос: «В те дни Господь выказал свое благоволение земле Армянской, защитил ее и благословил все ее начинания. В ту пору все жили в своих наследных имениях и, завладев землею, развели виноградники, посадили оливковые деревья и сады, вспахали поля среди терновника и собрали стократный урожай. Амбары после жатвы наполнились пшеницей, а подвалы после сбора винограда — вином. Горы радовались стадам коров и овец, которые плодились и размножались на них. А наши главные нахарары, чувствуя себя в безопасности от

опустошительных набегов, возводили в уединенных местах каменные церкви, строили селения и усадьбы, обильно уснащая их побелкой».

Сын и наследник мученически погибшего Смбага, «царь царей» Ашот Железный (914—928 гг.) очистил страну от мусульманских мародеров и восстановил покой и порядок. Апогея мощи, процветания и культурного расцвета Армения достигла при его преемниках: брате Ашота Аббасе I (928—952 гг.), который сделал своей столицей Карс; сыне Аббаса Ашоте III Милосердном (952—977 гг.), который перенес столицу в Ани; и затем при сыновьях Ашота Милосердного Смбаге II Победителе (977—989 гг.) и Гагике I (989—1020 гг.).

Однако уже проглядывали признаки будущей раздробленности и политического упадка. Ашот Милосердный отделил район Карса—Ваннада и отдал его с титулом царя своему младшему брату, Мушеху. В 970 году Смбаг Сюнийский объявил себя царем северо-восточных земель. Царство Арцруни Васпураканских, с центром в Ахтамаре и окрестностях озера Ван, было поделено далее на несколько частей. Подобное же деление распространилось и на церковь, так что с 962-го до 972 года было одновременно два соперничающих католикоса-патриарха, причем каждого поддерживали разные армянские цари.

На протяжении почти полутора столетий армяне были, наконец, признаны хозяевами большей части своей родной земли. Их цари возводили церкви и дворцы, больницы и другие дома для общественных нужд. В столице Багратидов Ани, окруженной двойным кольцом мощных укреплений, было столько храмов, что историки называют ее «городом тысячи и одной церкви».

Фома Арцруни, отпрыск Васпураканского царского дома, красочно описывает роскошь и великолепие царствования Гагика, основателя династии. Стены дворца царя Гагика на острове Ахтамар, или озере Ван, были разрисованы фресками с изображением «золотого трона, на

котором сидел в царственном величии государь, окруженный юными пажами с прекрасными лицами, музыкантами и прелестными юными девами. Были там также отряды воинов с обнаженными мечами; борцы, замершие в отчаянной схватке друг с другом; львы и другие свирепые звери, а также птицы в разноцветном оперении. Короче говоря, если бы кто-то захотел перечислить все, что там можно было видеть, это было бы тяжким трудом как для рассказчика, так и для слушателей».

Сегодня никому из разглядывающих руины Ани, Двина, старого Вана, Карса, Артцна близ Эрзурума и других городов, фигурирующих в армянских летописях того периода, не удастся вообразить себе, что в них когда-то обитало до ста тысяч душ в каждом, что они были широко известными торговыми центрами, резиденциями царей и наместников. Однако результаты археологических исследований, проведенных в XX веке, дали нам неопровержимые свидетельства именно этого. Об этом кричат остатки фундаментов и стен внушительных зданий, бесчисленные образцы керамики, изделий из стекла и металла, монеты и другие предметы материальной культуры, лучшие из которых ныне выставлены в Историческом музее Армении в Ереване, в Санкт-Петербургском Эрмитаже и Государственном Историческом музее в Москве.

На протяжении этого периода плодородные почвы Армянского нагорья вновь были старательно вспаханы и орошены. Ремесла и торговля процветали, так как были тесно связаны с двумя громадными экономическими системами: исламского мира, включая Бухару и Самарканд в Центральной Азии, Тавриз (ныне Тебриз) в Азербайджане, а также Багдад и Дамаск, и мира Византийской империи, включающего Причерноморье, Малую Азию и Грузию. Армения экспортировала собственные и привезенные с Востока товары в Константинополь через Эрзурум и Тавриз, а также в исламские страны через Ванн—Битлис—Мосул и Двин—Нахичевань—Тавриз. Армения могла предложить тем и другим разнообразные товары местного производства, среди которых были изысканные ткани, ковры, металлические

изделия, доспехи, ювелирные украшения из драгоценных металлов, изделия с тонкой резьбой по камню (инталии), а также лошади и скот, соль и крупы, вино, мед, лес, кожа и меха.

Всеобъемлющие сведения о жизни городов Армении времени Багратидов и развитии там производства приводятся в книге покойного профессора Х.А. Манандяна. Он делает вывод, что средневековые армянские города, подобно городским центрам мусульманского Ближнего Востока, в основном состояли из трех частей: цитадели или акрополя с царским дворцом, «шахристана» (по-армянски шахастана), то есть собственно города, где жили купцы и представители правящего класса, и предместья («рабада»), простиравшегося далеко за крепостными стенами. Предместье состояло из множества домов, домиков и лачуг низших слоев населения, с собственными рынками и жилыми кварталами различных ремесленников и гильдий. Тот факт, что большая часть жителей обитала за стенами, то есть за пределами главного города, очень важен для понимания расклада и организации жизни этих средневековых городов. Внутренние укрепления их, несомненно, не могли защищать на постоянной основе огромное число горожан и работников, чей труд был необходим для процветания этих городов, как это было на пике правления Багратидов в Армении. Большинство этих работников и мелких торговцев жили в нищете и убожестве, как это всегда было типично для городов Ближнего Востока. Большой объем городского населения в период наибольшего процветания Армении подтверждается обнаружением обширного кладбища, площадью более одного квадратного километра. Оно располагается за крепостными стенами Ани. Судя по нему, примерная оценка населения Ани в 100 тысяч жителей представляется вполне вероятной и приемлемой.

Средневековые арабские ученые-географы, говоря о торговле, приводят списки товаров, которые экспортировались из Армении во времена Багратидского царства. Упомянуты и соленую рыбу из озер Ван и Севан, а также

различных рек можно было купить на рынках Ширвана, Сирии, Ирака и Персии. В числе дани, ежегодно подносимой халифам, фигурируют ковры, по 20 штук, соленая рыба, в количестве 10 тысяч фунтов, а также 200 мулов и 30 соколов. Армянские лошади и мулы высоко ценились в Хорасане, Ираке и Сирии. В ту пору страна была гораздо более лесистой, чем в наши дни. В армянских лесах выскивали деревья огромной толщины, особенно ореховые, считавшиеся незаменимыми в высококачественном строительстве.

Армянский историк Гевонд сообщает о находке нового месторождения серебра в Сперском районе. Железо, медь, буру и мышьяк добывали в коммерческих количествах. Соду, то есть природный карбонат натрия, брали в окрестностях озера Ван и продавали на Ближний Восток для использования в хлебопечении. Соляные копи в Кулле находились в постоянной разработке. Другими источниками доходов были горный воск, ртуть, медный купорос, серебро и свинец. Оружейники и ювелиры благоденствовали в городах. Разнообразные растительные и минеральные красители шли на экспорт, а также применялись местными ремесленниками в производстве дорогих шелков, ковров и других тканых изделий.

Этот утраченный золотой век армянской свободы оживает в красноречивых описаниях жившего в XI веке историка Аристакеся Ластивертци.

«Страна эта некогда представляла путешественнику счастливым зеленым садом, пышнолиственным, благодатным, отягощенным плодами. Счастливые князья, разодетые в яркие одежды, восседали на своих княжеских тронах, наблюдая за красочными парадами воинов, похожими на разноцветье весенних цветов. Они слышали лишь радостные песни и бодрые слова, а звуки труб, цимбал и других музыкальных инструментов несли слушателям счастье и веселье.

Старики с убеленными сединой головами сидели, отдыхая, на площадях. Матери держали на руках младенцев, склоняясь над ними в материнской сердечной заботе, охраняя их, как голубки охраняют своих птен-

цов, и в полноте своей радости они забывали о тяготах труда. А что и говорить о невестах в брачных покоех, о нежной любви новобрачных?

Но давайте возвысим предмет нашего повествования, обратимся к патриаршему престолу и к роскоши царского величия.

Тот Единый, полный благодати духа, как облака, отягощенные влагой, пролил росу жизни на сад Церкви и напоил его, и сделал плодоносным, и поместил вокруг него бдительных хранителей. А царь... Все глаза были устремлены на него, когда утром он покидал город, словно жених, выходящий из брачного покоя, или утренняя звезда, восхождение которой по небосклону привлекает взгляды всех существ. В своих роскошных одеждах и усаженной жемчугом короне он вынуждал все взоры обращаться к нему в изумленном восхищении. Гордо выступал под ним его белый чистокровный конь в золотой сбруе, сверкавшей на солнце, слепя зрителям глаза. А войско, маршировавшее перед ним сплоченными рядами, надвигавшимися и сменявшимися друг друга, как волны морские... В места уединенные стягивались священнослужители, и там, в селениях, а также маленьких деревушках жители, побуждаемые желанием творить добро, строили жилища для этих святых людей.

В нашей стране было все это и более того. Я написал обо всем этом, потому что, если начну описывать иное, трону до слез всех и каждого».

Счастливой эре независимых армянских царств не суждено было продлиться долго. Она была обязана своим существованием вакууму власти на Ближнем Востоке из-за упадка халифата, разногласий с Византией и неумения мусульман установить мощный и сплоченный режим в Иране, несмотря на происки местных властителей вроде Амира Юсуфа. Вскоре это должно было перемениться. Начать с того, что византийцы начали простую военную кампанию, стремясь отвоевать у арабов утраченные ранее территории в Северной Сирии и прежние армянские царства Софену и Коммагену. В этом им помогало местное христианское население, а

также призванные ими на службу армянские отряды, предводительствуемые умелыми и энергичными армянскими военачальниками. Ключевым событием этой реконквисты (отвоевания) было взятие в 934 году Мелитены (Малатья) на Евфрате. Византийской армией командовал генерал-армянин Иоанн Курцуас. Строго говоря, Мелитена не относилась к армянским землям, хотя в момент ее захвата там жило какое-то количество армян. Однако прошло немного времени, и благодаря активной иммиграции с востока Мелитена стала настоящим армянским городом.

В 966 году Византия присоединила к этим территориям славную древнюю армянскую провинцию Тарон, расположенную в тех местах, где река Арани сливается со своим притоком Карасу, берущим начало в горах Нимруд-Даг к западу от озера Ван. Столицей ее был город Муш, в котором находится множество гробниц древних героев и основателей христианства Армении. Под сильным давлением Константинополя два брата армянские князья Григорий и Баграат, откололи эту область от остального царства. Они ее унаследовали от своего отца, а теперь получили за нее компенсацию в другом районе Византийской империи.

Потеря этой провинции для независимых армянских царств обернулась возросшей эмиграцией, особенно в византийскую Малую Азию. Это стало особенно заметно при патриаршестве католикоса Хачика (972—992 гг.). Армянский историк Асогик отмечает, что во время понтификата Хачика «армянская нация до такой степени разбрелась и рассеялась по странам Запада, что она насчитывала епископов Антиохии в Сирии, Тарса в Киликии, Соулнде (Лалндэй), а также других городов этих регионов». Соулнда была важной крепостью Лулона, расположенного на юге Тианы. Она занимала господствующее место на стратегическом пути, который шел через Киликийские Врата. Другая часть армян поселилась в районах Себастия (Сивас), Харпут, Мезре и Цезария (Кесария), где их потомки жили и благоденствовали в протяжении почти тысячи лет и были выкорчеваны с

нишем во время кровавой зверской резни, устроенной Османской империей в 1915 году.

Ирония судьбы состоит в том, что крушение армянского государства в XI веке произошло не из-за мусульманской агрессии, но из-за происков христианского государства, а именно Византии. Смерть багратидского правителя Ани Гагика I случилась в 1020 году. Это событие стало финалом, последней главой истории армянского царства Великой Армении. Владения Багратидов, оставшиеся до провинции Ширак, или Сирацены, были поделены между двоими сыновьями Гагика — старшим Иоанном-Смбатом III и более энергичным Ашотом IV Отважным. Очень скоро, в 1021 году, Азербайджан в Армению вторглись дэйламиды, а в Азербайджане, то есть в окрестности озера Ван, нагрянули первые шайки тюрок-сельджуков.

Так, на арену вышли все традиционные враги Армении. Теперь к их числу присоединилась и Византийская империя. Вместо того чтобы помочь этим многочисленным форпостам христианства в их противостоянии мусульманскому напору с востока, император Василий II думал только о расширении за их счет своих владений. Вошедший в историю под прозвищем «Богоец», Василий II отличался невероятной жестокостью.

Его главный враг, болгарский царь Самуил (1014 гг.), сам был армянского происхождения. В 1014 году Василий II нанес ему сокрушительное поражение, которое отпраздновал тем, что ослепил 15 тысяч болгар, оставив по одному глазу одному человеку из сотни, чтобы те могли отвести товарищей обратно к своему царю. При виде их болгарский царь потерял сознание и скончался на месте.

После этого у Василия II были развязаны руки, и он направил свой взор на Грузию и Армению. В 1021 году он вторгся в Грузию и присоединил к своей империи несколько южных и юго-западных с Арменией районов, а именно Тао, Арцах и Джавахети. Он заставил царя Синахерида из Вагшапата Васпураканского отдать свое царство под власть Византии, а царство это состояло из 10 городов,

72 крепостей и более 4 тысяч деревень. Царя Синахериба вознаградили византийским титулом магистра и поместьем в Каппадокии, в которое он удалился с небольшой дружиной. Веспуракан стал византийской провинцией Веспарканией, власть над которой была вручена греческому наместнику (катепану). Х.Ф.Б. Линч рассказывает, что гробница царя Сеннахериба в монастыре Вараг близ озера Ван была впоследствии осквернена тамошним настоятелем, будущим католикосом Крымским Хайриком, в знак презрения к этому недостойному монарху.

Следующим было проглочено Багратидское царство в самой Армении, включавшее в себя Ани и часть провинции Ширак. Царь Иоанн-Смбат пытался умиротворить Василия II, назвав его наследником армянской короны. В ответ на этот жест доброй воли Иоанну-Смбату был дарован титул магистра и архона Ани и Великой Армении. Позднее он получил руку племянницы императора Романа III. Иоанн-Смбат умер бездетным в 1040 году, и новый император Византии, Михаил IV, востребовал свое наследие. Несколько влиятельных деятелей, как то: католикос Петр и Вестес Саркис Сюнийский, встали на сторону византийцев и приветствовали присоединение к империи. Однако князь Ваграм Пахлавуни поднял на мятеж армянскую знать и армию в пользу племянника Иоанна-Смбата, который и был провозглашен царем Гагиком II (1042—1045 гг.).

Тем временем на византийском троне вновь сменился правитель, и занял его один из самых грозных императоров, Константин IX Мономах (1042—1055 гг.). Этот монарх решил окончательно присоединить к Византии всю Армению и даже смог подстрекнуть соперничающего армянского царя Лорийского, а также Шаддадина, эмира Двинского, напасть на Гагика в Ани. Тем временем изменник-придворный Саркис Сюнийский уговорил Гагика поехать в Константинополь. Там его принудили к отречению. Взамен Гагик получил обширные имения в Малой Азии, а также дворец в самом Константинополе.

Византийское правление тяжким грузом легло на Армению. Вместо традиционной дани феодалу и военной

службы, греки выжимали из населения огромные суммы денег в виде непосильных налогов. Не желая платить, знать и крестьяне стали бежать из страны. Вместо преданных гарнизонов опытных и стойких воинов-армян, солдат и рыцарей, стратегические места были заняты нерадивыми греческими наемниками, которые вовсе не жаждали защищать Армению от внешнего врага, а мечтали поскорее вернуться к радостям городов Греции, Фракии или Западной Малой Азии.

Горечь, которую ощущали армяне от такого предательства греков, и ностальгия по утраченной свободе и независимости ярко выражены историком того периода, Аристакесом Ластивертци, который писал: «Многолюдные города стали обителью зверей, а поля — пастбищами диких животных. Некогда вызывавшие зависть просторные особняки с высокими потолками превратились в склады и жилища сатиров, как в плачах святых пророков о расточении Израиля: «Здесь могут без страха водиться дикобразы и выкармливать детенышей своих». Монастыри стали приютами разбойников, как и церкви, в прошлом напоминавшие небеса своим величием и изяществом убранства, своими негасимыми лампами и лампадами, которые, мерно раскачиваясь, словно тихие волны под мирным бризом, наполняли воздух сиянием. А сладкий аромат благовонных курений, благоуханных приношений верующих, напоминал дымку несенного горного тумана, прорезаемую лучами солнца... Все это ушло в прошлое, и теперь, лишенные прежней роскоши, они выглядят унылыми и запустелыми, ободранными и ограбленными. Место сладкоголосых певчих заняли теперь совы и хищные канюки; вместо псалмов в них звучит воркование голубей с голубками и — как говорили пророки — их нежные призывы к щенцам».

Византийская империя недолго наслаждалась благами присоединения Армении. Начиная с 1045 года край этот постоянно подвергался набегам тюрок-сельджуков,

нахлынувших из Центральной Азии и всерьез утвердившихся в Персии. Большой урон Армении принесли захват и разрушение в 1048 году важного, но не укрепленного торгового центра, города Арсна, расположенного в нескольких милях от Эрзурума. По словам Аристакеса Ластивертци, «толпы неверных явились, как псы голодные, и осадили город. Они пришли, как жнецы, и, взявши мечи, жали, не уставая, до тех пор, пока не опустошили город ото всех живых. А те, кто бежал в дома свои или церкви, были безжалостно преданы огню... Погода также помогала в тот день пришельцам, потому что сильные порывы ветра раздували пламя, и дым доходил до небес, а сверкающие языки пламени затмевали солнечные лучи. То было зрелище жуткое и плачевное, когда весь город был усеян трупами жертв, сраженных на рынках, и на улицах, и в залах просторных. А кто сочтет людей сожженных? Всех тех, кто, избежав меча, укрылся в своих домах и погиб в огне. И священники, которых застигли в церквах, были сожжены; а некоторые из них были убиты снаружи и на колени им были посажены свиньи, как оскорбление для нас и на посмеяние захватчикам».

Агония Армении длилась еще два трагических десятилетия. В 1064 году город Ани, теперь византийский форпост, был взят тюрками. В том же году последний армянский царь Карса Гагик-Аббас попытался спасти свое государство передачей его византийскому императору, но было поздно: вскоре этот край был захвачен сельджуками. Таким венчающим череду бедствий событием стала в 1071 году битва при Манцикерте, или Манацкерте, расположенном к северу от озера Ван, когда византийский император Роман Диоген был разгромлен и взят в плен сельджукским султаном Алпом-Арсланом. После этого в течение ряда десятилетий тюрки захватили добрых две трети Малой Азии, основали султанат с центром в Иконии и появились на побережье Эгейского и Средиземного морей. Несколько армянских князей и мелких царьков продолжали драться, удерживая свои

горные крепости, пока большая часть страны не подпала под власть мусульманской династии Шахарменов. Позднее, в XII и XIII веках, воинственный армянский род Захаридов, или Мхаргрдзели (Длиннорукие) правил на севере Армении в Ани, Лори, Карсе и Двине под эгидой грузинских монархов, таких, как, например, царица Тамара (1184—1213 гг.)

Заключительное слово в этой трагической истории принадлежит перу Аристакеса Ластивертци.

«Где троны наших царей? Их не видно нигде. Где легионы солдат, что собирались перед их очами в плотные мощные колонны, в роскошных мундирах, ярких, как цветы весной? Их больше нет, их не видно нигде. Где наш великий и славный святой престол? Ныне он пуст, лишен своего сидельца, ободраны его украшения, их заменили пыль и паутина, а наследник престола увезен пленником в чужую землю. Голоса проповедников-варрапетов [доктора теологии] умолкли. Погашены люстры, потушены лампы, рассеялись сладкие ароматы курений, алтарь Господа нашего посыпан пеплом и золой. Некогда у ворот пели псалмы Давида мальчишки, держащие в руках таблички. Сегодня они в пещерах, называемых мечетями, где рыщет дьявол. Они похваляются тем, что узнают поучения Магомета. Добродетельные и целомудренные жены, которые неохотно принимали брачные связи даже с законными мужьями, ныне учатся распутной несдержанности.

Итак, если все, о чем мы рассказали, пало на нашу голову из-за скверны нашей, скажем небесам и всем, кто на них обитает, скажем земле и тем, кто живет на ней, скажем горам и холмам, деревьям и рощам густым, что они могут вместе с нами рыдать над гибелью нашей».

Глава 9

КИЛИКИЙСКАЯ АРМЕНИЯ И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Поразительная стойкость и выносливость армянского народа лучше всего видны на примере истории Киликийской Армении. Это сага о мужестве и терпении. Искусственное государство, основанное в чрезвычайно трудных условиях в чужой стране, сумело выжить на протяжении нескольких столетий и даже временами процветать. Оно пережило большинство франкских государств, созданных крестоносцами, и оставило после себя очаги армянской культуры и население, сохранившееся до наших дней.

Киликия — край, имевший огромное стратегическое значение. Она протянулась вдоль берегов Средиземного моря к югу от горных массивов Тавра и Анти-Тавра и включала в себя залив Александретту (нынешний залив Искандерун) и такие города, как, например, Тарс, родина святого Павла. Большая часть этой гористой страны лежит на отрогах Тавра, что часто означает скалистые берега и маленькие уютные бухточки и в древние (классические) времена делало эти места любимым убежищем пиратов, а в Средние века привлекало генуэзских и венецианских купцов. Были там и не слишком обширные леса, откуда шла древесина в Египет и Сирию. Восточная часть этой страны буквально усеяна идеальными для обороны изолированными утесами, увенчанными руинами древних крепостей. Равнинная, низинная часть страны обильна водой и чрезвычайно плодородна. С военной и политической точки зрения контроль над Киликией был жизненно необходим для

свободного сообщения между Малой Азией и Сирией. Ведь знаменитые Киликийские Врата, этот узкий проход между крутыми горными склонами, был самым удобным, а иногда и единственно разумным путем из Константинополя и Западной Малой Азии в великие города Сирии, Египта и Месопотамии.

До возвышения ислама Киликия принадлежала Византии. В VII веке она подверглась нашествию арабов, а затем в 965 году император Никифор II вновь вернул ее под власть Константинополя. Греки застали страну обезлюдившей и назначили туда нескольких армян наместниками в важные города, доверив им командование местными воинскими частями и наградив большими поместьями. Постепенно эти правители приобрели статус наследственных господарей и сделали свои владения независимыми анклавами и личными баронствами, лишь номинально подчинявшимися Константинополю. По мере того как греки по куску присоединяли Великую Армению к Византийской империи и под напором тюркских набегов ручеек армянских беженцев, стремившихся в Киликию, превратился в мощное наводнение.

Между 1078-м и 1085 годами армянский предводитель по имени Филарет сумел объединить под своим началом обширные территории, включавшие города Мелитену, Мараш, Эдессу и Антиохию. Впрочем, с его смертью этот непрочный агломерат рассыпался.

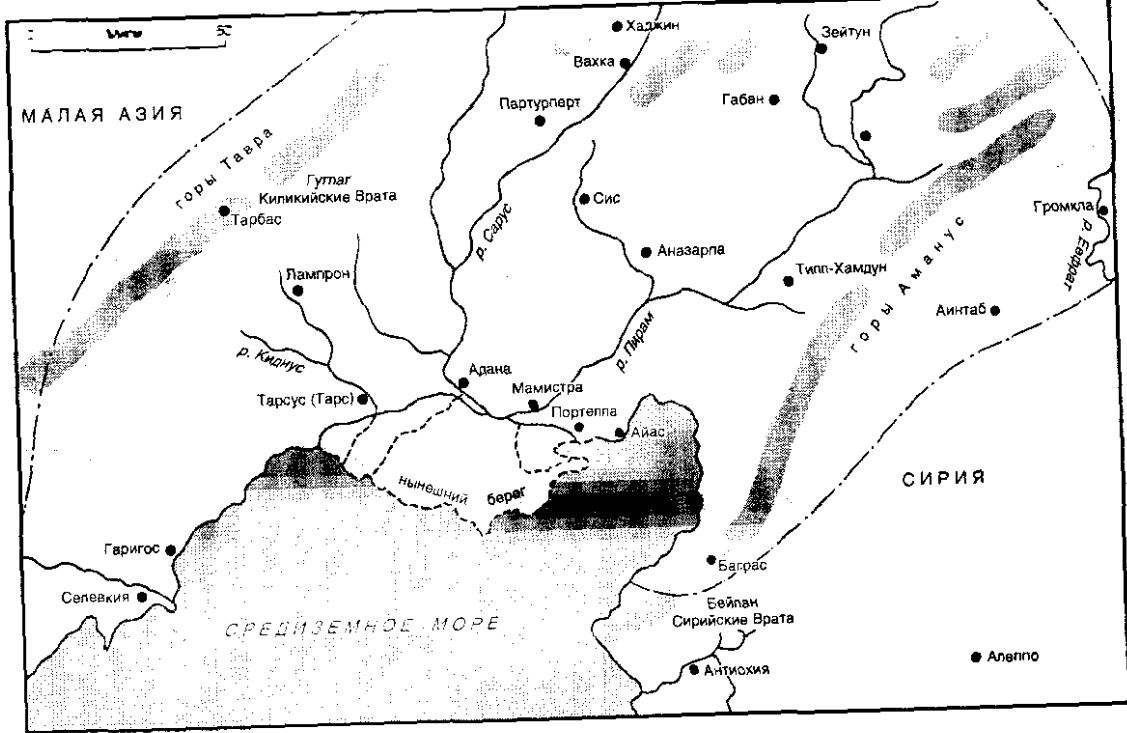
Так что когда князья и рыцари I-го Крестового похода прорвались сквозь армии сельджуков, разбив их при Никее в 1097 году, они были радостно удивлены тем, что их гостеприимно встретило население, в основном христианское. «Страна Армян» простиралась далеко на север (до Цезареи в Каппадокии). Точно так же приветствовало крестоносцев армянское население Команы и Коксона.

Пройдя Киликийские Врата, крестоносцы получили помощь со стороны многих владетелей-армян. Наместник Мелитены (Малатья) Гавриил был армянином греческой ортодоксальной веры. Его дочь вышла замуж за Болдуина Ле Бурга. Армянин Константин был правите-

лем Гаргара. Татул был назначен императором Алексеем Комнином наместником в Мараш и утвержден в этой должности крестоносцами. Армянский элемент был особенно многочисленным в Эдессе, наместник которой, некий Торос, получил от Алексея Комнина высокое звание куроплата, то есть «хранителя дворца».

Вдохновителем армянских искателей приключений той эпохи был некий Рубен, или Роупен, который где-то около 1080 года укрепился в замке Бардзберд (западноармянская форма Партцперт), расположенном в сердце Киликийских гор. Рубену, основателю династии Рубенидов, наследовал его сын Константин I (1095—1100 гг.), в правление которого и появились в этой земле первые крестоносцы. Армяне активно помогли крестоносцам при осаде Антиохии продовольствием и военным снаряжением. Сын Константина, Феодор, или Торос I (1100—1023 гг.), почувствовал себя достаточно сильным, чтобы выйти из своей горной твердыни и отнять у Византии верхнюю долину Пирама с городами Сис и Аназарпа. К той поре армяне стали играть существенную роль в междоусобицах крестоносцев. Торос помогал Болдуину II Эдесскому в его войнах с эмиром Мосула. Когда Болдуин стал королем Иерусалима, ему наследовал Жосклен де Куртене, приходившийся Торосу свояком, причем их родственные отношения были весьма дружелюбными. В то же время Торос обязан был воевать против Танкреда, мечтавшего создать в Киликии норманнское королевство. При последующих князьях Рубенидах византийцы неоднократно делали решительные попытки вернуть Киликию империи. Император Иоанн II в 1137 году вторгся в Киликию, захватил в плен правившего тогда барона Левона I и двоих его сыновей, один из которых был ослеплен и от этого умер. В 1162 году один князь из рода Рубенидов был взят в плен византийским наместником в Нижней Киликии и заживо сварен.

Сочетая военную сноровку и дипломатические уловки, армянские Рубениды пережили все эти беды и укрепили, притом весьма искусно, свои владения. В их успехах

Армянская Киликия

немалую роль сыграли династические браки с ведущими семействами крестоносцев, а контакты с крупными центрами Средиземноморья способствовали выгодной торговле. При Левоне I Великом (1186—1219 гг.) и его зяте Гетуме I (1226—1269 гг.) Киликийская Армения достигает международного статуса: она становится королевством, союза с которым ищут даже римский папа и император Священной Римской империи.

О доблести рыцарей Киликийской Армении свидетельствует тот факт, что такая важная фигура, как император Фридрих Барбаросса, заигрывал с ними накануне 3-го Крестового похода, а папа Клемент III писал и Левону I, и Католикосу всех армян Григорию IV, уговаривая их оказать крестоносцам финансовую и военную помощь. В мае 1189 года Фридрих покинул Регенсбург и во главе отличной армии, преодолев враждебность византийского императора Исаака Ангела, направился походом в Малую Азию. Когда император приблизился к землям Киликийской Армении, Левон направил ему посольский эскорт. Тем временем, 10 июня 1190 года, Фридрих, не то купаясь, не то пытаясь переправиться через реку Каликаднус (Гёк-су) близ Селевкии (ныне Селефке), утонул. Второе армянское посольство, возглавляемое почтенным епископом и писателем Нерсесом из Лампрона, прибыло слишком поздно, чтобы застать императора в живых, и возвратилось в Тарс с сыном императора, священнослужителями и германским войском. Фридрих дал торжественную клятву, что вознаградит верность Левона королевской короной, так что его смерть грубо отрезвила армян. Однако Левон оказал крестоносцам всяческую поддержку: его войска принимали участие в осаде Акры, и он присоединился к английскому королю Ричарду Львиное Сердце в завоевании Кипра.

В конце концов терпение и стойкость Левона были вознаграждены. Армянское посольство, направленное к новому императору Священной Римской империи Генриху VI и к папе Целестину III, нашло благоприятный отклик, особенно из-за того, что армяне манили их воз-

возможностью последующего воссоединения с католической церковью. В 1197 году имперский канцлер Конрад Хильдесгейм направился на восток, везя с собой две короны: одну для Амальрика Кипрского, другую — для Левона Армянского. Несмотря на сложности религиозных разногласий, коронация Левона состоялась 6 января 1199 года в Тарсе. Ее освятили и папский легат, кардинал Конрад Виттельсбахский, и армянский католикос Григорий VI Пахлавуни.

Хотя Левону не удалось достичь поставленной цели — отобрать Антиохию в пользу Киликийской Армении, — правление его является апогеем армянской государственности в странах Леванта. Его царство простиралось от Амана до Исаврии. Он был мудрым политиком и ловким дипломатом, установил полезные связи с другими современными ему правителями, такими, как Амальрик Лузиньянский, король Кипра и Иерусалима, чьим зятем Левон стал в своем втором браке. Свою дочь Риту, известную также как Стефания, Левон выдал замуж за Иоанна Бриеннского, короля Иерусалима. Племянница Левона, Филиппа, стала супругой императора Никеи Феодора I Ласкаря. Левон пережил разграбление Константинополя армией разбойников и пегодаев, которые взяли его в 1204 году под видом 4-го Крестового похода. Видя, как усиливаются авантюристы, папские и западноевропейские, Левон предоставил значительные территории рыцарям ордена Святого Иоанна (госпитальерам) и рыцарям Тевтонского ордена в надежде, что они помогут сдержать напор тюрок-сельджуков из Анатолии.

Коронация Левона I принесла его стране обещание политической стабильности и торгового процветания. Генуя и Венеция поспешили направить к нему своих послов, чтобы договориться о торговых соглашениях и льготах. В марте 1201 года Левон и генуэзский посол Огерио ди Палло подписали торговый договор. Киликия стала важным перевалочным пунктом, где происходил обмен экзотических продуктов из Центральной Азии, доставляемых караванами из-за Каспия, на то-

вары, произведенные в Западной Европе. Генуэзцам дано было право построить свои резиденции и создать коммерческие предприятия в Сисе, Мамистре и Тарсе с собственными церквями и консульствами. Вскоре после этого подобные же привилегии были предоставлены венецианцам.

Большое число источников подтверждает важное коммерческое значение Киликийской Армении. Главная таможня находилась в порте Паллорум, хотя ее роль постепенно перешла к таможне в Айасе, расположенном в десятке миль к востоку. Важный в этом смысле город Адана стоял на Сарусе неподалеку от моря. Еще один такой город — Мамистра на Пираме — также находился рядом с судоходными водами. Летописи рассказывают, что в 1322 году к Тарсу еще можно было добраться по воде. В наши дни большинство старых портов Киликийской Армении оказались далеко от береговой линии, которая сильно отодвинулась на юг, к Средиземному морю, из-за речных наносов и песка с гор Тавра. Киликия стала международным центром торговли пряностями. Другие товары, постоянно упоминаемые в записях той эпохи, — это сахар, древесина цезальпинии (иногда называемой теперь бразильским деревом), хлопок, железо, медь, лен и шкуры скота. Караванные пути связывали Киликию с Конией и Константинополем на северо-западе и Марашем с Тавризом (Тебризом) на востоке.

Левон уделял большое внимание упорядочению и организации управления и законов в своем государстве. Он смоделировал по франкскому образцу и ввел в обиход множество франкских титулов и названий должностей, например сенешали, маршалы, бейлифы и тому подобное. Древняя феодальная система Армении была видоизменена на манер западного феодализма. Непокорные нахарары (наследственные князья) были приведены к покорности и обязаны давать присягу на верность монарху. Многие армянские крестьяне-иммигранты утвердили себя в качестве свободных землепашцев, однако местное киликийское крестьянство было постав-

лено в крепостную зависимость. Судебная система также была организована по западному образцу. Высший суд пребывал в столице царской резиденции — Сисе. Созданный по образцу антиохийского суда присяжных, этот царский суд держал монополию на «высшую справедливость» (суд высшей инстанции), ранее принадлежавшую крупным баронам. Существовал также «низший суд» для горожан. Интересно отметить, что кодекс законов, известный под именем Антиохийского судебника, сохранился только в своем армянском исправленном варианте, созданном около 1265 года верховным коннетаблем Смбатом, братом царя Херума I. Созывались также специальные суды под юрисдикцией латинских рыцарских орденов, таких, как, например, госпитальер в Исаврийской Селевкии и консульские трибуналы генуэзцев и венецианцев. У армянских католикосов имелись свои собственные церковные трибуналы.

События царствования Левона подробно отражены на его монетах, золотых, серебряных и медных. Главный монетный двор находился в городе Сисе. На аверсе всех серебряных монет Левона I, кроме специального коронационного выпуска, царь изображен на троне, украшенном львиными головами. На голове у него корона, на плечах царская мантия, в правой руке он обычно держит крест, а в левой геральдическую лилию. На большинстве серебряных монет ноги царя опираются на подножку. В некоторых деталях этот рисунок воспроизводит монеты Священной Римской империи, а именно Генриха VI. Особые серебряные монеты были отчеканены в 1199 году в честь коронации Левона. На этих монетах изображен Христос, стоящий во весь рост, и коленапреклоненный Левон в короне и мантии. Между головами Христа и Левона иногда изображен падающий с небес луч света, иногда — голубь. Иногда там присутствует протянутая рука, указующая на корону царя. На реверсе большинства драхм (трам) Левона рисунок весьма необычен: крест между двумя стоящими на задних лапах и смотрящими назад львами. В других вариантах изображен лев идущий или держащий крест. Левон обо-

жал обыгрывать значение своего имени: Левон = Лев. Часто львы на его монетах имеют человеческие лица и носят корону. На медных монетах царскому лику намеренно приданы львиные черты. Левон также выпустил ряд золотых монет. Подлинные экземпляры их крайне редки, но где-то около 1960 года на рынок стали поступать подделки производства ювелирной мастерской в Антиохии (Антакии).

Когда в 1219 году Левон I скончался, он не оставил после себя наследника мужского пола. Наследницей он назначил свою юную дочь Изабеллу, хотя выбор этот не устраивал многих видных князей и баронов. В конце концов, после нескольких дворцовых заговоров и жестоких убийств, проблема преемственности была разрешена: в 1226 году Изабелла сочеталась браком с князем Гетумом, отпрыском влиятельного рода Гетумидов Лампронских.

Гетум I процарствовал более сорока лет и выказал великую сообразительность перед лицом невероятных трудностей. Его врагами были могущественные мамлюки Египта и сельджукские султаны Кони. К тому времени владычество крестоносцев в Леванте сильно пошатнулось. Ситуация на Ближнем Востоке резко осложнилась внезапным вторжением монгольских орд из Центральной Азии, которые хлынули в Персию, Русь, Грузию, затопили большие куски Анатолии и Месопотамии. Армяне Киликии сумели умиротворить монголов путем дипломатии и предложения союза, а также предоставлением припасов. Однако это случилось уже после того, как алтайские полчища опустошили и разграбили Великую Армению, лежавшую прямо на пути их нашествия. Один из главных источников наших сведений о монгольском нашествии XIII века армянский летописец Григорий из Акнера создал обстоятельный труд «История нации лучников». Григорий живо передает ужас, внушаемый татаромонгольскими ордами. Он был подобен страху, который испытывали все два столетия назад перед тюрками-сельджуками.

«Итак, теперь мы расскажем о том, на кого были похожи эти первые татары, потому что первые явивши

еся в верхнюю страну не были похожи на людей. Они имели неопишимо жуткий вид: у них были огромные головы, как у буйвола, узкие глаза, как у птенцов, вздернутый приплюснутый нос, как у кошки, выдвинутая челюсть, как у пса, узкие чресла, как у муравья, ноги короткие, как у свиньи, и от природы совершенно не было бороды. При лвиной силе они имели пронзительные, как у орла, голоса. Они появлялись, когда их меньше всего ждали. Их женщины носили красивые шапки, повязанные поверх шалями из парчи. Их широкие лица были обмазаны ядовитой смесью смол. Смерть не являлась среди них, так как жили они по триста лет...

Сами они, по силе и сноровке своей, прибывали с набегами своей кавалерии и захватывали непокоренные города и замки, грабили и брали пленных. Они безжалостно убивали мужчин и женщин, священников и монахов, забирая в рабство дьяконов, грабя без стыда церкви христианские, обдирая украшения с драгоценных мощей святых мучеников, с крестов и священных книг, выбрасывая сами книги, как ненужные, не имеющие цены».

Когда первоначальная ярость монгольского нашествия поутихла, армяне смогли оценить ситуацию и воспользоваться выгодами, которые давало благожелательное отношение некоторых монгольских вождей к христианскому населению Ближнего Востока. Перед тем как Чингисхан официально принял ислам (около 1300 г.), монголы считали мусульман своими главными врагами. Великие ханы даже начали переговоры с папством, в результате чего несколько западных посольств посетили монгольскую столицу Каракорум. Забрехала надежда возобновить Крестовые походы при поддержке монголов. Особенно заманчивой казалась эта перспектива парю Киликийской Армении Гетуму, испытывавшему сильное давление со стороны мусульманских соседей. Между 1233-м и 1245 годами Гетуму пришлось даже пойти на то, чтобы чеканить серебряные монеты совместно от своего имени и имени конийских султанов Кэй-Кубада I и Кэй-Хусрау II, вторгшихся в Киликию и положивших на армян суровую дань.

Царь Гетум в 1253 году решил посетить великого хана Менгу (Мункэ) и отправился в Каракорум. Он был первым чужеземным правителем, явившимся к монгольскому двору по своей воле, и потому его приняли с высочайшими почестями. Менгу пообещал освободить армянские церкви и монастыри, находящиеся на монгольских территориях, от налогов. Главным желанием Гетума, главной его идеей было освободить Святую землю от мусульман с помощью монголов и западных католических держав. С этой целью он старался заключать династические союзы с франкскими князьями. Одна его сестра, Стефания, вышла замуж за кипрского царя Генриха I; другая, Мария, — за Иоанна Ибелинского, графа Яффского. Затем Гетум выдал своих дочерей за представителей династий крестоносцев: Сибиллу за Боэмунда VI Антиохийского, Юфимию — за Юлиана, графа Сидонского, Марию — за Гвидо Ибелинского, сына Болдуина, кипрского сенешаля.

Поначалу армяне получили немало выгод от альянса с монголами. Гетуму даже удалось в 1259 году победить сельджукского султана земли Рум, Килиджа Арслана IV. Он также изгнал тюркоманов, укрепившихся на западных границах Киликии, и смертельно ранил их вождя Карамана (в 1263 г.). Но вскоре армяне почувствовали все неудобства этого союза. После того как предводитель монголов Хулагу-хан разрушил в 1260 году Алеппо, он должен был вернуться в Каракорум, чтобы принять участие в выборах нового верховного хана. Командование монгольским войском в Сирии было возложено на Китбогу, крещеного монгола, несторианина. Дамаск в том же году сдался Китбоге, но затем, в сентябре 1260 года, монголы потерпели сокрушительное поражение при Назарете от Кутуза, мамелюкского султана Египта, и его военачальника Бейбарса. Несколько недель спустя Бейбарс убил своего повелителя, султана Кутуза, и захватил египетский трон для себя. Монголы отступили из Сирии и Палестины в Персию и Анатолию.

Армяне оказались среди первых жертв гнева Бейбарса. Лишенные своего щита, монгольской конницы, армяне не смогли оказать серьезного сопротивления. Мамелюки

вторглись в Киликию в 1266 году, разграбили Мамистру, Адану, Айас, Тарс и несколько маленьких городов. В царской резиденции, Сисе, они подожгли кафедральный собор, предварительно вынеся из его сокровищницы все золото и собранные там ценности и ободрав с образов дорогие оклады. Царь Гетум находился в это время в Тебризе (Тавризе), ища поддержки у монгольского ильхана Персии. По возвращении Гетум нашел свою страну в руинах и отрекся от престола в пользу сына, который стал царем Левонем II (1270—1289 гг.).

В течение ряда лет внимание мамелюков было занято другими делами и странами, так что Левон II получил передышку, необходимую для залечивания последствий египетского нашествия. Новые привилегии были даны венецианцам, и был восстановлен порт Айас. Когда Марко Поло посетил его в 1271 году, то нашел его «городом славным и большим, многоторговым» и добавил, что «в город этот поступают все пряности, и шелковые ткани, и золото, и шерсть из внутренних областей». Однако вскоре Киликия вновь пострадала от набегов мамелюков. При этом Левону II добавили забот междоусобицы и мятежи части баронов. Монгольские ильханы Персии с армянской поддержкой в 1281 году вторглись в Сирию, но не смогли одержать победу над мамелюками. После этого Левон II заключил мирный договор с Египтом на весьма почетных условиях, включающих контрибуцию в размере миллиона дирхемов, часть которой должна была быть выплачена лошадьми, мулами и железными чушками.

По смерти Левона II в 1289 году пять его сыновей передрались между собой за престол, и все какое-то время занимали его. Из четырех дочерей Левона Изабелла была отдана замуж за Амальрика, брата кипрского короля Генриха II, Рита — за Михаила IX, сына и соправителя византийского императора Андроника II Палеолога. Братоубийственная борьба между армянскими князьями дала египтянам шанс штурмовать резиденцию армянских патриархов в Громкле. Это была хорошо укрепленная цитадель на Евфрате, севернее Биры,

в мусульманских источниках ее называют Каль'ат аль Рум. Католикосы-патриархи всех армян избрали Громклу местом своего основного пребывания с 1151 года, с того времени, как им подарила этот замок Беатриса, супруга Жосклена де Куртене. Весной 1292 года султан аль-Ашраф выступил на Громклу и после тридцатитрехдневной осады взял ее штурмом. Последовала чудовищная резня, католикос Стефан IV был уведен в плен. Египтяне разграбили соборы и патриаршую резиденцию и разворовали или уничтожили драгоценные реликвии и сокровища церквей.

Ободренные сумятицей, армянские бароны и феодалы подняли мятеж. Армянское общество раскололось на тех, кто поддерживал прозападную фракцию, продолжавшую поддерживать союз с папством и франками, и националистов, презиравших все, что отличалось от древних традиций, связанных со святым Григорием Просветителем. (Этот дуализм и ныне, в XX веке, оказывает сильнейшее влияние на армянские дела.) Кое-кто полагает, что в 1307 году именно антизападная партия подстрекнула монгольского военачальника Биларгу убить царя Гетума III и его племянника царя Левона III, вместе с их свитой. Однако Сирарпия Дер Нерсесян возражает против этого традиционного взгляда, не находя основания ему в источниках, современных тем событиям.

При двух последних царях киликийской царской линии, Ошине (1308—1320 гг.) и Левоне IV (1320—1342 гг.), дворцовые интриги и тайные убийства были в порядке вещей. Неоднократные обращения за помощью против неверных к папе и королю Франции ни к чему не привели. И армянские цари вынуждены были вновь стать данниками египетских султанов. Левон IV был злодейски убит в августе 1342 года националистами, которые противились любому сближению с латинянами и папством.

Левон IV был последним потомком по прямой линии рубенидской королевы Изабеллы и гетумидского царя Гетума I. Он назначил своим преемником двоюродного

брата, Гвидо де Лузиньяна, бывшего сыном тетки Левона Изабеллы, вдовы Амальрика Лузиньянского, князя Тирского. Гвидо прибыл из Константинополя с 300 солдатами и рыцарями и был тут же коронован, приняв царское имя Константина II. Однако дворец вскоре принял вид королевского двора латинян, царь окружил себя франкоязычными фаворитами, которых мало интересовали армянские национальные обычаи. Любопытно отметить, что Гвидо-Константин продолжал пользоваться французской формой своего имени (Ги) при чеканке монет, серебряных и медных. Хотя Гвидо-Константин был отважным воином, отстаивавшим национальные армянские интересы против мусульманского ига, он вскоре пал жертвой интриг армянских заговорщиков-националистов и был ими злодейски убит в ноябре 1344 года.

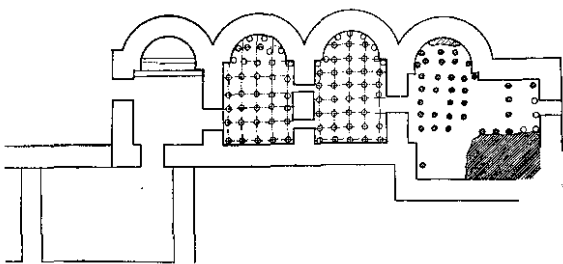
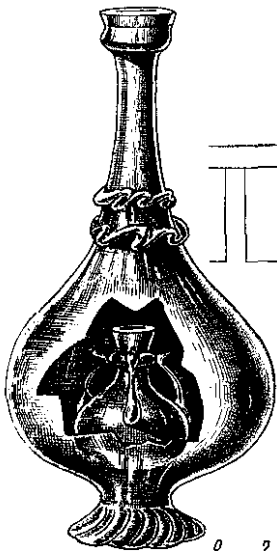
В этой атмосфере предательства и насилия, которая заставляет вспомнить о «Сицилийской вечере» и Риме времен Борджиа, царская власть в Киликийской Армении была обречена. Армянская знать теперь выбрала в свои государи претендента со стороны, вне наследной царской линии. Им стал Константин III (1344—1363 гг.), сын Болдуина Нигринумского, маршал Армении. В царствование Константина III последний значительный порт, Айас, в 1347 году попал в руки египетских мамлюков. В результате царство Константина III сократилось до отрезанного от моря анклава посреди мусульманской территории, лишеного всякого международного значения. Более того, Киликия оказалась прямо на пути распространения «черной смерти», чумы, пришедшей в Европу из Азии. Эта страшная зараза десятикратно уменьшила число подданных Константина III.

Положение далее осложнилось претензиями кипрского короля Петра I, который жаждал сам стать армянским царем или участвовать в управлении с помощью своих родственников, лузиньянских князей, племянников покойного царя Гвидо. Чтобы обеспечить поддержку папы, Петр I в 1362 году отправился в Авиньон и взял с собой князя Бозмунда, старшего племянника

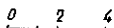
Гвидо. Когда Боэмунд по пути заболел и умер, Петр перенес свое покровительство на младшего брата Боэмунда, Левона. Согласно некоторым хроникам, Левон, которому предстояло стать последним царем Армении, был незаконнорожденным. Во всяком случае, Левон V занимал трон Киликийской Армении дважды: один раз в течение нескольких месяцев в 1363—1364 годах, а затем вторично в 1374—1375 годах. Столкнувшись с враждебностью влиятельных баронов, осажденный в своей столице Сисе тридцатитысячным войском под командованием мамелюкского полководца, наместника в Алеппо, Левон V Лузиньян мужественно держался на протяжении нескольких месяцев против всех. Наконец он сдался и был пленником привезен в Каир вместе со своей супругой Маргаритой Суассонской и двоими их детьми.

В конце концов, благодаря вмешательству короля Кастилии и армянских сановников в Каире, а также усилиям своего верного духовника Дардела, Левон V был египтянами отпущен на свободу. Ему было позволено поселиться в Париже, где он и умер в ноябре 1393 года и был похоронен в монастыре селестинцев. Памятник ему теперь находится в соборе Сен Дени. В парижской церкви Сент Шапель имеется каменный барельеф с изображением Ноева ковчега и потолка, причем на заднем плане отчетливо видны гора Арарат и армянский собор Звартноц.

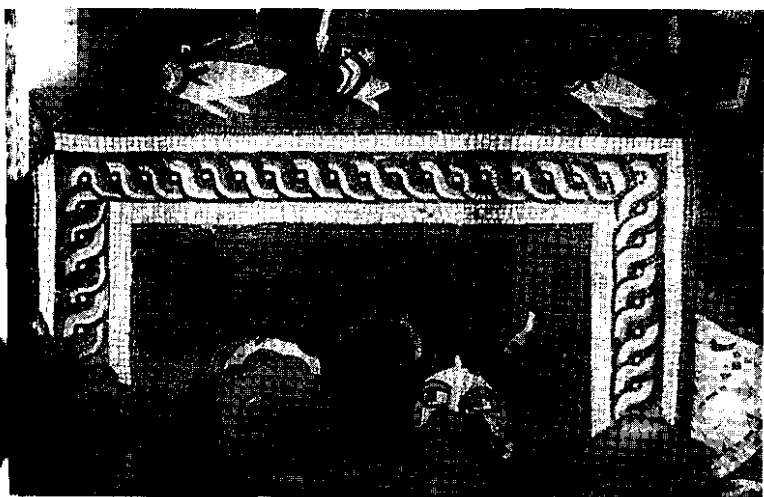
Несмотря на жуткие жестокости, предательство и убийства, марающие историю Киликийской Армении, достижения ее правителей, рыцарей и горожан никак нельзя назвать малозначительными. Киликия пережила большинство франкских королевств Леванта и оставила после себя долговечное наследие в архитектуре, искусстве, миниатюрах, поэзии, исторических писаниях, а также законодательных и административных кодексах. Это в Киликии родился возвышенный поэт Нерсес Шнорали и ученый-теолог Нерсес Лампронский (ум. 1198). Именно здесь два мастера армянской миниатюры, Саркис Питцак и Торос Рослин, создавали свои несравненные изысканные картины. Практически во

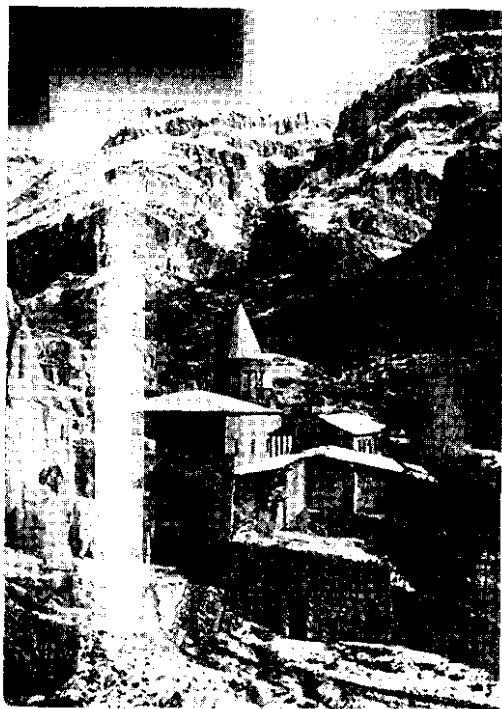
Римские бани в Гарни. Общий план

Стеклянный кувшин с меньшим сосудом внутри. Гарни. X в.

Римские бани в Гарни. Деталь мозаики

Гегард, монастырь
Святого Копья

Гегард, сталактитовый свод

всех современных книгах о замках крестоносцев включены сведения об армянских зданиях. Выдающимися образцами феодальной архитектуры является крепость Анамур, которая избрана украшать второй том «Истории Крестовых походов», изданной Пенсильванским университетом.

С Леоном V политическая история Армении закончилась почти на пять столетий... до провозглашения в 1918 году Армянской республики. Киликия стала частью мамелюкских владений до XVI века, когда она была захвачена Османской империей. Титул армянского царя наследовали Лузиньяны Кипрские, а затем передали его Савойскому дому. Только в Кавказской Армении в Карабахском районе, на границе с Азербайджаном, сохранились некоторые остатки старой структуры феодальной монархии: там мелики, то есть местные царьки, сохраняли свою суверенность вплоть до присоединения к России в 1805 году.

Киликия открыла армянам дверь в западный мир. Через эту дверь им было суждено пройти в Средиземноморье и западные страны, укорениться на Кипре, в Каире и Смирне и даже в Венеции и Марселе. Их общество процветало в Константинополе под властью Османской империи вплоть до страшных времен правления Абдул-Гамида и режима хунты младотурок. В Иерусалиме армянский патриархат по-прежнему является силой, с которой принято считаться в религии, культуре и политических делах Ближнего Востока. Армяне также осели в Голландии и занимаются печатным делом в Амстердаме начиная с XVII века и по настоящее время. Армянин по имени Паскаль приобщил парижан к кофе. В 1672 году, при Людовике XIV, он открыл в Париже на ярмарочной площади предместья Сен-Жермен первое кафе. Позднее Паскаль устроился на набережной Л'Эколь, где продавал кофе по 2 соля и 6 денье за чашку. Не добившись благоденствия в Париже, Паскаль в конце концов перебрался в Лондон, где со времен короля Карла II кофейни были в большой моде. Спустя несколько лет другой армянин, Малибан,

вновь открыл в Париже кафе на рю де Бюсси около королевского зала для игры в мяч (Жёде-Пом), неподалеку от аббатства Сен Жермен. Разумеется, в наши дни этот район стал одним из самых прославленных приманок для туристов и знаменит во всем мире как квартал кафе.

Армяне также продвинулись на север в Румынию, Польшу, Венгрию, а позднее в Россию, где наибольшее их число поселилось в районе Ростова-на-Дону, в собственном городке Новая Нахичевань. В Средние века существовали свободные армянские городки в Польше и Венгрии, которые были центрами деловой активности, социального и технического прогресса.

А Кавказской Армении в 1500—1722 годах большие беды принесли нескончаемые войны между оттоманскими турками и персидской династией Сефевидов. Турки и персы поделили Армению на сферы влияния. Большая часть, вокруг озера Ван, отошла к туркам, а меньшая, включающая Ереван и озеро Севан, к персам. Шах Аббас I (1587—1629 гг.) переселил большое число армян из районов Нахичевани и Джульфы в предместья города Исфахан, своей столицы, где они укоренились и процветали в собственном кафедральном городе Новая Джульфа. Предприняв этот шаг, шах Аббас руководствовался желанием пресечь сепаратистские стремления армянских националистов, понимая, какими отличными деловыми качествами обладают армяне. Это должно было помочь процветанию Исфахана и укрепить торговые связи со странами Персидского залива, Индией и даже Малайей и Дальним Востоком.

Индия с ее огромными перенаселенными городами бросала заманчивый вызов армянской предприимчивости и смекалке. Император династии Моголов Акбар (1542—1602 гг.) пригласил армян приехать и поселиться при его дворе. В результате в Агре возникла благоденствующая армянская колония. В соответствии с настойчивым желанием императора там в 1562 году была возведена армянская церковь. Одна из жен Акбара, Мариам Замани Бегум, была армянкой, как и главный

судья Акбара (Мир Адл). Женщина-врач, присматривающая за здоровьем царского гарема, была армянка Юлиана. Армяне пользовались определенными правами и привилегиями и поспособствовали тому, чтобы правительство Моголов позволило Джобу Чарноку в 1690 году устроить порт и торговую столицу Калькутту. В страшные дни разграбления Калькутты и трагедии «черной ямы» человеческий купец-армянин Ходжа Петрус Арафон тайно снабжал британских беглецов, спасавшихся на судах по реке Фульте от прибывающей из Мадраса армии возмездия под командованием адмирала Уотсона и полковника Клайва в январе 1757 года.

С 1760 года и далее индийское производство оружия было в основном в руках армян. Выдающимися специалистами по производству оружия были Шах Назар Хан, работавший у Ахмада Шах Дуррани в Лахоре, и его соотечественник Гурген Хан, армянский министр и главнокомандующий при набобе Мир Кассеме в Бенгалии (1760—1763 гг.). В Дакке армяне стали первооткрывателями торговли джутом. Они были многочисленны и очень влиятельны в Бомбее. Стоит обратить внимание на то, что первый армянский журнал в мире, «Аздарар», появился в Мадрасе в 1794—1796 гг. Его редактором и издателем был викарий Арафон Шумавон. Эдуард Рафаэл, римский католик, армянин, был одним из основателей «Карнатик Банка», первого акционерного банка в Мадрасе, открывшего свои двери 1 июня 1788 года. Любопытно отметить, что сын Эдуарда Рафаэла, Александр, впоследствии был избран в палату общин в качестве тори-католика. Он был шерифом Лондона в 1829 году и первым армянином, ставшим членом британского парламента.

Глава 10

ХРИСТИАНСКИЕ АРХИТЕКТУРА И ИСКУССТВО

Подобно урартам, армяне, населяющие одну из самых живописных стран на свете, обладают сильнейшим эстетическим чутьем. На протяжении веков их искусство и архитектура сочетают в себе красоту и полезность. Домашняя керамика и ткани почти неизменно отличаются замечательной декоративностью. Нынешний гость Армении, намереваясь поближе познакомиться с современным состоянием ее науки, промышленности, сельского хозяйства и образования, не может проехать и мили без того, чтобы не увидеть среди пейзажа прекрасной церкви, руин крепости или древнего моста. Современные общественные здания Еревана и других городов несут на себе сильный отпечаток древних армянских традиций — об этом свидетельствует великолепная каменная кладка из разноцветного туфа, серого, лилового, розового и даже оранжевого. Жилые кварталы пестрят зданиями, чьи резные каменные фризы напоминают классические барельефы храма в Гарни или церкви Ахтамара.

Архитектура и искусство дохристианской Армении уже обсуждались в предыдущих главах попутно с историческими периодами, их породившими. В настоящей главе мы кратко сосредоточимся на богатом наследии средневековой христианской Армении. Эта область стала хорошо известна в англоязычном мире, во-первых, благодаря будящим воображение и мысль работам венского историка искусства Йозефа Стржиговского, а позднее благодаря трудам профессора Сирарпии Дер Нер

сесян, автора замечательной монографии об Ахтамаре, и также исследованиям эдинбургских ученых Дэвида и Гамары Тэлбот Райс и профессора Джона Карсуэлла, представившего обстоятельный обзор армянских церквей в Новой Джульфе близ Исфахана. Нам также посчастливилось познакомиться с результатами нескольких экспедиций, предпринятых парижским архитектором и инженером Эдуардом Утуджяном, надзиравшим за реставрацией патриаршего собора в Эчмиадзине и впоследствии опубликовавшим неоценимый по богатству материала иллюстрированный путеводитель по историческим памятникам Армении.

Грубо говоря, армянские церкви можно разбить на две категории: с куполами и без куполов. Когда святой Григорий Просветитель предпринял обращение языческой Армении в христианство, он увидел там два типа религиозных зданий: эллинский храм с двускатной (щипцовой) или крутой килевидной крышей и зороастрийский храм огнепоклонников, построенный в виде башни с куполом. Великолепным примером эллинского храма является святилище в Гарни, единственный подобный памятник архитектуры, дошедший до наших дней в относительной сохранности. (Он был разрушен землетрясением в XVII веке.) Образцом похожего храма урартских времен со щипцовой крышей было святилище в Муцацире, разрушенное Саргоном.

Эллинский храм породил христианские базилики. Хотя храм прост по планировке и дизайну, иногда просто напоминает сарай, он имеет очень богатые возможности и может быть преобразован пристройкой боковых приделов, перекрытых изящными арками колоннад, рещными деревянными потолками или многоцветными мозаиками в красивейшую базилику.

В нескольких исторических источниках имеются ссылки на то, что святой Григорий и его ученики приносавливали под христианские храмы языческие святилища, и нет сомнений, что какое-то их количество было перестроено в базилики. Некоторые из кавказских базилик в первоначальном виде были открыты с боков,

их внешние стены были построены над колоннадами, как это встречается в Италии. Но такие постройки не годятся для суровых армянских зим, и от них отказались в пользу прочных сплошных стен, в которых, впрочем, часто делались многочисленные проемы и боковые входы.

Сирарпия Дер Нерсесян полагает, что «сводчатая базилика, без купола, была для Армении чуждым типом и исчезла, как только сошло на нет греческое и сирийское влияние». Ссылка на Сирию в данном случае очень разумна в свете многочисленных связей, соединявших сирийское и армянское христианство на ранних этапах его становления. Сирия подсказывает нам существенные разгадки, полезные для изучения таких ранних шедевров армянской архитектуры, как Ерерукская базилика, расположенная в четырех километрах от древнего царского города Ани. Ерерук изначально был языческим святилищем, построенным в I или II веке, а затем, в V или VI веке, преобразованным в христианскую базилику. Это грандиозный храм, который даже в нынешнем разрушенном состоянии поражает изысканностью своих декоративных мотивов и техническим мастерством тонкой работы по камню. Связь с классическим миром прослеживается в дверных проходах, обрамленных коринфскими колоннами и завершенных изящными арками с элегантными фронтонами. Ерерук является истинным двойником таких шедевров сирийской архитектуры, как четверенная базилика, построенная между 476-м и 490 годами в честь святого Симеона Столпника императором Зеноном. Об этом памятнике Жюль Лерой писал: «Своим тройным порталом, увенчанным треугольными фронтонами, вздымающимися над каннелюрами колонн, стеной у южного входа, пронзенной четырьмя окнами, обрамленными завитками молдингов с полукруглыми апсидами и большими округлыми арками восьмиугольника — со всеми этими деталями Св. Симеон несет в себе зерно романского искусства. Поистине, не будь этот храм в столь отдаленных краях, можно было бы вообразить, что крестоносцы находили

в нем вдохновение для создания своих романских базилик, стоящих на великих путях паломников к Риму, Иерусалиму и св. Иакову Компостелльскому».

(Имеется в виду Сантьяго-де-Компостелла — гробница небесного покровителя христиан Испании, св. апостола Иакова, на севере Пиренейского полуострова, одно из излюбленных мест паломничества.)

Ерерук продолжает впечатлять, несмотря на свое разрушенное состояние. Бочкообразные своды нефа и боковых приделов усилены выступающими арками, образующими ребра. В западном конце две башни обрамляют портик (нартекс). Эта черта, редкая в зодчестве Армении, как и верхний ряд окон, освещающих хоры, подтверждает его связи с сирийской архитектурой. Ерерук знаменовал собою высшую точку в создании армянских церквей базиликального типа, хотя в соседней Грузии такой тип постройки приобрел большую популярность. Так, очаровательная церковь Паркала в Тао-Кларджети представляет собой явную базилику и датируется временем высшей мощи Багратидов — IX и X веками. И в Армении и в Грузии большое число ранних базилик было позже дополнено одним или несколькими куполами, согласно преобладавшей позднее архитектурной моде.

В VI и VII веках армяне и их грузинские соседи увлеклись созданием церквей с центральным куполом, что требовало решить проблему возведения купола или башни на сводчатой крыше. Некоторые ученые склонны отдать армянам честь изобретения таких архитектурных приемов, как трюмп («восьмерик на четверике») и парусный свод. Трюмп — это небольшой свод, представляющий собой половину усеченного конуса, помещенный в месте стыка стен или арок. Он позволяет перевести подкупольный квадрат в восьми- или шестигранник, на котором устанавливается основание купола. То есть трюмп дает возможность возвести купол над квадратным центральным пространством крыши здания, причем напряжение приходится на внешние стены. При возведении парусного свода купол покоится на четырех угло-

вых столбах (контрфорсах). Следует, однако, вспомнить, что вавилоняне уже применяли эллиптические своды примерно в 1500 году. Парфяне также умели перекрывать помещения особым сводом, прямым предшественником позднейших сасанидских куполов на тропках, которые применялись при возведении храмов огнепоклонников и других важных зданий. Дворец Ардашира Папакана, основателя Сасанидской династии, построенный около 225 года в Фирузабаде, уже имеет тропковый свод, выполненный из грубых булыжников и цемента. А вот в чем армяне превзошли всех, так это в переводе неуклюжих строений, сделанных из недолговечных глиняных кирпичей, в каменные сооружения из идеально отесанных, прочных, умно подогнанных строительных камней, которые не рассыплются в прах, а выдержат проверку временем.

Инженерные проблемы, связанные с возведением куполов, бросали вызов характерной для армян изобретательности и любви к техническому совершенству. Кроме того, устремленные ввысь заостренные купола импонировали людям, всю жизнь окруженным заснеженными вершинами, к тому же извечно стремившимся духовно приблизиться к Богу, к небесам. Урарты тоже превосходно возводили великолепные, вздымавшиеся к небу башни своих святилищ. В местах таких раскопок, как Кьялидера, где строения из глиняных сырцовых кирпичей давно смешались с землей, размер и высоту первоначальной урартской храмовой башни можно определить по объему россыпи кирпичей особого красноватого оттенка, отличного от коричневой глинистой почвы. Христианам, как и огнепоклонникам, купол позволял, глядя вверх, насладиться иллюзией созерцания свода небесного. Не случайно во многих византийских церквях помещают в вышине образ Христа во всей славе, взирающего вниз на теснящиеся толпы верующих.

Самый ранний и основной тип купольной армянской церковной постройки — это апсидо-контрфорсный, или нише-контрфорсный квадрат. Имея внутри кресто

образный вид, этот тип имеет четыре главных осевых контрфорса и часто еще четыре, меньшего размера, по углам. Полукруглые ниши открываются в центре каждой из четырех сторон, причем восточная ниша позади алтаря служит апсидой. Купол, опирающийся на трюмпы, перекрывает все центральное пространство. Этот популярный план церкви мы видим одновременно в Армении, в Аване (ок. 600 г.) и в церкви Св. Рипсима в Учмиадзине, построенной католикосом Комитасом в 618 году, а также в Грузии, в монастыре Джвари, расположенном на высоком холме над Мцхетой (ок. 605 г.). Несколько позднее нужда в большем внутреннем пространстве продиктовала введение четырех свободно стоящих пилонов для поддержки центрального купола. Бочкообразные своды были введены в строительство для создания промежуточной опоры между основанием купола и поддерживающими его контрфорсами. Хорошим примером такого решения является собор в Багаране, построенный между 624-м и 631 годами. Планировка этого сооружения напоминает греческий крест, вписанный в квадрат.

Овладев техническим мастерством, нужным для возведения центральных куполов, армянские зодчие выказали невероятную виртуозность в варьировании основного крестообразного рисунка здания. Иногда они удлиняли западный бочкообразный свод, как в церквях Битаранского типа, создавая в плане трилистник, неф с двумя приделами. Иной раз между каждой из четырех основных ниш дополнительно вставляли еще одну, создавая двойной квадрилоб, или восьмиконечную звезду, как в церкви VII века в Иринде. На поздних стадиях, в X столетии, в Ани появляются хитроумные шестигранные церкви с шестью апсидами-контрфорсами. Для крупных церквей и соборов восточный и западный концы крестообразного плана могли быть существенно удлинены, а северная и южная апсиды расширены до образования трансептов (поперечных нефов). Получался эффект двух пересекающихся базилик с куполом, вздымающимся над их пересечением. Прототип такой кон-

струкции мы видим в Талишском соборе, построенном Григором Мамиконяном между 662-м и 685 годами. Такая форма церковного здания стала очень популярна и широко распространилась в X и XI веках и в Армении и в Грузии. Прекрасными примерами являются главные монастырские церкви в Хагпате и Санаине, гористом районе Северной Армении, а также в Ошкинской церкви в Тао, в Юго-Западной Грузии. Большое разнообразие планировок, доступных армянским зодчим, позволило им избежать унылой монотонности при создании монастырских и городских ансамблей. Так, важный монастырь часто включал в себя кафедральный собор и две или три сгруппированные вокруг него маленькие церкви, которые гармонически сочетались единством каменной работы и узорами украшений, но тонко отличались друг от друга расположением частей строения и пропорциями. Из тринадцати сохранившихся в Ани церквей, описанных в недавних публикациях, нет даже двух полностью одинаковых по планировке или деталям внешнего декора.

Апофеозом этого расцвета церковной архитектуры христианской Армении в VII веке, несомненно, стал храм Звартноц (храм Бдящих Сил или Ангелов Небесных), воздвигнутый католикосом Нерсесом III Исфahanским Строителем между 643-м и 652 годами. Ныне это великолепное сооружение лежит в руинах. Однако остатки стен и фундаментов еще можно увидеть в двух милях от Эчмиадзина. Рельеф на церкви Сент Шапель в Париже и декор церкви, воздвигнутой царем Гагиком I в Ани по образу и подобию Звартноца, дают нам достаточно свидетельств, чтобы признать достоверной реконструкцию этого храма, предложенную Торосом Тораманяном в 1904 году. Звартноц — это круглый купольный храм, трехэтажный, поистине гигантских размеров. В плане он представляет собой крест, но лишь апсидная ниша имеет сплошную стену. Остальные три полукруглые ниши являются открытыми колоннадами (по 6 колонн каждая). Это обеспечивает свободный проход круглую галерею между алтарем и внешней стеной.

Размеры этого великолепного здания феноменальны. Согласно расчетам Тораманяна, высота его была 45 метров, а диаметр около 36. На капителях колонн с рельефными изображениями орлов были также высечены спирали и сложные геометрические узоры. На внешних стенах с интервалами расположены высеченные в высоком рельефе небольшие фигуры мастеров-строителей, каждый с каким-то строительным инструментом, видимо соответствующим его ремеслу. Пространство между внешними и внутренними стенами, сложенными из тщательно пригнанных каменных блоков, засыпано для прочности щебнем и залито цементом. Цемент, по армянской традиции, замешивали на яичных белках и желтках, придающих каменной кладке особую прочность. Когда во время набега сарацин в X веке собор был разрушен, захватчикам пришлось разжечь посреди храма огромный костер, чтобы треснули и рухнули арки и подпоры, а затем заставить 600 рабов в течение нескольких недель расчищать и вывозить обломки, чтобы сровнять это место с землей.

Арабская оккупация Армении, которая началась около 650 года, остановила строительство церквей, продолжавшееся почти три столетия. В это время армяне, несмотря на религиозные разногласия, многое впитали из культуры и искусства Омейядского и Аббасидского халифатов, центрами которых были Дамаск и Багдад. Арабские наместники сидели в армянской метрополии — городе Двине. Когда в самом начале X века возродилось армянское зодчество, его национальные традиции дополнились многими новыми веяниями и техническими приемами, параллели которым следует искать в арабском мире, пожалуй, даже в далеких Мавританской Испании, Гранаде и Кордове.

Первый взлет армянского архитектурного ренессанса, после сарацинского владычества, породил церковь в Ахтамаре, на маленьком островке в юго-восточной окрестности озера Ван. Ахтамар, ставший позднее резиденцией независимых армянских католикосов, начинался с дворцовой церкви васпураканских царей династии Ар-

цруни. Ее построил между 915-м и 921 годами для царя Гагика зодчий Манвэл. Это объясняет необычайную роскошь наружных фриз и барельефов, воплотивших многие черты, обычно не связываемые с церковной архитектурой. Базовая структура церкви Ахтамара лишена оригинальности и относится к эпохе постройки церкви Святой Рипсиме в Эчмиадзине, датируемой тремя столетиями ранее. Мы видим в плане традиционный квадратный центральный зал, перекрытый куполом, окруженный с боков привычными четырьмя открытыми апсидами-колоннадами. Скульптуры, составляющие главную гордость здания, прочно удерживают центральное место в истории искусства Среднего Востока. Они имеют особую важность для понимания христианского и мусульманского искусства того периода.

Приведем несколько примеров. Прелестный верхний фриз, изображающий сбор винограда, представляет людей, собирающих тяжелые гроздья. Спелые ягоды клюют птицы, ими пытается лакомиться забредший медведь. В этом скульптурном повествовании, с одной стороны, прослеживаются знакомые темы греко-римского декоративного мотива, а с другой — в нем видны явные параллели с омейядскими гипсовыми рельефами из Кирбат-аль-Мафджара. Можно заметить и несколько поразительных примеров сходства с современным мусульманским искусством. Так, посреди виноградника сидит, скрестив ноги, князь и пьет из кубка вино. Есть там и библейский царь Ассирийский, представленный в виде арабского эмира в тюрбане. Все это напоминает многие эпизоды народного эпоса «Давид Са сунский». И вновь мы встречаем исторические и библейские персонажи в парчовых плащах и вычурных поясах, как-то раз даже в тюрбане. Армянские князья в тюрбанах фигурируют на многих дарственных рельефах в ряде церквей, включая монастырь Хагпат, и портрет царя Гагика I в Ани. Не менее интересно, с точки зрения одежды и амуниции, изображение Голиафа в кольчуге из звеньев и в чешуйчатых латах, с небольшим круглым щитом и прямым мечом, известным по

более поздним арабским источникам. Святой Феодор изображен как византийский всадник. Сплетающиеся павлины и гарпии представлены в исламском стиле, но другие фантастические звери пытаются оживить древние иранские модели сасанидской эпохи: кит Ионы в виде крылатого морского льва; грифон; сказочная птица в путях ловчих соколов, в ошейнике и с бычьими рогами; лев и орел с добычей.

Связи и параллели с исламской архитектурой естественно возникали все чаще по мере развития армянского церковного зодчества, особенно там, где армяне составляли меньшинство среди мусульманского населения. Сталактитовые своды, часто приписываемые сельджукам, были так же хорошо разработаны и применялись у армян, что можно видеть в знаменитой церкви Гегардского монастыря, где целый ряд келий и часовен вырублен в скале. Здесь мы тоже встречаем кельи, сильно напоминающие мусульманские мирабы. Отдельно стоящие гробницы (гунбады или кюмбеты), разбросанные по всей Анатолии и части Ирана, выглядят как купола армянских церквей, отделенные от основания и поставленные наземь. Интересно видеть, как внешний дворик, или нартекс — постоянная черта поздних армянских церквей — иногда напоминает внутренность мечети. Хитроумные узоры пересекающихся и сплетающихся арок, нисходящих к земле от низких оснований колонн, весьма характерны для этого периода. Армяне внесли существенный вклад в мусульманскую архитектуру в качестве планировщиков, дизайнеров и каменщиков. Эти достижения особо подчеркнуты в книге профессора сэра Арчибальда Кресуэла, автора «Ранней мусульманской архитектуры» (1932—1940 гг.) и «Мусульманской архитектуры Египта» (1952—1959 гг.).

Однако, если армянское зодчество иногда оглядывалось на Восток, с не меньшим вниманием оно провидит себя и смотрит на Запад. Лучше всего это заметно в архитектуре церквей и общественных зданий столицы — Вана, Ани, теперь оказавшейся на границе Турции и Республики Армении.

Ани пережил дни своей славы при царе Гагике I (989—1020 гг.), которому блистательно послужил всемирно известный армянский зодчий Трдат. (Его интересную биографию написал доктор К.Л. Оганесян.) До сих пор город Ани, неоднократно разрушенный землетрясениями, производит огромное впечатление. Построенному на скалистом мысу, нависшем над быстрыми водами реки Арпачай, Ани предназначалось стать царской резиденцией и мощной твердыней.

В плане город Ани напоминает грубо начерченный треугольник. С востока его защищали крутые утесы, а с запада — сухое ущелье значительной ширины, со множеством пещер и могильников. Две эти долины смыкаются в вершине треугольника, в южном его конце. Основание треугольника, обращенное к северу, было защищено массивными стенами с круглыми сторожевыми башнями. Стены эти осекали перешеек. В 1836 году У.Дж. Гамильтон оценил высоту этих стен в 45—50 метров. Большая часть укреплений уцелела до наших дней. На многих бастионах имеется включенное в кладку изображение креста — вызов неверным, которые в конце концов все-таки победили.

Главной достопримечательностью Ани является собор, купол которого давно провалился внутрь. Это творение знаменитого армянского зодчего Трдата, заказанное ему царем Смбатом II незадолго до смерти в 989 году. Возведение этого шедевра мировой архитектуры было задержано смертью царя и случившимся в то же время землетрясением, от которого провалился купол Святой Софии в Константинополе. И такой была слава армянского мастера-строителя, что его одного сочли достойным восстанавливать столичную церковь Византийской империи. Укрепленный им купол простоял до наших дней. Святая София была построена при Юстиниане (527—565 гг.), но оба ее первоначальных купола разрушились вскоре после завершения постройки. Только после того, как армянский мастер Трдат построил нынешний купол, в нем появилось кольцо из сорока окон. Расположенные почти у самого основания купо-

ла, они облегчили его вес и привнесли изумительное освещение внутренности храма, чарующее своей красотой. Колоссальный купол, созданный Трдатом, имеет 100 футов в диаметре, а венец его находится на высоте 180 футов от пола.

Неудивительно, что, имея такой опыт, Трдат построил в Ани собор, немедленно признанный шедевром. Даже без купола храм этот поражает зрителя. Техническое его решение далеко превосходит современные ему англосаксонские и норманнские постройки Западной Европы. Уже тогда мы встречаем в этом глухом уголке христианского Востока заостренные арки и объединенные в единый сноп колонны, совместное появление которых считается одним из характернейших признаков зрелой готики. Строгая простота композиции, подобная симфонии Моцарта, придает анийскому собору возвышенную величественность. Продолговатые наружные ступени сложены из камня нежно-розового цвета. Внешние украшения их просты и гармоничны. Ложные арки поднимаются почти до уровня крыши и окаймляют ниши на трех стенах собора. Внутри здания гордые арки аркад изящно изгибаются, образуя изысканную подкову. Своды ниш похожи на хвосты павлинов или китайские шелковые веера. Среди прочих примечательных церквей Ани следует назвать церковь в цитадели; церковь Святых Апостолов; церковь Святого Спасителя; церкви Святого Григория Абугамренца, Святого Григория царя Гагика I, Святого Григория Тиграна Хоненца и прелестную часовню Пастыря, расположенную за городскими стенами. В нескольких церквях сохранились остатки фресок, большей частью выцветшие и осыпавшиеся.

В силу жизненной необходимости армяне были великими мастерами фортификации и вообще военной архитектуры. В этой связи большой интерес представляет замок VII века Амберд, стоящий на юго-восточных склонах горы Арагац, неподалеку от современной Бюджанской обсерватории. С замком соседствует живописная Амбердская церковь, построенная в 1026 году

князем Ваграмом Вахутяном. Любимым местом возведения замков были одинокие скалистые утесы на неприступных горных краях, господствующих над открытой местностью, с которых хорошо просматриваются окрестности. Однако в таких местах всегда не хватало ровной земли, чтобы поставить склады и другие подсобные помещения, так что их приходилось вырубать в скале или располагать во много рядов на крутых склонах.

Эти особенности повлияли также на типичные черты армянских замков и крепостей в Киликии. Армянские замки имеют компактный вертикальный силуэт, который, впрочем, больше впечатляет своим грозным обликом, чем более просторные замки франков. В. Мюллер пишет в своей монографии «Замки крестоносцев» следующее: «Замки Малой Армении также отличаются от современных им оборонительных комплексов франков и арабов многими фортификационными деталями. В то время как строение «стены-полотнища» практически одинаково, если не обращать внимания на вариации кладки и тщательность обработки камня, определяемых местными материалами, между ними существует значительное различие в форме и расположении башен. В отличие от общепринятой во франкских и арабских замках прямоугольной формы башен и бастионов, армянские строители (возможно, под влиянием византийских традиций) предпочитают полукруглые башни, большей частью далеко выдвинутые вперед, чтобы продольным огнем с них можно было защитить плоскость стен и другие доступные противнику точки. Мощный донжон, башня внутри замка, широко распространенная черта франкских фортификаций, в армянских замках встречается крайне редко».

Важное значение имеет тот факт, что к концу независимого существования Киликийской Армении, когда союзы с франками и соответствующие культурные влияния стали играть немалую роль в жизни царского двора, композиция армянских замков также претерпела некоторые изменения. Особенно заметным это было в XIV столетии при недолгом правлении дома Лу

зиньянов. Так что несколько поздних замков, таких, как Анамур и Корик, имеют черты, явно схожие с замками франков-крестоносцев, и в них прослеживаются итальянские влияния.

Мы уже отмечали достижения армян в области скульптуры. До последнего времени скульптуре практически всегда отводилась роль служанки архитектуры. Армяне практически не делали попыток подражать грекам и римлянам в скульптуре и не внесли сколько-нибудь значительного вклада в скульптуру итальянского Возрождения. Они компенсировали это созданием великолепных фризов и барельефов, высеченных на стенах церквей, и прекрасной, неподражаемой по тонкости, резьбе по камню на хачкарах, то есть на «крест-камнях» (памятных надгробиях). Поистине восхищает нежная забота, вложенная в каждую деталь тысяч памятных сооружений, от придорожных фонтанов и караван-сараяв до царских дворцов и столичных соборов.

Многие приемы и темы армянской скульптуры унаследованы от эллинских времен. Остальные, как уже упоминалось в рассказе об Ахтамаре, восходят к сасанидским и исламским образцам. Однако достигнутый в результате синтез есть чисто армянское явление искусства. Мастерское использование коринфских и ионических капителей вкупе с акантами и виноградными лозами растительного орнамента сочетается с лепкой человеческих фигур, оживленных талантливой рукой, исполненных натуралистически, а иногда шутливо. Фасады церквей начиная с VI столетия и далее украшены фигурными скульптурами. Так, в Птхаванке архивольт окна на южном фасаде украшают два летящих ангела, по бокам которых в медальонах помещены три бюста святых. Слева, ниже архивольта, всадник, вооруженный луком и стрелами, вступает в схватку со львом; а справа мужчина вонзает пику в грифона. В церкви Мрена, датируемой VII веком, мы вновь видим двух ангелов, занимающих верхнюю часть тимпана, в то время как в нижней его части Христос и трое святых с книгами в руках стоят по обе стороны двойного креста. Точное

воспроизведение костюмов — неотъемлемая черта изображений: основатель церкви Давид Захаруни и его жена обращены к центральной группе. На нем длинная туника, поверх которой накинут тяжелый, видимо меховой, кафтан с длинными узкими рукавами, свисающими вдоль боков.

Многие темы армянских скульптур обычны для искусства народов Западной Азии, а некоторые уходят корнями в древние цивилизации Месопотамии. Среди самых распространенных сюжетов лев «на ходу», с головой повернутой в сторону зрителя, так что мы видим его «анфас»; пара львов, мордой к морде или спиной к спине; погоня одного животного за другим и схватка их; всадники и другие фигуры, изображенные симметричными парами по обе стороны от дерева; фантастические крылатые четвероногие существа или птицы. Некоторые из лучших образцов армянского «животного стиля» относятся к относительно позднему периоду. Но ни один уважающий себя путешественник не должен упустить возможность посетить монастырь Святого Копья в Гегарде, в 38 километрах к востоку от Еревана. Он представляет собой комплекс удивительных зданий, вкуче с кельями, вырубленными прямо в материковой скале. Герб княжеского рода Прошьянов, владевших монастырем в XIII веке, господствует над подземным мавзолеем, представляя целый круг вырубленных в камне фантастических зверей и птиц.

Особое внимание уделялось обрамлению дверных и оконных проемов. После сельджукских завоеваний в Армении мы видим появление относительно маленьких дверей, окаймленных невероятно вычурными арками, с геометрическим узором, заставляющим вспомнить мусульманские мотивы. Барабаны церквей украшают изящные слепые аркады с трехлепестковыми арками, опять же ведущими происхождение от исламских источников. Эти барабаны позднее претерпят значительные изменения в сторону большей сложности рисунка и вычурности. Коническая крыша, вместо того чтобы остаться округлой в месте встречи с барабаном, иногда

приобретает хитроумный зигзагообразный край, а в самом месте стыка появляется богатый скульптурный орнамент.

Одной из достопримечательностей средневековой армянской скульптуры является обилие хачкаров, которые сотнями стоят на кладбищах, а также вокруг главных монастырей и кафедральных соборов. На этих прямоугольных кусках камня вверху на плоскости рельефно высечен крест, часто перевитый сложным узором волнистых нитей, листьев и цветов, превращающим его в Древо Жизни. Вокруг располагаются птицы и животные. Типичным является также присутствие Христа, Богоматери с младенцем, ангелов и святых, а иногда Даниила в темнице со львами, сцены жертвоприношения Исаака, Рождества Христова либо Крещения Христа. Поминальные надписи сообщают имя и фамилию усопшего, часто дополненные датой и набожным прощанием. Разнообразие хачкаров бесконечно, одинаковых практически не встречается.

Некоторые архаичные хачкары выглядят гораздо проще. Мы видим такие в Талине, Харидже и Адиямане. На этих примитивных памятниках обычно имеются высеченные в архаичном стиле божественные или библейские персонажи. Они очень напоминают подобные изображения на древних ирландских крестах, какие можно увидеть, например, в Клонмакнойсе, Келлсе и т. д. Параллели между кельтской и армянской скульптурой и сплетающимися орнаментами уже обращали на себя внимание ряда ученых. Создается впечатление, что тут проглядывает некий слабый намек на посещение Ирландии на заре христианства армянскими монахами и миссионерами. Впрочем, логичнее было бы предположить, что такое сходство проистекает из общего корня, общего для всех народов артистического чутья и одинакового, наивного и в то же время почтительного, подхода к проблемам христианской иконографии.

В наши дни фигурная скульптура Армении продолжает развиваться. Первопроходцем в этой области является Ерванд Кочар, создатель конной статуи Давида

Сасунского. Это оригинальное и одухотворенное произведение искусства установлено в центре площади перед Ереванским железнодорожным вокзалом. Вставший на дыбы конь и мужественный порыв героя словно символизируют возрождение Армении и ее извечное презрение к врагам. В Республике Армении есть также целая группа скульпторов-авангардистов. Одним из лучших представителей этого движения является Арто Чакмакчян, окончивший Ереванскую школу искусств, и впоследствии преподававший в ней. Одно из наиболее поразительных его творений называется «Хиросима». Одинокое высится над одичалым унынием голова человека 50 метров высотой, опирающаяся на руку. Одно глазное яблоко покачивается на ветру в пустой глазнице, издавая время от времени глуховатый подрагивающий стук. Как ни современна на вид эта работа, она вся идет из глубины древнего искусства Армении и Урарту, которое мы находим в древних храмах и фризах. Это искусство, как сам он говорит, одновременно «и монументальное, и отчаянно выразительное». Работы Чакмакчяна показывают его хорошее знакомство с творчеством таких разных скульпторов, как Роден и Генри Мур. В 1968 году был открыт памятник его работы самому знаменитому композитору Армении — Комитасу.

Родственным каменной скульптуре является искусство резьбы по дереву. Армяне в этой области всегда отличались мастерством и превосходили многие другие народы. Некоторые шедевры такого рода, например капители колонн, церковные врата, дошли до нас из глубины веков: им более тысячи лет. Замечательным примером этого искусства являются капители колонн в одной из церквей близ озера Севан, украшенные резными павлинами и утками. Тамара Тэлбот Райс сравнивает манеру исполнения этого шедевра с фигурами птиц на Ахеменидском золотом диске из Ахалгорийского клада, найденного в Грузии. В Ереване можно также увидеть поразительную резную деревянную дверь, привезенную из церкви в Муше. Она датируется 1134 годом и поистине чарует зрителя своим изящным орнаментом.

Ее, рискуя жизнью, в 1915 году спасли от оттоманского погрома и в конце концов благополучно внесли в экспозицию Исторического музея.

Близка по истокам к резьбе по дереву резьба по слоновой кости. Выдающимся образцом ее является выставленный в витринах Матенадаранской библиотеки манускриптов переплет Эчмиадзинского Евангелия из слоновой кости. Будучи старше самого манускрипта, этот переплет датируется VI веком. Он сравним с лучшими изделиями византийской работы. На его панелях изображены Богоматерь с младенцем, Бегство в Египет, Поклонение волхвов, Въезд в Иерусалим и другие эпизоды из жизни Христа. И на передней, и на задней обложках присутствуют два ангела, держащие в руках гирлянду, обрамляющую крест.

Здесь следует также кратко рассмотреть армянскую работу по металлу, в том числе штамповку. Она дошла до нас в виде ковчегов для мощей (реликвариев), триптихов и переплетов с выпуклым рельефом. Армяне по сей день считаются великолепными златокузнецами, искусными ювелирами и мастерами работы по серебру. К сожалению, жадные захватчики и жернова времени стубили практически все ранние (до XIII века) образцы армянских металлических изделий. Лучшие собрания того, что осталось, находятся в музее Эчмиадзинского собора, в Государственном Историческом музее в Ереване, в патриаршей ризнице в Иерусалиме и ризнице католикосата Киликии, ныне переехавшей в Антелиас близ Бейрута в Ливане. Лучшие вещи этой последней исторической коллекции приведены среди иллюстраций «Альбома Киликийского католикосата», вышедшего в Антелиасе в 1965 году. В этой коллекции следует особо выделить серебряный переплет Евангелия католикоса Константина I, сделанный в 1248 году, на котором изображен Христос во славе на троне на передней обложке и распятый Христос на задней. Оба образа окружены маленькими крестиками и медальонами, с изображениями Святой Девы, святых и символических фигур фантастических крылатых зверей, создающими композицию

красоты неопишуемой. Переплет другой книги, некогда принадлежавшей католику Константину, а ныне находящийся в Ереване, датируется 1255 годом и выполнен из золоченого серебра. Надписи с посвящениями обрамляют две большие композиции: Деисус на передней обложке и четыре стоящих евангелиста на задней. Как и на некоторых византийских изделиях из резной слоновой кости, выполненных в XI веке, Христос стоит между Богородицей и святым Иоанном Крестителем, вместо того чтобы воссесть на троне, в соответствии с более привычным построением Деисуса.

По мнению Сирарпии Дер Нерсесян, самым лучшим образцом армянского искусства работы по металлу является позолоченный серебряный реликварий в форме триптиха, преподнесенный царю Гетуму II католиком Константином II в 1293 году. Этот прославленный шедевр известен как реликварий из Скевры и часто приводится в иллюстрированных изданиях. На его центральной панели имеются изображения святого Григория Просветителя и апостола Фаддея, стоящих по обе стороны креста. Апостолы Петр и Павел даны в погрудном изображении в круглых медальонах, вкупе с четырьмя святыми, один из которых Вардан Мамиконян, герой битвы при Аварайре. На крыльях триптиха представлены Благовещение и медальон с фигурой царя Гетума II, коленопреклоненного в благочестивом молении.

В каждой крупной армянской церкви и соборе имеется достойное собрание золотой и серебряной алтарной утвари, а также изобилие украшенных драгоценными камнями митр, риз, дарохранительниц, кадил, расшитых покровов из шелковой золотой парчи, серебряных голубей для наполнения Святым елеем, необходимым при помазании, священнических крестов и богато украшенных золотых чаш для причащения. Некоторые из этих предметов исполнены с величайшим мастерством и талантом. Среди реликвий Антелиаса имеется серебряный, украшенный выпуклым рельефом ковчег, в котором хранятся мощи (кисть правой руки) святого Григо-

рия Просветителя. И в Эчмиадзине, и в Антелиасе мы видим реликвии, представляющие собой правые кисти святых, помещенные в золотые или серебряные ковчеги в форме руки. Они выглядят как металлические перчатки. Несколько подобных священных армянских реликвий находятся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, в том числе так называемые «Тау-кресты», верх которых выполнен в форме буквы «Т», часто обвитой фантастическим орнаментом в виде змей и мифических существ.

Кроме архитектуры, скульптуры и работы по металлу армяне отличались талантом к живописи. Действительно, фресковая живопись — один из самых великих жанров Средневековья — в Армении почти не представлена. Однако это связано с тем, что каменным сооружениям больше подходит резьба по камню, чем роспись. К тому же на территориях, находившихся под исламским владычеством, и простой люд, и знать относились к картинам с изображением людей, мягко говоря, с предубеждением. Даже в Эчмиадзинском кафедральном соборе внутреннее убранство отличается обилием стилизованных цветов и листьев. Кроме того, многие разрушенные церкви веками оставались без кровель, а потому, если фрески и были там, дождь и снег постарались их уничтожить. К тому же в XIX веке у русских была некая мания белить внутренние стены церквей, и этому примеру следовали некоторые чересчур ретивые армянские священники.

Однако в некоторых церквях VII века все еще видны следы настенных росписей и декоративных мозаик. Древние армянские мозаики, найденные в Иерусалиме, являются нам цветочные мотивы, а также изображения Орфея (любимый языческий образ, перенесенный в христианство). Около 610 года армянский богослов Вртан Кертописал, что на стенах церквей представлены многие события христианской истории: Мадонна с Младенцем; мученичество святого Стефана; пытки, которым подверг святого Григория Просветителя царь Трдат; портреты великомучениц Гаяне и Рипсима, а также их подруг; чудеса

Христовы и сцены из его жизни. Далее Вртан утверждает, что «все, о чем рассказано в святом Евангелии, нарисовано в церквах». Знаменитая церковь в Ахтамаре богата настенными росписями, возраст которых относится к X столетию, как и возведение самой этой церкви. На них показана вся жизнь Христа, от Благовещения и Рождества до Распятия и Вознесения. Историк Степан Орбелян сообщает о великолепных фресках, украшающих церкви в Сюнике, то есть в Северо-Восточной Армении, относящихся к X веку, когда прославленный поэт Григорий Нарекский воспевал портреты святых в церкви Святого Креста, заложенной в 983 году Степаном из Мокка.

Даже после сельджукского нашествия на Армению в стране продолжало процветать искусство фресковой живописи. Ему покровительствовали грузины, большие поклонники настенных росписей, установившие в XII и начале XIII века свой протекторат над Арменией. Лучшее всего сохранившимся примером этого, несомненно, является церковь Святого Григория в Ани, возведенная Тиграном Хоненцем в 1215 году. Внутренние стены там покрыты благородными и впечатляющими фресками снизу доверху, вплоть до крыши, то есть включая купол. Среди изображенных событий мы видим и обращение Армении в христианство, осуществленное святым Григорием, и Успение Богородицы, и другие приличествующие случаю темы. Надписи сделаны на грузинском языке. В изображении человеческих фигур явно прослеживается греческое влияние, то есть здесь наблюдается отход от расцветших национальных армянских традиций в пользу более привычной формализованной манеры.

Пожалуй, еще более глубокое понимание средневековой армянской живописи можно получить при знакомстве с иллюстрированными манускриптами, в создании которых эта нация породила мастеров мирового уровня. Армянский алфавит был изобретен в V веке святым Месропом Маштоцем. После этого вскоре были переведены на армянский с сирийского, а затем и с греческого Евангелия и другие литургические и священные тексты. Сирийцы были умелыми и опытными создате-

лями иллюминированных, то есть украшенных рисунками, манускриптов. Налет восточной экзотичности несомненно, берущей начало в Сирии, присутствует в ранних армянских иллюминациях. Около 600 года в Армении уже появляются самостоятельно произведенные иллюминированные манускрипты, о чем свидетельствует приводимая Сирарпией Дер Нерсесян цитата из писаний богослова Вртана Кертога: «Мы видим еще книгу Евангелия, переплетенную, рисованную на пергаменте не только золотом и серебром, но также слоновой костью и пурпуром. Но когда склоняемся мы перед Святым Евангелием или прикладываемся к нему поцелуем, мы поклоняемся не слоновой кости или красной краске, привезенным на продажу из земель дикарских, но преклоняем колена перед словом Спасителя, писанном на пергаменте».

Этот текст одновременно указывает на возможность того, что ряд цветных миниатюр был привезен из-за границы и лишь затем внесен в армянские манускрипты местного изготовления, но также на то, что искусственно создания иллюминированных рукописных шедевров, несомненно, было освоено в Армении уже в столь раннюю эпоху. Лучшим доказательством этого является набор из четырех миниатюр, вплетенных в конец Эмидзинского Евангелия 989 года. С ним легко можно ознакомиться, так как он репродуцирован в книге мадам Лидии Дурново «Армянская миниатюра». Вышеуказанные миниатюры, аналогичные фрескам VI и VII веков, имеют явно местное происхождение. Они исполнены в строгой манере и как бы в монументальном стиле. Нельзя не восхититься роскошью архитектурного оформления, служащего им фоном, и необычайно жизненными и выразительными лицами людей и божественных персонажей, их темными, словно глядящими вам в душу очами. Прекрасен оригинальнейший узор, окаймляющий сцену Крещения Христа: пеликан стоит на золотой чаше, украшенной драгоценными камнями. Сама чаша, в свою очередь, стоит на вычурном дискоксе. Этот мотив, разумеется, имеет глубокий евхаристический смысл

и возвращает нас к религиозной символике первых лет христианской церкви.

Как и в случае с архитектурой, освобождение Армении от сарацин и создание Багратидского царства в Ани, а также воцарение Арцруни в Васпуракане дали мощный стимул для творческого взлета оригинального таланта армянских миниатюристов. Подавляющее большинство иллюминированных манускриптов IX и X веков — это Евангелия, потому что они были самыми священными и повсюду используемыми книгами христианской церкви. Украшение их сосредоточивалось на первых листах, содержащих Послание Евсебия Карпиану, разъясняющее согласованность четырех Евангелий. Эти согласования, или канонические таблицы, украшены сложными узорами в виде аркад, а вся композиция напоминает церковную паперть. Орнамент из животных, цветов или геометрических гирлянд заполняет люнеты (округлые просветы) этих аркад, а вокруг них идет окаймление — цветы и птицы. В большинстве случаев за каноническими таблицами следует рисунок на полный лист. Он имитирует маленький круглый храм (темпиетто), обрамленный кипарисами и птицами. Затем чаще всего мы можем встретить евангельские сцены и образы Богоматери и Иисуса Христа. Постоянно иллюстрацией являются четыре евангелиста, причем каждый нарисован на отдельном листе и показан в процессе писания за столом, обычно с церковью на заднем плане. Другая излюбленная тема — жертвоприношение Исаака. Типичные евангельские сцены — Рождество Христа, Въезд в Иерусалим, Тайная Вечеря, Распятие Христа и Вознесение.

Одно из самых прославленных, вызывающих всеобщее восхищение раннеармянских украшенных Евангелий принадлежало васпураканской царице Млке, супруге Гагика Арцруни. Оно создано в 862 году и подарено ею Варагскому монастырю, расположенному неподалеку от Вана. Это знаменитый кодекс № 114 в собрании манускриптов Армянского мхитаристского монастыря Сан Лазаро (Святого Лазаря) в Венеции.

Сцены охоты на крокодилов, украшающие Послание Евсебиа, доказывают, что армяне имели представление о жизни Египта или, по крайней мере, были знакомы с александрийской художественной школой. В обрамление второй канонической таблицы включены осьминоги и другие морские животные. Смелая импрессионистская манера, в которой написаны портреты евангелистов и Вознесение, ставит это Евангелие в первый ряд средневековой миниатюры. Хорошо известные многим поколениям искусствоведов изумительные миниатюры Евангелия Млке, вкуче со многими другими шедеврами венецианского собрания, представлены миру в виде альбома, вышедшего в Сан Лазаро в 1967 году под редакцией отца Месропа Джанашьяна.

Уже в начале XII века среди классических религиозных тем армянских миниатюр к Евангелиям появляются мотивы «низменные», обыденные. В миниатюрах Гагапатского Евангелия — имеется в виду копия 1211 года, сделанная в Хоромосском монастыре под Ани, — художник пренебрег общепринятыми традициями христианской иконографии и написал Въезд Христа в Иерусалим в высшей степени оригинально. Он изобразил красивое многоэтажное здание, похожее на современный ему особняк в самом Ани, на пороге которого стоит богатый хозяин, вышедший встречать почетного гостя. Он приказывает слугам расстелить ковер под ноги Христу, слезающему с осла. На балконе несколько юношей заняты дружеской болтовней с девушками. Несколько веселых горожан с музыкальными инструментами залезли на ивы и рубят ветки, чтобы устлать ими Христу дорогу. Счастливая сцена. На другой миниатюре того же Евангелия мужчина сидит под деревом и играет на сазе, армянской разновидности гитары. Звукам саза подпеваает с персикового дерева дрозд. От таких живых сцен остается лишь крохотный шаг до изображений в более поздних манускриптах, в которых Христос представлен в средневековом костюме (широких штанах и кожаных сапогах).

Обаятельнейшей чертой армянских миниатюр-иллюстраций среднего и позднего периодов является посто-

янное присутствие в них птиц с человеческой головой, причем в манускриптах, копии которых создавались в Великой Армении, они встречаются чаще, чем в киликийских. Происхождение этого орнамента уводит нас в Древний Египет, где птицы были символами человеческих душ, и в аттическую эпоху Греции, где существовали фигурки сирен с головой и грудью женщины. Мотив этот встречался и в византийском искусстве. Однако армянские человекоподобные птицы ближе к византийскому типу и часто с короной на голове. Встречаются также четвероногие существа с человеческой головой и фигуры птиц с бюстом женщины. Подобные же мотивы использовались и в средневековой архитектуре Армении, а именно на капителях и фризах одной из анийских церквей X столетия. Другими излюбленными узорами орнамента являются букеты, сердце, чаша или кубок, светильник стоячий и богато изукрашенный крест, покрытый изысканными стилизованными изображениями пальм, аканта, лобелии, свитков и спиралей, причем рисунок часто перегружен до того, что теряется основной контур композиции.

Как бы ни были великолепны иллюминированные рукописи Великой Армении начиная с IX века и далее, но, если мы хотим увидеть наивысшие достижения армянской миниатюрной живописи, нам следует обратиться к киликийским манускриптам, живописное искусство которых достигло своего апогея при Левоне I и Гетуме I. Родоначальником киликийской школы был Киракос работавший в Дразарке и Громкле, которого его знаменитый ученик, великий Торос Рослин, называл «блистательнейшим писцом». Основные труды Киракоса пришлось примерно на 1240 год. Несколько его работ хранятся в библиотеках Вены, Венеции, Антелиаса и Еревана. Бессмертный Торос Рослин работал в Громкле и Сисе, главным образом между 1260-м и 1270 годами. Торос Рослин обладал мощным творческим темпераментом, был одарен живым воображением и безупречным вкусом в гармоничном сочетании цветов, а также тонченным чутьем в композиции и рисунке. Несом-

ненно, он много путешествовал, хотя биография его неясна. Византия и Италия расширили его художественные горизонты, но чувство прекрасного было у него врожденным и интуитивным. Произведения его отличаются совершенством пропорций; стиль мужественный и отточенный, а композиции изобилуют разнообразием тем и приемов, а также ясной четкостью рисунка. В своих работах Торос Рослин являет нам все достижения его предшественников и современников, усиленные и углубленные собственным мастерством. Недаром Тороса Рослина называют предтечей итальянского Ренессанса. Несмотря на то что он был миниатюристом, искусство его соизмеримо с шедеврами Джотто и Чимабуэ. Оно утвердило за ним почетное место в истории мирового искусства.

Все, за исключением двух, шедевры Тороса Рослина сохраняются в библиотеке Армянского патриархата в Иерусалиме. Западная публика имела неожиданную возможность насладиться двумя великолепными работами Рослина, когда из Армянского патриархата в Иерусалиме было украдено 23 ценных манускрипта предположительно шайкой воров, специализирующихся на предметах искусства. В марте 1967 года они были привезены в Лондон для продажи на аукционе. Одной из двух работ Рослина было «Гетумово Евангелие», созданное в Громкле в 1268—1269 годах и содержащее 18 миниатюр и полный лист; второе, переписанное и украшенное в 1262 году, знаменитое двойным портретом князя Левона Армянского и жены его, княгини Керан, представляет собой редкий образец армянского светского портрета. Обстоятельства передачи манускриптов в Лондон заставили власти предположить, что кто-то из хорошо информированных воров мог иметь законный доступ во внутреннюю сокровищницу Иерусалимского патриархата. Быстрые действия армянских сообществ по всему миру и британских друзей Армении обеспечили благополучное возвращение манускриптов в Иерусалим, хотя успел выйти каталог предпродажного просмотра с 20 репродукциями, в том числе тремя цветными.

Вторым великим мастером киликийской школы армянской миниатюры был Саркис Пицак, плодотворно работавший в XIV веке на протяжении 50 лет. Прозвище Пицак, означающее «пчела», он, согласно легенде, получил от своего отца, писца Григора, который застал сына за рисованием пчелы. Она получилась очень натуральной и достоверной во всех деталях. С другой стороны, Саркис Пицак мог получить такое прозвище за то, что отличался поразительным трудолюбием и неистощимой энергией. Его умелые и высокохудожественные произведения находятся во многих основных собраниях мира, в том числе в Ереване, венецианском Сан Лазаро, Иерусалиме и Библиотеке Пирпонта Моргана в Нью-Йорке. Возможно, Саркису Пицаку не хватало гениальности и воображения Тороса Рослина, однако его работы свидетельствуют о несравненном техническом мастерстве. Он явно проявляет склонность к восточным мотивам, а не к греческой и итальянской изысканности Рослина. В его рисунках птиц и животных отсутствуют изящество и стилизация. Контуры упрощены, формы стали весомей, тяжелее, будучи подчинены четкости геометрических фигур. Одна из работ, иллюстрированная Саркисом Пицаком, имеет историческое значение — это армянский вариант антиохийского судебного разбирательства, переведенный великим коннетаблем Смбатом. Венецианский манускрипт № 107 в Сан Лазаро содержит иллюминированную страницу, на которой изображен царь Левон IV на троне. Он творит суд, и все фигуры одеты в современные художнику одежды.

Где бы за пределами родины ни селились армяне, они усердно и любовно принимались создавать иллюминированные манускрипты необычайной красоты. Уже в 1007 году, еще до падения династии Багратидов, в Адрианополе (Эдрине) на границе с Болгарией армянами было переписано и украшено миниатюрами Евангелие для протоспафария (главнокомандующего; по-гречески протоспафарий — первый меч) Иоанна, высшего чиновника-армянина на византийской службе. В публичной галерее «Матенадаран», в Ереване, можно увидеть

миниатюры, созданные в Тебризе (Персия) в 1337 году; иллюминированные Евангелия из Феодосии (Крым) от 1649 года; Библию, писанную и украшенную во Львове (Польша) в 1619 году; еще одну Библию, иллюминированную в Константинополе между 1654-м и 1660 годами. Весьма интересные местные школы выросли в Малой Азии и Великой Армении во время владычества Османской империи. Это школы Вана, Эрзинджана, Хизана, Мелитены (Малатья), Карина (Эрзурума) и Себастии (Сиваса), а также Нахичевани и Новой Джульфы, находившейся недалеко от Исфахана в персидской зоне влияния. Хизанская школа, с центром в регионе южнее озера Ван, переживала наиболее деятельный свой период в XIV веке и создала много ценных интересных работ. Их отличали яркий колорит в красных, оранжевых и золотых тонах, который компенсировал отсутствие анатомической точности в изображении людей. (Мы встречаем в этих работах худые, изможденные, перекрученные фигуры, заставляющие вспомнить картины Иеронима Босха.) Кроме того, появлялись иллюстрированные светские книги, истории «низкого» жанра, а именно «Роман Александра Великого», сочинение псевдо-Калисфена.

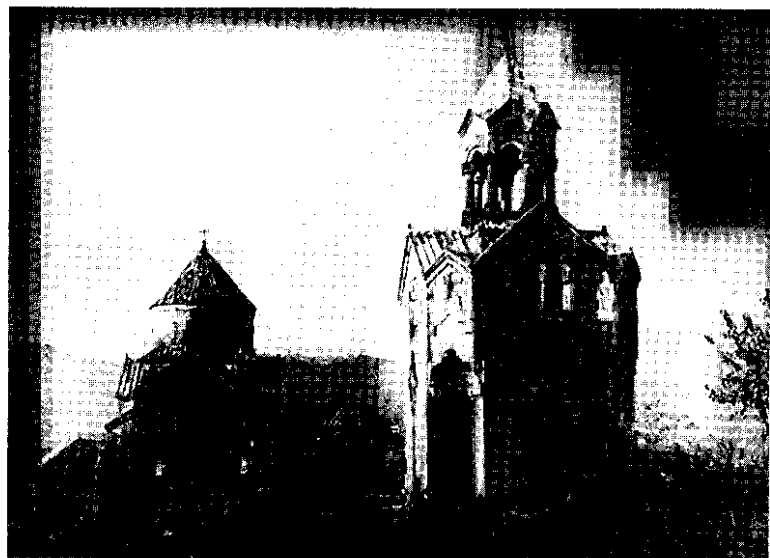
Поразительное впечатление, которое производили армянские украшенные (иллюминированные) манускрипты, было результатом мастерства художника и необычайного технического умения в приготовлении и применении различных красок. Многие миниатюры, несмотря на пережитые напасти от дождя и мороза, плесени и муравьев, а также постоянное пользование ими в церковных отправлениях, до сих пор остаются такими же яркими, как в момент их написания. Армяне были великими химиками и умели создавать и искусно смешивать редкие пигменты. Уже в VII веке Вртан Кертог установил, какие материалы и ингредиенты нужны для успешного приготовления чернил и красок, потребных для создания манускрипта: в пигменты для написания текста добавлялись серный купорос, чернильные орешки (галл), смола; в состав красок для рисования фигур

входили молоко, яйца, мышьяк, ляпис-лазурь, ярь-медянка, известь и другие ингредиенты минерального, животного и растительного происхождения. В Средние века знание этих секретов продвинуло Армению далеко впереди соседей и в области медицины, и в создании драгоценных иллюминированных манускриптов.

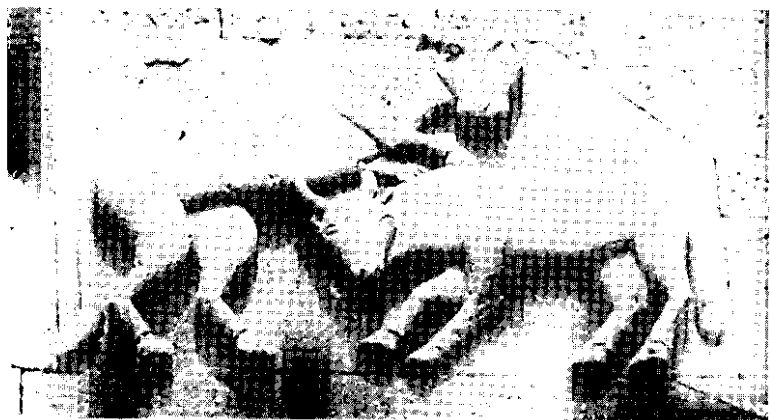
В отличие от архитектуры, изучение которой требует длительной поездки на Ближний Восток, узнать и полюбить армянскую миниатюру легко. Мы уже упоминали о прекрасных публикациях мадам Лидии Дурново, профессора Сирарпии Дер Нерсесян и мхитаристских отцов в Венеции. Королевская библиотека Британского музея почти постоянно выставляет на обозрение собрание армянских иллюминированных манускриптов. Так же поступает Библиотека Честера Битти в Дублине. В Америке имеются Библиотека Пирпонта Моргана в Нью-Йорке, а также внушительная коллекция в галерее «Фрир» в Вашингтоне. Безжалостно изгнанные с родины, армяне рассеяли бесценные сокровища красоты и благочестивых трудов на радость бесчисленным поколениям людей по всему цивилизованному миру.

Начавшееся в XVIII веке продвижение западноевропейской культуры и европейского политического влияния на Ближний Восток не могло не отразиться на характере армянского искусства и армянской культуры вообще. Была подорвана монополия церкви на главенствующую роль в развитии искусств и литературы как среди армян Константинополя, так и армян Российской империи. Живопись вышла из монашеских келий в модные салоны. После российской аннексии Кавказской Армении в 1828 году талантливым армянам оказалась открытой дорога в Академию художеств Санкт-Петербурга и к покровительству богатых русских аристократов и купцов. Расцвет состоятельного космополитического общества с центром в Тифлисе (ныне Тбилиси) при дворе русского наместника на Кавказе дал армянским художникам новые возможности, которыми они не замедлили воспользоваться.

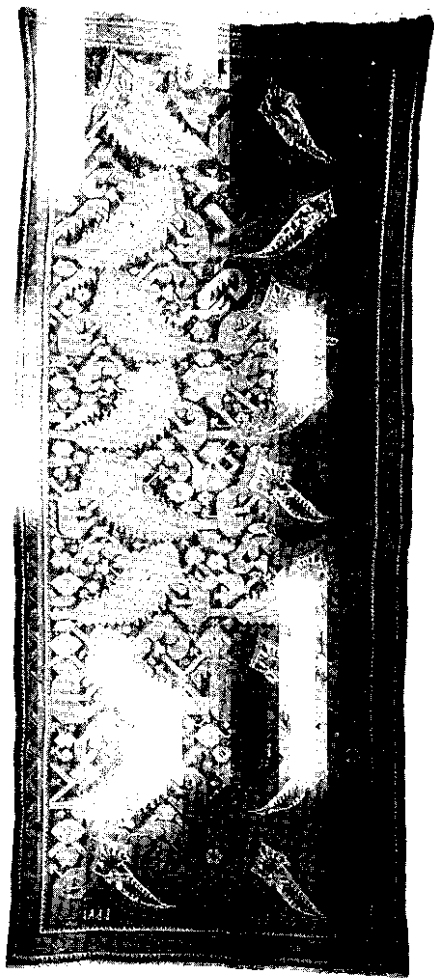
Среди армян-художников XIX века самым замечательным, несомненно, был Ованес (в России — Иван

Монастырь Хагпат

Гетард, надвратная скульптура

Ковер шушинско-карабахский

Ковер-«горadis»

Константинович) Айвазовский, уроженец Феодосии в Крыму (1817—1900 гг.). Айвазовский — один из выдающихся мировых мастеров маринистики, к тому же и самый плодовитый. Ему приписывают около четырех тысяч картин, хотя признают иногда, что у него была привычка подписывать наиболее талантливые работы самых лучших учеников своей мастерской. В юности творческое воображение Айвазовского покорила и возбудила греческая война за независимость, особенно битва при Наварине. В поздние годы он писал: «Первыми картинами, которые я увидел в то время, когда искра страстной любви к живописи загорелась во мне, были литографии, изображающие подвиги героев конца 1820-х годов, сражающихся с турками за освобождение Греции. Позднее я обнаружил, что ту же симпатию к грекам, сбрасывающим турецкое иго, выражали все поэты Европы: Байрон, Пушкин, Гюго, Ламартин... Мысли об этой великой стране преследовали меня в виде образов битв, которые велись на суше и на море».

Выдающийся талант Айвазовского рано заслужил признание. В 1833 году он был принят в Петербургскую академию художеств, где получил несколько медалей. Шесть лет спустя он принял участие в морской экспедиции на Черном море. С 1840-го по 1844 год Айвазовский провел за границей в Италии, куда был послан для завершения художественного образования. Там он написал много прелестных сцен венецианской жизни, а затем присоединился к адмиралу Литке в плавании к берегам Малой Азии и островам Греческого архипелага. Плодом этого путешествия было его огромное полотно «Чесменская битва», пробуждающее в памяти блестящую победу флота Екатерины Великой над турками в 1770 году. Одновременно с пристрастием к историческим сюжетам Айвазовский приобретает вкус к воссозданию драматических и трагических коллизий жизни моря. Красноречивым свидетельством этого стала его картина «Девятый вал», на которой несколько несчастных, потерпевших кораблекрушение, цепляются за оситки своего суденышка. В первых лучах рассвета они с

ужасом смотрят на огромную волну, которая вздымается над ними, готовая обрушиться на них и похоронить в морской пучине.

Великий маринист был неисправимым романтиком. Он принадлежал к веку Делакруа, Берлиоза и Виктора Гюго, к России Пушкина и Лермонтова. Его излюбленными темами были штормы, грозы на море, морские сражения... Понятно, что при этом он не мог, мирно сидя в студии, писать подобные картины. Однако он заявлял, что художник не должен всего лишь копировать природу, ибо живые движущиеся стихии ускользают от кисти художника: немислимо написать с натуры молнию, порыв ветра, плеск волны. Живописец должен накопить их зрительные образы в своей голове... «Тема картины формируется в моей памяти, как в памяти поэта. А затем, сделав грубый набросок на клочке бумаги, я сажусь за работу и не покидаю холста, пока не перенесу на него кистью мое видение».

В 1869 году Айвазовский едет в Египет, чтобы принять участие в торжественном открытии Суэцкого канала. На основании этих впечатлений он написал общую панораму канала и серию картин с пейзажами Египта и жанровыми сценами на фоне пирамид, сфинксов и верблюдов. В следующем году была пятая годовщина русского открытия Антарктиды, и Айвазовский был приглашен совершить быстрый переход из тропиков в страну вечных снегов, дабы запечатлеть их в назидание потомкам. Так была создана картина «Ледовые горы». В течение 1870-х годов Айвазовский написал множество ноктюрнов, изумительно передавая игру лунного света на морских волнах. Снова и снова он возвращается к любимым своим морским видам Черного моря. Оно становится предметом его впечатляющего полотна от 1881 года, где мощно отражен мрачный и бурный характер Понта Эвксинского. В возрасте 81 года, в 1898 году, Айвазовский завершает свой шедевр «Среди волн», свободный от всех посторонних элементов, вроде терпящих кораблекрушение или скалистых берегов. Это чистое абстрактное видение вечной тайны океана.

Действительный член пяти академий, Айвазовский выставлял свои работы даже в далеком от России Лондоне. Любимые свои полотна он завещал художественной галерее, которую основал в родном крымском городе Феодосии. Счастливый парадокс: сын горной замкнутой страны Армении достиг вершин известности в жанре, требующем полного творческого погружения в глубины моря и в глубины живописного мастерства при изображении вечно изменчивой природы морской стихии.

Когда мы переходим к искусству Советской Армении, в мыслях возникает одно имя, на которое ссылаются все и повсюду как на квинтэссенцию национального гения и возрождения народа и культуры. Это Мартирос Сарьян, родившийся в Нахичевани, близ Ростова-на-Дону, в 1880 году. Сегодня его называют мастером. Его портреты висят во многих армянских домах и скромных лавках. Талант Сарьяна вырос в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где учителями его были Серов, Коровин, Левитан, Архипов, Касаткин, Корин, Степанов и Пастернак. С 1907 года Сарьян находился под сильным влиянием группы художников-авангардистов объединения «Голубая роза», которую советские критики заклеили как «декадентскую» и «формалистскую». Путешествия в Турцию, Египет и Персию (с 1910-го по 1913 г.) открыли Сарьяну экзотическое обаяние и таинственную атмосферу Востока, что стало знаменательной фазой его долгого и многообразного творческого пути.

С ранней юности Сарьян мечтал жить и работать в Армении, краю своих предков. По его собственным словам, он был зачарован Южным Кавказом. «Там я впервые увидел солнце и глубоко ощутил его тепло. Караваны верблюдов, спускающиеся, позвякивая колокольниками, с горных склонов; пастухи с загорелыми лицами, пасущие отары овец, стада коров и коз, ослов, табуны коней; уличная жизнь; турчанки, скользящие под черными и розовыми покрывалами в фиолетовых шароварах и деревянных сандалиях; армянки с большими чер-

ными миндалевидными глазами и многое другое — это те черты жизни, о которых я грезил с раннего детства. Я ощущал, что природа — это мой дом, мое единственное утешение, что мое восхищение ею совершенно отлично от восхищения произведениями искусства, потому что последние недолговечны и эфемерны. Природа, многогранная, многоцветная и насыщенная чудесной и непонятной силой, была моим единственным учителем».

Во время Первой мировой войны Сарьян работал среди голодающих беженцев от турецких погромов и вместе с такими друзьями Армении, как Валерий Брюсов и Максим Горький, отдавал все силы и всю энергию облегчению страданий своих соотечественников. С раннего детства Сарьян начал вырабатывать свою технику передачи природных красот своей родной земли. «Сначала меня увлекли фантастические явления природы. Это было необходимо мне, чтобы найти формы и рисунок, а также средства воспроизведения их на холсте, дабы выразить мои глубинные мысли. Я начал искать долговечные, простые цвета и формы, чтобы выразить сущность живописной действительности. Моей целью было избежать поверхностности, освободиться от полутонов и серости, и я твердо убежден, что частично мне это удалось». Сарьян был пленен солнечными холмами Армении, ее бурными водопадами, быстрыми реками, просторами нагорий и роскошной зеленью пастьбищ. Его «Армения», огромный многоцветный пейзаж, по праву считается одним из шедевров художника. «Полдневный покой», также созданный в этот период, впервые выставлялся в Венеции, на его первой выставке в 1924 году.

Трудно причислить Сарьяна к какой-либо определенной школе или течению. Он стоит особняком, воплощая в себе художественный гений армянского народа. Его смелое видение, твердый мазок и необыкновенно мастерское владение средствами передачи света, тени и цвета навевают сравнение с французскими импрессионистами. Он своего рода армянский Сезанн или Матисс.

Все жанры были подвластны его таланту, и во всех он добился замечательных успехов. Сарьян иллюстрировал книги, писал натюрморты и портреты, и даже декорации к театральным постановкам. Достойны особого упоминания его декорации к возобновлению оперы «Алмаст» армянского композитора Спендиарова, которая с шумным успехом была поставлена в 1939 году. Сарьян создал государственный герб Советской Социалистической Республики Армении: на заднем плане гора Арарат, из-за которой веером расходятся лучи восходящего солнца, освещающая возрожденную Армению. Портреты Сарьяна сочетают житейскую достоверность с глубоким анализом личности портретируемого. К лучшим из них относятся портрет пламенного революционного поэта Егише Чаренца, неукротимого, порывистого, полного мятежной отваги; Нельсона Степаняна, летчика-героя Второй мировой войны; архитектора Александра Таманяна, превратившего Ереван из захолустного городка с глинобитными лачугами в современный красивый бурлящий город; Аветика Исаакяна, современного поэта-мастера. Галерея знаменитостей, запечатленных Сарьяном, включает в себя также композитора Арама Хачатуряна, астронома Виктора Амбарцумяна, историка искусства Иосифа Абгаровича Орбели, директора Эрмитажа, поэта Николая Тихонова и многих других прославленных деятелей науки и искусства. Нет человека, кто не почитал бы за честь быть увековеченным кистью Мартироса Сарьяна, гения, сочетавшего живописное мастерство с умом психолога и сверхъестественной проникновенностью портретиста.

Легенде своего времени, Сарьяну было присвоено звание народного художника Армянской Советской Социалистической Республики (1926 г.) и академика Академии художеств СССР (1947 г.). Несколько сроков его избирали депутатом Верховного Совета СССР. Он был дважды награжден орденом Ленина. Скромный и бескорыстный, Сарьян жил с семьей несколько лет в Ереване при галерее и мастерской, всецело посвятив себя работе. Быть там принятым, наслаждаться обще-

ством этой чудесной семьи было моей неоценимой привилегией в апреле 1947 года. Незабываемое впечатление.

Несмотря на ограничения, налагаемые методом социалистического реализма, в Советской Армении процветала школа молодых художников-авангардистов. Многие из них работали неофициально, хотя их произведения, купленные частными коллекционерами, несомненно в будущем станут цениться как национальное достояние.

Выдающимся армянским художником-абстракционистом является Арчил Горки (Горький, в честь Максима Горького) (1904—1948 гг.), чья настоящая фамилия была Адоян. Рожденный в Армении, Горки в 1920 году эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, а в 1925 году поселился в Нью-Йорке. В последующие 15 лет талант Горки развивался под сильным влиянием европейского кубизма и сюрреализма, особенно Пикассо. С 1940 года в его работах прослеживаются отзвуки Кандинского, Миро и чилийского художника Матты. Последний период его творчества отмечен возрастанием абстрактных мотивов, его произведения представляют собой высокоэмоциональные фрагментарные образы, равно связанные с миром подсознания и природой. Кроме Нью-Йорка, Горки имел мастерскую в городе Шерман, штат Коннектикут. Он умер безвременно, в расцвете сил. Сегодня Арчил Горки почитается как пионер армянского абстрактного экспрессионизма. Одна из его лучших работ находится в галерее Тейт в Лондоне.

Даже самые изысканные течения армянского искусства никогда не теряют своей связи с народными корнями, с людьми и почвой. Все, от профессора до крестьянина, разделяют общее чувство гордости своим художественным наследием, передаваемым из века в век на протяжении многих поколений. Работы по металлу, тканые ковры, керамика — все отражает тонкий эстетический вкус уникально талантливой нации. Арабы еще тысячу лет назад высоко ценили качество армянских тканей, и эти ткаческие традиции армяне сохранили до наших дней: их ковры, тканые и ворсистые, славятся на всех рынках мира.

Самые известные типы армянских ковров — «казак» и «карабах», которые, в свою очередь, делятся на несколько строго определенных разновидностей, обычно именуемых по названиям деревень и районов, где их делали. Не все такие ковры сделаны армянами: местные курды и татары также отлично ткут великолепные ковры. Для того чтобы отличить собственное производство, христиане-армяне иногда включают в узор ковра какой-либо религиозный символ, например армянскую букву «Г», означающую «Господь наш».

Благодаря работам таких специалистов, как доктор Ульрих Шурманн, нам теперь известна подробная классификация армянских ковров различных периодов и провинций. Самые ранние из сохранившихся экземпляров датируются XV веком. Это так называемые «драконьи ковры». Плоскость такого ковра разделена на ромбы ланцетообразными листьями. В полученных таким путем многоугольниках вытканы драконы или схватки зверей. Считается, что этот узор пришел с Дальнего Востока во времена Марко Поло. Самые ранние изображения драконов и борьбы зверей весьма реалистичны, но по прошествии некоторого времени они превращаются в неясные привычные орнаменты. Стиль «дракон» не был свойственен только Армении, он также проявился в Дагестане, на Северном Кавказе.

«Драконьи ковры» сменились паласами с цветочным узором, причем некоторые достигали 6 или даже 8 метров в длину. Эти узоры носили восходящий характер или были скомпонованы в виде ромбов вокруг центральной точки. В XVIII веке появилось новое направление, берущее истоки на Южном Кавказе в местах с давними ковроткаческими традициями — в Казаке, Гянце, Ширване и Карабахе. Орнаменты, растительные и животные, были стилизованы таким образом, чтобы создавалось впечатление абстрактной картины. Много внимания было уделено усилению декоративности орнаментальной каймы, которая стала изобиловать трилистниками, листьями, цветами, усиками и прочими узорами. На старых коврах встречается красивая кайма в

виде гирлянды из музыкальных инструментов, похожих на лиры.

Современные ковры-«казаки» различают по крупному смелому рисунку и единообразию цвета. Плотное плетение в сочетании с высоким ворсом обеспечивает малый износ и долговечность изделия. Основа делается из шерсти натурального цвета, обычно в три нитки. Уток шерстяной, или натурального серого цвета, или окрашенный в красное. Две нити утка обычно вводятся после каждого ряда узелков. Концы могут завершаться несколькими способами. Как объясняет доктор Шурманн, начало ковра образует петля, так что свободные концы нитей не обрезают, но протягивают обратно к другому концу. Это делается путем наложения палки-валика поперек нитей основы, причем петля обвивается вокруг нее. Когда ковер соткан, эту палку убирают, оставляя на конце петли. На противоположном крае в это время свободные концы либо завязывают узлами, либо выкладывают косичкой параллельно утку. Часто у этих ковров бахрома отсутствует, но у ковров-«келимов», тканых с утком и основой, но без ворса, 2—3 сантиметра подворачивают и подшивают к тыльной стороне ковра.

Длина ворса зависит от района, где был выткан ковер. Чем выше в горах живут ковроделы, тем длиннее ворс, потому что ковер часто служит сохранению домашнего тепла в зимние холода. Армянские ковры-«казаки» имеют среднюю длину ворса от 8 до 12 миллиметров. Обычно эти ковры тяжелые, с ними трудно управляться, создается впечатление, что ворочаешь неповоротливое тело.

Среди семейства ковров-«казаков» в торговле различают следующие региональные типы.

1. Ламбало. Это название деревни в Гянжийском районе, где производят ковры с низким ворсом, тонкие и шелковистые на ощупь. Шерсть для них красиво окрашена, рисунок включает в себя геометрические цветы на бордюре. Поле часто вовсе не заполнено орнаментом. По размеру «ламбало» редко превосходят 130 × 210 см.

2. Шулавери. Место в Южной Грузии, где ткнут ковры из тонкой шерсти, окрашенной великолепными красителями. Любопытный экземпляр, приведенный в иллюстрациях доктором Шурманном, имеет необычные медальоны, состоящие из множества узких каемок и разноцветных угловых мотивов. Желтый узор стана окружает медальоны, напоминающие узоры ранних анатолийских ковров, особенно «ушаков».

3. Борчало. Этот район на армяно-грузинской границе знаменит своей шелковистой шерстью и смелым рисунком, обычно сплошным узором из встречных шестиугольников, с каймой из трилистника, выполненной белой шерстью на черном или коричневом фоне. Иногда узор состоит из восьмиугольных, шарообразных или шестиугольных орнаментов, заполненных крестообразными цветами. Лучшие образцы подобных ковров датируются XIX веком.

4. Горный район Лори-Памбак характеризуется длинноворсовыми «казаками», которых узнают по их смело-м впечатляющему рисунку. Массивный центральный медальон часто окружен большим полем основного цвета.

5. В городе Караклис, по линии Еревано-Тбилисской железной дороги, делают ковры с черно-коричневым фоном, украшенные богатым узором, предпочтительно из птиц и цветов.

6. Городок Иджеван, к северу от озера Севан, славится изготовлением ковров, подобных лори-памбакским строгостью рисунка и сумрачным колоритом.

7. Из Фахрало, расположенного к западу от Шулавери, пришли неплотно сотканые ковры, часто с узором из многоугольников посередине, окаймленным молитвенными арками (мирабами). У них внешняя кайма из листьев и цветочных чашечек, в то время как гирлянды стилизованных тюльпанов окружают центр.

8. Селение Карачоф близ озера Севан отличается особенно великолепными большими квадратными «кашкями». Для поля используется чудесный зеленый цвет. На ощупь эти ковры шелковистые и сотканы очень

плотно. У них часто маленькие квадратики узора заполнены звездочками на светлом поле. Эти квадратики сгруппированы вокруг центрального квадрата или восьмиугольника. На обоих краях коврового поля вытканы молитвенные арки.

Изготовление ковров типа «казак» сосредоточено к северу и северо-западу от озера Севан. Другим большим центром армянского ковроткачества является Карабах, расположенный на востоке и юго-востоке от этого озера.

Техника изготовления ковров в Карабахских горах во всем подобна вышеописанной, хотя ворс у них плотнее и стежки мельче. Шерсть для основы обычно берется коричневая. Поскольку этот район находится почти на границе с Персидским Азербайджаном, орнаменты выдают персидские влияния. Композиции не такие стилизованные и менее геометрические, чем у ковров-«казаков», и обычно используются более размашистые цветочные орнаменты. Кроме кавказских мотивов, часто воспроизводится типично персидский, гератский, узор. И вновь, следуя за профессором Шурманном, мы можем подразделить карабахские ковры на несколько типов:

1. Селение Челаберд, малая родина знаменитых «казаков с орлами», названных так по радиальному рисунку, исходящему из центрального медальона, с выступающими отростками наподобие крыльев и перьев большой птицы. Такие ковры хорошо известны коллекционерам и высоко ценятся.

2. Из Хондзореска приходят поразительные ковры-«казаки», прозванные «облачно-полосатыми» из-за вторяющихся по всему полю беловатых извилистых мотивов. Середина занята квадратными медальонами, в каждом из которых помещена свастика.

3. Древний город Шуша, столица Нагорного Карабаха, выпускает, пожалуй, самые необычайные и неповторимые ковры во всем крае. Их филигранные орнаменты полны творческой выдумки. Одноцветные поля чаще всего карабахского кошенильно-красного цвета, хотя

встречаются и ковры с полем цвета слоновой кости. С расчетом на продажу русским офицерам и чиновникам шугинские армяне ткнут ковры, медальоны которых заполнены букетами роз. Это подходит к западноевропейской мебели, привозимой на Кавказ русскими и европейскими поселенцами.

4. Из Горадиса, расположенного на самом юге Карабаха, поступают ковры с хлопчатобумажной нитью в утке. У них бывает необычный рисунок: стилизованные скорпионы белого и красного цвета на темно-синем поле, окаймленном хорошо проработанным листовым бордюром бирюзового и серого цвета на кошенильно-красном фоне.

5. Другие замечательные типы карабахских ковров — это так называемый «лампа-карабахский», или «карадах», который несколько напоминает персидские ковры; «хан-карабах», являющийся в основном молитвенным ковриком; «казим ушаг», с растительными и геометрическими многоцветными узорами, который ткнут курды; и ковры «шанник», у которых часто сине-черный фон и тонкие стежки.

Перейдем теперь к другому виду искусства, которым славится Армения, — к музыке. Нет сомнения, что песнопения и гимны играли важную роль в языческих культах древней Армении. Жрицы и жрецы Анахит и других местных божеств были опытными певчими. Мушак неизменно сопровождала театральные представления, которые давались при дворах таких культурных правителей, как царь Артавазд. На древних скульптурах и фризах мы часто встречаем музыкантов, играющих на различных инструментах. В средневековых манускриптах часто присутствуют забавные фигурки, играющие на фиссах и свирелях и словно танцующие вверх и вниз по полям страниц.

Важным связующим звеном с древней музыкальной культурой Армении были менестрели, которых здесь называют «гусаны», а с XVIII века «ашуги». Слово «гу-

сан» парфянское и возвращает нас в прошлое, в музыкальный мир Аршакидов, царей дохристианской Армении. Грузинская форма этого слова — «мгосани» — и сегодня в ходу для определения народного певца, барда либо профессионального певчего-плакальщика на похоронах.

Существует несколько древнеперсидских текстов, относящихся к парфянскому периоду, в которых приводятся свидетельства роли таких менестрелей в древнем Иране и Армении. Роман о Вис и Рамине, бывший некогда необычайно популярным во всем Иране и даже в Грузии, содержит эпизод, в котором гусан (госан) рассказывает нараспев аллегорическую историю о царе Мобаде, его жене Вис и ее любовнике Рамине, брате царя. Еще более интересен текст, обнаруженный сэром Гарольдом Бэйли. Он относится к одному из полулегендарных царей древнего Ирана: «Осведомился Бахрам Гур о состоянии мира и нашел, что все живут без горя и забот, кроме людей, которые пьют вино свое без менестрелей. А посему повелел он написать царю Индийскому и попросить у него госанов, а на языке пахлави «госан» означает менестрель. И тогда прибыли из Индии двенадцать тысяч певцов, мужчин и женщин. Нынешние лури — их потомки. И он [Бахрам] дал им товаров разных и скота, чтобы могли они бесплатно петь свои песни нищим беднякам».

Из этого текста мы можем заключить, что в древнем Иране и, по-видимому, в дохристианской Армении обладать без музыки считалось признаком явной нищеты и бедственного состояния. Такая точка зрения свойственна и сегодняшней Армении, где застольное пение и музыкальные тосты приняты на банкетах в традиционном стиле.

Древние гусаны сочиняли и пели сказания об иранских и армянских героях старых времен. Манихейский текст, найденный профессором У.Б. Хеннингом, датируемый IV веком нашей эры, содержит фразу: «Подобно госану, что славит доблести и добродетели царей и героев прошлого, а сам ничего не достиг...» То есть роль

гусана заключалась в том, чтобы сохранять в памяти людей славу прежних армянских царей, о чем свидетельствуют многие высказывания в истории Мовсеса Хоренаци, взятые им из древних песен и баллад. Мовсес особо подчеркивает, что «сведения о древнем Араме, которых не было в книгах, почерпнуты из сказаний и живущих в народе песен некоего неизвестного гусана».

От раннехристианского периода армянской истории дошло до нас несколько упоминаний о гусанах и других типах певцов и музыкантов. По слухам, в 368 году евнух Драстамат служил своему хозяину, царю Аршаку II (наподобие Блонделя, разыскавшего пленного Ричарда Львиное Сердце), тоже сидевшему в плену. Он «ободрял, и утешал его, и радовал своими песнями». Свержение и убийство царя Папа в 374 году также связано с музыкой: эта трагедия случилась на пиру, когда Пап «засмотрелся на разных гусанов», которых сопровождали барабанщики, свирельщики, лирники и трубачи. Римский историк Аммиан Марцеллин записывает, что это злодейское убийство произошло, когда «все огромное здание гремело от музыки, струнной и духовой, и песен».

Музыкальными инструментами, которыми пользовались в раннесредневековой Армении, были свирель Паца и местные эквиваленты таких европейских инструментов, как волынка, литавры, тамбурин, лира, гобой, арфа менестрелей, дудка и орган. Певцы часто аккомпанировали себе на сазе, кавказской разновидности гитары.

Армянская христианская церковь враждебно относилась к светской музыке, видя в ней соперницу религиозным песнопениям. Раннехристианские писатели клеймили распутников, которые общаются с проститутками, танцовщицами и гусанами, чье искусство, по утверждению одного раздраженного священника, «придумано сынами Каина». Поскольку менестрелей отождествляли с мимами и театральными представлениями, они, естественно, также осуждались церковью. Гусанов

иногда приглашали на похороны вместо обычных священников, что привело в V веке к церковному запрету на них: «А что до тех, кто плачет по усопшим, пусть главу дома и гусанов отыщут, и приведут на царский суд, и накажут; и пусть семьи их потом не смеют жаловаться».

Другой церковный деятель приказывает: «Да не смеют священнослужители, забыв о благочестивых песнопениях, принимать в домах своих гусанов». А армянский молитвенник содержит признание: «Я согрешил, посещая комедии, я согрешил, развлекаясь с гусанами».

Эта враждебность к легкой музыке и веселым, «неприличным», песенкам продолжалась на протяжении всей истории средневекового христианства, но не переходила на музыку вообще, если она являлась дополнением к религии. Так, например, святой Сахак Великий, живший около 400 года, по утверждениям современников, «был весьма сведущ в певческом письме», под чем явно подразумевается ранняя форма нотной записи. Начиная с IX—X веков мы встречаем в сотнях манускриптов некую систему музыкальных знаков, известных в Армении под названием «хазы», предназначенную в помощь священникам, чтобы те не сбивались с тона при богослужении. Система «хазов» использовалась для указания ритма, высоты звука, каденций, нюансировки в различных формах речитативов и хоралов, исполняемых в средневековых церковных богослужениях, а также прекраснейших гимнов, или шараканов, придающих армянским церковным службам характер ораторий. Армянская система «хазов» равноценна системе невмов. знаков, используемых в западном «простом пении» хоралов («кантус плянус») для указания ноты или группы нот, которые должны петься в унисон.

«Хазы» не дают полной музыкальной записи: они предполагают, что певец уже знает основную мелодию. Поэтому, пользуясь системой «хазов» в манускриптах, очень трудно реконструировать древнюю армянскую церковную музыку. Исключением являются традиционные мелодии, передававшиеся до наших дней устно, и

поколения в поколение. Считается, что самый знаменитый из армянских музыковедов, Комитас, сумел расшифровать большую часть системы «хазов» до того, как был в 1915 году запытан до безумия турецкими жандармами. Его библиотека была тогда же сожжена полицией. Из недавней статьи Роберта Атаяна стало известно, что ученые Армянской академии наук в Ереване планируют разгадать музыкальный шифр системы «хазов» с помощью компьютеров.

Одним из самых знаменитых средневековых композиторов гимнов и духовной музыки был Григорий Нарекский (945—1003 гг.), живший и работавший в Великой Армении, в то время как в Киликийской Армении почетное место занимал Нерсес Шнорали (1101—1173 гг.), прозвище которого означает Милосердный. Написанные обычно для одного голоса, эти вокальные композиции поражают современного слушателя своей гармонией, глубиной мысли и разнообразием тональностей. Более всего средневековая духовная музыка удивляет плавностью мелодического течения, не перестающей восхищать и поныне.

Еще одной особенностью как средневековой, так и современной армянской музыки является тесная связь искусства профессиональных музыкантов со свободно рвущимися из груди народа песнями и мелодиями. Это прослеживается и в шараканах, то есть церковных песнопениях, и в изысканных, музыкально изощренных билетах современных композиторов, например Арама Хачатуряна. Существует много типов народной армянской музыки: хоровелы, песни посева и жатвы, в которых плавная кантилена время от времени прерывается порывистыми ритмами стаккато, словно резким понуканием усталых быков; любовные песни, нежные, часто жалобные или трагические; героические баллады, вроде тех, в которых сказители пели о подвигах Давида Сисунского; свадебные хоры и застольные песни, весьма разнообразные; а также иступленно эмоциональные песни изгнанников, или антунни, в которых дышит страстная любовь армянского народа к родине.

Архиепископ Бессак Туманян любезно сообщил мне, что некоторые из лучших армянских гимнов святого Нерсеса Шнорали были первоначально сочинены им как популярные песни для дворцовых стражников в Громкле, где Нерсес проживал, будучи Верховным Католикосом всех армян. Эти стражники огорчали святого пристрастием к турецким и арабским песенкам непристойного содержания, однако католикос вскоре увлек их своими собственными армянскими мелодиями необычайной красоты.

Выдающуюся работу по восстановлению и записи сокровищ древнеармянской музыки проделал Амбарцум Лимонян (1768—1839 гг.), который записал многие тома духовной и светской музыки новой нотной системой, объединяющей древнеармянские невмы с западными стандартными методами музыкальной транскрипции.

В XIX веке несколько талантливых армянских композиторов оставили заметный след на музыкальной сцене Стамбула, Санкт-Петербурга и Тбилиси. В столице Турции Тигран Чухаджян (1837—1898 гг.) завоевал титул «армянский Верди» своей оперой об Аршаке II, напоминающей о героических днях раннехристианской Армении при царях Аршакидах. Это великолепное произведение, впервые исполненное в 1868 году, входит в постоянный репертуар Армянской национальной оперы в Ереване, а также многих других оперных театров. Создателем другой классической оперы был Армен Тигранян (1879—1950 гг.), положивший на музыку лирико-драматическую поэму Ованеса Туманяна «Ануш».

Из всех армянских композиторов самым любимым и почитаемым армянами является Комитас. Это псевдоним Соломона Соломоняна (1869—1935 гг.). Он родился в Кутине, на западе Анатолии, музыке учился в Лейпциге и Берлине, а затем стал вардапетом, то есть доктором богословия. Комитас представлял собой редкое сочетание гениального композитора и ученого, прекрасно знающего языки и музыкальные традиции ведущих стран Европы и Ближнего Востока. Он собрал более трех тысяч всяких народных песен и ме

лодий, армянских, курдских, турецких и персидских, и был первым неевропейцем, ставшим членом Международного музыкального общества, основанного в 1899 году. Певец, композитор, учитель, Комитас заслужил всеобщее признание как неустанный поборник и возродитель национальных музыкальных традиций Армении. Его оригинальные сочинения включают в себя блистательные песни, хоралы и композиции для оркестра и соло инструментов. Они постоянно издаются в Ереване под редакцией Роберта Атаяна.

Вокальные произведения Комитаса не перестают изумлять и восхищать благородством стиля, богатством гармонии и возвышенностью музыкального вдохновения. Клод Дебюсси как-то заявил, что одной лишь песни Комитаса — речь идет о «Бездомных» — довольно, чтобы обеспечить ему место в обществе великих композиторов.

Последнее публичное выступление Комитаса в Западной Европе состоялось в 1914 году в Париже, где он с большим успехом продемонстрировал армянскую музыку на Международной конференции музыковедов. В следующем году он был арестован в Стамбуле и подвергнут пыткам оттоманскими жандармами. Личные муки и страдания из-за полутора миллионов армян, убитых хунтой младотурок, полностью свели его с ума. Спасенный от смерти немецким офицером, Комитас окончил свои дни в Париже. Его останки были перевезены в Советскую Армению и торжественно похоронены в Ереване, где теперь его усыпальница почитается национальной святыней.

Работу Комитаса продолжил и развил композитор Александр Спендиаров, или Спандарян (1871—1928 гг.). Ученик Римского-Корсакова и друг Глазунова, он, вслед за Римским-Корсаковым, увлекся переложением блистательных экзотических мелодий Востока в современные ему музыкальные формы. Он равно владел искусством сочинения оркестровых пьес, хоралов, симфонических поэм и опер. Он положил на музыку поэмы Лермонтова, обновил и доработал песни великого армянского

барда XVIII века Саят-Новы. В 1915 году, во время оттоманского истребления турецких армян, он написал гимн «К Армении» на слова Ованеса Туманяна. Последние годы жизни он посвятил написанию великолепной оперы «Алмаст», впервые исполненной посмертно в 1930 году. Заглавная роль воскрешает в памяти народной героическую армянскую княгиню XVIII века, которая отдала себя борьбе с персидскими угнетателями. Либретто основано на поэме Ованеса Туманяна «Взятие крепости Тмук». Спендиарова, наряду с Комитасом, почитают как одного из основателей современной школы армянской национальной музыки. Его имя присвоено Национальному оперному театру в Ереване.

Для западного слушателя слова «армянская музыка» сегодня ассоциируются, в первую очередь, с разнообразными творениями Арама Хачатуряна (1903—1978 гг.). Он родился в Тбилиси, в семье бедных крестьян, выходцев из Нахичеванского района. Но уже отец его был переплетчиком и создал процветающее дело. Молодой Хачатурян слушал в Тбилисском оперном театре великолепную грузинскую оперу «Абесалом и Этери» Захария Палиашвили, отца современной грузинской музыки. Это творение произвело неизгладимое впечатление на юношу красотой гармонии, разнообразием инструментальных тембров и ярким отражением романтического и трагического мира грузинского рыцарства. По словам Хачатуряна, на следующий день он ходил как тумане! С той минуты он никогда не колебался в намерении посвятить жизнь музыке.

Счастливая возможность открылась перед Хачатуряном в 1921 году, когда он стал студентом Московского университета. Кроме того, он поступил в Гнесинское музыкальное училище, где обучался под руководством Михаила Гнесина и Николая Мяскового. В 1929 год он добился поступления в Московскую консерваторию. Уже ранние работы молодого армянского композитора несут на себе яркий отпечаток его индивидуальности. Примером служат его трио и песенная поэма для скрипки. Его Первая симфония и Фортепьянный концер

сделали имя Хачатуряна известным за границей. Прославленные иностранные дирижеры и солисты начали исполнять его сочинения. В поисках новых музыкальных средств Хачатурян обратился к мелодическому и ритмическому богатству армянской народной музыки, а также усердно изучал технику Глинки, Бородина и Римского-Корсакова, чьи творения во многом созвучны музыкальным сокровищам Востока.

С 1930-х годов и далее композиторское мастерство Хачатуряна обретает творческую зрелость. В 1937 году он был избран председателем Московского отделения Союза композиторов, а также занимал много официальных постов в советской музыкальной иерархии и был награжден орденом Ленина. Широкое признание заслужил его Скрипичный концерт, впервые исполненный в 1940 году, где солировал Давид Ойстрах. Мировую известность Хачатуряну принес балет «Гаянэ», премьера которого состоялась в 1942 году; в его Второй симфонии (1943 г.) слышны отголоски войны: она выражает борьбу за победу добра над злом. Посещение Италии в 1950 году побудило Хачатуряна к созданию одной из наиболее успешных его работ, полного революционного пафоса балета «Спартак», действие которого разворачивается в рабовладельческом обществе Древнего Рима. Первое представление этого балета состоялось в Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова в 1956 году, а вторая, переработанная и дополненная версия, была поставлена в Москве в 1968 году.

Творчество Хачатуряна, полное жизни, отваги, кипучих страстей и любви к контрастам, сделало его одной из самых ярких фигур советской музыкальной сцены. На родине он заслужил почет и уважение еще и тем, что сделал армянское музыкальное наследие известным и популярным во всем мире.

В Москве в один и тот же день вы могли услышать по радио юное сопрано Люсины Захарян и пойти послушать Московский камерный оркестр под управлением Микаэла Териана, бывшего на протяжении 25 лет членом прославленного квартета имени Комитаса. На мно-

гих оперных сценах мира звучало сопрано великой певицы Гоар Гаспарян. Поистине Армении суждено было подарить музыкальным центрам Запада изумительные голоса. Эти армянские примадонны часто навещают свою родину, и благодарная армянская публика встречает их тепло и сердечно. Примером этого является Люсина Амара из нью-йоркской «Метрополитен-опера». Среди инструменталистов следует отметить выдающуюся исполнительницу Шушаник Милтонян, постоянно живущую в Бельгии и заслужившую несколько международных премий. В 1968 году она с успехом концертировала в Ереване.

Из всего сказанного должно быть ясно, что, несмотря на свою малочисленность, армяне играли заметную роль в музыкальной жизни Советского Союза и многих зарубежных стран.

Глава II

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Христианская Армения была наследницей традиций любви к образованию. С доисторических времен Армения была точкой пересечения, пунктом встречи цивилизаций Востока и Запада, торжищем, где происходил обмен товарами между Европой и Азией, не говоря уже о том, что сама она была средоточием важнейших культур неолита и бронзового века. Неудивительно, что великие империи Древнего мира постоянно стремились распространить свои владения на Армянское нагорье. Среди подобных мощных империй были и Шумерская, и Хеттская, и Вавилонская, и Ассирийская. А с запада наступали цивилизации Трои и эгейского мира, хотя высокоразвитая культура Урарту была в основном продуктом творческого гения предков нынешних армян.

Истоки армянской письменности и образования лежат гораздо глубже во тьме веков, чем полагают обычно. Ключевым местом является селение Мецамор, в нескольких километрах к западу от Эчмиадзина, в виду гор Арарат и Арагац. Рядом с селением находится каменная возвышенность, наверное, с полумиллю в окружности, с выходами острого камня. Возвышенность эта усеяна пещерами, подземными сводчатыми кладовыми и доисторическими жилищами. Имеются там также пустоты, выдолбленные в материковой скале, для хранения и смешения фосфора, изготавливаемого из дробленых костей и жидкой глины. Этот фосфор нужен был для получения разных металлических сплавов, 14 из которых были идентифицированы по следам, найден-

ным на месте обнаружения. Этот деловой центр древней металлургии, по всей видимости, действовал более или менее постоянно начиная с 2800 года до нашей эры и вплоть до классических времен, периодически пробуждаясь к жизни и несколько позже, в Средние века.

К древнему городу фабрик прилегал храм с жертвенником из обожженной глины, увенчанный массивными трезубцами. Пустоты в окружении жертвенника были сделаны как приемники крови приносимых жертв. На небольшом расстоянии от главного пещерного города, на открытом месте, находится скальный выброс коричневатого камня. На вершину этой грубо обработанной платформы ведут высеченные ступени. Все сооружение покрыто выбитыми в камне таинственными каблистическими знаками. Одна серия рисунков вроде бы указывает вверх, где над равниной в древние времена находился космический апогей восхода «собачьей звезды» Сириуса. Из этого свидетельства мисс Элма Парсамян из Бюраканской астрофизической обсерватории Академии наук сделала вывод, что здесь мы имеем дело с одной из древних астрономических обсерваторий Ближнего Востока, датируемой, видимо, третьим тысячелетием до нашей эры.

Иероглифическое письмо Армении берет начало в очень давних временах, возможно в новокаменном веке. По всей Армении мы находим пиктограммы, или петроглифы, выбитые или выцарапанные на скалах, утесах и стенах пещер. Они представляют собой упрощенные фигурки людей и животных. Нет сомнения, что они служили средством передачи сообщений, а также ритуального или художественного самовыражения. Современным аналогом этого можно считать знаменитый рассказ Конан Дойла «Пляшущие человечки». Иная форма иероглифов или знаковых кодов развилась в бронзовом веке под влиянием культурных контактов с хеттами, которые пользовались и клинописным, и пиктографическим письмом. Разумеется, уарты с их многочисленными надписями явно были очень грамотными. Позднее на территории Армении распространились еще и

системы ассирийского, а затем и ахеменидского персидского письма.

В предыдущих главах настоящей книги достаточно показано богатство литературы и религиозных текстов на разных языках, существовавшее в языческой Армении в эпоху правления Артаксидов (Арташесидов) и Аршакидов. Речь идет о межевых камнях с надписями арамейскими буквами, об армянских царях, писавших пьесы на греческом языке, о менестрелях, сочинявших любовные песни на армянском просторечье, и высших жрецах, возносивших хвалу Анахит в гимнах, передававшихся из поколения в поколение. Мало что осталось от дохристианской культуры, искорененной почти полностью святым Григорием и его преемниками. Но того, что сохранилось, достаточно, чтобы понять: перед нами земля народа творческого, полного интеллектуальной энергии.

Официальное принятие христианства царем Трдатом III в 301 году знаменовало новую фазу интеллектуальной и духовной жизни армянского народа.

Подобно многим миссионерам нашего времени, основатели Армянской церкви поставили перед собой задачу перевести Новый Завет и самые существенные молитвенные книги на язык обращенного в христианство народа. Первоначально молитвы и богослужения шли на греческом или сирийском языках и в большинстве своем проводились чужеземными проповедниками, почти или полностью не знавшими армянского.

Главным препятствием распространению христианского учения в Армении был, разумеется, тот факт, что этот язык не имел своего алфавита. Подобно грузинскому, армянский язык содержит некоторое число согласных, которые нельзя передать каким-то одним знаком ни латинского, ни греческого, ни любого из семитских алфавитов. Трудная, но жизненно важная задача изобретения алфавита для армянского языка была в конце концов решена Месропом Маштоцем, которого армяне почитают ныне как одного из своих святых.

Нам мало что известно о раннем периоде жизни Месропа. Его основной биограф, Корюн, был его пер-

вым и самым способным учеником. Месроп Маштоц родился в 361 году в провинции Тарон и окончил одну из школ, основанных католикосом Нерсесом Великим. Человек выдающихся способностей, владевший греческим, сирийским, персидским и рядом других языков, он вскоре был назначен царским секретарем в город Вагаршапат (Эчмиадзин), тогдашнюю столицу Армении. После нескольких лет пребывания на государственной службе Месроп оставляет свою должность и посвящает себя служению церкви.

Ему было сорок лет, когда он впервые стал проповедовать в разных частях Армении. Именно во время этих странствий Месропу приходит мысль об изобретении армянских букв и переводе Библии на армянский. Это и было началом письменной армянской литературы. Создание армянского алфавита, по его мнению, не только должно было помочь пропаганде христианской веры, но также установить крепкие связи между армянами Западной и Восточной Армении и вообще повсюду. С той поры, когда в 387 году персы и византийцы поделили его родину между собой, эта забота жгла ему сердце.

Идея Месропа встретила полное одобрение католикоса Сахака, главы церкви и к тому же ученого-эрудита. Царь Восточной Армении Врамшапук также проявил к этому живейший интерес и рассказал Месропу, что как-то видел в Месопотамии набор знаков, придуманных для армян неким епископом Даниилом Сирийцем. За ними тотчас послали, но они оказались непригодными к передаче сложной фонетической системы армянского языка. Несомненно, система Даниила базировалась на сирийской, которая писалась справа налево и содержала 22 буквы, как в еврейском языке. Сирийский алфавит не обеспечивал полную запись гласных. Поскольку в армянский алфавит, придуманный Месропом и его учениками, потребовалось включить 36 букв, вряд ли стоит удивляться тому, что сирийский не смог обеспечить адекватного способа записи по-армянски.

Итак, Месроп с учениками принялись за работу по созданию для армян совершенно новой системы пись-

ма. Они решили писать буквы слева направо, как греки. Кроме того, они позаимствовали у греков кое-какие буквы, а другие изменили, чтобы те подходили эстетически к принятому ими начертанию букв. Месроп постарался сохранить, насколько это было возможно, порядок греческого алфавита и ввел туда некоторое число новых и ранее не существовавших знаков, специально придуманных для передачи звуков, встречающихся в армянском и грузинском, но не в греческом языке. Работа была завершена в Самосате, по-видимому, в 404-м или 406 году. Позднее Месроп и его ученики придумали алфавиты для грузин и кавказских албанцев. Армянский и грузинский алфавиты продолжают использоваться до настоящего времени, только первоначальный набор знаков теперь пишется современным курсивом. Это дар уважения памяти замечательного ученого. Месроп Маштоц скончался в глубоко преклонном возрасте, в 440 году.

Похоронен Месроп в крипте Ошаканской церкви, неподалеку от Эчмиадзина. Его усыпальница по сей день охраняется прямым потомком покровителя и защитника Месропа, Ваганом Аматауни, хазарапатом и великим князем (ишханом) всех армян. Аматауни с незапамятных времен были наследными правителями Ошакана (Аузаканы географа Птолея).

Классический армянский язык в той форме, как он записан святым Месропом с учениками, известен как «грабар», или книжный язык. С XV века поэты и писцы стали пользоваться популярным разговорным языком людей, известных как «ашхарабары», и стали так писать. В XIX веке развилось два главных направления: язык разговорный и язык книжный, или литературный. Восточноармянский, базирующийся на наречии араратского региона, и западноармянский, базирующийся на идиомах армян Стамбула.

Первоначальный армянский алфавит был записан крупными заглавными буквами, то есть унциальным шрифтом монументального вида и размера. Между X и XI столетиями появляются так называемые изогнутые

унциалы («болорагитс еркатагир», или «железные заглавные буквы»). Средний «еркатагир» XI и XII веков имеет больше прямых линий. Существует еще мелкий «еркатагир». Иногда встречается комбинация нескольких стилей «еркатагиров», так называемые смешанные буквы. Начиная с XIII века преобладающим шрифтом становится мелкий «болоргир», напоминающий современные армянские печатные буквы. В XVIII веке развилась форма прописного начертания букв — «нотргир».

Примеру Месропа последовала блистательная школа учеников, принявших за создание новой христианской литературы. Они систематически разрабатывали все области знания, включая богословие, философию, историю, географию и астрономию. Этим классических писателей V столетия часто называют «переводчиками» («передатчиками»), потому что они передавали знания людям, несли их в народ.

Видным деятелем такого типа писателей-первопроходцев был Езник из Кольба, прославленный автор, написавший полемический трактат «Против сект». В нем он отстаивает христианскую веру от зороастризма, а также клеймит манихейство и гностицизм. Сведения, которые сообщает Езник относительно языческих верований армянского народа и астрономических, мифологических и религиозных воззрений последователей Зороастра, представляют огромный интерес.

Работу Езника дополняет сочинение видного армянского неоплатоника V—VI веков, Давида Анахта, прозванного Непобедимым, потому что никому не удалось победить его в споре. Из-под его пера вышли три основных философских труда: «Определение философии», «Анализ Порфириево Введения», «Толкование аналитики Аристотеля». Интерес к рассуждениям Давида Непобедимого был таков, что только в Матенадаранской библиотеке Еревана находится около 500 манускриптов, содержащих тексты его работ вкупе с комментариями и толкованиями.

В V веке берет начало и армянская историография. Армяне рано выказали себя высокоодаренными лето-

писцами, хотя, естественно, патриотически пристрастными. Особенно ценной чертой армянских исторических писаний является то, что они проливают свет на события, происходившие в соседних странах, особенно в сасанидском Иране, а также в Византии, Арабском халифате, Грузии и Кавказской Албании.

Первый армянский историк — фигура неясная, известная под именем Агафангел. Предположительно, это был современник царя Трдата (Тиридата) III и очевидец обращения Армении в христианство святым Григорием Просветителем. Получается, что жил он примерно в середине V столетия. Его рассказ о евангелизации (обращении в евангельскую веру) Армении был переведен на греческий, сирийский, коптский, арабский и грузинский языки.

Борьба армянского народа против персов и византийцев ярко описана такими летописцами, как Павстос из Бузанды (Павстос Бузанд), сосредоточившим свое внимание на периоде от 330-го до 387 года; продолжателем его трудов Лазарь из Фарпи (Лазар Парбеци), который довел свой рассказ до 486 года; Елисей Вардапет, чья «История Варданянов» является лучшим нашим источником сведений о восстании против иранского шахиншаха во главе с князем Варданом Мамиконяном, которое завершилось в 451 году битвой при Аварайре.

Основным источником сведений о VII столетии стал епископ Себеос, написавший историю византийского императора Ираклия и его времени, охватывающего период с 590-го по 660 год.

Такое же важное значение, как исторические труды дохристианских армянских историков, имеет сочинение, полное сведений о древней Армении, которое так и называется — «История Армении». Ее автор известен под именем Мовсес из Хорены, то есть Хоренский, или Хоренаци. На протяжении многих лет Мовсеса Хоренаци считали писателем V столетия. Однако имеется ряд указаний на то, что он жил позднее: по всей видимости, в VIII веке. По этой причине его иногда называют псевдо-Мовсесом Хоренским, особенно еще и потому,

что теперь доказана не достоверность, а легендарность многих его исторических сведений. В последнее время появилась тенденция реабилитировать его репутацию, тем более что он, несомненно, пользовался аутентичными древними источниками, в том числе языческими, а также греческими и сирийскими текстами. При этом столь же несомненно, что он самый обаятельный и одаренный писатель, внесший существеннейший вклад в армянскую мифологию и фольклор, а также историю в более узком понимании этого слова.

К тому времени армянские писатели уже оставили свой след в Константинополе и других краях Западной Европы. В собрании манускриптов «Матенадарана» можно прочесть о некоем ученике Месропа Маштоца по имени Паруйр Хайказн, который в V веке переехал в Рим. Там он прославился как оратор под именем Проьерезиус. Слава его была такова, что город воздвиг стацию в честь этого армянского ритора с надписью: «От Рима, царя городов, Проьерезиусу, царю ораторов».

Одним из самых оригинальных армянских писателей этого раннего периода был Ананий из Ширака, или Анания Ширакаци (ок. 600—670 гг.). Рожденный в армянской провинции Ширак (Сирацена), Ананий в поисках знаний и сведений о мире совершил путешествия в Эрзурум и Трапезунд (ныне Трабзон). Сочетая в себе страсть к географии и астрономии с интересом к метафизике, хронологии и математике, он стал кем-то вроде армянского Ньютона. Кроме того, он был новатором, отказавшимся верить в то, что мир плоский и окружен океаном. Он не верил тому, что Земля покоится на спинах множества слонов. Скорее ее поддерживают воздух и ветры: «Земля находится в центре всего, а вокруг земли — воздух, и небеса окружают землю со всех сторон».

Мир состоит — в этом Ананий не смог освободиться от привычных воззрений — из четырех элементов: огня, воздуха, земли и воды. Эти элементы определенным образом взаимосвязаны и взаимодействуют. Мир находится в постоянном движении и развитии. «Рождение

есть начало уничтожения, а уничтожение, в свою очередь, начало рождения. Этим бессмертным парадоксом питает земля свое вечное существование».

Автором одного из лучших армянских трактатов по географии, который ранее приписывали Мовсесу Хоренаци, теперь считают Ананию Ширакаци. Эта работа использует около пятнадцати древних источников, труды Птолемея в том числе. В первой части своей «Географии» Ширакаци представляет общие сведения о том, что земля круглая, о ее рельефе, климатических зонах, морях и океанах. Вторая, более обширная часть рассматривает три тогда известных континента: Европу, Ливию (Африку) и Азию. Европа поделена, в свою очередь, на 12 стран, Ливия — на 8, Азия — на 38. Описывая каждую страну, Ширакаци рассказывает об их границах, местоположении, обитателях и их нравах, названиях морей, гор и рек, а также сообщает об их природных богатствах, растительности и животном мире. Как и следовало ожидать, особенно хорошо Ширакаци был информирован о странах Юго-Западной Азии, а именно Персии, Месопотамии, Малой Азии, Грузии и Кавказе. Богатство приведенных в «Географии» сведений таково, что лучшие этнографические и исторические атласы древней Армении базируются главным образом на текстах Ширакаци.

В течение V и последующих столетий армянская литература пополнилась множеством переводов с греческого и других языков. Вполне естественно, что величайшее внимание уделялось переводу на армянский Библии и трудов первых отцов церкви. Целью было скорейшее использование их при богослужениях. Однако, кроме того, делались переводы классиков древней философии, несмотря на их языческое содержание. Во многих случаях оригиналы этих произведений погибли, а сохранились только армянские версии, ставшие единственной возможностью с ними ознакомиться. Так, например, большой интерес вызвала находка утраченного трактата «О природе» Зенона Ситийского (335—263 гг. до нашей эры), основателя школы стоиков. Этот труд был обнару-

жен и идентифицирован в 1949 году академиком Л. Хачикяном из Еревана. В «Матенадаране» — ереванском собрании манускриптов — имеется более 300 рукописей, содержащих различные работы Аристотеля с комментариями к ним. Опять же именно в армянской редакции мы знакомимся с сочинениями забытых или малоизвестных авторов: Теона Александрийского (I век нашей эры), автора трактата о риторике; Гермеса Трисмегиста, мифического автора многих религиозных писаний, датируемых в их нынешнем виде III веком нашей эры; Дионисия Тракса (род. в 166 г. до нашей эры), греческого грамматика; Порфирия (233—305 гг. нашей эры), ученика Плотина и неоплатоника, критика христианства; Тимофея Элура (V век нашей эры), монофизитского патриарха Александрии, чья «Полемика» существует только в армянском переводе; Олимпиодора Младшего, философа-неоплатоника, трудившегося в Александрии в VI веке при Юстиниане.

Как упоминалось в предыдущих главах, арабское вторжение сильно замедлило развитие в Армении литературы и образования, хотя работу по народному просвещению достойно вели такие патриоты, как католикос Иоанн III Отсунский, прозванный Философом (посвящен в 717 г., умер в 728 г.) и католикос Иоанн V Драшканакертский, прозванный Историком (посвящен в 898 г., умер в 929 г.). Особый интерес представляет «История дома Арцруни», написанная Фомой Арцруни, в которой мы находим подробное описание бедственных судеб великой Васпураканской династии вплоть до X века.

Духовным властителем дум провинции Васпуракан и, пожалуй, всей Армении, был мистический поэт Григорий Нарекский (Григор Нарекаци), автор «Книги плачей», переведенной на французский язык Исаком Кечичяном. Григор Нарекаци родился примерно в 945 году и воспитывался в Нарекском монастыре, расположенном к югу от озера Ван. Отец Григора, Хосров Великий, епископ Анцевацика, был высокообразованным духовным писателем, автором комментариев к армянской

литургии. В Нареке Григор был помещен под опеку своего двоюродного деда Анании и рос в атмосфере интеллектуального и религиозного рвения. Его знакомили с лучшими творениями греческих, а возможно, и арабских мыслителей.

Григор Нарекаци считается одним из великих спонтанно-мистических гениев средневекового христианского мира. Его сочинения включают в себя «Комментарий к «Песне Песней»; «Похвалу Деве Марии»; «Похвалу двенадцати апостолам и семидесяти двум ученикам»; «Похвалу святому Иакову Нисибийскому»; торжественные песни во славу Духа Святого, Святой Церкви и Святого Креста; а также гимны и духовные оды. Гимны Григора Нарекаци были положены на музыку лучшими армянскими композиторами и считаются образцовыми в своем роде.

Самым знаменитым творением Григора Нарекаци является, конечно, «Книга плачей» («Книга скорбных песнопений»). Она состоит из 95 отдельных плачей, или песен, собранных вместе наподобие Псалмов Давида, чтобы создать единое целое. Плачи написаны ритмической прозой, иногда свободным (белым) стихом. Это рвущийся из сердца, задышающийся, бурный вопль, страстное излияние неукротимых чувств. Иногда Григор как бы спорит с Богом, словно дерзкий Иаков древности; иногда он умоляет Бога, словно тот оставил его одиноким и забытым, как Иова, брошенного на произвол судьбы в стране Уз. Но финальная нота этих плачей звучит радостно и даже торжествующе.

После падения царств Багратидов и Арцруни духовные армянские традиции были достойно перенесены и продолжены в Киликийской Армении такими яркими деятелями, как святой Нерсес Шнорали, то есть Милосердный, и его родич, архиепископ Нерсес Лампронский.

Святой Нерсес Шнорали был младшим братом армянского католикоса Григория III Пахлавуня, избранного верховным понтификом всех армян в возрасте двадцати лет в 1113 году. На протяжении почти пяти-

десяти лет Нерсес Милосердный был правой рукой католикоса Григория III и преданно следовал за ним от одного убежища к другому, спасаясь от турецких и сарацинских набегов и беспокойств. Когда Григорий оставил свой пост, Нерсес был единогласно избран его преемником (в 1166 г.) и был католикосом в течение семи лет, до самой смерти (1173 г.).

Святой Нерсес Шнорали был плодовитым поэтом и богословом. Он написал в стихах «Историю армянского народа», лирико-эпическую «Элегию на взятие Эдессы сарацинами», «Похвалу Истинному Кресту» (кресту, на котором был распят Иисус Христос) и большую поэму о житии Христа под названием «Иисус, Отец едиnorodный». Он был также автором многих комментариев к святым Евангелиям и житиям святых и обогащал армянское богослужение гимнами, псалмами, духовными стихами и молитвами, которые до сих пор в ходу.

Нерсес Лампронский родился в 1153 году. Отцом его был князь Ошин Лампронский, а матерью — княгиня Шахандухт, племянница святого Нерсеса Шнорали. В возрасте двадцати двух лет Нерсес Лампронский был назначен архиепископом Тарса. Он был также настоятелем монастыря в Скевре. Современники часто величали его «святым Павлом современности» либо «Доктором Универсалис». Нерсес Лампронский знал греческий, сирийский и латинский языки, так что ему постоянно поручали дипломатические миссии от имени его государя, царя Левона III. В этом качестве он добился поддержки императором Фридрихом Барбароссой молодого государства — Киликийской Армении, а также подготовил почву для получения царской короны династией Рубенидов. Умер он в сорок четыре года, в 1198 году, не увидев исполнения своих политических планов. После себя Нерсес Лампронский оставил замечательное литературное наследие, состоящее из более чем тридцати крупных богословских сочинений, перечень которых включает трактаты, проповеди, поучения, гимны и послания, в том числе письмо будущему царю

Левону об опасностях придворной жизни. Его «Похвальным словом на Успение Девы Марии» восхищались многие. Нерсес Лампронский был рьяным поборником воссоединения с Римом и перевел на армянский язык правила общежития в монастыре Святого Бенедикта, католическую мессу и различные папские буллы, обращенные к армянскому народу.

Несмотря на сельджукские вторжения, интеллектуальная жизнь Великой Армении не стояла на месте. Выдающейся фигурой этого периода был Мхитар Гош (1133—1213 гг.), равно прославленный как законодатель и как автор книги басен, достойной стать в один ряд с Эзопом и Лафонтеном. Прозвище Гош, означающее «редкобородый», — намек на тщедушную комплекцию и невзрачную внешность знаменитости. Однако Мхитар Гош восполнял эти недостатки исключительной многосторонностью и энергичным умом. Например, когда монастырь Гетик в 1190 году был разрушен землетрясением, он уговорил местного правителя, князя Иванэ, построить новый монастырь, Нор-Гетик, на месте старого. Мхитар стал там настоятелем и основал настоящую монастырскую академию с блистательным созвездием учителей и учеников.

Остроумные, яркие басни Мхитара Гоша, полные философской мудрости и моральных поучений, были переведены на русский язык покойным академиком Иосифом Орбели. «Судебник» (свод законов) Мхитара, заверченный в 1184 году, состоит из трех разделов: «Введение», «Церковные законы» и «Гражданские законы». Полвека спустя этот «Судебник» был переведен на разговорный армянский и введен в царстве Киликийская Армения. Такова была его весомость и влияние, что другие армянские сообщества по всему миру приняли этот Кодекс Мхитара как свой собственный, и он был переведен на латинский, польский, грузинский, русский и даже кипчакский языки. В 1519 году польский король Сигизмунд I применил Кодекс Мхитара для международной юрисдикции армянской общины Польши.

Искусство баснописцев развивалось и далее. Его весьма продвинул выдающийся средневековый писатель Вардан из Марафы, живший и работавший в Киликии около 1220 года. Басни Вардана были изданы в русском переводе академика Николая Марра в 1894—1899 годах. А в далекой Сюнии (Сюнике) также в XIII веке жил другой талантливый автор, весьма популярный, писавший под псевдонимом Фрик (возможно, это уменьшительное от Фридрих). Фрик сочинял воинственные вирши против социального неравенства, изменчивой фортуны, что «золотит дома злодеев, а добрых шлет просить кусок».

...Почему один сидит на троне,
А у другого в доме ни гроша?
Один пирует в золотой короне,
Другого душат бедность и тоска?

Фортуна, веры тебе нет,
Тебе дивится белый свет:
Сегодня твой любимец — князь,
А завтра свергнут, втопан в грязь.

Судя по всему, жизнь Фрика не была счастливой. Он потерял дом и семью, видимо во время монгольского нашествия, и вынужден был бежать в изгнание, и так и добрался до Киликийской Армении. Здесь тоскующий по дому поэт взывает к пролетающим журавлям, умоляя о весточке с родины.

Журавли! Откуда вы летите?
Я вас ждал как близких, как гостей.
Журавли! Куда вы так спешите?
Погодите!.. Нет ли с родины вестей?

Боже! Горек хлеб изгнанника, и влага
Солью едкой льется из горстей.
Сердце жжет от мысли: ты — бродяга...
Птицы! Нет ли с родины вестей?

Осень гонит вас, и прочь вы улетите.
Покидает стая дом родной.
Не хотите мне ответить, не хотите...
Что ж, прошайте, ждет вас край чужой!

Однако тоска не мешала Фрику наслаждаться благами жизни, если они встречались на его пути. В ряде любовных стихотворений он весьма откровенно и красноречиво воспекает земную страсть.

Он был предтечей многочисленных средневековых армянских лириков и бардов, то есть поэтов, которые были к тому же и музыкантами. Из них самым знаменитым был Саят-Нова (1712—1795 гг.). Собранные в «Матенадаране» образцы поэзии принадлежат перу более чем пятисот менестрелей и трубадуров, то есть гусанов. Тщательное изучение этих материалов провел русский поэт-символист Валерий Брюсов, сделавший вывод, что средневековая лирическая поэзия Армении есть одно из величайших достижений человеческого духа, когда-либо известное мировой литературе.

Однако даже сельджукские и монгольские нашествия не могли остановить развитие просвещения и образования в Армении. Академии и семинарии существовали здесь с древних времен. Они создавались при главных храмах, как языческих, так и христианских, а также при царских дворах и дворцах. В Великой Армении весьма внушительные центры такого рода были сначала в Вагаршапате, затем в Ани, а также в северных болотистых пустошах, при монастырях Хагпатском и Санаинском. В Киликийской Армении прославленная семинария была при патриаршей резиденции в Громкле, и ряд школ успешно действовал в царском городе Сис.

Особое признание заслужили два центра, находившиеся в северо-восточной провинции Армении — Сюнии (Сюнике). Это Татев и Гладзор. Татевский монастырь был основан в 895 году епископом Иоанном на скалистом мысу, у подножия которого протекала река Татев по долине, по словам историка Стефана Орбеляна, «изобильной виноградниками и садами, полными райских цветов». Епископ Иоанн позаботился о постройке, на случай вражеских набегов, нескольких подземных укреплений и потайных келий для сбережения драгоценных манускриптов и других церковных сокровищ. Это

превратило монастырь в настоящую цитадель и стало причиной того, что она смогла благополучно пережить бурю политических и военных бедствий, сотрясавших средневековую Армению. Одно время в Татеве жило около 500 монахов, переписчиков, студентов, музыкантов и живописцев. Академия была организована по самым современным правилам. Кроме подготовки юношей к принятию священнического сана, она деятельно копировала манускрипты и вообще стала распространительницей знаний.

У скриптория (места, где переписывали рукописи) были даже своя фабрика и рабочая мастерская, где можно было на месте изготовить пергамент, чернила, а также кожаные и позолоченные переплеты. В пору киликийского Ренессанса Татев временно затмили в его роли столицы армянского Просвещения, но он сохранился, и в XIV и XV веках поднялся во всем своем прежнем великолепии. В 1400 году его библиотека содержала около 10 тысяч томов. Татев прославился также как приют одного из самых знаменитых философов и полемистов Армении, Григория Татеваци (1340—1411 гг.), автора «Книги вопросов», своего рода энциклопедии, в которой в форме катехизиса (вопросов и ответов) сообщались сведения по философии, педагогике, химии, физике и анатомии. Он также много писал на богословские темы и воспитал множество блестящих учеников и последователей.

Другим замечательным центром просвещения был Гладзор. Он деятельно процветал на протяжении всего лишь шестидесяти лет, с 1280-го по 1340 год, но оставил после себя богатое интеллектуальное наследие. Находясь под покровительством и защитой местного князя Прошьяна, Гладзор быстро вырос в настоящий университет, в котором жили 363 монаха и студента. Современные ему писатели подчеркивали, что Гладзор есть «местопребывание и школа наших святых докторов», «славные наши Афины», «столица всех видов знания» и к тому же «прославленный святой монастырь и университет». Посередине двора там стояла башня вы-

сотой в 15 метров, у подножия которой успешным кандидатам вручали дипломы вардапетов, то есть ученые степени доктора. Ведущими преподавателями там были Нерсес из Муша и его ученик и последователь Исаяя Ничеци. После смерти последнего в 1338 году монастырь и академия пришли в упадок, а потом были разграблены и разрушены. История Гладзорского университета до сих пор вызывает интерес армянских ученых, примером чего служит любопытная докторская диссертация Л.Г. Качаряна, защищенная в Ереванском университете 20 апреля 1968 года, на тему «Исаяя Ничеци и Гладзорский университет».

Не надо думать, что образование в средневековой Армении замыкалось лишь на богословии и традиционных предметах: истории и математике. Наука, и особенно медицина, также были очень высоко развиты. (В этом обучение следовало примеру знаменитого философа-экспериментатора VII века, Анании Ширакаци.) В медицине мы также встречаем выдающихся деятелей. Это прежде всего Мхитар Хераци, автор знаменитого трактата «Лечение от лихорадок» (1184 г.), блестяще владевший техникой хирургических операций. Он применял для зашивания ран шелковые нити и мандрагору для обезболивания, проводил опыты на животных, понимал значение особых диет для лечения разных нарушений в организме, а также роль музыки и психотерапии для облегчения страданий душевнобольных. Впервые в истории медицины Мхитар Хераци ввел в обиход понимание того, что тиф, малярия, болезнетворные лихорадки есть заразные «гнилостные» болезни. Его труды написаны не на классическом армянском «грабаре», а на разговорном армянском языке, в результате чего его исследования стали доступны пониманию народа. В «Матенадаране» находится более 850 его медицинских работ.

В одном манускрипте XV века мы читаем о физиологической деятельности мозга и пяти чувств: «Голова [мозг] замечает и различает предметы внешнего мира, которые проникают в нее посредством чувств. Голова

действует с помощью чувств: например, глаз различает цвета, ухо — звуки, обоняние различает запахи, осязание судит о тяжести или легкости. С помощью этих пяти чувств мысли передаются разуму каждого отдельного человеческого существа».

Выдающийся врач, Амирдовлат Амаснаци (1416—1496 гг.), был личным медиком турецких султанов. Он написал ряд трактатов, в том числе «На благо медицины», «Вещи, ненужные невеждам». В первом он критиковал ошибки еврейского философа и врача Маймонида (1135—1204 гг.). Амирдовлат Амаснаци оставил после себя 300 оригинальных рецептов лекарств и снадобий. На протяжении многих веков армяне и греки делили господствующее положение в медицине во всей Османской империи, а также в Персии, Египте и других странах Леванта.

Распространению знаний очень помогло изобретение книгопечатания. Первая печатная книга на армянском языке вышла в Венеции в 1512 году. Это был календарь (парцатумор). В следующем столетии печатные станки с армянским шрифтом были установлены в Константинополе, Ливорно, Марселе, Риме и Амстердаме.

Дальнейшее возрождение армянской культуры и науки началось в XVIII веке под эгидой армянского католического ордена мхитаристов, по сию пору продолжающего свои усердные и высокополезные труды. Основателем ордена был настоятель Мхитар из Себастии (ныне город Сивас в Турции). Родившись в 1676 году, Мхитар рано посвятил себя служению церкви и вскоре подпал под влияние римского католичества. Несмотря на то что он завоевал в Константинополе славу яркого проповедника, в глазах влиятельных священнослужителей армянской национальной церкви он был лицом подозрительным. Поэтому он и решил основать новое армянское братство, непосредственно подчиненное Риму. Для начала Мхитар и его братья поселились в Морее, под опекой венецианцев. Однако вражда Венеции с Османской Портой вскоре заставила молодую конгрегацию искать убежища в самой Венеции, где им

был предоставлен остров Сан-Лазаро, расположенный в открытом заливе неподалеку от побережья нынешнего Лидо.

Мхитар и его последователи поставили перед собой задачу стать посредниками между Арменией и передовыми странами Запада в преддверии того дня, когда территории древней Армении освободятся от мусульманского ига. С этой целью они установили собственный печатный станок и основали великолепную библиотеку, полную сокровищ армянской каллиграфии и знаний. Они выработали свою форму католической мессы и литургии на армянском языке. В XIX веке лорд Байрон посетил Сан-Лазаро, чтобы поучиться армянскому. В монастырском саду в виду собора Сан Марко до сих пор есть каменный стол, за которым он сидел и читал. Два величайших армянских историка принадлежат венецианской конгрегации: Михаил Чамчиян (1738—1795 гг.) и Л. Алишан (1820—1901 гг.), последний из которых знаменит своими непревзойденными трудами по истории различных армянских провинций, включая Киликийскую Армению. С 1843 года венецианские мхитаристы выпускают журнал армянских исторических исследований «Пацмавеб» и серию изданий классиков армянской литературы. Отцы Сан Лазаро входят в преподавательский состав Армянской высшей школы города Венеции.

После смерти Мхитара в 1749 году среди венецианских отцов начались раздоры. Часть их откололась и основала в 1773 году собственный отдельный монастырь в Триесте. После вторжения Наполеона в Италию армянские отцы были изгнаны из Триеста и нашли прибежище в Вене, где австрийское правительство предоставило им бывший монастырь капуцинов, расположенный неподалеку от центра города (ныне район 7, Мхитаристенгассе, 4). С момента их поселения в Вене, то есть с 1811 года, австрийские мхитаристы соперничали со своими венецианскими коллегами в учености и патриотическом рвении. Их библиотека и печатный станок (ныне там печатают и другие издания, на коммер-

ческой основе) по праву знамениты, а венский журнал по вопросам армянской филологии Хандес Амсория («Handes Amsoya») выходит регулярно с 1887 года. Отец Нерсес Акинян из Вены приобрел всемирную известность как крупный специалист по древнеармянской истории и литературе. Нынешний глава Венской конгрегации, его святейшество архиепископ Месроп Хабозян — выдающийся знаток древнеармянских монет и активный пропагандист изучения армянской культуры во всем мире. Автор настоящей книги лично многим ему обязан.

Другим значительным центром армянского просвещения является Лазаревский институт в Москве. Основанный в 1815 году армянской семьей из Персии, Лазаревский институт стал ведущим русским центром изучения Востока. Первоначальное здание еще сохранилось, теперь это Институт стран Азии и Африки Академии наук.

По мере приближения к современности история армянской литературы и интеллектуальной жизни становится все более динамичной и многосторонней. Целое созвездие талантливых писателей в Константинополе, Тбилиси, а также Русской и Турецкой Армении способствовало возрождению армянского самосознания, ставшего отличительной чертой конца XIX века.

Отцом современной армянской интеллигенции был Хачатур Абовян (1805—1848 гг.), учившийся в Дерпте (ныне Тарту). По окончании учебы он стал смотрителем уездного училища в Тифлисе, а затем в Ереване. Абовян является автором патриотического романа «Раны Армении», басен, стихов и рассказов. Кроме того, он никогда не уставал подчеркивать необходимость просвещения народа и возрождения гордости славным прошлым Армении. Это патриотическое рвение привело к тому, что он был уволен с должности царским Министерством народного просвещения. Он умер при загадочных обстоятельствах, возможно, в результате убийства или самоубийства: он ушел из дома и пропал. Его труды продолжил Михаил Налбандян (1830—1866 гг.), знаменитый поэт и романист, один из первых армянских просветителей и социальных реформаторов. При

царе Александре II он был заключен на три года в тюрьму, где заболел туберкулезом, от которого безвременно скончался.

Видным деятелем армянской церкви в те годы был епископ, позднее католикос, Мкртич Хримиан, известный как Хайрик, то есть «отче». Он родился в Ване в 1820 году, стал учителем, а затем посвятил себя церкви и стал настоятелем Варага и епископом Ванским. Он установил в Ване печатный станок и с 1856 года издавал там патриотический журнал «Орел Васпуракана». Он учредил в районе несколько школ. В 1869 году Хримиан был избран патриархом Константинопольским, но занимал этот пост лишь четыре года, а затем подозрительное турецкое правительство потребовало его отставки. В 1889 году красноречивый оратор-патриот был отправлен в почетную ссылку в Иерусалим, но три года спустя его избрали примасом армянской церкви в Эчмиадзине. Католикос Хримиан Хайрик скончался в 1907 году, но по сей день его почитают как выдающегося зодчего армянского духовного возрождения.

Заметное место среди армянских деятелей культуры занимает Габриэл Сандукян (1825—1912 гг.), режиссер и драматург, на протяжении многих лет бывший душой и сердцем армянской театральной жизни Тбилиси. Широкой известностью пользовался в XIX веке романист Раффи (псевдоним Акопа Мелик-Акопяна, 1835—1888 гг.), уроженец Салмаса в Иранском Азербайджане. Этот плодовитый писатель прославился своими историческими романами, а также яркими описаниями панорамы жизни армян того времени. Несколько романов Раффи были переведены на русский, французский, английский, немецкий, чешский и грузинский языки. Среди множества поэтов необходимо выделить Ованеса Туманяна (1869—1923 гг.), чей дом-музей ныне является одной из достопримечательностей Еревана. Поэзия Туманяна дала темы для двух знаменитых опер: «Ануш» Армена Тиграняна и «Алмаст» Александра Спендиарова.

Среди многочисленных представителей армянской интеллигенции Константинополя можно выделить две

фигуры, чья жизнь была оборвана в 1915 году чудовищной политикой убийств, проводимой хунтой младотурок. Это Даниэл Варужан и Сиаманто (литературный псевдоним Атома Ярджанияна). Варужан учился в Бельгии в Гентском университете. Там сейчас воздвигнут памятник этому талантливому поэту, погибшему в 31 год. Варужан прославился своими патриотическими поэмами, такими, как «Сердце нации», посвященной вековой борьбе армянского народа, и «Пастух», в которой дед поэта спускается с гор зимой с отарой и рассказывает множество историй о прошлых временах. Другие поэтические шедевры Варужана — это «Языческие песни», «Песня хлеба». Сиаманто был поэтом оригинального стиля, который иногда называют «декадентским». Его стихи полны пессимизма, даже ощущения катастрофы. Такова его «Агония и факел надежды», посвященная аданской резне 1909 года, в которой погибли тысячи армян. Сиаманто воспевал также героическую борьбу армянских повстанцев: Андраника, Албиура, Христофора и им подобных.

Аветик Исаакян, поэт, перекинувший мост между старой и новой Арменией (1875—1957 гг.), родился в Александрополе (Ленинакан, ныне Гюмри). Он учился в Германии, много лет жил во Франции. В Советский Союз он вернулся в 1928 году. В 1945 году Исаакян был награжден орденом Ленина. Будучи близким другом композитора Комитаса, Исаакян может по праву претендовать на роль продолжателя традиций таких любимых народом бардов, как Саят-Нова, армянский трубадур XVIII века, придворный поэт грузинского царя Ираклия II. Исаакян — блестящий эрудит, сочетающий в своих стихах строгую простоту с живой лиричностью. В его жилах течет крестьянская кровь. До конца своей долгой жизни он не забывал о том, как босоногим мальчишкой бегал по жаркой Ширакской степи, смачивая пересохшие от солнца губы водой родников, текущих с горы Арагац. Он помнил, как зимними вечерами слушал мудрых деревенских стариков, пересказывавших народные легенды о праотце Армении, Гайке, о царице Семирамиде и Аре Прекрасном, о Дави-

де Сасунском и его волшебном коне Джалали. Бесконечно преданный родной земле, Исаакян был одним из тех редких армянских поэтов, кто мог слить воедино национальные мечты с надеждами общечеловеческими. Таким путем обрел Исаакян истинную всемирность, достиг философской глубины мыслей, которая выделила его из толпы современников. Лучшим образцом его видения мира стала большая поэма «Абул Ала Маари», в которой поэт принимает образ одного из классиков арабской литературы, чтобы выразить собственное глубокое и проникновенное понимание человеческой судьбы. Впервые опубликованная в 1909 году, эта поэма была переведена на русский язык Валерием Брюсовым, на французский — Жаном Минасяном, на чешский — Владимиром Голаном и Людмилой Моталовой.

С образованием Советской Социалистической Республики Армении в 1920 году открылись огромные возможности для достижения поголовной грамотности, и писатели получили широчайшую аудиторию. Один из пионеров советской армянской литературы особенно дорог нынешнему читателю: это поэт Егише Чаренц (1897—1938 гг.). Пройдя обычную для символистов стадию «ускользающих чувств» и «зыбких грез» в мире, «погруженном в тусклый сон», Чаренц радостно приветствовал революцию 1917 года и вступил в новую фазу поэтического созидания, пропаганды новой советской родины. Он написал несколько стихотворений о Ленине, заслужил прозвище «армянский Маяковский», принимал активное участие в организации Армянской ассоциации пролетарских писателей. Он писал прекрасные стихи, любовные и патриотические. Но все это не помогло ему избежать гибели в пучине сталинско-бериневского террора 1930-х годов, который собрал огромную жатву среди интеллигенции Армении и Грузии. В процентном отношении число писателей Кавказских республик, погибших при этом тотальном уничтожении, было выше, чем в Европейской России.

Однако достаточное количество писателей Армении уцелело, чтобы сохранить и передать дальше литератур-

ное наследие нации. Так что интеллектуальная сцена сегодняшней Армении разнообразна и волнует, как и прежде. Поскольку эта книга посвящена главным образом культуре Армении древних и классических времен, из современных авторов мы отметим лишь живого и оригинального Гарегина Севунца, роман которого «Тегеран» переведен на 20 языков. В 1966 году именно в его обществе мы с женой впервые увидели собственными глазами озеро Севан.

Разумеется, есть несколько широко известных писателей-армян, пишущих на английском и других иностранных языках. Из них, пожалуй, самый оригинальный — это Майкл Арлен (литературный псевдоним Дикрана Куюмджяна), скончавшийся в 1956 году. Его лучшая книга — роман «Зеленая шляпа». Он был опубликован в 1924 году и не переиздавался до 1968 года, когда был воспринят с большим интересом, как сатирическое отражение скандальной жизни богемы 1920-х годов. В истории действительно присутствует зеленая шляпа, которую носит бойкая дамочка по имени Айрис Сторм. Она одевается «по-спортивному», садится в свою желтую «испано-сюизу» и в конце концов, когда ее жизнь рухнула, совершает на ней самоубийство, врезаясь в дерево. При первом появлении книгу эту сочли скандальной. Литературный критик Алан Прайс-Джонс вспоминает, как юношей он презентовал ее своему отцу, отдыхавшему на морском курорте в Йоркшире.

«Жестом Персея, убивающего дракона, отец швырнул ее в горящий камин (необходимое удобство в йоркширском августе у моря) и придержал ее в пламени кочергой. Жест был великолепным, но малодейственным. Через минуту или две он сменил кочергу на каминные щипцы. Края переплета слегка обуглились. Больше об этом мы не говорили».

По слухам, Сталин приписывал самоубийство своей второй жены растлевающему влиянию романа «Зеленая шляпа». Сегодня эта книга вряд ли кого-то встревожит. Фривольная, нервная, но какая же ностальгическая...

Читать ее забавно, и там уйма подробностей для историков-социологов, занимающихся той эпохой...

А вот другой эмигрант-армянин, писатель, который никого не испугает и не растлит. Это Уильям Сароян. Он родился в 1908 году, а умер в 1981-м. Его любит широкий круг читателей, он много заработал на своих пьесах и рассказах. У него оптимистический взгляд на человеческую природу, и пишет он полузабавно, полусентиментально, что нравится большинству американских читателей. А большая это литература или нет, решит потомство.

За время существования Советской Армении в ней произошел феноменальный скачок в достижении всеобщего образования и просвещения. Сегодня в ней работают разнообразные школы, в которых учителей больше, чем было до революции учеников. Всеобщее обязательное десятиклассное образование стало нормой. Особое внимание уделяется воспитанию квалифицированных специалистов. В Республике Армении действуют 12 высших учебных заведений и 45 специализированных средних школ, в которых обучается 70 тысяч студентов. В Армении на каждые сто человек приходится 177 учащихся. В одном только Ереване теперь вдвое больше студентов, чем было в нем населения в 1914 году.

Многие профессора и преподаватели Ереванского государственного университета известны далеко за пределами страны. Из 480 членов преподавательского состава факультета 10 академиков, 25 докторов наук, 250 кандидатов наук. В университете работали такие выдающиеся ученые, как профессор Х.А. Манандян, непревзойденный знаток древней истории Армении, и Манук Абегян, революционизировавший изучение армянского литературоведения.

Армянская академия наук, созданная в тяжелые годы Второй мировой войны, стала ведущим центром научных исследований. К ней примыкает около 30 вспомогательных институтов. На протяжении многих лет президентом академии был видный астрофизик, Виктор Амбарцумян. Его космогонические открытия по праву

обеспечили ему место в ряду выдающихся астрономов. Молодую Бюраканскую астрофизическую обсерваторию он вывел в число ведущих научных центров мирового значения.

Институт физики в Ереване обладает уникальным электронным ускорителем элементарных частиц. Армянские физики могут похвалиться значительными успехами, особенно в области изучения космических лучей и физики высоких энергий. Армянские геологи провели большую работу по поиску и разработке новых месторождений металлов и минералов на территории республики, и это внесло существенный вклад в экономику Армении. Работники Института тонкой органической химии синтезировали целый ряд веществ для медицины, в том числе препараты ганглерон, кватерон и дитилин.

Армяне-ученые успешно работали и за пределами Республики Армении. Например, Сергей Мергелян, математик, ставший доктором наук в двадцать лет, был шестью годами позже избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Сын Степана Шаумяна, одного из 26 бакинских комиссаров и друга Ленина, был главным редактором Большой Советской Энциклопедии.

Двое братьев Орбели, Леон Абгарович, родившийся в 1882 году, и Иосиф Абгарович, родившийся в 1887 году, также прославились в науке. Леон стал одним из ведущих советских физиологов, генерал-полковником медицинской службы, директором Института физиологии имени И.П. Павлова. Он был трижды награжден орденом Ленина, стал академиком АН СССР. Его брат Иосиф, также член Академии наук СССР, был директором Эрмитажа, в 1943—1947 годах президентом Армянской академии наук и одним из виднейших знатоков искусства Востока. Такие замечательные карьеры редки, но во многих ведущих центрах Советского Союза и других стран работают армянские ученые, сочетающие талант с упорством и трудолюбием, которые позволили этой нации пережить многие бедствия и сохраниться до наших дней.

Глава 12

СМЕРТЬ И ВОСКРЕШЕНИЕ

Годы от 1895-го до 1920-го — целая четверть века — были самыми трагическими в долгой и непростой истории армянского народа. Вздурораженные примером греков и болгар, турецкие армяне робко заговорили о региональной автономии тех районов Армении, что находились под властью Оттоманов. На Берлинский конгресс 1878 года были направлены делегации от двух патриотических обществ, дашнаков и гунчаков.

Условия жизни в Турецкой Армении при султани Абдул-Гамиде II (1876—1908 гг.) ухудшались на глазах. Армянам, считавшимся гражданами второго сорта, запрещалось носить оружие, и они становились жертвами курдских мародеров и оттоманских сборщиков налогов. Однако в Стамбуле они пользовались значительными привилегиями. Они организовали под покровительством патриарха отдельные «миллеты», то есть национальные сообщества, и наслаждались некоторым коммунальным самоуправлением. Оттоманские государственные службы и банковские системы были во многом укомплектованы армянами и греками. Более высокий культурный уровень и усердие сделали их предметом зависти со стороны неповоротливого крестьянского населения, торговцев и посетителей базаров.

Оттоманское правительство не без основания видело в армянах орудие европейских империалистических держав, жаждавших поделить между собой Оттоманскую империю. После войны 1877—1878 годов, давшей свободу Болгарии, русские присоединили к себе большой

кусок территории бывшей Турецкой Армении, добавленной к Кавказскому наместничеству. Присоединенные таким образом районы включали в себя стратегические крепости Карс и Ардаган, контролировавшие подходы к Эрзуруму и далее, к Анкаре и Средиземноморью. Миссионерские армянские школы позаботились о том, чтобы многие армяне приобрели знания и привязанность к английской и американской культуре, в то время как армянские католики обращали свои надежды на спасение к Риму и Франции. Российские и английские государственные деятели открыто говорили, что пора разрезать этого «европейского больного», а пережившие унижительную капитуляцию и признание экстерриториальности многих иностранных граждан, живших в Турции, оттоманские султаны стали особенно подозрительны и придирчивы в отношении своих армянских подданных, которых с удовольствием и рвением обижали, подвергая всем видам дискриминации и мелочных придирок.

Дела дошли до пика раздражения в 1895 году, когда Абдул-Гамид принялся за осуществление своего варианта «окончательного решения» армянской проблемы. Были сформированы особые вооруженные отряды, названные в честь султана «гамадиями», целью которых было массовое убийство армянского населения в Сасуне, Эрзуруме, Трабзоне, Ване, Харпуге, Стамбуле и Мараше. Армянские революционеры ответили захватом Оттоманского банка в Стамбуле и обращением за помощью к европейским державам. Это стало сигналом к началу общей резни, во время которой погибло около 300 тысяч армян, а другие 80 тысяч бежали в другие страны. Большинство западных стран сурово клеймили это чудовищное преступление, причем яростнее всех выступал британский государственный деятель Гладстон. Однако германский кайзер Вильгельм II, памятуя о проекте железной дороги Берлин—Багдад, нанес государственный визит в Стамбул и публично обнял льстивого командира «верных».

Чтобы не показаться пристрастным, следует сказать о том, что судьба армян в Русском Закавказье была не

многим завиднее их положения в Турецкой Армении. В 1903 году русское правительство конфисковало большую часть земельной собственности армянской церкви и закрыло все церковные школы и библиотеки. Во время революции 1905 года в Баку, Елизаветполе (Гянже) и других районах Армении произошли зверские массовые убийства армян татарами, часто при поддержке и покровительстве местных русских губернаторов. После этого такие армяне, как Камо (Тер-Петросян), стали активными членами большевистского подполья. В 1912 году в Санкт-Петербурге перед Сенатским судом предстали армянские националисты. 52 человека были приговорены к разным — хоть и не слишком длительным — срокам тюремного заключения и ссылки.

В 1908 году в Турции произошла революция, возглавляемая так называемым Комитетом единения и прогресса, или младотурками. Комитет провозгласил конец деспотического правления Абдул-Гамида II и начало нового курса в отношении национальных меньшинств Османской империи. Армяне усердно поддержали движение младотурок и приняли участие в формировании нового правительства. Однако вскоре произошла зверская резня в Адане, где погибло более 15 тысяч армян.

Внутри младотурецкого движения скоро выделилась правящая верхушка (хунта) во главе с военным министром Энвер-пашой; Талаат-пашой, министром внутренних дел, а позднее главным визирем; и Джемалом, военным губернатором Стамбула и позднее военно-морским министром. Они оказались подвержены сильному германскому влиянию, а также новой расистской доктрине — «пантюркизму». Они мечтали о присоединении всех древних турецких владений в Центральной Азии и создании огромной Туранской империи, от Стамбула до Самарканда и далее. Главным препятствием этому были три миллиона армян, жившие на турецкой территории и представлявшие этнический барьер между Малой Азией и Каспийским морем. На нескольких секретных совещаниях Комитета единения и прогресса, проводившихся начиная с 1910 года и далее в Салониках, было

принято решение о полном истреблении армян как центральной задаче политики младотурок.

С целью последующего уничтожения армянского населения многие губернаторы были смещены со своих постов и заменены на людей, послушных хунте младотурок. В 1914 году Турция вступила в Первую мировую войну на стороне Германии. Почти сразу Турция оказалась зажатой между массированным русским вторжением со стороны Тифлиса (Тбилиси), Карса и Ардагана и злосчастными частями британских войск, высадившимися в Галлиполи в непосредственной близости от Стамбула. Эти события решили судьбу армянского населения Турции. С молчаливого согласия Лимана фон Сандерса, германского генерального инспектора Оттоманской армии, и Ганса фон Вагенхайма, германского посла в Стамбуле, план полного истребления армян был приведен в действие.

Трудно передать весь ужас событий 1915 года, когда оттоманское правительство стало осуществлять этот геноцид. В апреле 1915 года все армянские интеллектуальные и общественные лидеры были арестованы и вывезены на кораблях навстречу страшной судьбе. Среди жертв были священники и поэты, врачи и великий композитор Комитас. К тому времени все здоровые мужчины-армяне по всей стране уже были согнаны в трудовые батальоны. Хотя оружие им выдано не было. Они усердно выполняли нужные турецкой армии работы, строили дороги и железнодорожные пути. Теперь на них были спущены турецкие отряды, которые их, почти до последнего человека, расстреляли либо забили дубинками до смерти.

Еще более трагичной и страшной была судьба армянского гражданского населения. Младенцев насильно отбирали у семей и отправляли в «сиротские приюты», которыми оказались вырытые в земле ямы, куда детей сбрасывали и заживо засыпали камнями. Из женщин и стариков формировали караваны и заставляли их пешком идти за сотни миль в Алеппо и другие концентрационные лагеря на территории Сирии. По пути на них нападали банды разбойников, которым правительство разрешило грабить и убивать депортируемых. Лю-

ням не давали ни еды, ни питья, и скоро они начинали сходить с ума от жажды. В ночное время жандармы-конвоиры развлекались тем, что раздевали донага понравившихся девушек и заставляли выполнять всякие извращенные сексуальные фантазии. Обычно это кончалось тем, что жертвам вспарывали животы и отсекали груди. Трупы швыряли в Евфрат и Тигр, и потом их прибывало к берегу в городах, расположенных ниже по течению рек. Небольшую часть женщин и детей пощадил, чтобы продать в рабство. Некоторых спрятали турецкие семьи. Губернаторы ряда провинций, ставленники Талаат-паши, придумывали новые способы исполнения его приказов. Например, губернатор Трабзона предложил напуганным армянским беженцам завтрак на корабле, обещая затем отвезти их в безопасное место на побережье. Но когда судно заплыло в Черное море подалее, всех пассажиров-армян сбросили в воду, где они утонули под радостные крики команды.

Несмотря на все зверства, тысячам армян удалось спастись, убежав на русскую территорию, хотя впоследствии многие из них умерли во время голода, случившегося после революции 1917 года. Других загнали в дикие пустыни на севере Сирии, в район, называемый Дейр-аль-Зор, где их оставили на смерть от голода и жуткого климата. Из почти трех миллионов армян, живших в Турции до войны, более полутора миллионов было уничтожено физически.

То, что это истребление было тщательно спланировано и намеренно осуществлено по приказу хунты младотурок, отрицать невозможно. После Первой мировой войны в центральной и провинциальных канцеляриях были найдены секретные директивы Талаат-паши. В них давались строжайшие и подробнейшие приказания по физическому истреблению всех армян. Естественно, в официальных документах использовались иносказательные формулировки типа «переселение населения», «передислокация персонала» и тому подобные, в точности как аналогичные распоряжения гитлеровского режима относительно уничтожения евреев.

Вопрос о германском участии в этом преступлении неоднозначен. Несомненно, отдельные германские офицеры и консулы протестовали и пытались спасти какое-то количество жертв, но их усилия сводились на нет Вагенхаймом и Лиманом фон Сандерсом, а также берлинским правительством. Газетные сообщения о массовых убийствах вырезались немецкими цензорами, хотя гуманистарий Лепсиус и видный ориенталист Йозеф Маркварт отказались молчать. По слухам, и генерал Людендорф жаловался, что оттоманская армия больше заинтересована в убийстве безоружных армян, чем вооруженных русских и британских солдат. Но официально германский Генеральный штаб закрыл глаза на происходившие ужасы.

Среди многих иностранцев, ставших свидетелями этих страшных событий, был американский посол Генри Моргентау. Он решительно оставался на посту и делал все возможное для облегчения страданий жертв. Он не скрывал сочувствия к страданиям армянского народа, и оттоманские чиновники даже удивлялись, почему еврея Моргентау заботят проблемы христиан. В одном случае Талаат-паша с непревзойденным цинизмом обратился к Моргентау за страховыми деньгами мертвых армян, застраховавших свою жизнь в американских компаниях. Великий визирь аргументировал это тем, что, коль скоро все семьи этих армян погибли, их деньги по праву принадлежат Оттоманскому государству. Америка играла ведущую роль в облегчении страданий армянских беженцев, многие из которых нашли прибежище в США. Сегодня ряд процветающих армянских общин проживает в Нью-Йорке, Бостоне, Детройте и особенно во Фресно, Калифорния. У большинства из них имеются свои собственные церкви.

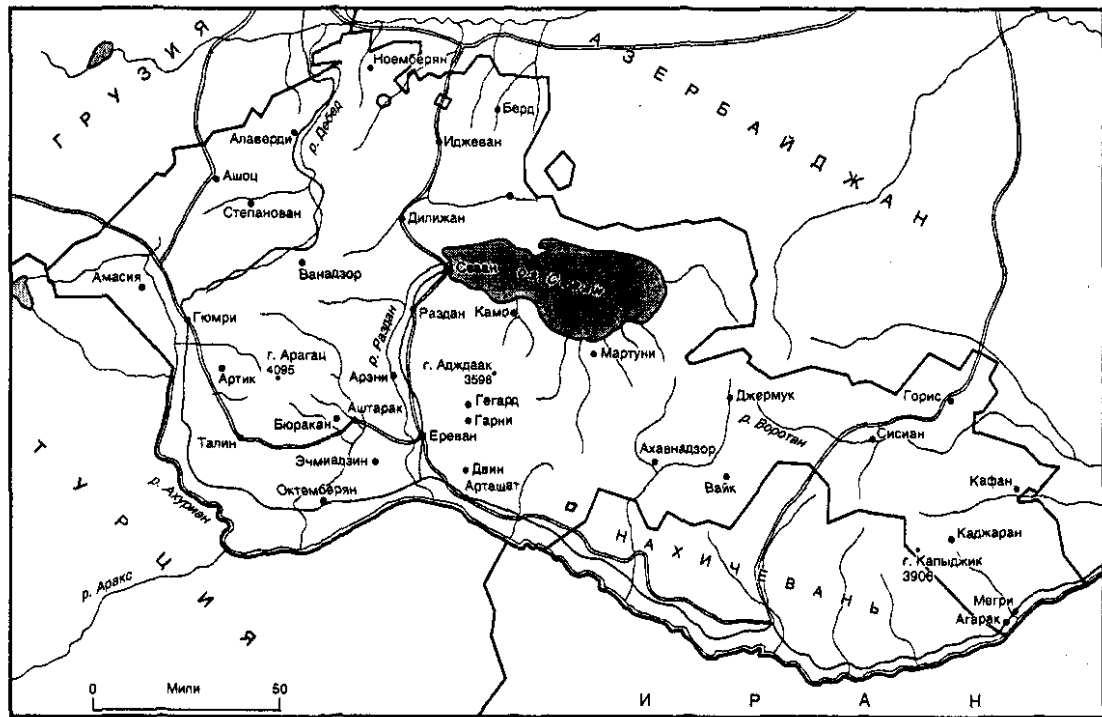
Вслед за крушением царской России в 1917 году армяне смогли организовать свою независимую республику с центром в Ереване. Однако оттоманский режим продолжал свои безжалостные преследования в Баку и Центральной Азии. Поистине верно говорят, что, устанавливая границы нового государства, Турция выделила армянам лишь площадь для массового захоронения.

Независимая Армянская Республика во главе с националистической партией дашнаков в своей международной политике была скорее социал-демократической.

Вхождение в состав Советского Союза предоставляло Армении единственный путь к выходу из экономических и политических трудностей. 29 ноября 1920 года Красная армия при поддержке местных коммунистов и им сочувствующих вошла в Армению и установила в ней советский строй. 30 января 1922 года первый съезд Советов Армении принял Конституцию Армянской ССР и выбрал Центральный исполнительный комитет для руководства республикой между съездами. Был также образован Совет народных комиссаров. Годом позднее Закавказские советские республики — Армения, Грузия и Азербайджан — объединились в Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику, существовавшую до 1936 года. В этом же году каждая из республик вошла в состав Советского Союза.

Разумеется, вхождение в СССР произошло не без оппозиционных настроений. Кампания коллективизации и пятилетние планы, набравшие силу с 1928 года, принесли не только экономический прогресс, но и серьезные тяготы. Ведущую роль в СССР и в армянских делах играл А.И. Микоян, уважаемый государственный деятель. Однако даже Микоян был бессилён помешать эксцессам сталинского террора 1936—1937 годов. Согласно директивам кровожадных руководителей НКВД Г. Ягоды, Н. Ежова и Л. Берии, были ликвидированы основные партийные кадры Армении, а также армянская интеллигенция. Так же обстояло дело в Грузии и Азербайджане.

Несмотря на эти негативные явления, социальная и экономическая жизнь Армении продолжала быстро развиваться, особенно после Второй мировой войны. Дореволюционная Армения была страной аграрной, с почти неразвитой промышленностью. Сельское хозяйство давало 75% ее дохода. Самые важные отрасли промышленности (добыча меди, виноделие и производство коньяка) находились в руках иностранных и русских капиталистов. Впрочем, даже эта слабая промышленность в годы Пер-

Армянская ССР

вой мировой войны, а затем в период революции и голода почти полностью угасла. Лишь к 1928 году объем выпуска промышленных товаров достиг уровня 1913 года и продолжал расти.

Вскоре природная талантливость армянского народа, свойственные ему трудолюбие и смекалка нашли выход в модернизации производства республики. В 1927 году в Ереване был пущен первый в СССР карбидный завод, а в 1940 году введено в строй производство синтетического каучука. После Второй мировой войны почти каждый месяц в республике открывались новые фабрики и исследовательские лаборатории. Гидроэлектростанции обуздали энергию горных рек, были построены новые шоссейные и железные дороги. Машиностроительные предприятия стали производить металлорежущие станки, генераторы, электромоторы, трансформаторы, передвижные электростанции, оборудование для электросварки, электролампы и кабели.

Все, кто посещает Ереван или Гюмри и другие города Армении, не могут не обратить внимание на энергичную деловую атмосферу этих городов, на постоянное появление новых жилых и промышленных зданий. Наряду с традиционными занятиями (выращивание фруктов и винограда) освоены такие современные сложные производства, как изготовление транзисторов, приборов особой точности для электроники и т. п.

Репатриация тысяч армян из-за рубежа привела к нехватке жилья и сельскохозяйственных ресурсов по всей республике. Ожили новые регионы, где часто для создания пахотных земель приходится очищать их от камней вручную. Возникли осложнения и трения из-за того, что несколько традиционно армянских этнических территорий, таких, как Нахичевань и Карабах, остаются под юрисдикцией Азербайджана. То же касается некоторых территорий Южной Грузии, а именно провинций Джавхети и Самцхе.

Как отмечалось в предыдущих главах, развитие науки и техники соответствует культурному прогрессу. В Армении работают две киностудии. Ереванская государствен-

ная консерватория имени Комитаса проводит активную деятельность по созданию музыкальных кадров и развитию музыкальной жизни. Создано много музыкальных коллективов, например струнный квартет имени Комитаса. Многие исполнители концертируют за границей.

Разумеется, официальной идеологией Советской Армении был марксизм-ленинизм. Однако это не затрагивало интересов армянской национальной церкви. Важным фактором, способствовавшим этому, была личность и просвещенный патриотизм Верховного Католикоса всех армян, его святейшества Вазгена I. Примером его необычайной способности вызывать уважение и почитание даже и христиан-неармян может служить его приглашение провести Армянскую литургию в протестантском соборе Женевы в 1966 году. Он был первым со времен Кальвина прелатом-некальвинистом, совершившим здесь богослужение.

Эчмиадзин, расположенный почти что в тени Арарата, продолжает оставаться центром духовной жизни всех армян. Благодаря сильнейшей привязанности, преданности армян земле отцов, Эчмиадзин играет важнейшую объединяющую роль в политической сфере. В Советском Союзе эту роль Святого Эчмиадзина весьма ценили и предоставляли ему, а также иностранным армянским прелатам и делегациям, постоянно его посещавшим, ряд привилегий. В Эчмиадзинской духовной семинарии учатся и живут, готовясь к принятию сана, 40 студентов.

Другими армянскими церковными центрами ныне являются Киликийский католикосат в Антелиасе, пригороде Бейрута, армянские патриархаты в Константинополе и Иерусалиме, французская епархия с центром в Париже, епархия Южной Франции с центром в Марселе, Иранская епархия с центрами в Исфахане, Тегеране и Тебризе, Североамериканская (Восточная) и канадская епархия с центром в Нью-Йорке, Североамериканская (Западная) епархия, включающая Мексику, с центром в Лос-Анджелесе, Южноамериканская епархия с центром в Буэнос-Айресе, Румынская и Болгарская епархия с центром в Бухаресте, Египетская епархия, включающая также Эфи-

опию и Судан, с центром в Каире, Индийская и Дальневосточная епархия с центром в Калькутте, Иракская епархия с центром в Багдаде. Кроме перечисленных есть еще два армянских пасторства в Лондоне, еще одно в Женеве и по одному в Вене и Милане.

Несмотря на вестернизацию (западничество) некоторых областей жизни, в том числе и армянских семейных отношений, национальные традиции продолжают соблюдаться. Более того, расцвет армянской культуры сопровождается усилением внимания к старинным костюмам, танцам, народным обычаям. Свадьбы сопровождаются красочными обрядами. В праздники крестьяне привозят баранов к Святому Эчмиадзину, чтобы там заколоть, принося в жертву церкви, а затем тут же, у церковной ограды, пируют. Люди до сих пор справляют и языческие, и христианские праздники и церемонии, даже после того, как они утратили для них первоначальное религиозное значение. Один из таких обрядов отмечается в начале лета. Юноши и девушки с факелами в руках поют песни, разжигают костры и прыгают через огонь, чтобы «очиститься пламенем».

Опять же в начале августа, когда жара особенно гнетет и поля изнывают без дождя, отмечают «вардавар», или «приношение роз». В этот день все, что можно, обрызгивают водой, и обижаться на это не принято. Затем устраивают игры и состязания. Юноши и мальчики показывают свое искусство верховой езды, силачи в борьбе доказывают свою силу. Певцы всегда привлекают толпы народа импровизациями в форме баллад и забавных песенок-загадок.

В октябре 1968 года армянский народ отмечал 2750-ю годовщину основания Еревана древним урартским царем, построившим цитадель, названную им Эребуни. На этот юбилей со всего света прибыло много тысяч армян. Праздник вылился в стихийную демонстрацию национальной гордости и сплоченности. Все это предвещает прекрасное будущее замечательному народу и его многострадальной родине, истинной колыбели человеческой цивилизации.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

До нашей эры

от 500 000 или ранее	Аббевильская (поздний палеолит) культура в Армении
от 400 000	Ашельская (поздний палеолит) культура
100 000—40 000	Средний палеолит (мустьерская культура)
40 000—12 000	Верхнепалеолитические культуры
12 000—6000	Мезолитические культуры
от 6 000	Армянская неолитическая культура
от 4000	Халколитическая культура (медно-каменный век)
3200—2000	Раннебронзовая культура (куро-аракская)
2600—2400	Хирбет-керакская керамика в Палестине
около 2100	Индоевропейская иммиграция в Армению
2000—1500	Армянский среднебронзовый век
1500—900	Позднебронзовый век
около 1400	Царства Хурритское и Митанское
1400—1300	Расцвет конфедерации Хайаса
1275	Поход Салманасара I Ассирийского в район Вана
1250	Высшая точка лчашенской курганной культуры
1200—1190	Крушение империи хеттов
от 900	Железный век в Армении
около 880—844	Царь Арам Урартский (Ара Прекрасный)
844—820	Сардури I Урартский, основатель Вана
1782	Основание Эребуни (Еревана) царем Аргишти
775	Основание Аргиштихинили (Армавира)
от 730	Скифы и киммерийцы вторгаются в Армению
714	Саргон Ассирийский опустошает Урарту
612	Взятие и разграбление Ниневии

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

590	Падение Урарту
546—331	Установление владычества персов Ахеменидов в Армении
401—400	Ксенофон со своими десятью тысячами пересекает Армению
401—344	Оронт I, основатель династии Оронтидов
331	Александр Великий завоевывает Персию
около 250	Арсамосата основана царем Арсамесом
около 210	Ервандшат основан царем Оронтом IV
190—159	Правление Артакса (Арташеса) I, основателя династии Арташесидов
95—55	Тигран Великий
69—68	Походы Лукулла в Армению
66—65	Помпей на Кавказе
53	Римляне разгромлены при Каррах
34	Артавазд II низложен и убит Антонием и Клеопатрой

Наша эра

35—53	Грузинские князья Митридат и Радамист правят в Армении
53—100	Тиридат I (Трдат), основатель династии Аршакидов
58	Корбулон вторгается в Армению
66	Нерон коронует Тиридата в Риме
113	Траян вторгается в Армению
около 130	Вагаршапат основан царем Валаршем I
226	Падение Парфии
301	Крещение Армении святым Григорием Просветителем
330	Двин основан царем Хосровом Котакком
387	Разделение Армении (Асизизенский мир)
404	Изобретение армянского алфавита св. Месропом
428	Смерть Артакса IV (Арташеса); конец династии Аршакидов
451	Битва при Аварайре
506	Армяно-грузинский монофизитский синод в Двине
552	Начало армянской национальной хронологии
607	Разделение армянской и грузинской церквей
618	В Эчмиадзине построена церковь Рипсиме для католикоса Комитаса
623—633	Император Ираклий в Армении и Персии

- 640—650 Арабы завоевывают и оккупируют Армению
 641—661 Католикос Нерсес III Шинох, строитель Звартноца
 около 650 Научные труды Анании Ширакаци
 711—713 Вардан Филиппик, армянский император Византии
 742 Армянский генерал Артавазд захватывает власть в Константинополе
 813—820 Лев Армянин, император Византии
 830—840 Зарождение тондракитской воинствующей ереси
 862 Создание копии Евангелия Млке
 885 Ашот Великий Багратид коронован «царем царей»
 898—929 Католикосат Иоанна V Историка
 914 Царь Смбат Мученик казнен эмиром Юсуфом
 914—928 Ашот Железный, возродивший Армению
 915—921 Ахтамар построен Манвэлом для царя Гагика Васпураканского
 945 Рождение Григория Нарекского (Григора Нарекаци)
 989 Создание копии Эчмиадзинского Евангелия
 989—1020 Гагик I: золотой век Ани
 980—1000 Расцвет творчества знаменитого зодчего Трдата
 1021 Византийский император Василий покоряет Васпуракан
 1042—1045 Гагик II, последний царь Багратид
 1045 Константин Мономах покоряет Ани
 1048 Тюрки-сельджуки разоряют Арзни, близ Эрзурума
 1064 Ани сдается сельджукам
 1071 Битва при Манцикерте: пленение императора Романа Диогена
 1080 Армянский властитель Рубен утверждает в Киликии
 1097 Крестоносцы прибывают в Армянскую Киликию
 1123 Грузины оккупируют часть Армении
 1173 Смерть католикоса Нерсеса Шнорали
 1186—1219 Царствование Левона I в Киликии
 1198 Смерть Нерсеса Лампронского
 1206 Грузинская царица Тамара захватывает Карс
 1213 Смерть Мхитара Гоша, баснописца и законодателя
 1226—1269 Царствование Гетума I в Киликии
 1260—1270 Искусство Тороса Рослина
 1265 Судопроизводство Антиохии переведено на армянский коннетаблем Смбатом
 1266 Египетские мамелюки разорили Киликию
 1271 Марко Поло в Армении
 1292 Взятие Громкы (Ромклы) египтянами

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 1340—1411 Жизнь и деятельность философа Григора Тетеваци
1363—1364 Последний царь Киликийской Армении
1374—1375 Левон V Лузиньян
1393 Смерть Левона V Лузиньяна в Париже
1416—1496 Выдающийся армянский врач Амирдовлат Амасиаци
1453 Взятие Константинополя оттоманскими тюрками
1512 Первая армянская печатная книга издана в Венеции
1562 В Агре открыта армянская церковь
1605 Армяне Джульфы депортированы в Исфахан
1672 Паскаль Армянин открыл в Париже первое кафе
1676—1749 Мхитар из Себастии, основатель ордена мхитаристов
1712—1795 Саят-Нова, лучший из армянских менестрелей
1774 В Эчмиадзине католикос Симеон устанавливает первый печатный станок
1794—1796 В Мадрасе выходит первый армянский журнал «Аздарар»
1805—1848 Хачатур Абовян, отец армянской интеллигенции
1815 В Москве основан Лазаревский институт
1817—1900 Жизнь и деятельность мариниста Айвазовского
1825—1912 Жизнь и деятельность драматурга Габриэла Сундукяна
1828 Аннексия Восточной Армении Россией
1843 В Венеции основан научный журнал «Пазмавеб»
1869—1957 Жизнь и деятельность поэта Ованесса Туманяна
1875—1957 Жизнь и деятельность поэта Аветика Исаакяна
1880 Родился Мартирос Сарьян
1887 В Вене основан научный журнал «Хандес Амсория»
1895 Массовое убийство армян Абдул-Гамидом
1903 Родился Арам Хачатурян
1904—1948 Жизнь и деятельность художника-абстракциониста Арчила Горки
1915 Уничтожение турецких армян младотурками
1918 Провозглашение независимости Армении
1920 Установление Советской Армении
1922 Первый съезд Советов Армении принимает конституцию
1930 Премьера оперы Спендиарова «Алмаст»
1938 Уничтожен поэт-патриот Егише Чаренц
1938 Основана Армянская академия наук
1955 Избрание Католикоса всех армян Вазгена I
1968 2750-летний юбилей Еревана-Эребуни

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Земля и люди	7
<i>Глава 2.</i> Первые люди в Армении	33
<i>Глава 3.</i> Раннее земледелие, общественная жизнь и ремесла в Армении	53
<i>Глава 4.</i> Урарту — первое армянское государство	90
<i>Глава 5.</i> Образование армянской нации	126
<i>Глава 6.</i> Триумф и упадок — Тигран Великий и после него	151
<i>Глава 7.</i> Армения на заре христианства	183
<i>Глава 8.</i> Армения, Византия и арабы	211
<i>Глава 9.</i> Киликийская Армения и Крестовые походы	242
<i>Глава 10.</i> Христианские архитектура и искусство	260
<i>Глава 11.</i> Литература и просвещение	309
<i>Глава 12.</i> Смерть и воскрешение	335
Хронологическая таблица	346

Лэнг Дэвид
АРМЯНЕ
Народ-созидатель

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.06.2004.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Тэймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Уч.-изд. л. 18,40 + 3 альбома = 21,02.

Доп. тираж 6 000 экз. Заказ № 1675.

ЗАО «Центрополиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ФГУИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109